

О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«ПолиМЕдиа»
2012

ББК 84-4
ОЗЗ

Составитель Г.И. Касабова

ОЗЗ **О времени, о Норильске, о себе... Книга 12 /**
Ред.-сост. Г.И. Касабова. — М.: «*ПолиМЕдиа*»,
2012. — 672 с.: ил.

ISBN 978-5-89180-079-3

ББК 84-4

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без ссылки на правообладателя запрещается*

ISBN 978-5-89180-079-3

© Составление. Касабова Г.И., 2012

© Оформление. ООО «*ПолиМЕдиа*», 2012

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Перед вами 12-й том воспоминаний норильчан, в большинстве своем самых обыкновенных людей, каких в нашей стране миллионы. Их отличает от других граждан только то, что они жили в трудные годы нашей страны в Заполярье. Прежде чем вы прочитаете очередные семейные истории, расскажу об их восприятии сегодня.

Когда редактор «Книжной газеты» С.В. Яценко весной 2011 года пригласил меня присоединиться к его стенду на книжной ярмарке, проходившей на ВВЦ в Москве, я согласилась с большим пессимизмом в душе. Заманчиво, конечно, влиться в огромное книжное море, да только кто сегодня обратит внимание на норильскую тему, на издание в 11 томов? У нас, безусловно, есть свой читатель не из норильчан – историки, аспиранты, иностранцы, студенты, музейные работники. Спасибо за это интернету, ведь у нас нет ни рекламы, ни магазина, где можно увидеть наши книги... Постоянные читатели – покупатели издания «О времени, о Норильске, о себе» – это норильчане, живущие сегодня в разных городах и весях огромной России и за ее рубежами.

Каково же было мое удивление, когда в первый же ярмарочный день кто-то купил все одиннадцать томов нашего издания! К сожалению, это случилось не при мне. А далее за четыре дня моего присутствия у книжных полок я познакомилась с библиотекарями (и даже получила приглашение рассказать о наших книгах в библиотеке), с пред-

ставителями русской школьной библиотечной ассоциации, с москвичкой Мариной Николаевной Черновой, которая купила книгу и просила передать привет Владимиру Ивановичу Долгих, директору Норильского комбината в 1962–1969 годы. Она рассказала, что ее отец, Николай Иванович Чернов, еще до Норильска дружил с Владимиром Ивановичем. Он бывал в их семье и, случалось, нянчился с маленькой Мариной и ее братом. Тесен мир! Не было дня, чтобы не объявились у нашего стенда и норильчане, которые теперь живут в Москве и Подмосковье.

Случалось разговаривать, обмениваться телефонами и с теми, кто никогда в Норильске не был. Один мужчина, развернув карту норильских лагерей, рассказал свою историю.

В его семью пришли с обыском. Отца забрали. Соседка по коммунальной квартире, работавшая (без погон!) в НКВД, душевная и честная женщина, сумела отыскать документ, который спас отца. Ссылаясь на свое ведомство, она отыскивала справку, в которой указывалось, что такой-то человек в Гражданскую войну воевал с белыми (а не с Красной Армией!). «Всю жизнь мы считали нашу соседку спасительницей семьи, – сказал мой неизвестный собеседник. – Я был мал, но каким-то чутьем понял, что расспрашивать об этой истории не надо. И позже боялся заводить разговор на эту тему. А спустя годы очень жалел об этом, ругал себя... А обращаться с вопросами было уже не к кому».

Побеседовали мы и с пожилыми супругами. Всю свою сознательную жизнь они собирали семейную библиотеку. А внуки не пользуются ею, вообще мало читают. Их собеседник сегодня – интернет. Я спросила их: «А вы рассказывали им о своей жизни, о прошлом?». Оказалось, нет. А ведь многое в их воспомин-

нениях могло бы заинтересовать, удивить молодых. По-моему, вряд ли можно обижаться на внуков, что они не расспрашивают старших. Инициатива должна принадлежать не им, а их родителям, дедушкам и бабушкам. На то они и старшие.

Вспоминаю время, когда клуб норильчан в Москве «69 параллель» собирал рассказы старожилов для первого тома издания «О времени, о Норильске, о себе». В числе первых принесла рукопись отца, «Записки горного инженера», Инесса Моисеевна Качурина. Это случилось через 15 лет после его смерти. Он делал записи тайно, от имени выдуманного героя Михаила Львовича Левина, которого наделил своими наблюдениями, переживаниями. Все факты, события, о которых он рассказывал, фамилии участников норильской жизни были реальными.

Инесса Моисеевна была школьницей, когда семья смогла воссоединиться с отцом: после лагеря Моисей Исаакович Евзеров, пораженный в правах, не мог выехать из Норильска, но уже имел право вызвать семью. Инесса Моисеевна закончила первую норильскую школу, много рассказывала о далеких годах внуку, потому и не удивительно, что и он заставил ее написать свои воспоминания. Они опубликованы в четвертом томе нашего издания, а «Записки горного инженера» М.И. Евзерова можно прочитать в первом и втором томах.

Детские впечатления и чувства часто запоминаются на всю жизнь. Норильские примеры – яркое тому доказательство. Я уже писала в 1-м и 10-м томах, как стихийно родился клуб норильчан в Москве. Инициативная группа пригласила всех живущих в столице и Подмосковье в кинотеатр «Иллюзион». Никаких списков, телефонов у нас не было. Просто знакомые, кто знал об этой встрече, просили передать

об этом своим знакомым, те – следующим... Так собрался полный кинозал, вмещавший 300 человек, потом к ним присоединились другие...

Первыми дружно пришли выпускники школы № 1 города Норильска. Оказывается, они не теряли из виду друг друга и когда стали учиться в вузах, и когда стали работать, и когда стали бабушками и дедушками. Потому и собрались так быстро, жалели, что из других городов не приехали их одноклассники. Пятидесятилетие школьной дружбы они отмечали в Москве. Почти в каждом из одиннадцати томов нашего издания вы найдете их рассказы о школьной жизни в Норильске.

Меня часто спрашивают, как удается из разных городов и даже стран собирать воспоминания, фотографии, рисунки, документы, старые газеты? Весь этот бесценный материал посылают мне незнакомые норильчане по такому же сценарию, по какому создавался наш клуб в Москве «69 параллель». Только теперь спусковым крючком к написанию воспоминаний стали сами книги. В каждой есть именной указатель фамилий норильчан, упоминаемых в книге. В него заглядывают все! Многие признавались мне, что окунувшись в прошлое, «проглатывали» книгу за ночь или за день-два и сами вспоминали многое, а думали-то, что забыли уже фамилии, даты, события... И еще один важный мотив к написанию воспоминаний: авторы оставляют свою родословную на бумаге, чтобы не прервалась связь поколений. Обязательно прошу присылать фотографии не только дедов-прадедов, но и внуков-правнуков. Когда рассматриваешь одни только снимки XX и XXI веков, уже ощущаешь историю в бытовых деталях, одежде и даже лицах... А над житейскими рассказами можно размышлять о многом в истории страны.

Один из москвичей, с которым мы разговорились на книжной ярмарке, через несколько месяцев после прочтения одной из наших книг (может быть, это был тот, кто первым купил все одиннадцать томов?) позвонил мне и задал несколько вопросов. Суть их сводилась к его размышлениям о том, как люди смогли вынести физические и моральные ужасы лагеря... Победили бы мы в войне, если бы не зэки и не простые люди нашей страны?

Поскольку разговор у нас получился длинный, я все же спросила имя-отчество собеседника. «Николай Арсентьевич, врач допотопного возраста, 53 года отработал рентгенологом», – так представился он.

Подобные вопросы до сих пор мучают многих. Выросшим в советскую эпоху и сегодня трудно избавиться от пропагандистских стереотипов, а государство и теперь не поощряет честные ответы на острые вопросы нашей истории. А молодых чаще развлекают, отвлекая от серьезных тем. Хотя находят и юные максималисты, которые недоумевают: людей без вины виноватых упекли в лагеря, а они там еще и изобретают, трудятся не щадя себя?! Может, не так уж суровы были лагеря? Приводят пример – шарашки. И не понимают молодые, что их было много меньше, чем лагерей, что однажды советские люди разделили для себя жестокое государство, которое наказало их ни за что ни про что, и родину, где они родились, где дорогое семейное гнездо. Эти люди вопреки государственной тоталитарной системе служили своей стране. В доказательство приведу письмо Зои Федоровны Веревкиной, воспоминания ее брата Владимира Федоровича опубликованы в одиннадцатом томе нашего издания, их окончание читайте в этой книге. История многодетной семьи Веревкиных и трагична, и счастлива одновременно: они выжили, сохранив досто-

инство и уважение людей. Зое Федоровне в августе 2011 года исполнилось 85 лет, она уже не выходит из дома (ноги подвели), но, как она сама о себе написала, «себя обслуживаю и интерес к жизни, прошлому и настоящему, даже к будущему – не угас». И хотя бывает, что память подводит на имена, понятия, она сопротивляется этому: «Пытаюсь затормозить этот процесс разгадыванием кроссвордов, а еще – заучиванием стихов». Вот что она написала под впечатлением прочитанного тома «О времени, о Норильске, о себе...».

«Что помогало сопротивляться жизненным невзгодам? Это внутренний нравственный стержень, заложенный родителями. Причем специально в этом духе они нас не воспитывали, просто они сами были такими: целиком отдавались работе, мама – в школе, отец служил в армии. Чего не было в их жизни, так это физической закалки (норильские лагеря не в счет, это было физическое выживание). Они оставались преданы друг другу, советскому идеалу. На словах-то было все прекрасно! Родители были просто порядочными людьми, честными. Нас, пятерых детей, объединяла жизненная позиция: все много и добросовестно трудились, никто не курил, не пил, у нас не было разводов. Все имеют высшее образование, все отдали сполна свой долг Родине.

Лично я пыталась сопротивляться системе открыто и не раз: когда не приняли в партию (1948 г.), когда лишили права преподавать в офицерской школе (1952 г.) и т.д. Как искала правду – отдельная тема, но отстаивала моральные принципы всегда. В «новые» времена ходила на митинги в поддержку оппозиции, активно участвовала в работе «Мемориала», добилась выдачи мне справки о причине смерти тестя. Наконец в ней написали правду: причина смерти – расстрел в 1937 году. Оказалось, всего через два месяца после

ареста! А первоначально сообщали сплошное вранье: причина смерти – заворот кишок в 1945 году».

Зое Федоровне все же пришлось однажды пойти на компромисс с властью: в зрелом возрасте вступила в партию, как она в письме объяснила, «не по убеждению, а по необходимости. Я хотела работать, а мне в райкоме сказали: «История – дисциплина партийная, хотите работать в школе, вступайте в партию». А к ней уже тогда у меня было критическое отношение. Вступила. Моя двоюродная сестра (она много лет жила в Норильске) сказала тогда, что я предала своих родителей. Мои братья (кроме младшего) были более терпимы к моему решению. При первой же возможности я вышла из партийных рядов... Сейчас в бессонные ночи перебираю по годам свое прошлое и думаю, что был момент в моей жизни, за который мне стыдно. Но никогда это не отразилось на моей жизненной позиции». Зоя Федоровна закончила письмо словами: «Надо дожить до 90 лет. Жить так интересно!».

К глубочайшему сожалению, этому не суждено было случиться: Зоя Федоровна уже не прочитает этих строк. Она скончалась в феврале 2012 года от того же тяжелого недуга, который оборвал жизнь и ее отца. И так же от нее, как и от него, родные скрывали горькую правду о ее болезни.

Удивительно, но не так уж мало среди тех, кто прошел норильские лагеря или кто много лет трудился в Заполярье в самые трудные годы, – настоящих долгожителей. Прожив 106 лет, в 2011 году скончалась крестная мать Норильска Зоя Ивановна Туманишвили. Так ее назвал А.Л. Львов, историограф, благодаря которому об этой удивительной женщине узнали норильчане. Зоя Ивановна, первый председатель поселкового Совета, не могла стерпеть «принижение Советской власти», у которой ни штатов, ни полномочий, ни финансов. В свой отпуск она отправилась

в Москву пробивать Норильску статус города. Подробности о этом и о жизни З.И. Туманишвили можно прочитать в четвертом и пятом томах нашего издания. Зоя Ивановна успешно преодолела в Москве все высокие инстанции, осечка вышла на финише – в кабинете Л.З. Мехлиса. Ошарашенная гневным окриком министра государственного контроля, она упала в обморок, очнувшись на кожаном диване. Ее отчаянно смелый поступок не был забыт: после смерти Сталина довольно скоро Норильск стал самым северным городом в стране.

Дочь Зои Ивановны Магдалина Константиновна Туманишвили унаследовала деятельное неравнодушие и бескорыстие своей мамы: она не только не теряет связи с одноклассниками, живущими на Урале, в Украине, на Дальнем Востоке, но и активно помогает выпуску нашего издания. Впрочем, с благодарностью могу назвать и других выпускников первой норильской школы: Аллу Михайловну Лукину, семью Веревкиных, Альбину Александровну Брилеву... Впрочем, о людях, активно поддерживающих это издание, – В.И. Полищук, В.П. Механике, Ю.Д. Губермане, В.А. Чанчикове и многих других – надо писать особо, и я обязательно сделаю это.

Долгожители заслуживают отдельного разговора. Однажды на встрече с норильчанами Георгий Степанович Жженов не без иронии так объяснил этот феномен: «На Севере мясо не портится!». Он сам прожил 91 год без каких-то трех месяцев, из них 17 лет выпали на лагеря: Воркута, Норильск. В сентябре 2011 года исполнилось 90 лет Сергею Львовичу Щеглову, журналисту, литературному критику, писателю. Как он выжил в норильских лагерях, он рассказал в своей книге «Сталинская премия», которую посвятил расстрелянному в 1937 году отцу и сгинувшей в лагерях матери. В нашем издании он опубликовал личные

впечатления об известнейших астрономе Н.А. Козыреве и поэте Д.Н. Кугультинове, об истории создания литобъединения при газете «Заполярная правда» (где еще об этом прочтешь?), свою переписку с одним из первооткрывателей норильского месторождения Н.Н. Урванцевым. В этом томе опубликовано начало рассказа С.Л. Щеглова о легендарном ученом, тоже норильском сидельце, Н.М. Федоровском. С ним, его семьей он общался много лет.

В архиве Сергея Львовича немало материалов о норильчанах. Обо всех, с кем был знаком, С.Л. Щеглов хочет оставить память. Хотя, если честно, норильский историограф Щеглов свой долг летописца выполнил сполна – издал шестнадцать книг, последняя вышла в 2011 году.

В свои годы, теперь уже за девяносто, Сергей Львович продолжает работать. Попробуйте позвонить ему днем – не застанете! Много лет он возглавляет в Туле отделение «Мемориала», тут кстати будет заметить: на общественных началах. Занимается реабилитацией репрессированных граждан, а это долгая, хлопотная работа с документами, требующая уточнений, запросов и знания законов. Случается, Сергей Львович, чтобы ускорить долгожданное для людей известие, берет работу домой.

С.Л. Щеглов часто выступает с лекциями перед самой разной аудиторией. Благодаря ему наше издание обрело новых друзей. Это студенты Свято-Филаретовского православно-христианского института. Верующие братства во имя новомучеников и российских исповедников совершают паломничества к местам захоронений жертв сталинских репрессий. Однажды они побывали в Туле, послушали Сергея Львовича Щеглова, увидели у него наши книги, заинтересовались ими. Вернувшись в Москву, Ирина Анатольевна Зеленская созвонилась со мной, мы

не раз встретились с нею, со студентами. Потом подготовили вечер для массовой аудитории. Студенты сделали фильм по нашим книгам и сопровождали его пронзительной скорбной музыкой. Мы не заметили, как пролетело больше трех часов... Благодарная аудитория долго расспрашивала норийчан, задавала умные вопросы...

Следующая встреча прошла в стенах Свято-Филаретовского православно-христианского института и была посвящена восстанию заключенных норийских лагерей после смерти Сталина. Участники поставили вопрос: можно ли восставших считать новомучениками? Мне, советскому человеку, сразу вспомнились церковные аксиомы: всякая власть – от бога, непротивление злу – насилием... Позже почитала книги, которые порекомендовала Ирина Анатольевна Зеленская и которые купила в институтском книжном магазине: убедительно написано!

«Святой XX века – это живой человек, которого власти не удалось расчеловечить, и она его насмерть замучила. Безбожная власть хочет развоплотить этот мир, а страдалец выражает предельную воплощенность – терзаемую плоть, поэтому святой и человек в данном понимании – одно» (статья А. Шмаиной-Великановой «О новых мучениках» в книге «Наше положение. Образ настоящего», с. 224). Убедительной показалась мне и мысль В. Биbihина: «Со злом силой рук не справиться. В этом взгляде тоже есть мужество, но для особого сражения...» (статья «Власть России», с. 74 в том же сборнике статей).

Тема жертв сталинского режима и сопротивления тоталитарному государству требует серьезного разговора. Я же просто пунктирно обрисовала интерес преподавателей и студентов к истории прошлого с точки зрения богословия, философии и нравственности. Жизнь дала множество примеров победы силы

духа над физической силой. Дух сдается последним. Вспоминаю слова Магдалины Константиновны Туманишвили о своей легендарной маме: «Ее дух не давал уйти телу...». Почти такие же слова в 2009 году сказала мне Любовь Иннокентьевна Кашкарова по телефону из города Змеиногорск Алтайского края – здесь на 93-м году скончался Сергей Дмитриевич Соловьев, норильский сиделец, автор программы и устава Демократической партии России (опубликованы в восьмом томе нашего издания, о нем подробно – в десятом томе).

У иных нет такого трудового стажа, какой у Соловьева был лагерный – 26 лет. Всю свою жизнь он сопротивлялся злу и несправедливости, много претерпел на своем веку, а подытожил ее Сергей Дмитриевич Соловьев так: «Красивая жизнь прошла. Опасная. Веселая. Интересная. Насмотрелся народов, и стран, и обычаев».

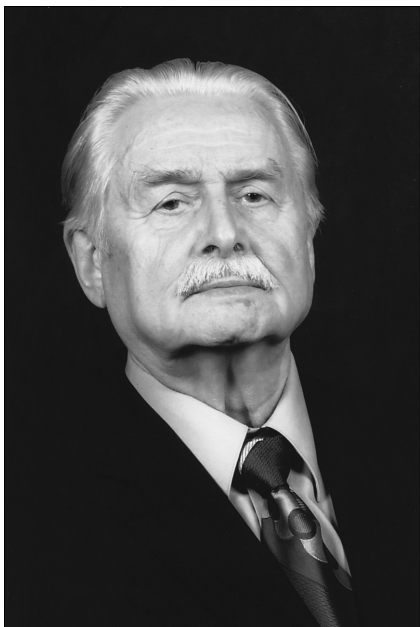
История С.Д. Соловьева подтверждает правоту и библейских истин, и общечеловеческих ценностей. Когда сильно избитого Сергея Дмитриевича после карцера бросили в общую камеру умирать, к нему подошел Михаил. Он сидел за то, что не отрекся от своей веры. И стал выхаживать товарища по неволе, поставил его на ноги. Когда закончился срок заключения, он сказал Сергею Дмитриевичу: «Мы тебя не оставим». И десять лет Анастасия Павловна Шеруденко и ее дочь Любаша посылали незнакомому узнику деньги, посылки, письма. И пригласили жить в Змеиногорск. Они одной семьей прожили в душевном согласии 28 лет, к которым можно смело прибавить и те десять лет, когда их связной была почта. С точки зрения государства, они Соловьеву чужие, а по человеческим понятиям – родственные души, близкие люди.

Замечено, если в биографии человека заполярный город занимал особое место, он никогда потом не

теряет его из виду. Интересует все, что пишут о нем газеты, как сегодня там живут люди, следят даже за погодой. О соотечественниках не говорю: они созваниваются, собирают газетные публикации. Иногда присылают мне. Например, из Петербурга Б.В. Козловский прислал большую подборку газетных публикаций о своем кумире Георгии Степановиче Жженове, которые он собирал много лет.

«Зарубежные» норильчане тоже активны. Выучивший русский язык в норильских лагерях венгр доктор Ирани прислал журнал «Гео» на немецком языке с живописными пейзажами Таймыра и на русском – рассказ в пожелтевшем от времени журнале об источниках Гриндельвальда в Швейцарии, где он живет. Был рад, что нашел дома хоть что-то на русском языке, который стал забывать. Арно-Тоомас Пихлак из Эстонии озаботился проблемой сланцевого газа в Норильске.

Для начала расскажу о самом А. Пихлаке (его воспоминания опубликованы в шестом томе «О времени, о Норильске, о себе...») и о том, чем он занимается сейчас. Родился в 1926 году. Продолжает работать в Национальном институте химии и биологической физики. На его счету 210 научных публикаций, он – инициатор ново-

Арно-Тоомас Пихлак

го глобального проекта ЮНЕСКО «Кислород и окружающая среда». Как-то молодой сотрудник института поинтересовался у Арно Артуровича (назовем его по-нашему), какой у него трудовой стаж. Он ответил: «69 лет». После удивленного возгласа пошутил: «Дурная привычка – работать!».

Она родилась, когда с матерью его сначала выселили из Таллинна в Кировскую область, когда позже арестовали по 58 статье – десять лет отправили отбывать в норильских лагерях. Как специалист, он занимался исследованиями по изучению проявлений самовозгорания сульфидных руд на руднике «Октябрьский» и в Горно-металлургическом опытно-исследовательском центре (ГМОИЦ).

От него я узнала, что СССР начал разрабатывать технологию добычи сланцевого газа раньше других, а сегодня в России с этой проблемой полный провал. На планете известно более шестисот месторождений горючего сланца, но наибольшие его ресурсы расположены в США, России, Бразилии и Китае. Пихлак сегодня наблюдает только один плюс: наконец-то об этой насущной, но нерешенной проблеме стали бить тревогу российские газеты.

Например, «Новая газета» рассказала о версии компании Shell, согласно которой наряду со сланцевым газом в США в ближайшие годы произойдет серьезное удешевление технологии добычи сланцевой нефти и потому у США может отпасть необходимость закупать ее у России. Многие специалисты считают, что для нее это сценарий катастрофы (НГ, № 96 за 31.08. 2011).

Еще в те годы, когда талханские месторождения стали вторым взлетом Норильского промрайона, один из его первооткрывателей Василий Нестеровский говорил Пихлаку о сланцах, но тогда всерьез никто не воспринимал пользу этого ископаемого. «Он тогда за-

метил мне, что в Эстонии есть сланцевые месторождения, вернетесь – будет вам работа. И действительно, с конца семидесятых годов XX века я занимаюсь ими, с соавтором владею патентом об извлечении рения из сланцев», – сказал мне по телефону Арно Артурович. Возможно, при добыче из рудных слоев сланцев в Норильске потребуется меньше затрат с учетом того, что здесь уже есть и промышленная структура, и исследовательский центр. И тогда промышленное развитие Крайнего Севера, богатого на полезные ископаемые, еще не разработанные, потребует много дешевой энергии. А ее можно получить, сжигая сланцевый газ Таймыра. И кто знает, может тогда случится его третье рождение?! Так хочется надеяться на такое чудо!

Норильская история дает много примеров настоящих чудес, которые творили своими руками первостроители заполярного города. Прочитайте в этом томе о первом историографе Норильска Трофиме Яковлевиче Гармаше и его первую историческую справку, опубликованную в 1968 году тиражом всего 500 экземпляров, и вы убедитесь в огромных человеческих талантах и возможностях прежде всего самого автора Т.Я. Гармаша. Первая история Норильска зафиксирована им и перепечатана в этом томе впервые.

Очень скоро официальным летописцем комбината и города стал Анатолий Львович Львов. Для этой работы он оставил журналистские должности в газете и на местном телевидении. А.Л. Львову мы посвятим следующий том нашего издания, в котором будет опубликована его переписка с Т.Я. Гармашом. Об Анатолии Львовиче расскажут норильчане и его собственные газетные публикации разных лет. В память об ушедшем от нас в 2010 году А.Л. Львове мы решили выпустить в этой книге главу «Снежгород-3, сочинения норильских школьников». Две предыдущие редактировал он. Первая книга вышла в 1968 году,

вторая в 2000-м. Эту писали уже дети авторов первой книги. А теперь мы просим написать о Норильске, об истории своей семьи и города сегодняшних школьников. «Снежгород-3» мы посвящаем памяти Анатолия Львовича Львова.

Тем, кто не по своей воле попал в суровый во всех смыслах Норильск (таких большинство!), конечно, не повезло. Повезло поселку, после смерти Сталина ставшему городом. Такие талантливые врачи, как А.А. Баев, В.Е. Родионов, В.А. Кузнецов, С.В. Знаменский и многие другие, о которых мы уже рассказали, спасли жизни тысячам тысяч заключенных и вольнонаемных. В этом томе Алексей Александрович Баев, сын генетика мировой известности, написал об отце и времени сталинских репрессий языком документов, которые добыл с трудом благодаря своей настойчивости. Скупые и казенные строки допросов, справок производят сильное эмоциональное впечатление своим иезуитством и отсутствием здравого смысла.

О своих родителях и о себе рассказали и Д.С. Зубцова, и В.О. Рассадин. Это их благодарность тем, кто подарил им жизнь, это их семейная эстафета своим детям и внукам. На примере старших поколений они будут постигать трудную науку оставаться Человеком с большой буквы в любые времена.

В этой книге мы продолжаем тему «Малоизвестное об Н. Урванцеве и А. Сотникове», начатую в десятом томе. Она заинтересовала многих, и потому получила продолжение.

Напоминаю, что следующий том выйдет без порядкового номера и будет называться «Анатолий Львов. О времени, о Норильске, о себе». Над очередным, 14-м, после него томом работа будет идти параллельно. Несколько норильчан уже известили меня о том, что работают над своими воспоминаниями в эту книгу. Для желающих пообщаться или купить наши

книги сообщая свой телефон: (495) 474-23-59. Каждый, кто купил наши книги, – это наш спонсор. Каждый, кто прочитал их, – наш потенциальный автор.

*Галина Касабова,
Генеральный директор Некоммерческого
издательского фонда «Норильский»*

* * *

P. S. Случалось ли вам, разбирая старые фотографии, сетовать на то, что вовремя на обороте не написали, какой был год, кто на групповом снимке – многие уже забыты...

Неудивительно, что на текстовках нашей книги нередко можно прочитать: «...память не сохранила фамилию этого человека», или вместо слов стоит знак вопроса. Случаются и ошибки, которые мы исправляем с помощью читателей, о чем извещаем в конце книги в «Уточнениях». Сегодня мы помещаем фотографии из семейного архива Надежды Константиновны Полищук. Полный список фамилий мы даем специально для выпускников 1951 года. На этой фотографии можно лучше разглядеть лица ребят, учителей. Съемка производилась в один день – 23 июня 1951 года в школе № 1 города Норильска на выпускном вечере.

Слева направо, 1-й ряд: Александра Яковлевна Илюшина, Харитина Яковлевна Вережкина, Вера Петровна Бахтина, Наталья Ивановна Царева, Борис Данилович Сухомлинов (директор), Ольга Яковлевна Шадрина, Евдокия Ивановна Мухина, Доня Александровна Волох.

2-й ряд: Д. Коркунова, Л. Луценко, Петрушевская, Н. Волочкова, Т. Холина, С. Нови, Л. Дзюба, А. Левина, Т. Юрьева, Н. Величко, Л. Шендерович, Н. Кривобокова, Н. Томашевич, В. Пестрякова, Р. Анциферова, Н. Горбань.

3-й ряд: Б. Жаренов, Л. Стариков, С. Дучман, Ликверман, А. Ершович, В. Беднов, В. Мылко.

4-й ряд: В. Пословин, В. Федоров, В. Васильев, Р. Мейер, Д. Цукрман, А. Комаров.

Этот снимок запечатлел больше ребят, чем предыдущий. Казалось бы, что с того, что наша книга напомнила кому-то фамилию из далеких школьных лет? Поначалу и я задавала себе такой вопрос... Но пообщавшись с выпускниками первой норильской школы, я поняла, что знакомые фамилии подстегивают память к воспоминаниям, как бы освежают прошлое, да просто заставляют молодеть душу... Недаром все-таки встречи норильчан в Москве называли эликсиром здоровья...

Г. К.

*Памятник Сталину в Норильске на стадионе
(сейчас на этом месте цех механического завода)*

*Штрафной изолятор Каларгон — самое страшное место Норильлага.
Сегодня на норильской земле его следы начисто уничтожены*

**ТРОФИМ
ГАРМАШ**

**НОРИЛЬСКАЯ
И С Т О Р И Я**

«... о Таймыре, Норильске и комбинате написано много и в то же время очень мало. И очевидно, что нужна книжка, в которой собран справочный материал о Таймыре, Норильске и комбинате. «Историко-географическая и социологическая справка», которую мы предлагаем Вашему вниманию, является, насколько нам известно, первой попыткой в этом направлении...»

Замечания, поправки, дополнения и пожелания просим направлять по адресу: Дом техники, составителю Т.Я. Тармашу».

Из послесловия
к «Справке», Норильск, 1973 год

НОРИЛЬСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ
КОМБИНАТ ИМЕНИ А. П. ЗАВЕНЯГИНА
ОТДЕЛ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА
НОРИЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

**ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА
О ТАЙМЫРЕ, НОРИЛЬСКЕ И КОМБИНАТЕ**

(Пособие для лекторов, пропагандистов,
экскурсоводов)

Норильск
1973

*«Историко-географическая
и социологическая справка о
Таймыре, Норильске и ком-
бинате».*

Первая книга первого архивариуса Норильска П.Я. Тармаша с 1973 года больше не переиздавалась. Спустя без малого 40 лет мы знакомим с ней читателя.

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Т. ГАРМАША

Первым историографом Норильска по праву считается Трофим Яковлевич Гармаш. Не по приказу, не за зарплату (он был художником-оформителем на обогатительной фабрике), не за награды он долгие годы собирал документы, газетные заметки, от руки фиксировал факты норильской жизни, работы, отдыха. Однажды, собрав кое-что из этого богатства в два больших чемодана, он пришел в научно-техническую библиотеку комбината за помощью: Трофим Яковлевич понял, что дальше ему одному не справиться с собранными материалами.

«Он так удивил нас своим энтузиазмом и количеством собранных документов, газет, справок, исписанных тетрадок... — рассказала директор научно-технической библиотеки Тамара Николаевна Захарова*. — Нас потрясло, что несведущий человек, не имевший специального образования, занялся важным и ответственным делом с таким увлечением и серьезностью. Мы тут же кинулись разбирать сокровища Гармаша, которым искренне восхитились. Вытащили каталожные карточки, учили их заполнять, давали советы, как и что делать с материалами... Так незаметно для нас пролетело несколько дней, и я спохватилась: наша-то работа стоит, пожалуй, надо действовать по-другому. Я рассказала об удивительном собирателе истории Норильска начальнику отдела технической информации комбината Эдуарду Анатольевичу Мильману. Он-то и создал группу специалистов, которые стали разбирать собранные Т.Я. Гармашом материалы в Доме техники, расположенном на улице

* Подробно об истории НТБ комбината Т.Н. Захарова рассказала в книге первой издания «О времени, о Норильске, о себе...». (Примеч. ред.)

Комсомольской, 12. Тогда его директором была Нина Константиновна Неклюдова, которая теперь живет в городе Боброве Воронежской области».

Многие норильчане поражались благородству, простоте и скромности Трофима Яковлевича Гармаша. Вот что рассказала Лилия Алексеевна Романова, приехавшая в Норильск в 1966 году:

«Я, как молодой специалист и любопытный человек, прожив в Норильске год, заинтересовалась Авраамием Павловичем Завенягиным. Есть в городе улица, площадь его имени, а что он за человек? Поспрашивала у людей, но кроме того, что он был директором Норильского комбината, да нескольких эпитетов к его должности, так ничего и не узнала. Наконец кто-то мне посоветовал обратиться к Трофиму Яковлевичу Гармашу и дал его телефон.

Не без робости позвонила ему, объяснила, в чем мой интерес. Он сказал: «Буду рад помочь, приходите». Так я оказалась в его доме, вернее, в одной его комнате, которая не имела домашнего вида, скорее напоминала помещение архива. В ней не было мебели, кроме стола и стульев. Кругом по стенам стояли стеллажи. Куда ни глянешь — везде заставленные полки, видно было, что материалы на них расставлены по годам.

Трофим Яковлевич оказался человеком небольшого роста, седоватым, в очках. Запомнился его внимательный взгляд, я бы сказала, что он был какой-то сострадательный. Мне он показался нешумным человеком, но очень увлекающимся, если чувствовал интерес собеседника. Я узнала об Авраамии Павловиче Завенягине то, что теперь известно по многим книгам о нем. Поразило, как Гармаш доверчиво вручил мне свою рукопись в единственном экземпляре, которая очень помогла мне, когда я писала лекцию о первом директоре комбината (тогда так официально считалось, мы ничего не знали о двух предыдущих репрессированных руководителях Норильского комбината М.А. Зингере и В.З. Матвееве*).

* Об этом подробно можно прочитать в книге пятой издания «О времени, о Норильске, о себе...». (Примеч. ред.)

Встреча с Т.Я. Гармашом произвела на меня сильное впечатление. Мало того что я написала о Завенягине лекцию, прочитала ее в своем коллективе, но и позже, в Москве, специально пошла на Красную площадь поклониться его праху, захороненному в Кремлевской стене. Тогда Трофим Яковлевич проводил меня словами: «Если вам или кому-то понадобится — приходите...» Он был очень простым человеком, всегда готовым помочь. А какие интересные передачи он вел на Норильском телевидении!»

Трофим Яковлевич Гармаш был сильной личностью и очень добрым человеком. Он был вынужден почти все в доме делать сам: в семье росли три дочери, нелегкой была и его работа. И все же он успевал читать, собирать вырезки из газет, искать документы, нужные справки, делать их копии... Как ему все это удавалось, только он сам, видимо, и знал.

Итогом визита Т.Я. Гармаша в научно-техническую библиотеку явилась небольшая книжечка, изданная в 1973 году местной типографией. Ее тираж — 500 экземпляров. Газетная бумага с тех пор пожелтела, но твердая серая обложка, надежная сшивка книги и сегодня позволяют удобно ею пользоваться. На месте, где обычно должна стоять фамилия автора, указаны три организации: Норильский ордена Ленина горно-металлургический комбинат имени А.П. Завенягина; отдел технической информации и изобретательства; норильская организация общества «Знание». Книгу называли так: «Историко-географическая и социологическая справка о Таймыре, Норильске и комбинате (Пособие для лекторов, пропагандистов, экскурсоводов)». Она содержит 121 страницу, в конце ее перечислены архивные и литературные источники, использованные составителем.

О серьезном исследовательском интересе Трофима Яковлевича Гармаша красноречиво свидетельствуют четыре пожелтевшие страницы, переданные мне Анатолием Львовичем Львовым, известным

норильским журналистом и историографом. В годы перестройки Анатолий Львович побывал в Воронеже, где тогда после Норильска жил Трофим Яковлевич. Они договорились о выпуске полосы, посвященной Ленину. Обговорили ее содержание, стали придумывать заголовки... Наконец А.Л. Львов предложил: «Есть работа «Анти-Дюринг», а у нас будет «Анти-Ленин». На том и порешили — под таким названием полоса вышла в «Заполярной правде». В память о ней и остались эти четыре пожелтевшие от времени страницы, озаглавленные как «Примечания».

Они многое рассказывают о том, какую большую подготовительную работу проделал Т.Я. Гармаш, разрабатывая тему о Ленине. Перечислю ее главы. **Июльские дни 1917 года.** Трофим Яковлевич обратился к Большой Советской Энциклопедии, перечислены тома. **Центральный Комитет.** Здесь кроме указанных томов БСЭ значится и Историческая энциклопедия, к ней Т.Я. Гармаш записал «статьи поименно». Далее идут фамилии: Ф.А. Артем, П.А. Джапаридзе, Ф.Э. Дзержинский, В.И. Ленин, В.П. Ногин, Я.М. Свердлов, М.С. Урицкий, С.Г. Шаумян. В следующих пунктах по одной фамилии: Л.Д. Троцкий и А.А. Иоффе. Далее еще 18 фамилий... Следующий пункт в «Примечаниях» — **Штаб революции**, здесь 35 фамилий. Это значит, что Т.Я. Гармаш познакомился с биографическими статьями всех этих людей.

Еще больше фамилий перечислил Трофим Яковлевич, изучая темы «**Те, кто штурмовал Зимний дворец**», «**Первое Советское правительство**», «**Герои гражданской войны**». Далее следует «**Первое покушение на Ленина**: журнал «Новый мир», 1964, № 4, с. 275», а завершает «Примечания» «**Сожжем Рафаэля, разрушим музеи!**». Тут указаны три пункта интереса:

1. Велемир Хлебников. 1917.
2. Бобинский. 1920.
3. Литературная энциклопедия, т. 3, с. 537.

Какую же огромную работу наметил для себя и выполнил ее Трофим Яковлевич, прежде чем напи-

сал полосу в местную норильскую газету! На обороте первой страницы он оставил рукописные строки о том, что, видимо, мучило его. Он сетовал на то, что нет правдивой истории страны в школьных учебниках, книгах по истории партии, потом зачеркнул все это и продолжил: «Нам говорят: чего же вы хотите? Ведь XX и XXII съезды партии осудили культ личности Сталина и беззаконие сталинского времени... Но попробуйте найти отчеты о съездах в массовых библиотеках... Кто, почему и от кого пытается держать их в тайне?» Трофим Яковлевич хотел знать всю правду об истории СССР, он считал, что только факты, только правда могут выбить «kozyри из рук» фальсификаторов и тогда истинную историю страны будут знать «не только старшее поколение, но и наши дети и внуки внуков наших».

Нетрудно представить, сколько материала осталось «за кадром» «Историко-географической и социологической справки о Таймыре, Норильске и комбинате...»! Ее автор представлен скромно: в самом начале перед текстом не крупно набрано: «Справку подготовил Т. Гармаш». Кроме этих слов на странице нет никаких других, а на следующей в качестве эпиграфа даны слова В. Ленина и М. Горького. Приведу их полностью.

«К северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» (В.И. Ленин. 1921 год).

«И во тьме полярной ночи ярко горит солнце человеческого разума» (М. Горький. 1936 год).

А годом раньше «солнце человеческого разума» «осветило» в Заполярье норильские лагеря, где с первых дней безжалостно гибли ни за что ни про что многие тысячи заключенных...

В 1973 году уже не было массовых репрессий, но «хрущевская оттепель» уже сошла на нет, и потому официального упоминания о лагерях, заключенных, реабилитации в книге Т.Я. Гармаша просто не могло

быть. Хотя в Норильске очень многие очень многое помнили, знали, кто за что сидел, кто служил в лагерной администрации, и умели читать норильскую историю между строк... Например, когда писали, что первые строители прибыли на Таймыр в 1935 году, все понимали, что речь идет о первых этапах заключенных.

Впервые изданную историю Норильска Тамара Николаевна Захарова получила в подарок как член клуба деловых встреч 24 марта 1973 года (об этом напоминает дарственная надпись). В 1999 году она передала эту книжку клубу норильчан в Москве «69 параллель». С тех пор она стала моей настольной книгой, с которой я сверяю даты в воспоминаниях норильчан при подготовке их к публикации в издании «О времени, о Норильске, о себе...». Когда берешь в руки этот драгоценный документ, первое, что бросается в глаза на серой обложке, — большой черный квадрат. Это тушью аккуратно замазаны слова «Для служебного пользования» и номер данного экземпляра. Иначе книжечку дарить было нельзя. С тех пор она ни разу не переиздавалась.

Но тут нельзя не вспомнить колонки в местной газете «Заполярная правда» Т.Я. Гармаша под рубрикой (а иногда и под заголовком) «Заметки архивариуса». Они содержали интересные факты и события, о которых не рассказано в пособии для лекторов, пропагандистов, экскурсоводов. Газетные вырезки «Заметки архивариуса» некоммерческому издательскому фонду «Норильский» любезно предоставил Геннадий Николаевич Ушаков, норильчанин с 25-летним стажем. Он покинул Заполярье в 1975 году, но до сих пор не потерял интереса к норильской истории. К сожалению, я не могу сделать ссылку на полную дату публикации заметок Т.Я. Гармаша, так как Геннадий Николаевич сохранил только вырезанные из газеты колонки. Но год безусловно верно прочитывается в самом тексте.

В дальнейшем мы обязательно приведем в нашем издании самые интересные заметки Т.Я. Гармаша. А пока, чтобы уже сейчас стала понятна их ценность, приведу несколько абзацев из «Заполярной правды».

«В 1935 году открылась первая школа Норильск-строя. Семь учеников разного возраста и разного уровня подготовки обучались в одной комнате. Единственный учитель в одно и то же время одних ребят учил азбуке, а другим объяснял действия с многозначными цифрами».

«...35 лет назад, 1 декабря 1938 года, в соответствии с постановлением окрисполкома впервые в Норильске была введена плата за пользование жилплощадью и коммунальными услугами: за каждый квадратный метр жилой площади — 75 коп., отопление (углем, дровами) — 50 коп., воду (развозили в бочках по домам) — 10 коп. за ведро, в общежитии по 25 руб. за койкомес-яц, электроосвещение — 5 коп. за ватт (лампочка 40 ватт — 2 руб. в месяц).

В условиях Норильска плата была непомерно высокой. Кроме того, возникали недоразумения: платили все одинаково, а жили по-разному: и в домах, и в бараках, и в балках».

«...1948 год. Отменена карточная система торговли. В то же время газета «За металл!» сообщала о том, что поступили в продажу зубной порошок и рыбий жир, что 35 часов (будильников) распределены по ордерам жилуправления.

В Норильске открылся первый ресторан. Днем это предприятие работало как столовая, а с 6 часов вечера и до 2 часов ночи — как ресторан».

Сегодня мы знакомим вас с первыми главами «Историко-географической и социологической справки о Таймыре, Норильске, комбинате (Пособие для лекторов, пропагандистов, экскурсоводов)». Думается, что географические описания, а также сведения о климате, природе, истории Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа, который сегодня стал частью Красноярского края, помогут лучше понять Крайний Север тем, кто никогда не бывал в Заполярье.

*Справку подготовил
П. Тармаш*

НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕМ

...Нет, не словами,
разве только музыкой
можно передать это очарование природы —
красоту белых известковых скал
и свежесть весеннего утра,
когда солнце,
разгоняя туман,
медленно поднимается над лиственницами,
когда над водопадом Орон
встает радуга из водяной пыли,
а гуси,
как в старинных русских сказаниях,
с прощальным приветом проносятся на юг.

Г. Артемьев

Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ образован в составе Красноярского края РСФСР 10 декабря 1930 года. Он занимает самый северный в мире Таймырский полуостров с прилегающими к нему островами и часть Средне-сибирского плоскогорья. Площадь округа — 860 200 квадратных километров (1200 километров по прямой с запада на восток и 800 километров с юга на север). На его территории разместилось бы свыше десяти таких государств, как Австрия.

Часть округа — один из крупнейших архипелагов мира — Северная Земля открыта экспедицией Б.А. Вилькицкого в 1913 году и нанесена на карту в 1930–1932 годах экспедицией Г.А. Ушакова и Н.Н. Урванцева. Таким образом, последнее на земле крупное географическое открытие сделано на территории Таймырского округа.

На его северных окраинах — арктические пустыни, выходящие к морям Карскому и Лаптевых,

и горы Бырранга (до 1146 метров). В средней части округа — Северо-Сибирская низменность и тундра. На юге — горы Путорана (до 1500 метров), горная тундра и лесотундра в речных долинах.

Судоходные реки округа: Енисей, Хатанга, Пяси́на, Хета, Котуй и Норильская.

Енисей — самая многоводная река нашей Родины. Ее длина — свыше 4000 километров, площадь бассейна — 2 700 000 квадратных километров, ширина возле Усть-Порта — около 8 километров, водный расход — свыше 18 000 кубических метров в секунду. Океанские пароходы поднимаются вверх по Енисею на 973 километра в глубь материка до Игарки. В 1950 году на Енисее, возле Дудинки, появился кит, 400 километров проплыл он вверх по реке.

Хатанга значится в списке крупнейших рек мира (см. «Географическая энциклопедия». Т. 5. М., 1966). Ее длина — 1150 километров (вместе с рекой Котуй), площадь бассейна — 346 000 квадратных километров, расход воды близ устья — 3200 кубических метров в секунду.

Озеро Таймырское в северной части округа — самое большое озеро советской и зарубежной Арктики. Его длина — около 200 километров, ширина — до 80 километров, площадь — 5000 квадратных километров, глубина — до 26 метров.

Округ отличается наибольшей в Евразии жесткостью климата. Таймырские морозы немного уступают якутским, но в Якутии они без ветра, а на Таймыре обычно с ветром.

Самая мощная на материке вечная мерзлота простирается по всему округу в среднем на глубину до 300 метров, а в северных районах округа — даже до 800 метров! Однако на территории округа можно встретить около 330 видов растений, а в долине Хатанги, в урочище Ары-Мас, под 73° северной широты, растет самый северный на земном шаре лес (даурская лиственница), о котором знают ботаники всех стран.

На долготе озера Аян через округ проходит граница между западной и восточной флорой, исчезают береза и ель, появляется даурская лиственница.

Очень медленно растут на Таймыре деревья: в 150–200 лет они достигают толщины 40–45 сантиметров.

Самое распространенное и самое полезное растение тундры — олений мох, или ягель. Его называют хлебом тундры, потому что он главный корм северных оленей. Кстати сказать, ягель — вовсе не мох, а лишайник, представляющий собой симбиоз гриба и водоросли.

На Таймыре сохранилось и растет самое большое в мире стадо диких северных оленей — около 350 000 голов! Домашних оленей в стадах колхозов и совхозов около 110 000 голов (2/3 всего поголовья этих животных на территории Красноярского края).

Богаты охотничьи угодья округа.

В морях, у берегов Таймыра, промысляют белуху, нерпу, морского зайца (один из видов тюленей). Встречаются и моржи. Есть белые медведи; охота на них запрещена.

В тундре и лесотундре большое значение имеет пушной промысел. Больше всего промысляют песца, кроме того, зайца, лису, белку, волка, ондатру, горностая, росомуху. Еще встречается бурый медведь, очень редко — колонок и соболь.

В горах Путорана сохранилось небольшое стадо снежных баранов.

Весной тундра звенит птичьими голосами. Тысячи гусей, уток, куликов, много лебедей, чаек, жаворонков, трясогузок. Зимовать они улетают на юг, а некоторые очень далеко — в Индию, Иран, страны Африки; исландский песочник и бурокрылая ржанка — даже в Австралию. Дальше всех летит полярная крачка — в Антарктику! Из птиц в тундре зимой водятся только белая и тундровая куропатки, полярная сова. В мороз и пургу куропатка питается почками ив, а также находит оставшиеся под снегом ягоды: голубику, чернику, бруснику. А сова находит куропатку.

Мало кому, да и только на морском побережье, посчастливилось увидеть редчайшую удивительную птицу — розовую чайку. Но еще никто не держал в руках живой розовой чайки! В музеях мира хранится пять чучел этой птицы. Гнездится она в прибрежной тундре, а зимовать улетает не на юг, а на север, в Ледовитый океан. И там во льдах находит разводья и корм.

Реки и озера округа богаты рыбой. Назовем только промысловых — стерлядь, осетр, голец, таймень, нельма, ряпушка, тугун, омуль, чир, сиг, муксун, хариус, корюшка, щука, плотва (сорога), налим, окунь.

ПОЛУОСТРОВ СОКРОВИЩ

Богат Таймырский округ стадами оленей, охотничьими и рыболовными угодьями. Но самые главные и самые ценные богатства его хранятся в многочисленных и обширных подземных кладовых, которые только недавно и далеко еще не все открылись людям.

На территории округа, в Норильском горнорудном районе, разрабатываются самые крупные в мире месторождения медно-никелевых руд. Они же самые богатые по содержанию. Четырнадцать элементов таблицы Д.И. Менделеева извлекают из норильской руды на металлургическом комбинате: медь, никель, кобальт, золото, серебро, платину, иридий, селен, палладий, родий, рутений, осмий, серу, теллур.

Кроме полиметаллической руды есть в округе большие запасы каменного угля и естественного горючего газа, есть поваренная соль и графит, железо и ртуть (киноварь), гипс и мрамор, известняк и алевролиты, ангидрит и кварцевый песок. Есть большие запасы артезианской воды. Найдена целебная минеральная вода типа мацестинской. Геологи ищут (и есть серьезные основания полагать, что найдут) алмазы и нефть.

И кто знает, сколько еще кладов скрывается в недрах полуострова сокровищ!

ГОРОДА И ЛЮДИ

Год за годом продолжается удивительный эксперимент, цель которого выяснить: захотят ли и смогут ли люди заселить приполярные области так же прочно и обыденно, как Рязанщину или Брянщину, — наследственно и навек? Или они останутся здесь лишь в качестве временных (пусть долговременных) жителей? Это вовсе не праздные вопросы, и значение их глубже, чем может показаться сначала...

Точка на карте Севера — Норильск — становится одним из опытных полигонов цивилизации.

«Правда», 19.08.66 г.

Средняя плотность населения Таймырского национального округа самая низкая в Союзе. В среднем на каждые 100 квадратных километров приходится: на земном шаре — 2300 человек, в СССР — 1000 человек, на Таймыре — 4 человека.

Фактическая плотность населения большей части полуострова еще ниже, так как две трети его живет в Норильске и Дудинке, на Диксоне и в Хатанге.

На территории округа — три морских порта: Диксон, Дудинка, Хатанга. В 1970 году грузооборот только Дудинского порта достиг 2 000 000 тонн. Сравните: в 1935 году все арктические перевозки от Мурманска до Берингова пролива, включая и перевозки по северным рекам, составили 835 000 тонн.

В городах и рабочих поселках округа живут преимущественно люди приезжие, с материка. В Норильске это прежде всего горняки, металлурги, строители, геологи... Некоторые из них работают на комбинате с 40-х и даже с 30-х годов.

С каждым годом растет число норильчан, которые родились и выросли в Норильске, здесь получили общее и специальное образование, начали трудовую деятельность, обзавелись семьями. Это коренные норильчане.

Однако еще и сегодня приезжих норильчан гораздо больше, чем коренных. Около 6000 юношей и

девушек приехали в Норильск из Москвы и Ленинграда по комсомольским путевкам в 1956 году. Молодежное пополнение комбинат получал в 1957 году и в последующие годы.

Далеко не все из тех, кто приезжает, остаются постоянно жить и работать в Норильске. Многие через год или два уезжают обратно на материк. И все же средний возраст норильчан увеличился с 28 лет в 1959 году до 34 лет в 1970 году. Норильчане «стареют», и это хороший признак. Это значит, что значительная часть молодых рабочих остается в Норильске всерьез и надолго, становится норильчанами.

За пределами городов и рабочих поселков, на огромных территориях округа живут преимущественно малые народности Севера. Кто они? Откуда и когда пришли на Таймыр?

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Наших людей было столько, сколько звезд на небе в полярную ночь. Пролетавшие птицы терялись в дыму наших очагов.

Юкагирская легенда

Когда ночь и все стынет на морозе, в небе загораются сполохи. Ты знаешь, что это такое? Это — юкагирский огонь, ответ бесчисленных юкагирских очагов.

Из якутского фольклора

Около 7000 лет назад охотничьи племена палеоазиатов переступили Северный полярный круг и почти 5000 лет безраздельно владели Крайним Севером.

2000 лет назад из далекого Забайкалья на Север перекочевали со стадами оленей племена тунгусоманьчжурской языковой группы — эвенки. Палеоазиаты Крайнего Севера научились у эвенков оленеводству, частично восприняли их язык и культуру и стали называть себя народом «сиртя». Сиртя жили в низовьях Оби, Енисея, Лены и Колымы. Прямые потомки сиртя живут и сегодня между Колымой и Индигиркой; их всего около 400 человек, и называют их юкагирами.

В XII веке в низовья Енисея пришли с Алтая самодийцы — оленеводы-ненцы. В западной части Таймыра сиртя под влиянием ненцев образовали народность нганасан.

В XIII веке с верховьев Лены пришли на Север племена тюркской языковой группы, из которых составила якутская народность.

На восточной окраине Таймыра в результате слияния двух народностей (якутов и сиртя) появились долганы — народность, язык и культура которой сложились на якутской основе.

Русские появились на территории нынешнего Таймырского округа в XVI веке. Они приходили Северным морским путем из поморья к устьям Енисея и Пясины на небольших деревянных судах — кочах, сначала приходили землепроходцы и промышленники, а затем и служилые люди.

В середине XVIII века самодийское племя энцев переселилось из бассейна реки Таз на правобережье Енисея.

Долганы, ненцы, нганасаны, якуты, энцы, эвенки и русские населяют и сегодня Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ и составляют его коренное население, основным занятием которого являются оленеводство, охота, рыбный промысел и звероводство.

СТРОКИ ТАЙМЫРСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Год 1517.

«...Живут югры на берегу Северного Ледовитого океана, ловят рыбу, китов, тюленей... В Югрии есть рыбы, называемые моржами. Клыки тех моржей служат предметом добычи, а затем в качестве дани поступают к москвитам, которые перепродают их в Татарию и Турцию».

Матвей Меховский, польский историк

Год 1666.

«...В прошлом году послал ты, государь Родион Михайлович, нас на их великих государей службу».

в Пясиду на Авам для государева ясачного сбора в лодках. И мы, государь, водою в Пясиду не вышли, задержали нас противные ветры. А поставили, государь, мы зимовье ясачное с нагорной стороны Енисея, пониже Дудины реки...».

*Из письма стрелецкого начальника
Ивана Сорокина мангазейскому воеводе*

Год 1739.

«...А река Пяси́на вышла из озера Пяси́нского. Озеро это мелкое, но токмо серединою идет глубокая вода от речки Норильской, в нее впадающей...».

Из отчета Харитона Лаптева

Год 1841.

«...Эта только одна из арктических стран на всем неизмеримом протяжении Сибири, которая еще никогда не была посещаемая естествоиспытателями. Незнакомство с тамошним краем до того простирается, что в ответ на запросы, посланные за несколько лет Академиею в Туруханск, упоминается о народе долганах, о котором прежде и не слыхали. Совершенно не знакомы и естественные произведения этой страны. Из давнишних известий оказывается, что близ устья Хатанги есть значительные месторождения каменного угля, которым можно было бы воспользоваться в тамошней безлесной стране».

*Из письма академика Бэра
в Петербургскую Академию наук*

Год 1845.

«...Северо-западный конец хребта Сыверма прекращается у озера Пяси́но, которое вместе с рядом вливающих в него озер окружено дико-романтическими скалистыми хребтами, так называемыми Норильскими камнями. Через них пробила себе дорогу река Норильская, сопровождаемая утесом Медвежий Камень. Оцепенев в первобытном состоянии, этот край в течение столетий представляет в себе живую картину детского состояния человеческой жизни на земном шаре».

Академик А.Ф. Миддендорф

Год 1866.

«Я возвратился через Лукинское зимовье и Толстый Нос в Дудинку. Здесь провел время до вскрытия Енисея 7 июня. Отлучался лишь на несколько дней в конце мая, когда предпринял экскурсию за сто верст в Норильские горы, где Сотников открыл каменный уголь и медную руду».

*Из отчета академика Ф.Б. Шмидта
в Петербургскую Академию наук*

Год 1897.

«Немаловажный ресурс для морского пути на Енисей представляют залежи угля в ста верстах от селения Дудинки. Дудинский уголь принадлежит к лучшим сортам... Русские, не поддерживаемые правительством, открыли торговое сношение европейских портов с Обью и Енисеем, но потом мало-помалу дело перешло в английские руки».

Адмирал С.О. Макаров

Год 1913.

«Дудинка расположена на высоком восточном берегу реки. Дома, как всегда, лепятся по верху речного косогора. В девяносто километрах от этого места находятся богатые залежи угля. Залежи эти известны уже много лет; до сих пор, однако, еще не приступлено к их разработке... Нет никакого сомнения, что эти залежи имеют большое будущее. Постройка казенной дороги протяжением девяносто километров через тундру к Дудинке не может представить затруднений».

Ф. Хансен. Страна будущего

Год 1920.

«МОСКВА. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ В.И. ЛЕНИНУ.

С чувством искреннего уважения за ваши подвиги в деле освобождения трудящихся Туруханский краевой съезд шлет Вам горячий привет и готов поддерживать Вас в дальнейшей борьбе за укрепление Советской власти».

*Из письма уполномоченных всех
станов Туруханского края*

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

10 марта 1921 года.

1. В целях всестороннего и планомерного исследования северных морей, их островов и побережий, имеющих в настоящее время государственное важное значение, учредить при Народном Комиссариате Просвещения Плавающий Морской Научный Институт с отделениями: биологическим, гидрологическим, метеорологическим и геолого-минералогическим.

<...>

4. Районом деятельности Института определить Северный Ледовитый океан с его морями и устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями РСФСР, Европы и Азии.

5. Поручить соответствующим учреждениям снабжение Института углем, жидким топливом, обогриванием и продовольствием наравне с учреждениями первой степени государственной важности...

*Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)*

Примечание. Цитируется по сборнику «Летопись Севера» (т. 5, с. 34. М.: Мысль, 1971).

ПЕРВЫМИ ПРИШЛИ ГЕОЛОГИ

Настанет время — она проснется, проявятся скрытые силы, и мы услышим новое слово и от Сибири; у нее есть свое будущее, в этом не может быть никакого сомнения...

Ф. Нансен. Страна будущего

...Геологи шли...
Ими пройдено было немало...
Земля не спешила,
Земля понемногу себя отдавала,
Морозом и снегом
Укрыла свои кладовые...

Поэт-норильчанин М. Колпаков

1919 год. Экспедиция Сибгеолкома под руководством Н.Н. Урванцева проводила обследование медно-

рудного и угольного месторождений в окрестностях озера Пясино и угленосных отложений между озером Пясино и рекой Енисеем.

1920 год. По указанию ВСНХ Н.Н. Урванцев продолжает геологическую разведку угольного месторождения в Норильском районе. На вооружении экспедиции: кайлы, ломы, лопаты. Экипировка: сапог — десять пар на пятнадцать человек; теплой одежды нет; продовольствия в месяц на каждого: муки ржаной 12 килограммов, крупы 1,5 килограмма, масла и сахара по 200 граммов, махорки и мыла по 400 граммов, спичек по две коробки. Кроме того, сухарей ржаных на всех 15 пудов. Экспедиция установила Нулевой пикет (от которого и сегодня отсчитывают горизонты маркшейдеры, строители и геодезисты) и положила на карту 25 квадратных километров Норильского района. Сделаны десять разрезов на уголь и подсчитаны запасы. Попутно оконтурены два шлира сплошных сульфидных руд.

1921 год. Продолжает работу Норильская экспедиция под руководством Н.Н. Урванцева. В ее составе — 59 человек. Заложена первая разведочная угольная штольня (впоследствии из нее развилась шахта «Восточная»). Построен первый дом (теперь это дом № 23 на улице Горной). Образцы норильской руды отправлены в Петроград. На первую зимовку в Норильске осталось семь человек.

1922 год. Анализ норильской руды показал высокое содержание в ней меди, никеля и металлов платиновой группы. ВСНХ принял решение о разведке Норильского рудного месторождения.

Н.Н. Урванцев и Н.А. Бегичев провели гидрографическое исследование водного пути из реки Норильской через озеро Пясино и по реке Пясине до устья. Бегичев записал в дневнике: «Кончилось наше путешествие на простой рыбацкой лодке. Прошли реку Пясино — 850 верст и морем около 500 верст. Не буду хвастать, но пусть другие смельчаки сделают это».

1923 год. Экспедиция Н.Н. Урванцева заложила первую рудную штольню (впоследствии рудник № 2/4). Начато разведочное бурение. Построено общежитие для рабочих.

1924 год. 1000 пудов норильской руды перевезено на оленях в Дудинку и отправлено по Енисею в Ленинград для дальнейших исследований.

1925 год. По указанию председателя ВСНХ Ф.Э. Дзержинского Норильская экспедиция усилена техникой и людьми (до 150 человек, три буровых станка «Крелиус» и три трактора фирмы «Рено»). Начальником экспедиции назначен личный секретарь Ф.Э. Дзержинского П.С. Аллилуев, а его заместителем Н.Н. Урванцев.

1926 год. Осенью экспедиция П.С. Аллилуева закончила работу на Норильском рудном месторождении. Всего в 1925–1926 годах пройдено бурением в горе Рудной десять скважин, которые показали вкрапленную руду. В двадцати километрах к югу от Норильска открыто еще одно рудное месторождение — «Норильск-2».

1927 год. Геолого-разведочные работы в Норильске не проводились. Часть работников Геолкома считала, что Норильское рудное месторождение неперспективно: запасы руды невелики, работа на месторождении осложняется удаленностью района и жесткостью климата.

1928–1929 годы. На месторождении «Норильск-2» работает небольшая геологическая партия Геолкома под руководством Б.Н. Рожкова. Директор института цветных металлов крупный ученый-геолог В.К. Котульский доказывает перспективность Норильского месторождения. Ввиду значительного содержания в норильской руде платиноидов месторождение передано государственному акционерному обществу «Союззолото».

1930–1932 годы. В Норильске работает экспедиция иркутского главка «Цветметзолото». В 1932 году

начальник экспедиции И.П. Зарембо и главный геолог А.Е. Воронцов доложили правительству о том, что в горе Рудной и в ущелье Угольный Ручей вскрыты большие запасы медно-никелевых руд.

1933 год. В связи с увеличением спроса на никель Норильское рудное месторождение передано в ведение Союзникеля. Трудности освоения Норильского района задерживают решение вопроса о строительстве Норильского комбината.

1934 год. СНК СССР и ЦК ВКП (б) поручили Главному управлению Северного морского пути эксплуатацию всех естественных производительных сил в Советской Арктике. Союзникель передал Норильск в ведение Главсевморпути, которое не имело ни средств, ни опыта для освоения Норильского рудного месторождения.

В декабре 1934 года начальник Главсевморпути О.Ю. Шмидт и геолог А.Е. Воронцов обратились в правительство с докладной запиской, в которой указывали на большое значение для страны Норильского рудного месторождения и необходимость строительства горно-металлургического комбината.

1935 год. В марте докладная записка Шмидта—Воронцова рассмотрена на заседании Политбюро ЦК ВКП (б). По поручению Политбюро комиссия при ВСНХ под председательством С. Орджоникидзе разработала план практических мероприятий по развертыванию строительства Норильского комбината.

23 ИЮНЯ 1935 ГОДА ВЫШЛО ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР О СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОРИЛЬСКОГО МЕДНО-НИКЕЛЕВОГО ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА.

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЕН...»

Тяжелое впечатление, какое производит господство страшной стужи под открытым небом, невозможно передать: надобно испытать что-либо подобное, чтобы понять это впечатление. ...Не верится, чтобы при всем том растения и животные могли безвредно выносить это страшное лишение тепла. И, однако, выносят.

А.Ф. Миддендорф

Сегодня,
Впервые за долгое время,
Проснулся Норильск
С ощущением рассвета...
Оранжевый луч над Медвежкой прорезал
Большое окно из весеннего света.

Поэт-норильчанин О. Копелевич

В двадцати пяти километрах от Норильска поднимаются отроги Путорана — Хараелахские горы.

В горах Путорана, в 50–100 километрах от Норильска, в узких и глубоких ущельях лежат норильские озера — Лама, Глубокое, Собачье и Мелкое. Они принимают в себя ряд горных притоков и соединены между собой реками Лама, Глубокая и Муксун. Из системы этих озер берет начало река Норильская, в верховьях река Талая. В реку Норильскую впадает река Рыбная, вытекающая из озера Кета (Хита). Норильская впадает в озеро Пясино, которое через реку Пясину связано с Карским морем.

Долины рек Норильской и Рыбной сходятся в плоскохолмистую тундровую равнину с огромным количеством прозрачных озер шириной от 20 до 500 метров, длиной до 2–3 километров и глубиной от 1 до 20 метров. Их общая акватория — около 2000 квадратных километров.

Вот краткая характеристика крупнейших норильских озер (см. таблицу).

Озеро	Длина, км	Ширина, км	Глубина, м
Лама	81	13	250
Глубокое	44	6	185
Собачье	45	3,5	?
Мелкое	31	12	25
Пясино	75	16	25

Озеро Лама по глубине занимает четвертое место в СССР (после Байкала, Каспийского моря и Иссык-Куля).

В восьми километрах к востоку от Норильска, на левом берегу реки Норильской, напротив устья впадающей в нее речки Валек, расположен поселок Валек. В первые годы строительства комбината сюда доставляли Северным морским путем и по Пясинской водной системе грузы для Норильскстроя.

Норильские горы, в том числе гора Шмидта, гора Рудная, Зуб-гора, у подножия которых находятся предприятия Норильского комбината, также являлись когда-то частью горной системы Путорана, но потом утратили с ней прямую связь.

Норильские горы, Хараелахские горы, а также долины рек Норильской и Рыбной составляют Норильский горно-рудный район.

Вот некоторые сведения о нем.

Полярная ночь длится с 30 ноября по 14 января (46 суток). Солнце вовсе не показывается над горизонтом. Однако около полудня ночная тьма прерывается короткими глухими сумерками. Обычно 29 ноября городская газета «Заполярная правда» желает норильчанам «спокойной ночи».

Смена дня и ночи — с 15 января по 28 апреля (104 суток). Дни становятся все длиннее.

Белые ночи — с 29 апреля по 19 мая (21 сутки). Солнце ненадолго заходит за горизонт, и тогда наступают короткие сумерки. И снова начинается день.

Полярный день — с 20 мая по 25 июля (67 суток). Солнце не опускается за горизонт. Даже в полночь имеется прямое солнечное освещение. Вследствие рефракции света полярный день длиннее полярной ночи.

Белые ночи — с 26 июля по 16 августа (22 суток).

Смена дня и ночи — с 17 августа по 29 ноября (105 суток). Дни становятся все короче, 30 ноября наступает полярная ночь.

Пасмурные дни и туманы весной и осенью увеличивают темное время суток, искусственное освещение даже в дневное время суток включено около 230 дней в году. Ясных, безоблачных дней случается всего 35–45, и большая часть их приходится на зиму. Летние месяцы — самые пасмурные и дождливые.

Весна и осень в Норильском районе очень кратковременны и выражены неясно. По существу, имеется только два времени года — зима и лето.

Средние и абсолютные температуры в Норильске по месяцам:

Месяц	Средние	Максимум	Минимум	Месяц	Средние	Максимум	Минимум
Январь	–27,6	–2	–56	Июль	+13,4	+32	0
Февраль	–25,4	+1	–54	Август	+10,4	+31	–3
Март	–26,4	+6	–47	Сентябрь	+3,6	+24	–21
Апрель	–21,4	+9	–39	Октябрь	–8,3	+12	–33
Май	–5,2	+21	–33	Ноябрь	–21,8	+7	–49
Июнь	+5,9	+31	–13	Декабрь	–25,6	+1	–53
Годовые					–9,8	+32	–56

Таблица показывает абсолютный температурный минимум для июля 0 градусов, но это среднесуточное значение. В отдельные часы июльских суток температура может опуститься и ниже нуля, возможен и снегопад. В 1925 году Н.Н. Урванцев испытал в Норильском районе сильнейшую пургу, которая началась 19 июля и продолжалась, то ослабевая, то усиливаясь, до 4 августа. Глубина снежного покрова достигала 50 сантиметров.

В Норильском районе бывает в среднем 250–260 морозных дней в году. За столь долгую зиму при

сильных морозах многие реки и озера Таймырского округа промерзают до дна.

Разнообразие рельефа, многочисленные озера и талики в вечной мерзлоте создают микроклиматы. Пункты, расположенные в нескольких километрах друг от друга, заметно отличаются по климатическим условиям.

Наиболее тяжелой особенностью климата Норильского района является повышенная по сравнению со всеми другими географическими районами СССР жесткость погоды, которую оценивают в баллах в зависимости от температуры и скорости ветра. Каждая единица скорости ветра (метр в секунду) приравняется к понижению температуры на два градуса.

В Норильске почти постоянно дует ветер. Безветренных дней случается не более 30–40 в году. В отдельные дни скорость ветра достигает 30 метров в секунду с порывами до 45 метров в секунду. Такой ветер давит с силой около 200 килограммов на квадратный метр площади и буквально валит с ног. По шкале Бофорта, ветер в 12 баллов (34,8 метра в секунду) считается ураганным.

Часто ветры сопровождаются снежными метелями (пургой). В среднем в Норильске бывает около 130 метелей в году. Для сравнения: в Туруханске — 45 метелей в году.

В первые годы строительства комбината продолжительные метели становились бедствием для строителей. Весь Норильскстрой поднимался на борьбу со снежными заносами. Норильчане вручную убирали миллионы кубометров снега.

Столь же тяжелыми препятствиями для строителей комбината явились труднодоступность района, крайняя удаленность Норильска от промышленных и культурных центров страны, недостаточность, а иногда и почти полное отсутствие транспортных связей с ними. Вот некоторые расстояния:

Дудинка—Красноярск (по Енисею)	2028 км
Дудинка—Архангельск (Севморпутем)	2664 км

Дудинка—Диксон	664 км
Красноярск (самолетом)	1640 км
Москва (самолетом)	3160 км
Хатанга (самолетом)	615 км
Дудинка (по железной дороге)	94 км
Снежногорск (самолетом)	150 км
Кайеркан (по железной дороге)	28 км
Талнах (по железной дороге)	25 км
Валек (по железной дороге)	8,5 км

ПЕРВОСТРОИТЕЛИ

Пройдет, может быть, еще столетие, прежде нежели другой странствователь решится нарушить тишину этих пустынь с намерением приумножить сведения о любопытном крае.

А.Ф. Миддендорф

Дошли мы не скоро
 К угрюмой горе
 В весеннее тихое утро.
 Рассвет, как литье,
 Разливаясь, горел,
 Сверкала река перламутром.
 Стелился туман
 По низинам глухим
 Лохматый, как шкура медведя.
 А лица у всех нас
 С загаром густым
 Казались отлиты из меди.

Поэт-норильчанин В. Ермаков

Год 1935.

Июль. 1 июля 1935 года на пароходе «Спартак» прибыли в Дудинку первые строители Норильского комбината и первый начальник Норильскстроя Владимир Зосимович Матвеев. Следом за «Спартак» стали прибывать другие пароходы с деревянными баржами на буксире, с людьми и грузами для Норильска.

В июле же первые рабочие бригады строителей совершили стокилометровый пеший переход по бездорожной таймырской тундре из Дудинки в Норильск.

Август. Не все грузы Норильскстроя выгружались в Дудинке. Несколько пароходов с баржами миновали Дудинку и вышли в Карское море. Повернув на восток и пройдя около 500 километров морем, а затем около 900 километров Пясинским речным путем, караван судов вошел в реку Норильскую и 14 августа остановился для разгрузки возле фактории Валек, в 8 километрах от Норильска.

В августе был построен и сдан в эксплуатацию первый строительный объект — пекарня в Дудинке. Тогда же в Норильске основана первая химическая лаборатория и при управлении строительства создано проектное бюро Норильскстроя.

Сентябрь. Ни в Дудинке, ни на Вальке причалов и кранов не было. Грузенные суда не могли подойти к берегу. За каждый час простоя Норильскстрой платил огромные суммы. Выгружали вручную, аврал сменялся авралом, работали нередко и по 24 часа подряд. Выгружали машины и цемент, муку и сухари, рельсы и кирпич, консервы и бушлаты, взрывчатку и тракторы, горючее и гвозди, доски и стекло, солонину и овес и многое другое. Временные укрытия для грузов делали наспех в промежутках между авралами.

В сентябре основаны: мерзлотная станция для изучения возможностей строительства на вечной мерзлоте и почтово-посылочная экспедиция — первая норильская почта. Установлена центральная радиостанция и открыта начальная школа (одна комната, семь учеников и один учитель).

Создана первичная партийная организация Норильскстроя. Секретарем ее избран тов. Макаренко.

Октябрь. В Дудинке и на Вальке продолжается выгрузка на берег норильских грузов. Большинство норильчан заняты этой работой. Приближается конец навигации, и капитаны судов грозятся уйти с грузом обратно в море, чтобы не оказаться в ледовом плену.

В Норильске вступила в строй первая локомотивная электростанция мощностью 25 киловатт.

Ноябрь. Из Дудинки и от Валька грузы первой необходимости нужно было как можно скорее доставить в Норильск. Поэтому была организована гужевая дорога из Дудинки в Норильск с остановочными пунктами в Боганидке, на 50-м километре, и в Амбарной. Началось строительство узкоколейной железной дороги Валек—Норильск.

Основаны две животноводческие фермы: молочная (82 коровы отобраны из привезенных по Енисею и предназначенных на убой) и свиноферма (14 свиноматок).

Начались эксплуатационные работы в угольной штольне в горе Шмидта (уголь был необходим для отопления).

Построен первый двухэтажный деревянный дом. В нем разместилось управление строительства. Барак для жилья еще не строят, и почти все норильчане живут в палатках.

При отделе общего снабжения учреждено отделение торговли. Открыты первые торговые точки: три ларька по продаже продовольственных и промышленных товаров.

Впервые в Норильске организован штаб соревнования и ударничества. Создан совет жен-общественниц (первый женсовет), его председателем избрана Е.К. Матвеева.

Декабрь. Строители спешат закончить строительство железной дороги Валек—Норильск. Капитальную дорогу строить некогда, шпалы и рельсы укладывают на временную насыпь из снега и торфа. Насыпь поливают водой, она смерзается на морозе, и путь становится достаточно прочным.

С помощью 20-номерного коммутатора впервые в Норильске установлена телефонная связь.

Год 1936.

Январь. Организованы курсы подготовки машинистов паровозов.

Установлены радиотрансляционные пункты в Норильске и на Вальке. Началось радиовещание.

Работники радиотелефонной связи первыми в Норильскстрое взяли на себя индивидуальные трудовые обязательства.

Февраль. Начата заготовка хвой и приготовление противощигового напитка — «хвойного кваса».

Введено спецпитание рабочих на подземных и буровых работах. Ежедневно выдается по 200 граммов молока.

Организованы курсы техминимума мастеров механического бурения.

12 февраля временная узкоколейная железная дорога Норильск—Валек открыта для движения поездов.

Март. Создана комиссия для выработки положения по технике безопасности на строительных участках Норильскстроя.

Установлены буровые станки. Начались буровые работы.

Апрель. Состоялся первый слет рекордистов и стахановцев Норильскстроя. Основана техническая библиотека.

Организованы курсы поваров и хлебопеков.

Май. Началась подготовка к строительству железной дороги Дудинка—Норильск: рубка просеки, установка на трассе палаток и фанерных барачков для строителей.

Июнь. Начата доставка самолетами грузов на трассу строительства железной дороги Норильск—Дудинка.

Начались занятия на курсах техминимума младшего персонала химической лаборатории.

Июль. В Норильск прибыла бригада Академии наук СССР во главе с виднейшим мерзлотоведом В.Ф. Тумелем.

В Дудинском порту сооружаются причалы, подъездные пути и устанавливаются краны «деррики». Одновременно идет приемка грузов второй норильской навигации. Как и в прошлом году, часть судов с

норильскими грузами отправлена Пясинским речным путем на Валек.

Вступила в строй временная электростанция № 1 (ВЭС-1) — пять локомотивов, 250 киловатт.

Август. На Енисее шторм. На пути в Дудинку пароход «Колхозник» сел на мель. На буксире у «Поллярного» разбило плотокараван, и 16 400 кубометров леса выбросило на берег.

С начала года и по 18 августа на воздушной трассе Дудинка—Норильск четыре самолета сделали 733 рейса и перевезли 495 тонн грузов и 396 пассажиров.

В Норильске в угольной штольне появился первый компрессор, на двух бурильщиков — один перфоратор.

Сентябрь. Завершено капитальное строительство железнодорожной ветки Валек—Норильск.

В навигацию 1936 года (июль—сентябрь) в Дудинку доставлено 32 800 тонн технических, продовольственных и прочих грузов, более 60 000 кубометров леса и лесоматериалов.

В пясинской операции участвовало 35 судов. Но река и озеро Пясино обмелели, и только немногим судам удалось пройти к Вальку и выгрузить 6000 тонн грузов. «Красноярский рабочий» с баржами вернулся в море и ушел разгружаться в Дудинку. Большая часть каравана застряла на мелководье озера Пясино и с наступлением зимы вмерзла в лед.

Октябрь. При отделе снабжения Норильскстроя организован рыбозаготовительный участок (промысел). В зиму 1936/37 года запланировано добыть подледным ловом 350 тонн рыбы.

Ноябрь. На строительстве начала работать кинопередвижка.

Уложены первые рельсы железной дороги Норильск—Дудинка.

Заложен подземный рудник «Угольный ручей», началась проходка рудных штолен.

Организован самодеятельный духовой оркестр.

Декабрь. Организован учебно-строительный городок, в котором 350 будущих плотников строят деревянные дома.

Основано бюро главного обогатителя во главе с инженером С.К. Дубровским.

К концу года во всех отделениях Норильскстроя открыты медицинские стационары и амбулатории.

Год 1937.

Январь. На каждый производственный участок Норильскстроя назначен ответственный исполнитель по технике безопасности.

Открыты двухмесячные курсы по подготовке горных мастеров, горных десятников и помощников маркшейдера.

Основана опытная станция снегоборьбы.

Февраль. На заносимых снегом участках железной дороги началось строительство крытых галерей.

На Каларгоне, в 18 километрах от Норильска, начались добыча известняка и обжиг извести.

Закончили работу курсы подготовки помощников начальника железнодорожной станции. Восемь норильчан получили права на эту должность.

Март. Основана типография Норильскстроя.

Объявлена благодарность в приказе Михаилу Александровичу Беляеву «за исключительно добросовестную и активную работу по составлению стихов и песен».

Апрель. Начало постоянных гидрологических наблюдений в Норильском районе. На реках вокруг Норильска поселены гидрологи-наблюдатели. Замеры и записи передаются группе проектирования управления Норильскстроя.

Май. Создана Норильская транспортная контора. Она объединяет механический и конный транспорт и погрузочно-разгрузочные работы.

Закончено строительство временной узкоколейной железной дороги Дудинка—Норильск. На большом протяжении рельсы лежат на снежной на-

сыпи. Первые поезда повели: из Норильска в Дудинку — машинист Иван Осипович Жилко, из Дудинки в Норильск — машинист Николай Никитович Дрюцкий, будущий заместитель начальника Норильской железной дороги.

С января по май было 46 дней с пургой. Только на железной дороге за это время убрано вручную 5 000 000 кубометров снега и на это затрачено более 130 000 человекодней.

Июнь. Железная дорога Норильск—Дудинка работала по 4 июня (из Дудинки пришло 9 составов). Потом ледяное полотно, на котором лежали рельсы, растаяло и движение прекратилось. Начались балластировка пути, возведение мостов.

Начато строительство животноводческих помещений норильского сельхоза (на том месте, где теперь сквер и стадион «Заполярик»).

Июль. Для строительства мостов через реки Дуромой и Косую лес доставлялся на вагонетках, которые катили по рельсам рабочие, толкая перед собой. Потом приспособили паруса и при попутном ветре возили лес на вагонетках под парусами.

Август. Санитарный отдел Норильскстроя принял от профсоюзного комитета детский сад. Заведующей детским садом назначена С.Г. Воронцова.

Поставлено деревянное рубленое паровозное депо (на том месте, где потом построят городскую гостиницу). При депо маленькая мастерская с кузницей, электросваркой и станками — токарным, сверлильным и поперечно-строгальным.

Сентябрь. Сдан в эксплуатацию кирпичный завод. Его проектная мощность 100 000 штук кирпича в месяц. При строительстве впервые в Норильске применен метод свайного фондирования. Завод построен по проекту и под руководством инженера-керамика Федора Григорьевича Холодного.

Норильск посетил корреспондент газеты «Правда» П. Синцов. В его очерке, опубликованном два

месяца спустя в «Правде», говорилось, что через три года комбинат начнет выдавать металл, а рядом раскинется город с 25-тысячным населением. Это первое сообщение о Норильске и комбинате, опубликованное в печати.

Бригада Цгинцветмета под руководством С.С. Бочарникова и научно-исследовательская обогатительная станция Норильскстроя (НИОС) завершили исследования по обогащению норильской руды.

Смонтирована и освоена однотонная установка непрерывной флотации.

Октябрь. Первое организационное собрание комсомольцев Норильска. Присутствовало двенадцать комсомольцев, в том числе Ф. Зиновьева, А. Репина, А. Никонова, П. Ковенкин, А. Шаройко, А. Балин, З. Зарапетян, К. Васин. Секретарем организации избран Иван Перфилов.

Балластировку полотна железной дороги Норильск—Дудинка закончить не успели. Между реками Амбарной и Косой, а также в средней части рельсы остались лежать на временном земляном полотне. Однако 18 октября возобновилось сквозное движение поездов.

Малодудинская молочно-свиная ферма и огородно-тепличное хозяйство слиты в Дудинский сельхоз с самостоятельным балансом. Начальником сельхоза назначен агроном-зоотехник И.Д. Солотчин.

Ноябрь. На всех производственных участках Норильскстроя выделены уполномоченные БРИЗа. Для премирования рационализаторов и изобретателей отпущено 10 000 рублей.

Геологическим бурением в районе Медвежьего ручья выявлено рудное тело больших размеров. Новое месторождение получило название «Медвежий ручей».

Производственное совещание, созванное В.З. Матвеевым, постановило: «Догнать по градостроительству Подкаменную Тунгуску», где уже была одна улица. Решено составить проект застройки первой улицы (теперь — улица Горная).

За 11 месяцев добыто 640 тонн руды.

В угольной штольне в горе Шмидта добыто около 26 000 тонн угля.

НОРИЛЬСК ДОВОЕННЫЙ

В начальных днях Норильска много не только горечи, но и славы. Подвиг его создателей в равной степени можно назвать подвигом эпохи.

«Правда», 17.08.66 г.

Лишь старожилы вспоминают часто,
Как от большого мира вдалеке
Наш город еще только начинался
На бойком месте — Нулевой пикет.
В ту дальнюю неласковую пору
Врагу, морозам и чертям назло...

Поэт-норильчанин Ю. Климов

Год 1938.

Январь. Началась вывозка грузов с судов Пясинской экспедиции, вмерзших в лед на озере Пясино. Грузы доставляются на Валек тракторами и конными обозами.

Февраль. Метели одна за одной обрушивают на Норильск, на строительные объекты Норильскстроя миллионы кубометров снега. В Норильске, в Дудинке и на Вальке на домах, бараках и палатках наклеены листовки, отпечатанные в типографии Норильскстроя: «НАМ МОРОЗЫ НЕ СТРАШНЫ, РАБОТАТЬ В ЛЮБУЮ ПОГОДУ!», «ВСЕ ВЫХОДИТЕ НА РАСЧИСТКУ ДОРОГ!», «ЗАКРОЕМ ПУРГЕ ДОСТУП В НОРИЛЬСК!».

Март. Все силы брошены на борьбу со снежными заносами. На расчистке железнодорожных путей работают до 1400 человек. Устанавливается 1200 срочно изготовленных деревянных и хворостяных противоснежных щитов.

Апрель. Организован лесозаготовительный участок Норильскстроя на озере Лама.

Началось изготовление керамзита — легкого и прочного строительного материала, получаемого ускоренным обжигом легкоплавких глин.

Утверждено Положение о штабах соревнования и ударничества и переходящие Красные знамена для лучших трудовых коллективов.

Ленинградский институт «Союзникельоловопроект» (СНОП) закончил составление технического проекта Норильского комбината: а) добыча руды (только подземная) на рудниках «Гора Рудная» и «Угольный ручей»; б) коллективная флотация на обогатительной фабрике; в) получение медно-никелевого файнштейна и отправка его на материк для переработки.

27 апреля начальником Норильскстроя назначен **А.П. Завенягин**.

Май. При управлении Норильскстроя организован отдел технического контроля.

Проектное бюро Норильскстроя реорганизовано в проектный отдел.

Норильский сельхоз реорганизован в Норильский совхоз.

Июнь. Пущена в эксплуатацию опытная металлургическая установка (опытный конвертер). 18 июня получены первые полторы тонны файнштейна. Горновым работал С.И. Сердаков, в будущем Герой Социалистического Труда.

Июль. Вступил в строй временный ремонтно-механический завод.

Норильчане изобрели и применили прочный строительный материал — гипсолит. Его готовят из смеси гипса с золой.

Август. Закончены работы первой очереди по балластировке полотна железной дороги Дудинка — Норильск. 7 августа начались сквозные перевозки. Первые поезда повели лучшие машинисты: Негодяев, Сергейчук, Окунев, Ржанов, Сергеев и Лайкин. Завенягин приказал в декадный срок вывезти из Дудинки 700 вагонов грузов, а из Норильска — 5000 тонн угля.

10 августа из Москвы получена телеграмма, разрешающая открыть в Норильске среднюю школу. В тот же день партком постановил к 1 сентября построить в Норильске помещение для средней школы (за двадцать дней). Организована круглосуточная работа.

Сентябрь. Помещение для первой в Норильске средней школы было построено за двадцать дней. 1 сентября в школе начались занятия.

В ущелье Угольный Ручей найдена россыпная платина.

Октябрь. Между Норильском и Дудинкой установлена телефонная связь.

Для организации коммунального хозяйства Норильскстроя и руководства этим хозяйством учрежден коммунальный отдел Норильскстроя.

Основан отдел главного энергетика комбината.

Начато строительство Малого металлургического завода.

Организуется зимняя дорога по Енисею Красноярск — Дудинка. Подготавливаются промежуточные станции для механического и гужевого транспорта с заправочными и фуражными пунктами.

На Октябрьской улице строятся продовольственные склады.

Ноябрь. Добыча руды велась киркой, ломом и лопатой. Горняки рудника № 1 применили горячее бурение и стали выполнять полторы нормы, добыча руды увеличилась.

Водопровода не было. Воду в поселок привозили водовозы и выдавали по ведру на человека в сутки («водная норма»). Воды не хватало. Возле барачников ставили кипятильники и растапливали снег.

Декабрь. Снежные заносы остановили движение на железной дороге. Машинист П.И. Попов двадцать восемь дней вел поезд из Дудинки в Норильск.

Химическая лаборатория крайне нуждается в реактивах и химической посуде. По собственным

рецептам химии нужные реактивы изготавливают на месте, в лаборатории. Стеклодувы делают химическую посуду, даже беззольные фильтры.

Вступил в строй деревообделочный цех.

* * *

Первые четыре года строительства комбината представляют особый интерес. Во-первых, потому, что они самые первые, все начиналось с нуля, все создаваемое было самым первым. Во-вторых, потому, что они — самые трудные (лиха беда — начало). В-третьих, потому, что они самые далекие от нас; время постепенно стирает следы давних событий, и очень важно сохранить то, что оно не успело стереть.

Год 1939.

10 марта, в день открытия XVIII съезда ВКП (б), металлурги Малого металлургического завода выплавляли первые 75 тонн штейна.

5 апреля Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК приняли постановление «О форсированном развитии Норильского комбината».

В июне вступил в строй плавильный цех Малого металлургического завода и получен фанштейн.

Июнь—август. Суда речного и морского пароходства впервые загружаются в Дудинке углем для обратных рейсов. Норильский уголь стал первой товарной продукцией комбината.

15 сентября. Начато строительство ТЭЦ.

В этом году вступил в строй кирпичный завод № 2.

Год 1940.

В июле вступили в строй малая агломерационная и малая обогатительная фабрики.

В октябре начата выемка скального грунта под фундамент Большого металлургического завода (первый взрыв).

За год строители сдали в эксплуатацию 3950 квадратных метров жилой площади.

Год 1941.

15 февраля, в день открытия XVIII Всесоюзной партконференции, начался монтаж металлоконструкций Большого металлургического завода.

7 апреля. А.П. Завенягин назначен на должность заместителя наркома внутренних дел. На посту начальника Норильского комбината его сменил Александр Алексеевич Панюков.

В апреле начато строительство первого многоквартирного трехэтажного дома.

В мае закончена кладка фундамента первой трубы БМЗ. В августе начался монтаж оборудования ТЭЦ.

На руднике «Угольный ручей» по нормальной колее пошел первый поезд.

Вступил в строй механосборочный цех Центрального ремонтно-механического завода.

В сентябре сдан в эксплуатацию гараж на 200 машин.

31 декабря окончена кладка трубы Большого металлургического завода.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

И все же мы вправе и думать, и верить,
Что здесь, в Заполярье, как там, на войне,
Готовя погибель фашистскому зверю,
Мы все, что могли, отдавали стране...
И знали мы: пусть не теперь, а когда-то,
Когда отшумит боевая гроза,
Мы, вспомнив военную быль комбината,
При слове «в тылу» не опустим глаза...

Поэт-норильчанин Г. Попов

В августе 1941 года из прифронтовой полосы был эвакуирован в Норильск мончегорский комбинат «Североникель».

Карское море штормит. Пароход «Щорс» перегружен оборудованием и людьми. Шестьсот мончегорцев,

в том числе женщины и дети. Наскоро сколоченные нары. Теснота. Продовольствия не хватает, пресной воды — тоже...

Одна из улиц Норильска будет потом названа Мончегорской. И сегодня, многие годы спустя, на комбинате работают мончегорцы, ставшие норильчанами в 1941 году.

* * *

Мороз. Пурга. Миллионы кубометров снега. Строители расчищают площадки, готовят котлованы под фундаменты.

Никакой механизации. Кирка, лом и лопата бессильны против вечной мерзлоты. Делают так: раскаленные в костре ломы забивают в мерзлоту на несколько сантиметров. Потом снова и снова. Производительность ничтожная.

Землекопы предложили разжигать большие костры, отогревать грунт огнем, оттаявший, размягченный грунт выбрасывать, на этом месте снова разжигать костер и так углубляться в мерзлоту.

Днем и ночью горят костры, днем и ночью работают землекопы. Начальник Никельстроя утвердил на строительстве должность костровщика.

Никто нигде никогда не решался на кирпичную кладку в морозы. Было известно, что такая кладка весной рухнет. Что же делать? Ожидать теплых дней? Но в сентябре 1941 года Государственный Комитет Обороны потребовал: Норильскому комбинату выдать электролитный никель к 1 мая 1942 года.

Срок — 9 месяцев! Проектировщики работают по 17 часов в сутки: с часу ночи до 6 часов вечера.

Кирпичную кладку нужно начинать немедленно. Но как?

Норильчане нашли выход. Они применили электропрогрев и при 40 градусах ниже нуля возводили не только стены, но и заводскую дымовую трубу. Скептики предупреждали: «Труба рухнет». Труба стоит до сих пор.

* * *

Проект цеха никелевого порошка был выполнен за семь дней. Инженер Кушнев нес чертежи в управление строительства. Над Норильском бушевала пурга, слепила глаза, забивала дыхание, валила с ног. Ураганный ветер вырвал чертежи из рук Кушнева и унес их в тундру.

К счастью, сохранились черновики. Два дня все работали на калькировании. Через два дня проект был утвержден.

* * *

Комсомольцы выступили инициаторами борьбы за экономию строительных материалов, электроэнергии, горючего, металлов. Для разработки и внедрения практических мероприятий созданы комсомольские комиссии.

Начальник Никельстроя приказал:

...1. Начальникам цехов и предприятий оказывать комсомольским комиссиям всемерную помощь.

2. Помощнику начальника политотдела по комсомолу тов. Раеву информировать о ходе работы комиссий.

* * *

Комсомольцы стали инициаторами и активными участниками первого воскресника 24 августа 1941 года. Заработанные 600 000 рублей переданы в Фонд обороны.

* * *

Инженер Глазанов заменил чистый цинк в трубчатках на цинк-медь. Экономия — 22 000 рублей.

Рабочий автобазы Кукушкин предложил способ восстановления сломанных карданных валов автомашин. Экономия — 12 000 рублей.

Инженер Плешков предложил непрерывно поднимающиеся леса на строительстве БМЗ и ТЭЦ. Экономия — 138 000 рублей.

И таких примеров много.

* * *

Строители работали, не щадя сил. Котлованы углубляли до 15 метров, до скального грунта. Полярной ночью по ледяным траншеям катили тачки с бетоном, преодолевая пургу и снежные заносы.

Корпус БМЗ еще недостроен, но в феврале 1942 года металлурги разожгли дрова и кокс в первом ватер-жакете.

Помещение продувается жгучим ветром; резиновая лента транспортера замерзает, руда скользит и падает с ленты. Люди выстраиваются цепочкой и поддерживают руду руками.

Плавка началась. В ночь на 24 февраля по темпельному желобу пошел первый штейн.

* * *

В марте 1942 года пущен первый конвертер. Получен файнштейн.

Не было обогатительной фабрики — плавил богатую жильную руду.

Не было коксохимического завода — кокс обжигали на открытой площадке.

Не было опыта — учились в цехе.

Не хватало механизации — шихту загружали вручную.

Не выдерживали злой стужи и останавливались транспортеры — металлурги носили руду в мешках, но плавку продолжали.

* * *

На Малом металлургическом заводе опустили в электролитные ванны аноды из чернового никеля и 29 апреля получили первый катодный никель.

1 мая из Норильска в Дудинку отправился необычный состав: паровоз и единственный вагон с первой тонной катодного норильского никеля. Из Дудинки летчик Веребрюсов доставил норильский никель в Красноярск. Этого никеля могло хватить на 25 танков.

* * *

В Красноярске комсомольцев вызывали в райком, вручали путевки и говорили: «Поедете на Таймыр строить металлургический комбинат». Парни протестовали: «Не хотим на Таймыр! Хотим на фронт!» Им отвечали: «Не нарушайте дисциплины. Вас отправляют туда, где вы нужнее. Это так же важно, как и фронт. И так же трудно».

* * *

Государственный Комитет Оборона рассмотрел вопрос о доставке норильского никеля на оборонные заводы. Ждать навигации нельзя. Кроме того, речной транспорт — это медленный транспорт. А металл нужен немедленно. Доставлять его самолетами? Они нужны фронту.

Но без никеля не будет ни самолетов, ни танков. И ГКО решает выделить группу самолетов для постоянной и немедленной доставки норильского никеля в Красноярск.

Создан воздушный мост Красноярск — Норильск.

* * *

Фашистский тяжелый крейсер «Адмирал Шеер» совершил нападение на Диксон. В неравном бою погибли семь советских моряков, тридцать — получили ранения.

В тот же день норильский хирург Родионов вылетел на Диксон для оказания помощи раненым.

* * *

В 1942 году на руднике № 1 появились электровазы. Их сделали норильчане по своим чертежам и своими силами.

13 декабря дала ток первая турбина ТЭЦ.

А через несколько дней вступила в строй первая электропечь для производства катодного никеля.

* * *

Можно ли построить металлургический комбинат в почти необитаемой тундре, если у строителей нет кирпича и цемента, гвоздей и лесоматериалов, оборудования и механизмов, если строителям негде жить и у них не хватает одежды и обуви, пищи и лекарств, мебели и посуды, кроватей и одеял, пуговиц и спичек... Если вокруг полярная ночь, бездорожье, мороз и пурга?..

Именно такие условия сложились у норильчан к концу 1942 года. Страна все отдавала фронту. Многие промышленные центры европейской части Союза оказались в руках врага. Железные дороги перегружены военными перевозками. На Северном морском пути разбойничают вражеские подводные лодки...

Норильчане продолжали строить комбинат и выдавать металл фронту.

Сегодня можно только удивляться повседневному героизму, самоотверженности и необыкновенной изобретательности норильчан в те годы.

* * *

Чтобы ввести в эксплуатацию электролитные ванны, нужен был битум М-5. Снабженцы предлагают битум М-3, но он для этого непригоден.

Химики экспериментируют: окисляют битум М-3 в битум М-5. В лаборатории получилось. Но как построить промышленную установку? И как она будет работать?

Инженеры Покровский, Ройтер и Ташлыков построили установку и получили битум М-5.

* * *

Автотранспорт задыхался без горючего. Бензобаки пустые. На базе оказалось много солярного масла, но автомашины не работают на солярке.

Норильчане построили крекинг-установку и получили бензин из солярки.

Одновременно часть машин переоборудовали в газогенераторные (на твердое топливо) и разработали проект получения жидкого горючего из норильских углей.

* * *

Тормозные колодки подвижного состава железной дороги вконец сработались, а запасных нет. Такие колодки выпускают специализированные предприятия из особого сорта чугуна.

Норильчане стали делать их из местной лиственницы. Деревянные колодки сослужили добрую службу.

* * *

Нет взрывчатки, а без нее горнякам не обойтись. Норильчане разработали и осуществили производство взрывчатых материалов — оксидиквита и динамона.

* * *

Строителям нужны гвозди.

Сконструирован и построен гвоздильный станок.

Но невелик запас проволоки для производства гвоздей. Сварщики стали собирать и сдавать на склад огарки электродов. Из этого «сырья» на станке делали гвозди.

* * *

Для производства кирпича нужна глина. Подходящей глины в окрестностях Норильска оказалось недостаточно.

Но не останавливать же строительство! Геологи нашли залежи алевролита. Никто и никогда не использовал его в качестве сырья для кирпичных заводов. Технологи научились делать кирпич из алевролита.

* * *

На исходе серная кислота, а без нее немислимо производство электролитного металла.

Но в норильской руде много серы. Инженеры и химики сконструировали серно-кислотную установку. Плотники воздвигали серно-кислотный цех в затвердевших от мороза полушубках, на жестоком ветру, привязав себя веревками к стропилам.

Комбинат получил серную кислоту.

* * *

Не только производство, но и люди нуждались в самом необходимом. Поэтому предприятия комбината выпускали ложки и кастрюли, стаканы и графины, пуговицы и глюкозу, часы-ходики и детские игрушки, сапожный крем и витаминный экстракт... Даже зубные коронки, челноки для швейных машин и карандаши делали в Норильске.

По предложению инженера Лободы исписанную бумагу обесцвечивали в гипохлорите и получали вполне удовлетворительную писчую.

* * *

За годы войны в Норильске построены: никелевый завод, агломерационная и малая обогатительная фабрики, серно-кислотный и окисиликвитный заводы, рудник «Заполярный», начали строительство рудника «Угольный ручей», кобальтового завода, аэродрома и рудника «Медвежий ручей».

Геологи увеличили запасы руды почти в два раза, а запасы угля — почти в три раза.

Норильчане внесли и внедрили рационализаторские предложения с общим экономическим эффектом 30 000 000 рублей, собрали в Фонд обороны 60 000 000 рублей.

* * *

В 1944 году в зарубежной печати появилось первое сообщение о Норильске. Корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Морис Гиндус в статье «Норильск — центр цветной металлургии в Сибири» писал:

«Среди американцев немногие слышали о Норильске, но для русских Норильск является символом торжества человека над природой Севера. С некоторых пор этот ныне процветающий индустриальный центр, самый крупный в своем роде, поставляет военным заводам бесценные металлургические принадлежности».

* * *

В мае 1944 года Государственный Комитет Обороны впервые присудил комбинату переходящее Красное знамя ГКО и потребовал:

увеличить выпуск никеля в полтора раза;

увеличить выпуск меди в два раза;

начать выпуск кобальта;

довести добычу угля до 650 000 тонн в год.

Норильск строился. Наращивал мощности. Воевал.

На собрании партийно-хозяйственного актива, вручая норильчанам Красное знамя ГКО, прилетевший с передовой гвардии полковник Фокин сказал: «Залпы наших орудий, лавины наших танков начинаются здесь».

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В наступлении на Север первое место по праву принадлежит Норильску, городу, от которого до Северного полюса ближе, чем до краевого центра — Красноярска.

Настольный календарь-справочник //
Коммунист. 1966.

Город наш —
Это фронт,
А на фронте все люди — солдаты.
Замерзая в пути,
Умирали они, как в бою.
Город наш
Это — память о тех,
Кто не дожил до праздничной даты.
Каждый дом —
Это памятник тем,
Кого нет рядом с нами в строю.

Поэт-норильчанин В. Матвеев

В послевоенные годы продолжалось строительство комбината, расширялась его сырьевая база, росло его значение в системе цветной металлургии СССР. Не ослабевало внимание партии и правительства к Норильскому комбинату.

Год 1946.

26 апреля Норильскому комбинату присуждено на вечное хранение знамя Государственного Комитета Обороны СССР.

Май отмечен выдающимися трудовыми рекордами горняков и металлургов комбината:

бурильщик рудника 7/9 Гуцол — 131 % нормы за смену;

бурильщик рудника 2/4 Максименко — 166 % нормы за смену;

бурильщик рудника 3/6 Белозеров — 180 % нормы за смену.

Смена мастера обжигового цеха Новикова — 121 % суточного плана.

Металлурги ватержакетного передела Знаменский, Федюха (в будущем делегат XIX съезда КПСС), Куприянов, Кракузин и другие достигли съема 76 тонн с квадратного метра пода печи при норме 60 тонн.

Год 1947.

Вступили в строй: кирпичный завод № 3, коксо-химический завод, цех электролиза меди, железная дорога Норильск—Кайеркан, автодорога Норильск—Валек.

Год 1948.

В июле начальником комбината назначен Владимир Степанович Зверев.

В ноябре пущены первые агрегаты Большой обогатительной фабрики.

Год 1949.

Пущен плавильный цех медного завода.

Год 1950.

Закончено строительство медного завода. Получены первые тонны электролитной меди.

Вступил в строй цементный завод.

Год 1951.

Осуществлено крупное технологическое мероприятие: разделение фанштейна методом флотации.

Началась эксплуатация рудников 7/9 и «Медвежий ручей».

Год 1952.

Вступила в строй железная дорога широкой колеи Норильск—Дудинка. Узкоколейная дорога закончила свое существование. За семнадцать лет по ней перевезено 22 320 000 тонн грузов.

Год 1953.

Указом Президиума Верховного Совета СССР рабочему поселку Норильск присвоен статус города. Образован ГК КПСС. С 25 декабря стала выходить газета «Заполярная правда».

Год 1954.

В марте директором комбината назначен Алексей Борисович Логинов.

Сдан в эксплуатацию кузнечно-термический цех механического завода. На этом завершилось сооружение предприятий по генеральному плану строительства комбината.

Год 1955.

Основан цех механизированной снегоборьбы. Заключено строительство серно-кислотного цеха.

Декабрь — самый холодный за все годы строительства комбината: жесткость погоды достигала 95 баллов.

Год 1956.

Июнь—август. Норильчанами стали тысячи комсомольцев и молодых рабочих из Москвы и Ленинграда.

Год 1957.

В январе 1957 года разразился ураган. Силу ветра измерить не удалось, так как приборы имели шкалу до 40 метров в секунду. Жесткость погоды превзошла 100 баллов!

В феврале Норильскому горно-металлургическому комбинату присвоено имя Авраамия Павловича Завенягина, умершего 31 декабря 1956 года.

В мае директором Норильского комбината назначен Владимир Васильевич Дроздов.

Год 1958.

Окончено строительство завода железобетонных изделий, молокозавода, телецентра и музыкальной школы.

Год 1959.

В апреле поставлена под нагрузку первая рудно-термическая печь.

Сданы в эксплуатацию плавательный бассейн и городской стадион.

В строительстве началось применение свайного фундирования.

ЭТО — ТОЛЬКО НАЧАЛО

Мы всегда будем с гордостью говорить, что строили Норильск, Талнах, Хантайку. Эти годы навсегда останутся в биографии нашего поколения.

*Из письма норильских комсомольцев
в ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. 1966 г.*

Это — только начало.

Начинается новая стройка.

Начинается новое дело, оно — на века.

Мы сумеем.

Мы выдюжим —

Как и раньше,

и смело, и стойко.

Наша новая стройка —

Великой Программы строка!

Поэт-норильчанин М. Колпаков

Год 1960.

Январь. Закончен монтаж отражательной печи № 1 на медном заводе.

Апрель. Вступила в строй первая в СССР полностью автоматизированная установка К-0 по экстракционному разделению металлов.

Май. Закончено строительство широкоэкрannого кинотеатра на 1200 мест.

Июнь. Норильчане отмечают 25-летие комбината.

На Административной площади открыт памятник А.П. Завенягину. Постамент — из черного полированного камня, скульптурный портрет — из темного литого камня.

Административная площадь переименована в площадь имени А.П. Завенягина.

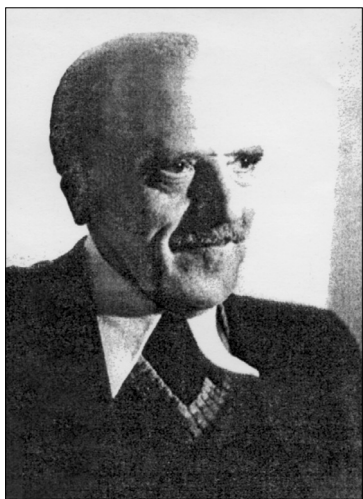
Главная улица Норильска названа проспектом имени В.И. Ленина.

Июль. Норильский буровой станок (НБС-2) представлен на Международной ярмарке в г. Брно. Его создатели: главный механик комбината Т.Г. Стифеев, главный механик ГРУ Г.Г. Дейч и конструктор В.Н. Шишаев.

P.S. Пособие для лекторов, пропагандистов, экскурсоводов Норильская типография выдала в свет (местный – норильский) в 1973 году. Этим годом пока и закончил Т.Я. Гармаш первую историческую информацию о Норильске и комбинате. К сожалению, формат нашей книги не позволил полностью дать «Справку» Трофима Яковлевича. Надеемся дать ее продолжение в следующем томе. А пока обращаем внимание читателя на заголовок «Это только начало», под которым даются строки норильских комсомольцев: «Мы будем всегда с гордостью говорить, что строили Норильск, Талнах, Хантайку...» Не умаляя заслуг молодежи, правды ради все-таки подчеркнем, что положили начало Норильску заключенные в 1935 году. Ценой своей жизни четверть века они строили почти все предприятия, которые работают до сих пор.

Г. Касабова

Трофим Яковлевич Гармаш

Трофим Гармаш:

«Шесть июней XX века»

1908 год

В начале XX века даже академики в Петербурге очень мало знали о северных окраинах Российской империи. Свидетельствовали о том белые пятна на географических картах. Более всего загадочным и недоступным представлялся самый северный полуостров Азии.

Весна 1908 года выдалась ранняя. В начале июня нганасаны «легкими чумами», без семей, вышли со стадами оленей в низовья Пясины и Таймыры. Долганы аргишили у Норильского камня.

И без того крайне редкие кочевья были в 1908 году особенно редкими после эпидемии оспы (1906), которая погубила третью часть населения Таймыра. К северу от озера Таймыр и за горами Бырранга тундра оставалась вовсе безлюдной.

Но что это? Три человека поднимаются на невысокую, голокаменную вершину, видят покрытое льдом море Лаптевых и вдали безымянный остров. Смелчаки прошли по льду на оленях через пролив и построили из плавника избушку. Никифор Алексеевич Бегичев с буссолью и шагомером обошел остров, снимая на карту береговую линию, попутно собирая коллекцию камней, окаменелостей и растений.

Остров, открытый в июне 1908 года Никифором Алексеевичем вписан сегодня во все географические карты мира и называется именем Бегичева, а «изба Бегичева» значится в лоциях.

В июне маленькие колесные пароходы доставили в Дудинку для меновой торговли кирпичный чай,

листовой табак, сухари, муку, порох и свинец; затем развезли неводчиков по тоням и на обратном пути забрали купцов с пушниной для торга в Енисейске.

Было в Дудинке всего 10 домов, в том числе три поповских и один купеческий. Лепились они в беспорядке по верху речного косогора, деревянные и почерневшие.

В ста верстах к востоку, в северном склоне горы Рудной черными норами глядели две штольни, пробитые в 1865 году. Поодаль темнели развалины плавильной печи купца Сотникова.

О Норильске еще нигде и помину нет. Но растет уже в чуме охотника сын Петр. Через 24 года Петр Болин будет делегатом первой окружной партийной конференции. Он возьмет слово и скажет: «Надо немедленно решать вопрос о строительстве железной дороги в нашей тундре».

И далеко от Таймыра, в разных местах Российской империи, растут и работают будущие норильчане, еще не зная общей судьбы своей.

В Ташкенте, на кожевенном заводе работает одиннадцатилетний Володя Матвеев. В семь часов утра влезает он в огромный чан и до семи вечера мнет и моет кожи. Через 27 лет будет он первым начальником Норильскстроя и сделает самое трудное, немыслимо трудное — начнет «с нуля».

И живет на станции Узловка Московской железной дороги машинист паровоза Павел Завенягин. Только семь лет исполнилось младшему сыну. Спустя годы станет Авраамий Павлович Завенягин выдающимся государственным деятелем, и самый северный в мире горно-металлургический комбинат будет назван его именем.

В Нижнем Новгороде учится в гимназии Коля Урванцев, а на Каштымском медеплавильном заводе работает шлаковозом семнадцатилетний Николай Глазков, будущий старший мастер Норильского медеплавильного завода.

1918 год

Медлительная, казалось, навсегда установленная, глухая ко всему, что было за пределами тундры, текла на Таймыре жизнь.

И все же за 10 прошедших лет кое-что изменилось. Богаче оленями стала родовая знать. Больше стало нищих безоленных и малооленных людей.

У Ивана Надэра со станка Караул было всего 15 оленей, а у шамана Вейтуто более 400. У Надэра не было семьи (дай бог самому прокормиться). А у Вайтуто — три жены.

Значительно выросла Дудинка. В ней уже около 20 домов, среди которых выделяется дом с мезонином, с двумя десятками окон и большим крыльцом. Хозяин этого дома, наследник купцов Сотниковых, поступил в 1918 году на службу к белогвардейскому адмиралу Колчаку.

Прошел ледоход, а навигации на Енисее не было. Купцы с пушниной не ожидали пароходов. Дошли и до тундры слухи о великих событиях. Нарастало тревожное ожидание каких-то перемен.

Потом приезжали незнакомые люди. Рассказывали о революции, о Советской власти. Не всему дудинцы поверили, не все поняли, и, к добру все это или к худу, каждый судил по-своему.

Н.А. Бегичев слушал и расспрашивал о грандиозной гидрографической экспедиции, которая готовится в Архангельске для исследования северного побережья от Белого до Охотского морей. Экспедиции предоставили ледоколы «Таймыр», «Вайгач» и «Соловей Будимирович», а также много пароходов, лихтеров и моторных ботов. Для промеров и встречи этих судов выделяются портоизыскательские партии. Бегичев думает, что это к добру. Уж он-то примет участие в экспедиции. Для него это настоящее дело.

А где были и что делали в июне 1918 года будущие норильчане?

Н.Н. Урванцев с отличием закончил Томский технологический институт.

В.К. Котульский, старший геолог геологического комитета Академии наук, знакомится в Томске с материалами экспедиции Сотникова к Норильским горам в 1915 году и приходит к убеждению, что очень перспективно норильское месторождение. Пройдут годы, и будет В.К. Котульский главным геологическим консультантом Норильского комбината.

Революционер и коммунист с 1904 года Н.М. Федоровский (впоследствии норильчанин и крупный ученый) в июне 1918 года возглавляет в Нижнем Новгороде губком РСДРП.

В разных местах, но в одно время вступили добровольно в Красную Гвардию рабочий металлург Н.А. Глазков и молодой фельдшер В.А. Кузнецов, будущий главный хирург Норильска.

Десятилетний пастушонок, босой и вихрастый Данька Браженко пасет сельский скот, а быть ему главным геологом управления угольных шахт Норильского комбината.

1928 год

Пришло и в тундру время больших перемен. Безоленные и малооленные люди вытесняли из родовых советов богачей, «плохих людей, защитников худой, старой жизни».

Работает фактория Валек со складом и магазином для справедливой торговли с населением. Растет Дудинка. Это уже крупный поселок с населением в 300 человек, с больницей и школой. Существует уже и «норильская проблема», для которой год был критическим, решался вопрос — быть или не быть.

Запасы норильских руд признаны недостаточными, месторождение не перспективное.

Все же на лето в Норильске оставлена небольшая геологическая партия во главе с Б.Н. Рожковым. В этой партии работал и студент Г.Г. Моор, будущий главный геолог Норильского комбината. По мировой экономической конъюнктуре основной ценностью

норильского месторождения считались платиноиды, и поэтому Норильск передан «Союззолоту», которое к работам в Норильске приступить не спешило.

15 июня 1928 года в системе Наркомторга создано государственное акционерное общество промышленности и торговли «Комсеверопуть». В последующие годы общество много сделало для экономического развития енисейского Севера.

В июне 1928 года литейщик ленинградского завода «Красный Выборжец» Алексей Логинов окончил рабфак и готовился к поступлению в институт. Через 26 лет будет он директором Норильского комбината.

В.З. Матвеев, который в годы гражданской войны был чекистом и воевал с басмачами, в июне 1928 года руководит строительством железной дороги в Мурманской области.

В июне же в Подмосковье одна из частных сапожных мастерских становится кооперативным предприятием и сапожник Константин Ярцев назначается заведующим мастерской. Спустя годы, К.И. Ярцев будет начальником геологического управления комбината.

1938 год

В начале июня Завенягин вернулся в Норильск из поездки в Москву, Ленинград и Архангельск. Убеждая, требуя, грозя Совнаркомом, он оформил заказы на огромное количество оборудования, материалов, продовольствия. Потом в управлении пароходства с боем добивался «выделения плаведилиц». А теперь в Норильске отдает распоряжения по выгрузке, складированию и распределению грузов.

Но как доставить грузы из Дудинки в Норильск? Строительство уже задыхалось без цемента, оборудования, леса, а временное железнодорожное полотно, сложенное в значительной части из снега и хвороста, стало еще в мае расползаться. В самом Норильске — полное бездорожье.

Все людские резервы Завенягин бросает на балластировку железнодорожного полотна. Аврал по всей трассе. Срочно закладываются карьеры. По деревянным настилам на зыбкой болотной почве тачками возят балласт. Завенягин «пропадает на дороге». У него и квартиры-то еще не было. Свой небольшой багаж оставил он в комнате у А. Е. Воронцова.

И днем и ночью стучали на трассе топоры (какая там ночь в июне!), бригады плотников под руководством инженера Т.М. Цыганкова строили мосты.

На станциях Октябрьской и Алыкель началось строительство водокачек (до этого воду для паровозов брали в ближайших озерах). Созданный в июне цех Дорстрой во главе с инженером-горняком Л. Саввой строит в Норильске дороги, проезды, мосты.

В Норильск прибывают люди. Палаточный городок вырос на восточном склоне горы Шмидта.

В Дудинке плотницкая бригада Я.М. Шутова заготавливает деревянные срубы для отправки в Норильск. В Норильске на будущей Заводской улице поставлено три деревянных дома.

Строители Металлургстроя и проектировщики создавали опытный металлургический цех. Решения транспортной и жилищной проблем не ждали. И вот пущен опытный конвертер, а 18 июня выданы первые полторы тонны фэйньштейна. Для условий, в которых тогда находился Норильскстрой, это был успех удивительный!

И совсем уже фантастически звучало за 69-й параллелью слово «совхоз». В июне привезли коров-холмогорок. И уже выдавали молоко, по строгому лимиту, как дорогое лекарство. И была уже первая теплица. А в конце июня в открытом грунте на пяти гектарах, высадили лук, редис, капусту, нашелся и агроном-овощевод Аркадий Чувствин, и селекционер Мария Сенепал. Директором совхоза назначен Н.И. Иевский, в прошлом командир стрелкового полка Московского гарнизона.

В Норильской партийной организации 30 коммунистов. В июне во время выборов в Верховный Совет СССР, коммунисты Норильска выезжали в отдаленные районы помогать проведению выборов. Большие расстояния и весенняя распутица делали эти поездки трудными и подчас опасными.

Коммунист Макаренко возвращался из Хантайского кочевого Совета с выборными документами. В лодке были также заведующий факторией и его дочь. У Хантайского порога лодка перевернулась и все погибли.

Все было как в бою. В решительной схватке с Заполярьем человек побеждал. Но победа давалась ценой больших, иногда слишком больших усилий. И, как в бою, нужны были и риск, и самоотверженность.

1948 год

В июне директор комбината А.А. Панюков отозван для работы в Главке, а главный инженер комбината, инженер-подполковник В.С. Зверев назначен директором.

Норильчане наращивают мощность комбината, расширяют предприятия и строят новые.

Многотиражная газета «Сталинец» сообщала о строительстве так, что оставалось неизвестным, что и где строится. Одной из важнейшихстроек комбината является объект, строительство которого возглавляет т. Локштанов. «Строители объекта, где и.о. начальника т. Хараз, обещают сдать объект в эксплуатацию в марте будущего года. монтажниками на объекте руководят тт. Сухов и Леринман». Речь шла о БОФе.

В июне руководство комбината призвало все предприятия оказывать помощь строительству БОФ. Организационная и политмассовая работа перенесена непосредственно на участки. Создана на строительстве БОФ партийная организация, секретарем избран Жмыхов.

Строители торопятся, чтобы сдать в эксплуатацию первую очередь БОФ к 7 ноября. Но мастеров-эксплуатационников пока нет. Поэтому в середине июня десять комсомольцев-монтажников командированы для ускоренного производственного обучения на одном из предприятий страны.

Продолжается строительство медного завода.

В июне началось строительство центральной углесортировки с бункерами, подъемником и 700-метровой транспортной галереей. В июне за разработку и внедрение новых методов переработки отходов производства инженерам Норильского комбината И.С. Берсеневу и Ф.Т. Киреенко присуждена Сталинская премия 3-й степени.

Продолжается начатое в мае строительство большого спортзала.

Жилые дома за озером Долгим возводили строители конторы «Горстрой», и называлась эта часть города тоже Горстроем.

Город тогда начинался на Гвардейской площади. На Севастопольской улице в здании, где потом будет окружком профсоюза, — общежитие для семейных, столовая и парикмахерская.

В июне на улице Южной началось строительство здания для горно-металлургического техникума.

Лучшим строителем Горстроя называют П.П. Лебедина, он ежедневно укладывает 1200–1300 кирпичей (при норме 600–800). Начальником конторы Горстрой работает т. Латышев, а главным инженером т. Пода.

Заканчивается строительство первой очереди коллектора (железобетонного тоннеля для городских санитарно-технических коммуникаций). Уложен загородный сброс. Появилась возможность оборудовать дома Горстроя водопроводом и канализацией.

В Норильске две начальных школы, одна полная средняя и одна ШРМ. Свыше 1000 учащихся выехали в июне на летние каникулы в пионерский лагерь «Таежный».

В Норильске восемь детских садов. Дети до семи лет получают натуральное молоко, но только по справкам детской консультации с обязательным предъявлением метрики.

В июне принято решение об открытии в Норильске детской музыкальной студии. Директором студии назначен Н. Закиев.

1958 год

В 1958 году в округе (без Норильска) 43 школы, 48 культучреждений, 62 киноустановки, 46 библиотек, 63 медучреждения.

На каждые 240 жителей — один медработник (в США 1 на 750). На каждую 1000 жителей 17 имеет высшее образование (во Франции 4 на 1000).

В июне 1958 года строители Норильска возводили дома на рубеже улицы Советской.

Длина городских дорог превысила 100 км, по ним курсировало 138 автобусов и 30 легковых такси. В 14 школах училось 10 805 детей, рабочая молодежь — в семи ШРМ. В 22 детсадах содержалось 2700 дошкольников. В библиотеках города более 1 млн книг. Объявлен первый набор в Норильское медицинское училище.

16 июня начата укладка южной стены будущего телецентра. Строится молокозавод. (В конце года молоко будет продаваться в магазинах Норильска без ограничения.)

На Енисее — комфортабельнее дизель-электроходы. Ушли в прошлое перевозки в «пассажирских» баржах.

По-прежнему комбинат строится и совершенствуется. Директором комбината был В.В. Дроздов. Главным инженером назначен В.И. Долгих.

В 1958 году комбинат впервые стал пользоваться кредитом Государственного банка на внедрение новой техники и технологии.

Вступил в строй завод железобетонных изделий.

Строители готовят к сдаче в эксплуатацию первую в стране промышленную экстракционную установку для выпуска кобальта «К-0».

Начиная с 1957 года, комбинат в целом выполняет производственные планы и все-таки остается нерентабельным и получает дотации.

Судьбу экономической работы комбината в 1958 году определяли в основном горняки, так как стоимость вскрышных работ в Норильске была в семь раз дороже, чем «на материке».

Значительно снизить себестоимость и трудоемкость строительства могло бы свайное фундирование. Проектная контора еще в 1957 году выдала рабочий проект на свайное фундирование. А строители и в 1958 году продолжают работать старым способом, роют котлованы.

Но была в 1958 году одна проблема, от решения которой зависела судьба комбината в самой своей основе. Развиваться и расти комбинату и городу или остановиться в развитии.

Речь шла о запасах руды.

До 1958 года основные силы норильских геологов были направлены на деятельную разведку выявленных ранее месторождений, а поискам новых не уделялось достаточно внимания.

С весны 1958 года проведена коренная перестройка направления работ норильской экспедиции и полный переход на поиски новых месторождений. В июне геологи уже развернули поиск. Для связи с Норильском геологи впервые получили рации. С.И. Клаус создает при НКГРЭ экспериментальную службу связи с центральной радиостанцией. В районе Талнаха работала геологическая партия В.С. Старосельцева. Искали не только руду. Хараелахская партия, например, под руководством Д.Ф. Браженко искала уголь.

Весной 1958 года трест «Минусанефтьразведка» возобновил поиски нефти и газа в низовьях Енисея.

Бурильщики геологической экспедиции все еще работают на станках устаревшей конструкции с рычажной подачей. Свинчивание и развинчивание буровых труб производится вручную.

...Теперь мы знаем, что геологический поиск завершился блестящим успехом. Имя ему — Талнах.

Норильск. Вид на Ленинский проспект, 70-е годы.

На переднем плане – камень, на котором надпись гласит, что здесь будет стоять памятник жертвам сталинских репрессий.

Камень на этом месте с 1968 года стоит до сих пор.

Проспект, самый красивый в Норильске, и в 2012 году продолжает носить имя Ленина.

Трофим Гармаш:

«Мороз... в валенках» (заметки архивариуса)

Сегодняшнее воскресенье — последний день первой недели наступившего года. Еще не поздно сказать несколько слов о нашей городской новогодней елке. У нее ведь тоже есть своя история.

Никаких письменных свидетельств о самой первой нашей елке не сохранилось. Однако, как рассказывают старые норильчане, в 1939 году по распоряжению А.П. Завенягина первую норильскую новогоднюю елку установили вблизи от Нулевого пикета, возле первой школы.

Вероятно, так оно и было. Если в 1938 году Норильск еще не был обозначен на карте, то в 1939 году ему присвоено звание рабочего поселка. В том же году на берегу озера Лама открылся первый наш пионерский лагерь, а осенью — первая норильская средняя школа. И, естественно, что 30 декабря перед новой школой поставили новогоднюю елку. Если считать эту дату днем ее рождения, то нынче ей исполнилось 35 лет.

В 1941 и 1942 годах норильчане обходились без елки — не до нее было. Ценой огромных усилий они налаживали производство металла.

К концу 40-х годов поселковый центр постепенно переместился в «новый город», на Гвардейскую площадь. В центре площади стали устанавливать и поселковую елку на том месте, где сегодня лежит (с 1968 года) каменный монолит. Дед Мороз и Снегурочка были сделаны в человеческий рост и не из снега, а из дерева, пакли, мешковины, раскрашены художниками и одеты в новогодние шубы. А Дед Мороз был обут в самые настоящие валенки.

В 1963 году, в ночь на третье января, какой-то

озорник разул Деда Мороза и утащил валенки. Утром на виду у норильчан стоял Дед Мороз на снегу босиком. Что было делать? Оставить Деда разутым нельзя, а обуть его в старые изношенные валенки неудобно. Решили досрочно убрать Деда Мороза.

Место для елки на Гвардейской площади оказалось не очень удобным. Мешало автомобильное движение. Негде было соорудить поблизости традиционную снежную горку для катания на санках. В 1966 году елку перенесли на площадь перед Дворцом культуры комбината, а Деда Мороза и Снегурочку стали делать из снега. Но и здесь для гулянья места оказалось недостаточно. Поэтому в последующие годы ее устраивали на площади перед школой № 8.

Готовясь к встрече 1972 года, 31-ю по счету городскую елку переместили на улицу Орджоникидзе, напротив Ленинского проспекта.

Вероятно, когда завершится строительство нового общественного центра города, елку установят на новой городской площади, там, где сегодня еще пустырь.

Так наша елка прошагала от Нулевого пикета до улицы Орджоникидзе и готовится к новому шагу вперед, в будущее.

Снежные наносы на руднике

Из семейного архива:

Младшая дочь П.Я. Тармаша Татьяна бережно хранит стихи отца

С Новым годом!

Год минувший провожая,
И встречая Новый год,
И работники трамвая
Далеко глядят вперед.

Поднимая наши чаши,
Мы осушим их до дна,
Чтобы все желанья наши
Исполнялись сполна.

Наше первое желанье —
Чтобы не было войны,
Чтобы мирным созиданьем
Были все увлечены.

И отныне и вовеки,
Ни в какой чтобы стране
Не родились человеки
С помышленьем о войне.

Если ж, в виде исключения,
Где-нибудь таких найдем,
Чтобы их без промедленья
В сумасшедший сдали дом.

Чтобы дружба все народы
Помогла объединить,
Чтобы с каждым новым годом
Веселее было жить.

Чтобы зная ленинизма
Осеяло нас в пути,
Чтобы нам до коммунизма
Лично каждому дойти.

И, конечно поздравляем
С Новым годом земляков,
Выпьем чашу за трамваи
Чтоб они без тупиков,

Без задержек и заходов
Проходили целый год,
Чтоб в любую непогоду
Поезда пошли вперед.

Чтобы Харьковским трамваем
Был доволен наш земляк...
Все свершится, что желаем
В Новый год. Да будет так!

**Письмо отца Татьяне
в пионерлагерь «Таежный»**

Здравствуй Татьяна,
Маленькая Мотузюшка !

Письмо тебе пишу
и очень спешу

Для письма тебе сейчас отправил,
А мое, если не успею, сама оставил.

Мы все, от Оли и Шуры,
До меня и до Вовы
живы и здоровы

Я много пишу и читаю,
Пью чаю
И о тебе скучаю.

У нас теплых дней было мало,
А теперь опять холодно стало.
Но мы не унываем,

Плащи надеваем
И думаем, что будет теплая погода
В середине 1971 года.

Видел я Таню Цюрюку.
Она заочно жмет твою руку
И просит передать привет.
Пришлешь ли ты ей ответ?

Оля нажарила пироги вкусные,
Яйце-колбасо-капустные.
Хотел бы прислать тебе пирожок
в конверте,
Да не примут почтовые черти.

Если же дома сохранить его аккуратно,
Пока ты вернешься обратно,
Так ведь пирожок капустный
Полежит и станет невкусный!

Но не горюй. Приедешь – испекем снова.
Видели мы лагеря восьмого
Фотографии в магазине,
Выставленные на витрине.

Но зачем нам такая досада!
Нет фотографии твоего отряда.
Или вы сниматься не хотели?
Или шапки-невидимки надели?

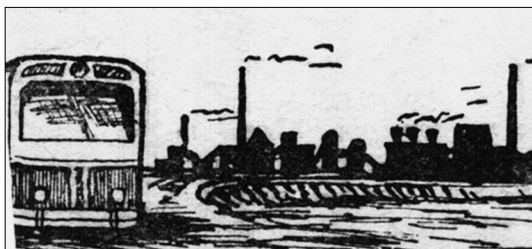
Зря только мы ходили и глядели.
Что же это вы, в самом деле!
И не важно, что на портрете
Не совсем настоящие дети,

А только их изображения,
Которые сидят без движения.
Но давно уже всем известно,
Что и на портрет посмотреть интересно.

Но ничего. Возвращайся скорее –
Крепче, выше и здоровее,
Сильнее, толще и тяжелее.
Чтобы стала ты больше весить,
Не меньше как килограммов на десять.
Тогда, значит, ты хорошо отдыхала,
А на три килограмма – мало!

А за письмо тебе, золотая рыба,
Большое спасибо.
Не напрасно было наше ожиданье.
Ну, а пока до свиданья!

Желаю тебе всего доброго,
Интересного и тому подобного!
Не скучай, живи веселей!
Твой папа, Бармалей.

*Трофим Яковлевич Гармаш любил писать дочери письма в стихах и
сопровождать их рисунками*

НОРИЛЬСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ
ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ
КОМБИНАТ им. А. П. ЗАВЕНЯГИНА

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 1661

Тов. Гармашу Трофиму Яковлевичу

за честный и плодотворный труд на Норильском комбинате более 10 лет
Постановлением № 162 от 29 мая 1978 г.
руководства Норильского комбината и президиума Таймырского окружкома
профсоюза присвоено почетное звание

«КАДРОВЫЙ РАБОТНИК» Норильского комбината

Директор
комбината

Григорьев

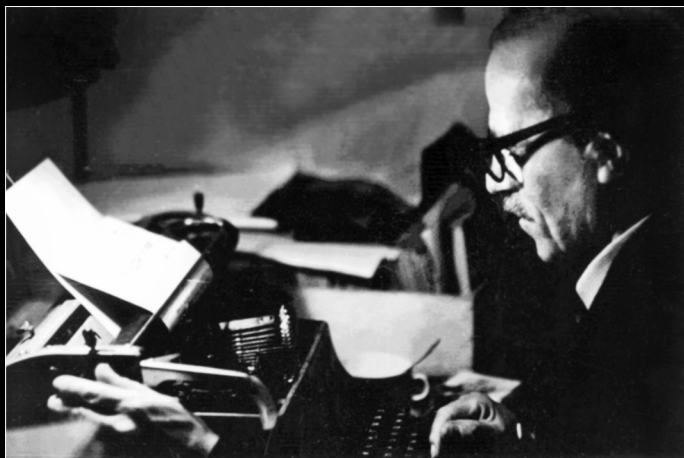
Председатель

окружкома профсоюза

Ордушино

Удостоверение «Кадровый работник» Норильского комбината

Трофим Яковлевич Гармаш

О Трофиме Яковлевиче Гармаше рассказали:

*Анатолий Львов,
Ирина Перфильева,
Павел Волчков*

Р Собранием, хорошее логическое мышление. Способен открыто высказывать мнение. Склонен к обобщению, абстракции, высоким умственным способностям.

Чувствительно удовлетворен, эмоционально уязвим, индифферент. Третье место в жизни. Недовольство, интерес направлены на себя. Высокий уровень притязаний. Отличник, человек, ищет подчинить себе все. Самолюбие.

Малодоступен (склоняется работать в одиночку, а не в группе или) стремится к яркости, хвалится в общении.

Октябрь 1979. Копия характеристики, составленной психологом отдела социологии Управления Кадров Нор. К-та, на Гармаша П.А., в результате анализа специального теста выполненного Гармашем по просьбе

Копия характеристики Гармаша

Анатолий Львов, журналист, историограф Норильска:

«Трофим Гармаш, историк и солдат»

Из письма Трофима Яковлевича А. Погорелову, курсанту военного училища:

«В XVI–XVII веках на Украине в казачьих войсках применялась не только конница, но и артиллерия. Пушка называлась «гармата», артиллеристы назывались «гармашами» (если по-русски, то — «пушкари»). Искусство артиллерийской стрельбы требовало специальных знаний, среди гармашей были грамотные казаки.

В некоторых семьях профессия гармаша передавалась от отца к сыну, и тогда слово «гармаш» становилось прозвищем, а затем и фамилией. Так и наши предки получили фамилию Гармаш.

Восемь твоих прапрапрадеда (четыре «пра») жили уже в начале прошлого века... Среди них были черкасские казаки Гармаши, курские мещане Плесковы и потомственные дворяне Сухопаровы, жившие в Петербурге. Четыре твоих прапрапрадеда (три «пра») жили в середине XIX века...

О твоих прапрадедах. Трофим Гармаш, сын бондаря, окончил в Нежине гимназию и выехал на жительство в Харьков. Там он женился на дочери мещанина Якова Плескова — Пелагее... Яков был достаточно зажиточным и дал за дочью хорошее приданое. На окраине Харькова, на Фесенковской, Трофим поставил кирпичный дом из семи жилых комнат, с обеденным залом и кухней.

В доме у Гармаша бывали интересные гости. Приезжал, например, из своего воронежского имения В.Г. Чертков,

общественный деятель, публицист и издатель, близкий друг Л.Н. Толстого. Гармаш стал толстовцем — последователем религиозно-философского учения Л.Н., был Гармаш и у самого Толстого в Ясной Поляне. В конце века Гармаш заболел чахоткой и лечился в Ялте. Там он познакомился с А.П. Чеховым.

Умер Гармаш в 1902 году, в Харькове, оставив семейных детей. Его сыну Якову, моему будущему отцу (твоему прадедушке), было тогда шесть лет.

Пелагея Яковлевна, несмотря на многодетность, вступила потом во второй брак. Ее мужем стал токарь паровозостроительного завода Андрон Тимофеевич Беланов, человек во многих отношениях замечательный, оказавший большое влияние на всю нашу семью...

Другой прадед, Василий Алексеевич Сухопаров... В 1890–1891 годах, участвуя в плавании на яхте «Тамара», побывал в Каире, Коломбо, на Суматре, в Сингапуре, в Джакарте, в Индии... охотился на тигров и слонов... Г.И. Радде описал это путешествие в своей книге... в двух томах с иллюстрациями академика Н.С. Самокиша... Автор дал Сухопарову краткую, но выразительную характеристику. В.А. умер в Петергофе, предположительно в 1907 году, оставив восемь детей. Его дочери Александре — моей бабушке, а твоей прабабушке — было тогда 11 лет.

...Гармаш Яков Трофимович (отец твоей бабушки Лены и мой) родился в 1896 году. В 1914-м он окончил Неплюевское сельскохозяйственное училище. В том же году... был направлен в Чугуевскую школу прапорщиков... В 1916 году в наступлении русской армии на Юго-Западном фронте (Брусиловский прорыв) Яков Гармаш отличился в бою, за что... произведен в поручики, награжден Георгиевским крестом и месячным отпуском...».

Поверьте, трудно себя остановить, ибо чем дальше — тем интереснее. Ясно, что с приближением к нашему времени у Трофима Яковлевича в руках оказывалось все больше материала, все более точного и достоверного... О том, как георгиевский кавалер познакомился с Шурой Сухопаровой, продавщицей

из магазина книгоиздателя Вольфа, — это и вовсе начало ненаписанного романа. Но Трофиму Яковлевичу завязка сюжета интересна скорее как иллюстрация философских категорий необходимости и случайности, как отражение поначалу несущественных и неустойчивых связей действительности, как результат перекрещивания независимых причинных событий. Автор знает, что его и адресата склонности совпадают, этим и объясняется лирико-философское, с еле заметной улыбкой, отступление, впрочем, вполне в рамках истории рода:

«...вдумайся только, от какой цели множества случайных обстоятельств зависело появление на свет всех нас! Случайно уже то, что Яков и Шура полюбили друг друга (могли ведь встретиться и не полюбить!). Шура уехала из Петрограда в Харьков вопреки сословным предрассудкам, вопреки решительным возражениям своей матери и своих старших сестер и братьев (а могла бы и не решиться на такой шаг). Да и знакомство их в 1916 году состоялось только потому, что Якова пригласил к себе в гости в Петроград его фронтовой товарищ (мог бы и не пригласить). И поехать в Петроград они смогли только потому, что оба отличились в бою, и оба в одно время получили отпуск (а могли бы и не отличиться; могли бы просто не получить отпуск; не все отличившиеся получали отпуск). А отличились в бою, потому что так сложилась обстановка боя (но она могла бы сложиться иначе, и не было бы отпуска). В этом бою оба рисковали жизнью; но если бы один из них был убит — даже не Яков Гармаш, а его товарищ? Тогда встреча в Петрограде не состоялась бы... А если бы Яков после окончания школы прапорщиков был бы направлен в другой полк?.. Дивизионному писарю было совершенно безразлично, куда вписать Гармаша. И судьба всех нас (быть или не быть?) висела на волоске!.. И дивизионный писарь в 1915 году, сам того не ведая, решал нашу судьбу!

Это кажется невероятным, но это действительно так. И не только в нашем случае. Появление на свет любого человека обусловлено бесчисленными абсолютными случайностями, каждая из которых, однако, абсолютно

необходима для того, чтобы данный человек появился на белый свет...».

Тех, кто заинтересовался ситуацией безотнositельно к Гармашу, с чисто философской точки зрения, отсылаю к теории вероятностей, в которой рассматривается так называемое случайное событие (оно может при определенных условиях произойти и не произойти), к закону больших чисел...

Нас же прежде всего интересует сам Гармаш, а мы только познакомились с его родителями, да и то лишь в год их свадьбы, 1917-м...

Не только. Если бы это было так, я бы не имел права на столь долгий фрагмент из письма внучатому племяннику. Думаю, по этим страницам вы знакомились (кто не встречался в Норильске с Трофимом Яковлевичем) и с автором письма. Стилb — это человек. Предметы его забот и интересов — характеристичны не менее. А разве не ясно, сколь системен этот ум, как нетороплив он во взглядах и суждениях?..

Но я-то, безусловно, тороплюсь да и навязываю свое мнение. А надо бы сказать о другом: публикуя начало родословной Т.Я. Гармаша, написанной им самим, очень надеюсь, что эта газетная колонка заставит задуматься не одну сотню читателей. «А что знаю я — о своих предках? А мои дети? А все ли, что мне известно, рассказал им?». И кого-то вдохновит на беседу, кого-то на письмо к старикам, кого-то на «под-виг» — с авторучкой над чистым листом бумаги.

Этот человек появился на белый свет, как мама вспоминала, в самом конце лета, а по новому стилю — в шестой день осени 1918 года. Через шестнадцать лет после того, как умер другой Трофим Гармаш, его родной дед — толстовец, агент издательства «Посредник», по инициативе Льва Николаевича основанного (минимальная стоимость книг, большие тиражи, художественная и нравоучительная литература в духе идей Толстого, не всегда разрешенная цензурой, произведения Гаршина, Горького, Короленко и других).

Для Трофима Гармаша-внука (его давно зовут «дед Гармаш») главным человеком в жизни стал А.Т. Беланов, не родня, как мы уже знаем, по крови, но настоящий глава большого семейства, личность во многих отношениях свет в окне. Пусть не во всем наследовал его Трофим Яковлевич Гармаш, но, по моему разумению, во многом, во всяком случае — в ряде основных черт; что, кстати, лишний раз доказывает: гены генами, тут вопросов нет, но и окружение, воспитание... — что там говорить!

Постоянство... Андрон Тимофеевич полюбил Пелагею, когда той было 17; сделал предложение; после ее отказа предложил руку и сердце... ей же, через двадцать лет, когда она осталась одна. Он любил ее с 1883-го и до кончины в 1944-м. Крестьянский сын из —под Конотопа Андрон Беланов шестнадцати лет от роду был определен в ученики токаря. Дело было в 1879-м. В 1940-м уволился в связи с уходом на пенсию... из того же цеха, 76 лет. Неизменно отклонял предложения стать бригадиром или мастером, хоть приучил к станку и научил работать многих. На пенсию он ушел, потому что парализовало жену, — ухаживать. По той же причине не ушел из Харькова в 1941-м. Пелагея Яковлевна померла при немцах, в 1943-м. Он простудился и умер годом позже.

Неправда ли, даже рассказанное вызывает симпатию, но ведь это почти анкетные данные. За столь малоговорящей канвой — и участие в харьковской маевке 1900 года, о которой писал Ленин, и красный флаг в руках толстовца Беланова в 1905-м (бабушка рассказывала внуку, в каком виде дед добрался домой после разгона демонстрации конными казаками), и депутатский мандат 1917 года от рабочих паровозостроительного завода, и несовпадение выношенных им идей всеобщего братства, любви к ближнему и непротivления злу насилieм с практикой революции и требованиями диктатуры пролетариата...

Последующую позицию деда (на протяжении многих лет) внук оценивает словами:

«В новом мире не было места пощаде и снисхождению... и не было места религиозно-философским иллюзиям. И Андрон Тимофеевич самоустранился...». Тем не менее авторитет его среди рабочих сохранился, на собрании он позволял себе то, что другому бы не простили, а в 1936-м он подал заявление и был немедленно принят — в один год с внуком 18-ти лет — в партию. Правда, через год его, 73-летнего, назвали прихвостнем врагов народа, нарисовали в многотиражке в виде архангела с крылышками (пытался защитити невинных), из партии, конечно, исключили, но — слава богу — не более того.

Он верил в свой народ и в партию. Даже осенью 1942-го. И не скрывал этого. «Доброхоты» нашлись, гестаповцы устроили обыск, увезли библиотеку и рукописи...

Рабочий Биланов с молодых лет занимался философией. В его библиотеке было несколько тысяч книг, и на виду — Лукреций, Спиноза, Кант, Маркс, Вернадский... Он искал ответы на вечные вопросы, поддерживал связи с другими искателями истины, копии писем хранил. Если бы ими не заинтересовались гестаповцы, мы бы знали сегодня куда больше о философе-самоучке А.Т. Биланове по его «философским тетрадям», переписанным... детской рукой внука! Да-да, по просьбе деда еще в младших классах Трофим «приобщился» к философии — безо всякого к тому расположения. Но что уж определенно с тех пор вошло в кровь и в плоть, а попросту говоря — в привычку, с легкой руки и по примеру деда, так это постоянное чтение, с карандашом, с выписками; самообразование, интерес — глубокий и неподдельный — к самым различным предметам, к любому человеку, к его нуждам, истокам его веры или безверия...

Много лет, пока Трофим Гармаш определит основное русло своих размышлений и поисков, сформулирует название дела жизни, да и цель ее, но, мне кажется, системность подхода к знанию, организацию труда подсказал — не напрямую, а образом жизни и работой над собой — дед Андрон.

Я вам больше скажу. Конечно, вряд ли это пришло бы в голову, не прочти я характеристику деда, написанную внуком, но, прочитав, не могу избавиться от ощущения, что в Трофиме Яковлевиче удивительным образом во многих отношениях повторился Андрон Тимофеевич. Не судьбою, не в деталях, а в сути. Я не ищу соответствия, повторов, совпадений в биографиях — они есть, но удивительное не в них.

Постоянство, с которого я начал, доброта, бескорыстие, нравственная твердость, требовательность к себе, граничащая с аскетизмом, — все это в равной степени характеризует и внука.

— Вы явно завышаете мой моральный потенциал, — сказал бы скромно Трофим Яковлевич, прочитав предыдущий абзац. — И не случайно остановились, не решаясь продолжить: не лгал, не пил ничего спиртного даже в праздники; не курил... Я-то долго лгал, даже себе, случалось, пил, и до сих пор курю...

Лгал, считая это своим долгом и обязанностью. Лгал из страха за жизнь близких. Пил, случалось, не совладав с собой или уступив не слишком благополучным генам, или от казавшейся безысходности... Не «или», а все вместе — не позавидуешь, сколько пришлось ему перенести, разве что, кроме лагеря, но очень близко и к тюрьме, и к суме... А курит свои «гвоздики» и сейчас — хоть святых выноси.

Обонянию это не мешает: чует ложь за версту, и его переворачивает, когда видит, что кто-то держится за старое, привычное, безгласное, спекулятивное, конъюнктурное. Чист и обидчив, как ребенок. В помыслах — светел и свят.

Поверьте мне. Для доказательства места не будет. Да и что есть доказательство? Те же слова. Ведь я тоже верю на слово, что дед Андрон никогда не сквернословил и не оскорблял словом: «В тех же редких случаях, когда он сталкивался с особенно дурными поступками или суждениями, он, строго глядя в глаза, говорил — «мерзавец!», и прекращал разговор, считая в таком

случае дальнейший разговор бесполезным. И это было самым сильным проявлением его возмущения и гнева».

В редакционной комнате «Огней Талнаха» на руднике «Маяк» Гармаш появился неожиданно-негаданно. Маленький, неухоженный, с явными признаками неумеренного курения, в руках потрепанный чемоданчик-«балетка»... Ну никакого вида. Из четырех отделов культуры, сказал, его уже попросили, содержимым чемоданчика не заинтересовались, на вас надежда тоже не большая, но... И вынул несколько школьных тетрадей. «Система такая...». Скороговоркой, видимо, боясь, что его перебьют.

Система была примитивной, но системой. Факты, приведенные в порядок, тут же производили впечатление. Передо мной сидел чудак чудачком, но с тем же успехом его можно было назвать человеком с идеей. Идея звучала бы так: собрать миллион фактов норильской истории — а там видно будет. Гость, правда, ничего не провозглашал, не формулировал, а пытался привлечь внимание к тому, что — по разным причинам — не числилось среди первостепенных нужд общества: к знанию собственных корней.

Цеховой художник-плакатист с обоганительной фабрики, ставящий на ноги — без женщины в доме — трех девчонок-дочерей, мал мала меньше, Сашу, Олю и Татьянку; пятидесятилетний отец-одиночка, бедовавший, намучившийся «на материке», едва оклемавшись, в качестве досуга, хобби, принимается за то, что не грело, не вдохновляло (или столь мало, что не о чем говорить) ни учителей истории, ни журналистов.

Впрочем, никому до Гармаша и в голову не приходило, что можно коллекционировать факты, извлекать общественную пользу из этой коллекции. Или приходило, но мысль тут же отбрасывали за неосуществимость: трудоемко, безразмерно, бесперспективно...

Гармаш должен был явиться миру — и он явился. С его талантами обязательной системности в любой

работе, фантастического упорства, жажды знаний. А поверить в себя, в свои силы его заставил, ему помог Норильск. Как многим.

В тот июньский день знакомства с Гармашем и его будущей картотекой я спросил: «А можете подобрать факты к публикации такого рода — шесть июней XX века?» — «Это что значит?» — «Ну, на дворе 1968-й... А что было в этих местах в 1908-м, в 1918-м, в 1928-м...». «С удовольствием!».

На том и расстались.

Вот она, передо мной, первая публикация, написанная «Трофим Гармаш». Ей двадцать лет, но ей не дано стареть, наоборот, все острее наш интерес к событиям родной истории, к пропускам в летописи (отнюдь не по вине автора), даже к ошибкам, которые ныне свидетельствуют: как мало знал о себе Норильск всего-то двадцать лет назад... Зато, если знал (из того, что позволено было, и сверх того), то благодаря стараниям самодеятельного историка, увлеченного человека всего-то с пятью норильскими годами за спиной, собиравшего из всех возможных источников и записывающего пока еще в школьные тетради каждое упоминание о Норильской земле и людях, к ней причастных.

1908: Весна выдалась ранней; кочевья редки (после эпидемии оспы); Никифор Бегичев с буссолью и шагомером обошел остров, еще не названный его именем; колесные пароходы, как всегда, доставили в Дудинку (10 домов) товары для меновой торговли. Ташкентцу Володе Матвееву, который моет чаны на кожевенном заводе, 11 лет. Младшему сыну паровозного машиниста Павла Завенягина — семь...

1918: Урванцев с отличием окончил Томский технологический, Федоровский возглавляет в Нижнем губком РСДРП, фельдшер Кузнецов вступил в Красную армию...

1928: Работает фактория Валек. Запасы норильских руд признаны недостаточными. В партии

Б.Н. Рожкова обращает на себя внимание студент Г. Моор. Литейщик с «Красного Выборжца» Алексей Логинов окончил рабфак...

Компиляция? Конечно. Местами вовсе не критичная, но невод заброшен. Пусть принес он не только золотистый улов, вместе с ним — тина, гнилушки... И однако, труд был начат великий, необходимейший.

Думаю, если бы не Гармаш, или если бы только сегодня кто-то приступил бы к обработке всего имеющегося исторического материала по гармашской методике («беру все — там разберемся»), мы бы недосчитались немалого числа имен и событий. Именно он не дал им кануть в Лету.

Каюсь, я не сразу это понял и слишком привередливо — в качестве редактора — относился к любой ошибке, легко объяснимой, если иметь в виду малый норильский стаж истории.

— Как вы можете! Какие артисты из Венгерской Народной Республики! Это была эстрадная группа закарпатских венгров!

Трофим Яковлевич смущенно улыбался. Впрочем, и он воспламенялся, как порох, защищая «открытия» для него принципиальные. Так, где-то он выписал (или сам пришел к выводу), что древние римляне могли добраться до Чукотки... Мой скепсис, естественно, не знал предела. Я высмеивал версию, как мог. («Никогда не держал вас за нумидийца!») Гармаш стоял насмерть...

Сегодня я признаю, что был неправ. Не потому, что открылись новые обстоятельства, потому, что теперь знаю: та версия была «достаточно безумной», чтобы остаться истиной. (Полуцитируя любимого героя Трофима Гармаша — Нильса Бора, хоть тот говорил отнюдь не о римских legionерах в бухте Певека.)

Но это уже речь о более позднем периоде работы Гармаша — в известном не одной сотне норильчан кабинете № 13 в Доме техники, где постепенно накапливался стараниями Трофима Яковлевича клад под названием «Картотека истории Норильского комби-

ната». Куда стали приходить с исповедями и старыми книгами, приносить семейные реликвии и лагерные многотиражки. Куда вдруг доставили мешок-два архивных документов из Новосибирска. Здесь все чаще звонил телефон: «Подскажите, пожалуйста...».

В свои служебные обязанности Гармаш кроме ведения и пополнения картотеки, выдачи справок, записывал: «Выполняет научно-исследовательскую работу, устанавливая подлинность рукописей и документов или их копий, сличая содержащийся в них исторический материал с другими источниками, сравнивая исторические версии, находя наиболее правдоподобные интерпретации (событий, фактов, явлений), уточняя их даты... Заботится о пополнении книжного фонда, комплектуя его историко-производственной, краеведческой и справочной литературой, а также фонда магнитофонных записей, выступлений и воспоминаний старожилов, составляет монографии по истории отдельных объектов комбината и города или периодов...». Каков замах!

Несколько лет Гармаш вел в «Заполярке» (еще малого формата) колонку историй — крайнюю левую на четвертой полосе, а потом долго выступал в роли архивариуса в еженедельном телеобзоре «По норильскому времени». С неизменным успехом.

Почему он ушел от этой работы: по причинам самым разным, но три из них заслуживают рассмотрения.

Первая. Жизнь сложилась так, что в первую его половину обстоятельства слишком сковывали Гармаша. Не он строил свою жизнь, она его строила. Только к исходу полувека он совладал с индейкой-судьбой. Пришлось взвешивать на строгих весах. Что же должно стать главным в оставшейся жизни?

Вторая. «Он слишком много знал». Чем дальше — тем больше перед ним приоткрывалась тщательно закрытая часть норильской истории. Прежде всего из устных рассказов становилось ясно, что огромный объем информации ускользает, уходит

вместе с людьми в небытие. Специальные архивы — за семью замками. Цензурные ограничения вязали по рукам и ногам. Обратиться через печать к старым норильчанам было невозможно. Даже назвать вещи своими именами.

Третья. Это человек «одной, но пламенной страсти». Если бы история Норильска оставляла возможность параллельно заниматься философией, он бы постарался примирить их в своем сердце. Но и та, и другая не терпела соперницу. Философия естествознания постепенно завладела им безраздельно.

Так что, заработав на пенсию и дожив до самостоятельного плавания по жизненному морю с самой младшей из дочерей, Трофим Яковлевич, недолго посопротивлявшись «внутреннему голосу», засел за труд своей жизни и почувствовал себя счастливым человеком.

Он выстрадал свое счастье. Еще отроком его, обезноженного, выносили в сад, на солнце, считая обреченным, дни которого сочтены. Он сам вылечил себя. Потом его несколько раз убивали — с июня 1941-го до мая 1945-го. Убить не смогли, но ранили дважды; попали гады, хоть и мал ростом...

Никогда Трофим Яковлевич не вспоминал вслух самые черные дни своей жизни. Разве что — однажды. В «самые» не попали дни отступления, голода, холода. «Самые» — когда нужно было выбирать: подчиниться дисциплине и взять грех на душу — или, рискуя головой, презреть требования «от имени государства». Короче: стучать или не стучать (доносить об услышанном и увиденном — или нет).

Для кого-то из молодых читателей такой дилеммы уже не существует: раз и навсегда выбор сделан в пользу порядочности.

Это слово на протяжении десятилетий не было слишком популярным. Но и не запрещалось, означало, как и сегодня, честность, самоотказ от свершения низких поступков... Только какой считать низким? «Низкий — он во все времена низкий!» Ой ли? Ну а

если, к примеру, тебе, при тебе, или даже за стеной говорят: «Этой сволочи осталось царствовать!» И речь идет...

Страшно вымолвить.

О Сталине. Мудром, родном и любимом. О котором народ слагает песни. Который нас вырастил. С именем которого люди сражались и побеждали в самых суровых боях. За которого, не задумываясь, отдавали жизнь. Со здравицей в честь которого принимали казнь (чуть грешу против истины — об этом еще не ведали. — А.Л.). Сталин — наша слава боевая. Сталин — нашей юности полет. Сталин — это Ленин сегодня...

«Сказать или не сказать? Доложить, как и полагается каждому честному советскому человеку, — или нет?»

Доложить — стыдно. Не доложить — совершить преступление. Перед народом, партией, страной.

(Поймите, верхогляды и болтуны 1988 года, готовые на подвиг... сорока годами раньше, — это не просто слова; и не то страшно, что не исключена провокация — доложит или не доложит? — хоть и это нагоняет страху; еще страшнее: а вдруг в услышанных словах таится действительная угроза жизни самого близкого и дорогого человека.)

...Это — отдельная тема, но медленно, ой как медленно излечивался политбоец Гармаш, сержант-артиллерист Гармаш, литейщик, станочник, проводник железнодорожного вагона, художник-копиист, перерисовавший за свою жизнь сто портретов-икон с родными чертами и усами, от фанатической веры в Генералиссимуса, Председателя и Секретаря в чистоту его помыслов, безошибочность суждений, выводов, дел и поступков.

Однако видящий видит, слышащий слышит, мыслящий мыслит. Работающему уму не запретишь работать, и потому назвать потрясением то, что 38-летний Гармаш узнал из материалов XX съезда партии, уже нельзя было. Коммунист Гармаш оказался

внутренне готов к правде. Пусть даже ошеломившей. И если общество лишь осудило культ личности, а потом стало «забывать» то, что его так ужаснуло в 1956-м, то лично Гармаш больше никогда не простил себе слепой веры. Его уже не могли обмануть слова, слова, слова, не подкрепленные делом.

Через четверть века после XX съезда, изучая материалы XXVI-го, посевший Трофим Яковлевич, не умея и не желая избавиться от привычки приводить в систему любые знания, даже со знаком минус, с горькой усмешкой выстукивал на машинке (только для себя, но себе изменить он не мог):

«О личных качествах Л.И. Брежнева. Его отличают... мудрость (жизненная, партийная, политическая, государственная, теоретическая, ленинская), дальновидность, проницательность, прозорливость, талант (политический, организаторский, неиссякаемый), талантливость великая, гениальность, неустанность в борьбе, неутомимость в деятельности, энергия (творческая, неиссякаемая, неукротимая), целеустремленность неумная, опытность разносторонняя, гибкость политическая, стойкость непоколебимая, принципиальность классовая, человеколюбие, человечность высочайшая, последовательность, беззаветность в борьбе, оптимизм безграничный, реалистичность, масштабность, он пламенный борец, лидер всенародный, наш рулевой, руководитель испытанный, ленинец верный, революционер великий: он ведет уверенно, обращен к людям, свершает, творит, претворяет, спланирует, направляет; его сердце молодо; его приветствия сердечны, его речь проникновенная, его авторитет величайший (высочайший); его деятельность яркая (кипучая, плодотворная, многогранная); его опыт богат (громаден), труд — титаничен, роль — выдающаяся, заслуги неизмеримы (исключительны), вклад — колоссален; он обладает даром провидения...».

Все ссылки на месте — авторы, страницы...

Из письма, которое я получил в начале этого года:

«Насчет юбилейного — правильно: для меня — юбилейный. И насчет «какие наши годы!» — тоже верно. Воз-

раст понятие относительное. Всемирный съезд геронтологов установил считать возраст до 45 лет молодым, от 45 до 59 — средним, от 60 до 75 пожилым... Можно и в 60 быть уже стариком, а можно и в 90 не допускать до себя старость. Бертран Рассел... умер в 98 лет за письменным столом. Причина старости... в утрате поисковой активности, в результате чего защитные системы организма самоисключаются...

Все дни занят своим делом, пишу, печатаю на машинке. Вечерами регулярно читаю. Выписываю «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Москву», «Дружбу народов», «Огонек», «Юность», «Роман-газету», «Литгазету» и, конечно, журналы по философии и естествознанию, да еще шесть газет. И это — прошу заметить! — со своей пенсии, без дотации.

Сегодня не читать невозможно. Такого на моей памяти не было никогда. Синим пламенем горят потемкинские деревни...

С «оттепелью» несравнимо. То было всего лишь кратковременное потепление, за которым последовала мерзость запустения. А теперь — настоящая весна и пробуждение жизни. Весна только началась, «идет, гудет зеленый шум», и наступит лето, когда будем собирать плоды. Ведь мы еще должны научиться быть настоящими гражданами, в высоком смысле этого слова.

А помните, как однажды мы с вами шли домой... Я тогда сказал: уже невозможно, чтобы все это продолжалось... пройдет не более пяти лет, и все решительно изменится... Я уже слышал подземный гул!..

Жаль, что я сегодня оторван от коллектива, от общества и не могу уже принять личное участие в этой «буче кипучей». Я было вначале увлекся, даже оставил свою работу и стал снова собирать материалы по советской истории, благо в печати фактов появляется предостаточно... И хотел было, пользуясь свободой слова, высказать в печати свое мнение по некоторым вопросам прошлого и настоящего. Но потом спохватился: ведь так я свою работу не успею довести до конца. А что касается обнаружения исторической правды и поисков правильного пути, то теперь уже и без меня скажут и найдут и правду, и путь. Наверное, люди

более сведущие, чем я, пишут историю заново. А может быть, уже и написали, и лежит она у кого-либо в столе. Ведь при Сталине, когда в угоду ему возвеличивали Ивана Грозного, изображая «революционера на троне», оправдывая массовые казни, именно тогда С.Б. Веселовский написал правду об Иване IV («Исследования по истории опричнины») и спрятал книгу в стол. Она была опубликована после смерти Веселовского, в 1963-м...

И вернулся я к своему главному делу».

(Февраль 1988 года.)

Даже не знаю, как мне поступить. Ничего не рассказать о деле — главном для Трофима Гармаша — нельзя, не простит читатель. Сказать в двух словах вряд ли удастся, да и не простит Гармаш. Но писать подробно — это уже другой очерк: «Философ Трофим Гармаш».

Решаюсь вот на что. На возможные вопросы читателей ответит мой герой (обращаюсь к его письмам в Норильск, к дочери Александре и ко мне):

«К работе над проблемами естествознания я пришел не сразу. Однако целеустремленно и настойчиво я начал ее довольно давно — двадцать лет назад. Эти двадцать лет мне потребовались для самообразования в области физики, космологии, биологии, психологии, а также для поиска и накопления большого вспомогательного материала... «А результаты? Ведь годы ушли, а книги ты все еще не написал? Не так ли?»

Да не написал. И кто знает, успею ли написать. Но работать буду и надеюсь, что напишу».

(Февраль 1983 года.)

«Новое миропонимание (которое я выдумал, которое отнюдь не в моем только воображении, а в действительности вступает в пределы современной науки) утверждает, что для того, чтобы познать человека (и даже прежде того!), нужно познать мир, Универсум в его глубинной структуре, в его космических масштабах, в его многоликости и единстве. Тем и занят.»

(Февраль 1985 года.)

Что значит «работать буду» и «занят» по-гармашски? Подъем в шесть, горячая ванна (а не холодное обтирание), работа, легкий завтрак, работа, часовой сон, обед, работа, прогулка (не без цели), легкий ужин, чтение («постороннее»), отбой после 24-х.

Как понять и совместить очевидную для здравого смысла автономность человека по отношению к миру и в то же время полную нераздельность, слитность человека с миром? Что есть человек? Что такое мир?

(Может быть, вы думаете, наука давно ответила на эти вопросы? Давно — да, но с недавних пор, как написал один академик, уверенности нет и в помине.)

Философ Гармаш — один из тех, кто пытается приблизиться к ответам. Нынешним летом я читал первые главы его труда «Мир и человек». Естественно, не берусь оценивать то, в чем слабо разбираюсь, но читать интересно. Местами — захватывающе. Лелею надежду, что академик Фролов, прочитав этот очерк, пригласит Гармаша в телевизионную гостиную «Института человека» — побеседовать, выслушать, поспорить... Мне кажется, Гармаш готов отстаивать свои позиции на любом уровне.

Но если даже отбросить выводы, заключения и гипотезы, то, что уже сделано, написано, может быть предложено в печать, — как это назвать? Сотни фактов, имен, ссылок, отточенные пики доказательств, строгая система отбора, научность (в меру) и публицистичность изложения... Портреты, зарисовки, эссе, новеллы и даже математические выкладки, не пугающие объемом и сложностью... Здесь метафизика и атомная физика, статистика и астрономия...

Это и своеобразная энциклопедия, и учебное пособие по онтологии для студентов неспециальных вузов (которым «противопоказан» математический аппарат), толковых старшеклассников и любознательных взрослых.

Это увлекательный конспект знания тех богатств, которые выработаны человечеством о глубинной сущности мира. Автор сражается на баррикадах, защи-

щая собственные воззрения, выношенное, давшееся ему не бескровно и не в одночасье. Он полемизирует с могучими умами, покушаясь на их авторитет (и не очень заботясь о своем).

Чтобы все же не быть голословным... «Никто не знает — говорит мне в тихой вечерней беседе Трофим Яковлевич, — как возникла жизнь. Никто и не может знать. Потому что она не возникла, она была всегда. Трансформировались лишь формы жизни, даже не представимые нами».

Понимаю, что тезис примут в штыки, призвав в союзники Опарина, Шмидта и кого только не...

Трофим Гармаш выдержит. Как в 1942-м. И позже — перед теми лейтенантами, которые во что бы то ни стало хотели «найти виновного» (на допрос Гармаша доставил ночной трамвай — персональный!). Этот потомок гармашей и сам пушкарь, внук лейб-егеря, ходившего на тигров и крестьян, не боявшихся труда от зари до зари, интеллигент по духу и воспитанию, он редкостно стоек. И корни, и убеждения, и сила духа, и цели помогли выстоять. Не просто уцелеть, а подняться над миром, охватить его мыслью.

Живет на рабочей окраине Воронежа наш земляк, совершивший подвиг самообразования и самопознания, пусть на шаг, но приблизившийся к ответам на вечные вопросы. Спасибо ему за его раскованный, ищущий, критический ум. Спасибо уже за то (хотя бы), что взял он на себя труд прочесть тысячи книжек и пересказать главное в них, чтобы миллионы людей не померли, так и не имея понятия, к примеру, о необходимом и случайном, далеко- и близкодействии. Демокрите и Эпикуре, Декарте и Лейбнице, Гольбахе и Планке... Как это? — один из трех кварков, «составляющих» протон в 40 раз... тяжелее протона. И каким образом сын космонавта может оказаться старше вернувшегося отца. И почему они узнают друг друга, коль за время жизни человека все его клетки заменились множеством раз?

Как быстро течет время! Совсем, кажется, недавно Даниил Трофимович Гармаш, красный конник и

большевик, комиссар всех банков Украинской Советской республики, вез в переполненном вагоне малыша-племянника из голодного Екатеринослава в Харьков. И вот уже тот малыш отмечает свое семидесятилетие и пытается вспомнить себя в возрасте, в каком сегодня пребывает внук Алеша. Он, как и еще пять гармашат, только-только всматривается в мир.

*Опубликовано в «Заполярной правде»
8 сентября 1988 года.*

Написано к 85-летию
со дня рождения Т.Я. Гармаша

Ирина Перфильева,
специалист архивного отдела администрации Норильска:

*«Человек, решивший поспорить
с судьбой»*

«**В**се наши дела, мысли и речи следуют за нами — творите же добро!» Этот древнеиндийский афоризм я прочла в одной из тетрадок Трофима Яковлевича Гармаша, бережно хранимой его младшей дочерью Татьяной. Норильского архивариуса помнят многие старожилы города. Навсегда остался он в памяти Норильска.

Трофим Яковлевич приехал в Норильск в 1963 году. Именно здесь он начал по крупицам собирать историю города и комбината. В его домашнем архиве можно было найти огромное количество информации о прошлом Норильска, он собирал вырезки из газет и копии приказов, записывал рассказы очевидцев, создавая свою фотографическую картотеку, которую позже назовут уникальной. Он не скупился на советы и помощь. Многим был знаком его кабинет в Доме техники, где располагалась картотека истории Норильского комбината.

При всех трудностях своей жизни — он один воспитал трех дочерей — успевал везде: в качестве архивариуса участвовал в телевизионной программе «По норильскому времени», сотрудничал с «Заполярной правдой». «Нужно ценить каждый час, каждую

минуту, ведь это время уже не вернешь», — любил повторять Трофим Яковлевич.

Он уехал из Норильска, прожив в нем двадцать лет, вырастив дочерей и оставив после себя многолетний труд — «Историко-географическую и социологическую справку о Таймыре, Норильске и комбинате». Все, кто хоть когда-то обращался к этой работе, добрым словом вспоминают составителя, порой даже не зная его имени... В Воронеже, потом в Москве Трофим Яковлевич Гармаш продолжал работать над своими рукописями. После его смерти в печатной машинке, которая многие годы служила ему еще до Норильска, так и остался лист с незаконченной фразой...

О его личной жизни мало кто знал, он был скрытный, неразговорчивый и в то же время заботливый и любящий. Воспоминания об отце, о своем детстве, которыми поделилась со мной Татьяна Трофимовна Ястребова (Гармаш), и легли в основу этой публикации.

С Марией Максимовной Бойко — своей будущей женой — Трофим Яковлевич познакомился в Харькове, вернее, их познакомили заочно, представив его молодой женщине как человека начитанного и культурного, добавив при этом: «Он тебе обязательно понравится». В свои тридцать два года Трофим Яковлевич так и не был женат. Может, война помешала или какие другие причины были...

О войне знал не понаслышке — с первых дней был на фронте, домой возвратился в мае 1945-го, израненный, с боевыми наградами: орденом Великой Отечественной войны первой степени, медалью «За победу над Германией».

Мария Максимовна была вдовой, муж погиб на фронте, она одна воспитывала сына. Кстати, с Володией они подружились сразу, и мальчик, безоговорочно приняв его в семью, с первых же дней называл отцом, пронеся сквозь годы благодарность и уважение к человеку, воспитавшему его.

Поженившись в 1950-м, они сразу переехали в поселок Казачья Лопань, что недалеко от Харькова,

где жили родители Марии Максимовны. Построили небольшой домик с соломенной крышей и земляным полом. В двух комнатах разместилось все имущество семьи Гармаш: железные кровати, стол да стулья. Скромную обстановку довершал деревянный сундук с постельным бельем и одеждой, на котором висел железный замок, да большой «матерчатый» радиоприемник, перед ним впоследствии часами могли просиживать девочки, воображая, что это телевизор.

Материально семье было нелегко. Трофим Яковлевич работал директором клуба, зарплата маленькая, выручал огород и небольшое хозяйство. В 1952 году в семье рождается первенец — дочь Оля, а через год, в поисках лучшей доли, они уезжают в Астраханскую область. Снимают квартиру, Трофим Яковлевич работает проводником на поездах дальнего следования, но жить не становится легче. В 1954 году забот у семьи прибавилось: родилась еще одна дочь, Саша, которую отец назвал в честь своей мамы.

Спустя какое-то время семья вновь возвращается в родной поселок. А в 1958-м на свет появляется младшенькая, Татьянка. Ждали сына. Но младшенькая сразу становится любимицей всей семьи, особенно старшей сестренки. Ольга зацеловывала кроху до слез. Отец, никогда не повышающий голос на детей, нахмутив брови, мягко внушал дочери: «Милый мой дончик, так делать нельзя».

К бабушке и дедушке, единственным, у кого в деревне был телевизор, девочки ходили редко. Дед,

*Оля, Саша и Таня с бабушкой
Александрой*

председатель колхоза, был очень строг. Но бабушка, встречая внушек, всегда ставила на стол их любимое лакомство — мед. Намазывая его на хлеб, они за обе щеки уплетали эту вкуснятину.

По рассказам Татьяны Трофимовны, Казачья Лопань — место удивительно красивое. Летом там раздолье для детворы. И босиком можно бегать, и в речке плескаться, да еще и рыбку на мелководье платьями ловить. А разве можно забыть вкус рассыпчатой пшенной каши с тыквой — прямо из печи, которую ставила на стол проголодавшимся детям мама? Вот только зима приносила семье хлопоты: с теплой одеждой было трудно всегда, вместо валенок — бурки, пошитые из толстой суконной ткани на резиновой подошве.

Когда Татьянка подросла, старшие девочки уже ходили в школу. Ей так хотелось от них не отставать, что всякий раз просилась проводить сестер в школу. Поэтому иногда путь туда и обратно они проделывали вместе, доверяя младшенькой нести свои школьные тетрадки. «Между нами не было ни ссор, ни обид, мы были очень дружными сестрами, — вспоминает Татьяна Трофимовна, — и с годами становились только ближе друг к другу».

Трофим Яковлевич состоял в то время в Харьковском клубе писателей. У дочери сохранился сборник стихов на украинском языке, где в числе других авторов было и имя Гармаша.

Одно из стихотворений, которое принесла мне Татьяна Трофимовна, тоже относится к харьковскому периоду и посвящено трамваям. В нем есть такие строчки:

Выпьем чашу за трамваи,
Что они без тупиков,
Без задержек и заходов
Проходили целый год,
Чтоб в любую непогоду
Поезда пошли вперед,
Чтобы Харьковским трамваем

Был доволен наш земляк...
Все свершится, что желаем
В Новый год. Да будет так!

(«С Новым годом»)

«Моя бабушка по отцу писала стихи. Как-то, будучи у нее в гостях в Курске, я прочла ее посвящения любимому сыну, внукам: они были очень трогательны», — вспоминает Татьяна Трофимовна. Кстати, сестра норильского архивариуса, Елена Яковлевна, живет в Курске и сейчас. У нее дома огромная библиотека, знаменитая на весь город. Каждый день к ней едут многочисленные читатели, и она, несмотря на свой преклонный возраст, всегда готова им помочь.

В 1960 году после армии по оргнабору в Норильск приезжает старший сын Володя, устраивается на работу на рудник «Комсомольский». В поселке всей семьей вслух читают его письма. В них первые впечатления о городе, о работе. И в конце приписка — заработки неплохие, жить можно.

В 1963 году по вызову сына в Норильск приезжает Трофим Яковлевич. Устраивается оформителем наглядной агитации в ЖКУ, живет вместе с сыном в общежитии по улице Завенягина. Через год они приезжают в отпуск в Казачью Лопань. Девочки, бежавшие к ним с речки наперегонки, крепко прильнув к обоим, ни за что больше не хотели с ними расставаться. Но в Норильск пока поехали только Оля и Саша.

На первых порах все жили в общежитии. Быт постепенно налаживался. Девочки учились в школе, вот только очень скучали по маме и сестренке. К счастью, разлука оказалась недолгой, вскоре они встречали своих родных на пороге новой квартиры, вернее, комнаты в коммуналке на улице Советской.

А домик в Казачьей Лопани сгорел по вине нерадивых квартирантов. На этом месте Володя со временем выстроил добротный кирпичный дом. Татьяна с семьей, бывая у него в гостях в Белгороде, непременно посещала край своего детства. И цветущий сад, как и прежде, радует ее наливными яблоками, сочной гру-

шей... И уже не надо, как много лет назад, вставать «на цыпочки», чтобы до них дотянуться.

Квартира в Норильске привела Таню в восторг. Она еще никогда в жизни не видела таких высотных домов, а жить на верхнем, пятом, этаже было одно из ее самых заветных желаний. Все имущество в комнате, включая тряпичные дорожки, шторы на окнах и даже патефон, на время, пока семья не обживется, было предоставлено общежитием. Огромный яркий букет бумажных цветов, сделанный Олей и Сашей к приезду гостей, радовал глаз и придавал комнате по-настоящему праздничный вид.

В 1965 году Татьяна пошла в первый класс школы № 3. Надо ли говорить, что ее наставницами с первых дней учебы стали старшие сестры. Да и Володя вел строгий контроль: как выучила уроки, что кушала, где гуляла? Он очень заботился о своих сестренках, будучи в отпуске, всегда покупал для них одежду, выбирая на свой вкус нарядные кофточки и юбочки. Татьянка плакала навзрыд, когда он женился. «Зачем ему еще кто-то, если у него есть мы?» — повторяла девочка. Она готова была простить ему даже морковный сок, который он заставлял ее пить по утрам, лишь бы он был всегда с ними. Отношение Володи к сестренкам не изменилось ни после его женитьбы, ни после рождения сына Максима. Он был заботлив и внимателен к ним, как и прежде. «У меня замечательный брат», — скажет мне Татьяна Трофимовна.

Вся жизнь изменилась, когда мама, Мария Максимовна, решила уехать из Норильска. Думала — на время, оказалось — навсегда. Отец на вопросы девочек отвечал кратко: «Мама скоро приедет». С Дальнего Востока шли от нее посылки с одеждой и вареньем. В каждом письме — а писала она часто — обращение к мужу: «Жалей и люби наших девочек».

После нее женщин у Трофима Яковлевича больше не было. «Просто жить, чтобы кто-то готовил, убирал, мне не надо: я и сам могу это делать, — говорил Тро-

фим Яковлевич, — мне нужен интересный человек, соратник по жизни». Но такого человека ему так и не пришлось встретить. Он ушел с головой в работу. В маленькой комнате (семья к тому времени уже жила в отдельной двухкомнатной «хрущевке») до поздней ночи стучала печатная машинка, а на стол ложились многочисленные тексты с осмыслением фактов, событий из прошлого Норильска.

«Утром мы не видели, когда папа вставал, ночью — когда ложился», — вспоминает дочь. День Трофим Яковлевич начинал с горячей ванны и стакана чая. Одно время любил в чай добавлять соль и перец и пить его вприкуску с сухарями.

Когда работал — курил беспрестанно. Закуривая одну папиросу, клал ее на краешек стола, и тут же брал другую. Но вскоре и ее отодвигал в сторону. Так что на столе через некоторое время выстраивался целый строй недокуренных папирос. Пепел падал на пол, и Таня, моя полы, тихонько ворчала на отца, на что тот, улыбаясь, говорил ей: «Ну прости меня, дончик». А на следующий день все повторялось сначала. В их доме имелаась большая библиотека. Одна из стен — сплошь в книжных полках, каждая — со своим порядковым номером, была и своя домашняя картотека, чтобы в любой момент найти нужную книгу. Книги по истории, философии, энциклопедии и словари отец привозил с материка.

«У меня все в порядке. Много работаю. Написал еще одну книгу, в которой исследовал статистические характеристики материализма и идеализма. Теперь вернулся к своей основной работе о Вселенной и человеке. Эта работа уже завершена, однако необходимо внести еще некоторые дополнения и поправки, а затем перепечатать набело».

(Из письма дочери Саше,
Москва — Норильск, 1969 г.)

После смерти Трофима Яковлевича одна из его рукописей была взята для публикации и не возвращена, другая — ждет своего часа.

Шло время, девочки подрастали. Старшая дочь Оля взяла на себя роль хозяйшки, по-прежнему заботливо опекая младшенькую Татьянку. Как-то, собирая сестру в пионерский лагерь, не спала всю ночь, чтобы сшить ей новое платье. «Здравствуй, моя рыбчонка», — так начинались ее письма к сестре. Послания отца дочери читал весь отряд. Татьяна Трофимовна помнит эти строчки наизусть: «Оля напекла пирожки капустные, пирожки замечательные, очень вкусные, прислал бы тебе пирожок в конверте, да не примут почтовые черти. Видел я твою Таню Цюрюку, она заочно жмет твою руку. А пойдете в лес гулять, от подруг не отставай, на ежа не наступай, потому что еж — колючий, говорю на всякий случай. А теперь целую тебя крепко, так что с головы упала кепка. Будь здорова и не болей. Написал письмо Бармалей».

Да, именно так представлялся подружкам Тани Трофим Яковлевич — «Бармалей», успокаивая их: «Сегодня я добрый и не кусаюсь». «Он был сказочником и удивительным фантазером», — говорит про отца моя собеседница. Послушать сказки, которые он рассказывал ей перед сном, приходили подружки Тани, отпрашиваясь у родителей для такого случая на «ночевку». Особенно роль сказочника удавалась отцу на Новый год. Нарядив елку, девочки ложились спать, а утром отец рассказывал им удивительные истории, которые произошли за это время в игрушечном царстве. Оказывается, белочка убегала от лисички, а косолапый мишка, защитив ее, взял к себе на ветку, снеговик перебрался поближе к Деду Морозу, а вот фонарики, наоборот, рас-

*Младшая дочь Т.Я. Гармаша
Татьяна. Норильск, 2008 г.*

Татьяна Трофимовна с дочерьми Олей и Сашей и внучкой Машенькой

сорились, так и не выяснив, кто из них ярче горит, и разбежались по разным веткам. Особенно радовалась Татьяна за игрушечных мальчика и девочку, которые, полюбив друг друга, так и остались на зеленой ветке вместе. «Они будут жить долго и

дружно», — говорил дочерям отец.

Все его сказочные истории были со счастливым концом. А какие подарки он дарил дочерям — не магазинные, а сделанные собственноручно! До сих пор помнится большой дом из пенопласта, где загорались огоньки и жили сказочные герои. А еще то, как отец, похожий на доброго волшебника, колдовал над Танюшкиным новогодним костюмом, создавая воздушные крылышки бабочки, или разрисовывал причудливыми звездочками платье волшебницы. В каждом месяце был день, когда девочки особенно ждали папу с работы. Конечно, это был день зарплаты. На столе появлялись апельсины, мандарины, конфеты. И всем торжественно вручалось по банке сгущенки. Девочки растягивали это удовольствие на несколько дней. Каждая знала свою баночку и никогда не брала чужую. На лето они вместе ездили на Украину, в Курск к сестре Трофима Яковлевича. За все те беспокойства и хлопоты, которые дети приносили, бывая у нее в гостях, Трофим Яковлевич купил ей холодильник, а своего у них очень долго не было. Обходились встроенным на кухне холодным шкафом, где и хранили продукты.

На отдыхе Трофим Яковлевич любил готовить одно из своих фирменных блюд — «бабку», хотя и сейчас Татьяна Трофимовна говорит, что такого

жаркого, как готовил папа, никому из дочерей так и не удалось повторить. Рецепт «бабки» прост: батону дать немного размокнуть, добавить яблоки, сахар, какое-то время все это потомить в чугушке — и блюдо готово. Вкусно!

Когда девочки выросли, Трофим Яковлевич стал ездить на отдых в Ялту, стульчик, удочку и летние вещи оставляя у хозяйки до следующего отпуска. Рыбалка во все времена была для него не только отдыхом, но и средством пропитания для всей семьи. С моря он привозил дочерям причудливой формы камешки, всем поровну. Иногда предлагал им пофантазировать, ну например: на месте мебели представить большой аквариум, посреди комнаты — палатку, стены разрисовать лесом. И чтобы над головой было небо. Голубое, чистое. Без туч и облаков.

«Как папа относился к тому, что вы выросли?» — спрашиваю Татьяну Трофимовну. Она улыбается: «Вместе с Володей выбрасывал косметику, ему не нравилось, что мы начали краситься, переживал за нас, когда влюблялись, плакал на свадьбах, когда мы выходили замуж». «Вам жить, думайте сами», — только и говорил он.

Татьяна, выйдя замуж последней из сестер, оталась жить с отцом. У нее родилась дочь. Ее назвала Олей, а вторую Сашенькой — обеих в честь сестер. У старшей же, Оли, появилась Танюшка. «Недаром я вас так назвал: теперь ваши имена возвращаются», — говорил Трофим Яковлевич. Он был богат на внуков. Их у него было шесть. (Непоправимым горем для семьи стала трагическая смерть сестры Александры и ее сына Са-

*Слева направо: Татьяна, Оля,
Саша*

ши, которого дедушка ласково называл зайчиком). А вот правнучка Машенька пока только одна. Не верится, но Татьяна Трофимовна уже стала бабушкой. Свою внучку Оленьку, как и всех своих внучат, Трофим Яковлевич очень любил, нянчился, напевая песенки и рассказывая сказки, как когда-то рассказывал их ее маме. Уже из Воронежа он писал внучке:

«Мне жаль вас всех, потому что у вас еще холодно, а у меня в Воронеже днем капает с крыш и ярко светит солнце и скоро весна! Буду ждать от тебя писем. Я ведь живу совсем один, и мне одному очень грустно.

Твой дедушка Трофим».
(1988 г.)

Оля вместе со своей семьей, так же как и ее мама, живет в Норильске. Она закончила институт, выбрав профессию финансиста. Ну а у Саши все впереди. Она школьница, занимается бальными танцами у братьев Малько, и у нее уже есть первые победы на этом поприще...

Вскоре старшая дочь, которая жила к тому времени в Москве, взяла отца к себе. Из двух маленьких комнат одну отдали Трофиму Яковлевичу под кабинет, в нем все самое необходимое для работы — стеллажи с книгами, рабочий стол и печатная машинка... До последних дней жизни он ощущал заботу и внимание со стороны своих детей, что позволило ему сказать им: «Я воспитал вас хорошими дочерьми, я вами горжусь».

Из тетради Трофима Яковлевича Гармаша:

*«Лишь ничтожные говорят: «Все от судьбы!»
Одолевай судьбу мужественными делами. Если же усердие твое не увенчается успехом, то нет на тебе вины!*

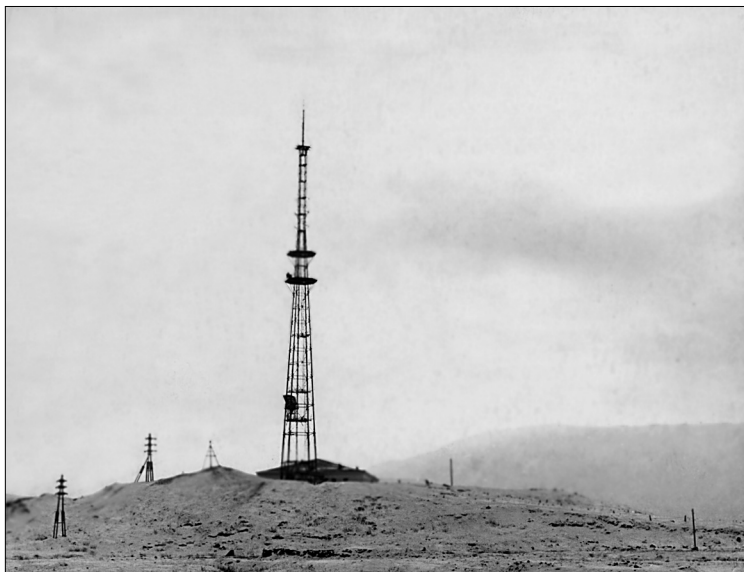
(Древнеиндийский афоризм)».

Павел Волчков,
редактор теленовостей Норильской студии телевидения:

«На телеэкране - две норильские знаменитости»

В телестудии встретились первый архивариус Норильска Трофим Яковлевич Гармаш и один из первооткрывателей норильских месторождений Николай Николаевич Урванцев. Каждую субботу зрители с вниманием смотрели передачу об истории промышленного района и города, в котором они живут. Программа называлась «По норильскому времени».

Телецентр, 1958 г.

Из 50 выпусков программы 48 показаны в Норильске, один в Красноярске, на фестивале студий Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, один — в Москве по системе «Орбита».

Меняются авторы — Левашов, Богданова, Шлома... Меняются режиссеры — Назарова, Жукова, Вагунин... Меняются ведущие — Тимофеев, Паскевич...

Во всех пятидесяти выпусках непременно участвовал наш Трофим Яковлевич Гармаш.

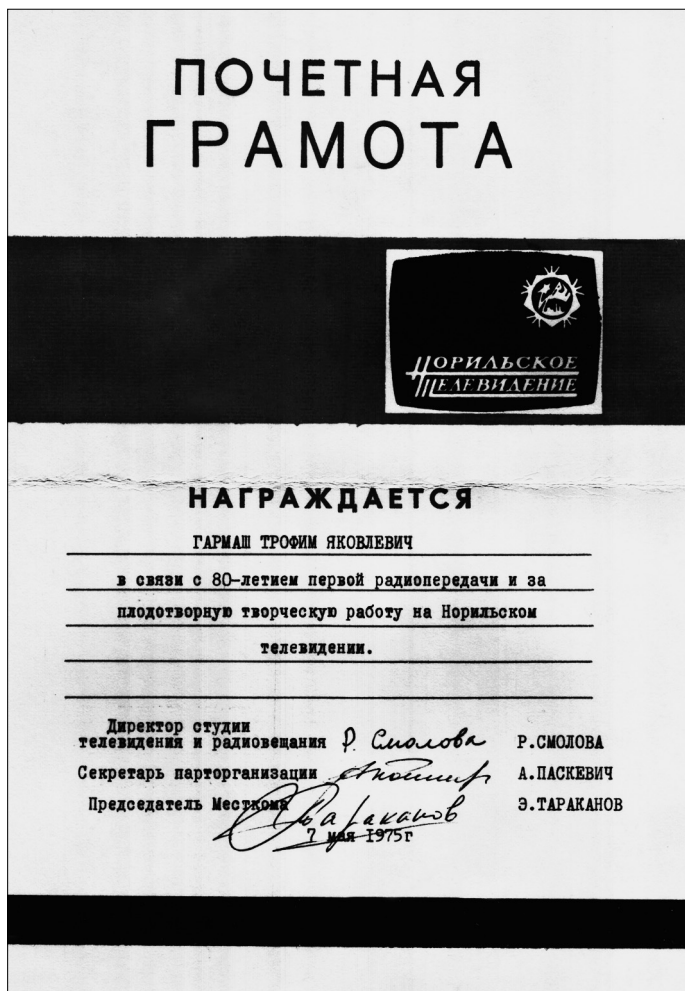
Склонности разнообразны. Одному подавай КВН, иной терпеть его не может. Тот любит детективы, а другому подайте «за любовь». Но вряд ли в Норильске отыщешь хоть одного человека, равнодушного к истории нашего города и комбината. Потому что к этому городу прикипаешь тотчас и накрепко, его история состоит из потрясающих судеб и факторов, она героична и где-то трагична, факты ждут романистов и композиторов, фантастов и социологов.

Кажется, факты обрели талантливого, увлеченного летописца и, главное, популяризатора. Надо видеть лицо Трофима Яковлевича, когда он, нагрянув в редакцию, выкладывает на стол уникальную брошюру о первой енисейской экспедиции геологов или стопку приказов Зарембо, Матвеева, Воронцова... К фактам он относится весьма и весьма щепетильно — ни слова без подтверждения документами, ни версии без опоры на воспоминания очевидцев. Внешне, кажется, попахивает канцелярщиной. Но когда Гармаш говорит перед телекамерой, это увлекательно, живо, захватывающе.

Трофима Яковлевича называют архивариусом. Верно, он «перелопачивает» архивы комбината, из-за этого оставил работу художника. Но, кроме архива, Гармаш увлекается философией, социологией, поэзией, знает толк в музыке...

Это очень заботливый отец — он один воспитывает троих дочерей. Это очень хороший человек — чуткий к чужой боли, беспощадный в оценке пороков и пережитков человеческих, настоящий гражданин. С ним легко работается: его архивы, кажется, неисчерпаемы, на

любую тему из истории Норильска он может говорить часами. Кроме того, с ним трудно работать: дай волю и займет в эфире время от «Панорамы» до объявлений — настолько он «сжился» с историей города и хочет сейчас же, немедленно поведать о ней всему миру.

Почетная грамота Норильского телевидения Т.Я Гармашу
за плодотворное сотрудничество

— Вздорный, упрямый старик, век бы мне с ним не связываться!..

Летит на рычаг телефонная трубка, бушует Виктор Левашов, через несколько минут, успокоившись, снова звонит:

— Трофим Яковлевич, говорите так, как вам удобно. Через час репетиция, приезжайте...

Было это больше десяти лет назад, когда старший редактор Норильской студии телевидения В. Левашов (теперь известный автор нескольких книг о Севере, цикла телеспектаклей «От вашего корреспондента») готовил первую программу «По норильскому времени». Тогда я впервые и услышал имя Т.Я. Гармаша. Работал он художником-оформителем на обогатительной фабрике и собирал удивительную коллекцию — историческую.

Он приехал в Норильск в 1963 году с Украины, и сразу этот город, история заинтересовали его. Начал собирать вырезки из газет, где старые норильчане вспоминали о первых днях комбината, о военном времени. Потом познакомился со многими из них, записывал рассказы. Постепенно материала нако-

В студии Норильского телевидения Т.Я. Гармаш (слева) и Н.Н. Урванцев (рядом). 1970 г.

На норильской земле — фото на память о Т.Я. Гармаше (третий справа)

пилося столько, что пришлось составить картотеку, присвоить карточкам индексы.

Вот тогда-то и пришли к нему режиссер и редактор телевидения. Пригласили выступить, рассказать о своем увлечении. А немного спустя он стал постоянным участником программы «По норильскому времени». В ней рассказывали о сегодняшнем дне Норильска, о буднях горняков, металлургов, строителей, врачей, а архивариус Т.Я. Гармаш — о том, как все это начиналось. Уже тогда в его домашнем архиве можно было найти огромное количество информации о прошлом Норильска, его первых поселенцах, первых специалистах, первых предприятиях.

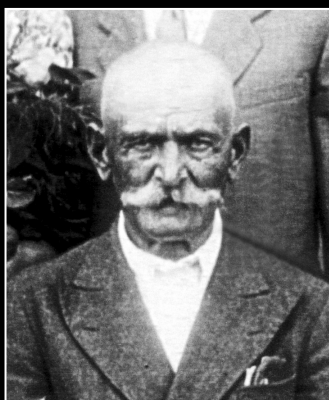
Очень скоро отдел технической информации комбината заинтересовался коллекцией Т.Я. Гармаша, и ему предложили вести ее официально. Сегодня в городском справочнике вы найдете строчку: «Картотека истории комбината».

*Лидия Гришина, студентка
Норильского горно-металлургического техникума,
Норильск, 1945 год*

*Георгий Максимович Гриша.
Черновцы, 1955 г.*

*Юлия Николаевна Гриша
(Вильчинская) с дочкой
Лидой и племянницей Верой
Паламарчук.
Ободовка, 1930 г.*

Лидия Смирнова:

*«Считаю себя и членов моей
семьи жертвами политических
репрессий...»*

*Лидия Георгиевна Смирнова,
Москва, 1970 год*

ОТКУДА Я РОДОМ...

Почему я все-таки решилась рассказать о своей жизни? Потому что молодое поколение, Смирновых прежде всего, должно знать свои корни, прочувствовать, через какие трудности прошли их прадеды и деды... Двадцатый век был суровым, противоречивым и жестким. Наверняка, молодежь сравнит наше время и то, что досталось им... Эта житейская наука, может быть, уберет их от наших ошибок и заблуждений...

Я родилась 17 октября 1928 года на Украине в селе Севериновка. Позднее ее объединили с ближними селами в город Тростянец, район Винницкой области. Мой отец, Георгий Максимович Гриша (родился в 1883 году в поселке Соболевка Балтского уезда), был служащим местного спиртзавода. Он был достаточно грамотным и во время Первой Мировой войны был писарем. Мама, Юлия Николаевна (в девичестве Вильчинская), была значительно моложе отца. Она родилась в селе Ободовка (тогда Ольгопольского уезда, а ныне Тростянецкого района). Их хата стояла напротив церкви до конца прошлого века. В последнее

*Георгий Максимович Гриша (справа)
с армейскими сослуживцами в годы
Первой мировой войны*

мое посещение Ободовки в 2006 году отметила, что хата еще стоит. Мама была домохозяйкой. Она происходила из семьи сельского учителя и вроде бы в молодости сама немного учительствовала, но подробностей не знаю. Это было время, когда людям приходилось скрывать свое прошлое. Да и из семьи я выбыла слишком рано! А позже спрашивать было уже не у кого.

В Севериновке родители жили зажиточно. У них была довольно большая усадьба, хороший просторный дом, сад, во дворе погреб, куда не разрешалось ходить детям. Не позволяли подходить и к колодцу. Был возле дома и огород. Примерно в 1929-м начале 1930-х годов отец «попал» в Красноярский край, в город Енисейск. Возможно, кто-то донес на родителей, то ли кому-то приглянулся наш дом. Как позже стало известно, оба его друга были репрессированы. Ауотца в Красноярском крае отобрали паспорт, он стал ссыльным. Мама с детьми — со мной и старшим братом Николаем — пока оставалась на родине.

В 1930 году на Украине начинался голод, уже жили впроголодь. В Сибири снабжение было еще сносное, выдавали какие-то пайки по заборным книжкам. Родители переписывались. Сохранилась фотография, где я, маленькая, стою с мамой и моей двоюродной

*Юлия Николаевна Гриша
(Вильчинская) с сыном Колей*

сестрой Верой Паламарчук. Надпись гласила: «Низабутному чоловікови и дорогому татови от Юли и Лиды». Фото послали отцу в ноябре 1930 года. Мама решила уехать с детьми к папе в Енисейск. Дом она сдала в аренду местному маслозаводу. Помню, как папа встречал нас в Енисейске на пристани, куда мы приехали на пароходе. Он был в светлой рубашке, подпоясанный тонким пояском, выглядел хорошо, не голодал. Ожидая нас, он копил продукты, разные сладости. В жестяных банках из-под монпансье у него были припасены конфеты, печенье, пряники. Я, конечно, на все это навалилась, и у меня началась золотуха.

В Енисейске отец жил на поселении, без паспорта – он был ссыльным. По справке он работал продавцом и периодически отмечался в определенных органах. И у мамы в Енисейске паспорт тоже сразу отобрали. Мы все стали спецпереселенцами, без права выезда. Вскоре отцу запретили и проживание в Енисейске. Его направили в поселок Железная Гора, где он тоже работал продавцом. Позже его перевели на плотбище на Енисее, а затем – в поселок Тасеево, располагавшийся на реке Усолке, притоке реки Тасеевой, впадающей в Ангару. Плотбище – это временный поселок, где заготавливают и сплавляют по реке лес.

*Друзья-каторжане.
Георгий Максимович Гриша
сфотографировался с односельчанами
в г. Тростянец (Украина)
20 августа 1958 года*

Здесь была какая-то школа, но мама хотела, чтобы я училась в Енисейске.

Старший брат Николай в это время уже имел свою семью, жил в Ярцеве, ниже по Енисею, и работал в торговле. Мы с мамой несколько раз ездили к нему. Ярцево было большое типичное сибирское село с глухими крытыми дворами при домах, с высокими глухими заплатами. Сообщение было только по Енисею и нерегулярное. Однажды, возвращаясь из Ярцева в большой лодке, мы с мамой попали в очень сильный шторм. Лодку захлестывало, мы все едва не погибли.

В школу я пошла в Енисейске в 1936 году. Хорошо помню даже платье, которое было на мне. Мама сразу же записала меня в библиотеку, и я получила доступ к книжкам! Это было такое счастье! В первые мои школьные годы мы с мамой в Енисейске снимали комнату по соседству с ссыльной семьей польских евреев Вовжиковских, которые снимали часть флигеля у местной семьи Лазичевых. У последних были две дочки немного старше меня, с которыми я дружила и играла. Уезжая к отцу в Тасеево, мама оставила меня

*3 класс школы № 6 г. Енисейска, 1938 год.
Лидя Гриша третья справа во втором ряду*

на попечении Анелии Ивановны, у которой я прожила 3 года. Вовжиковским было уже за 50. Главой семьи был Карл Иванович – классный сапожник, который зарабатывал тем, что шил дамские модельные туфли, в том числе и моей маме. Его жена Анелия Ивановна была хозяйкой от Бога. Она прекрасно умела варить, печь, солить, коптить и т.д. Анелия Ивановна была очень общительна. Гость уже собирался уходить, а она: «Подождите, сейчас самоварчик поставлю», – и опять ля-ля-ля... И так несколько раз. Мастерница она была на все руки! Держала поросенка, делала деликатесы: и окорока коптила в русской печи, делала колбасы, топила сало и т.д. Деревянный стол и пол у нее всегда сияли, как и самовар, который она чистила толченым кирпичом. В Сибири была традиция тщательно поддерживать в доме чистоту. Стол у Анелии Ивановны был некрашеный, как у многих. Такой стол было принято часто мыть и при этом скоблить его ножом.

В Польше у Вовжиковских оставалось двое детей – сын и дочь в возрасте примерно 15–17 лет. Как родители и дети в 1937–1938 годах оказались по разные стороны границы, я долго не могла понять. Позже предположила, что так они, возможно, спасли своих детей.

Ко мне Анелия Ивановна относилась как к родной, мне у нее было хорошо. Помню, что в это время Карла Ивановича внезапно арестовали и куда-то отправили, откуда он больше не вернулся... Эти годы даже в отдаленных местах были полны политическими событиями, в которых участвовали и школьники. Принятие в 1936 году Сталинской Конституции, выборы в Верховный Совет в 1937 году – все это сопровождалось множеством детских мероприятий, в которых я, уже пионерка, участвовала очень активно. Мы декламировали стихи Джамбула о Конституции, пели песни, участвовали в концертах и т.д. и т.п. В Енисейске это все происходило на сцене городского клуба, который, как я узнала через 70 с лишним лет

из воспоминаний дочери академика А.А. Баландина Н.А. Баландиной (3 том «О времени, о Норильске, о себе»), еще до революции был Народным Домом, построенным и подаренным городу наряду с другими домами просвещения и культуры ее бабушкой Верой Арсеньевной Баландиной.

После окончания 4-го класса в 1940 году родители перевели меня к брату Николаю, который жил выше по Енисею в пос. Галанино. Он заведовал продуктовой базой Леспродторга (тогда в Сибири были две снабженческие организации: Леспромторг и Леспродторг). Галанино представляло собой длинную деревню, вытянутую вдоль высокого берега Енисея в один ряд домов. Школы в деревне не было, и брат поселил меня у своих знакомых в райцентре – селе Казачинском. Сначала я жила у Ивановых, где была девочка, с которой мы учились в одном классе.

У детей того времени в семье были серьезные обязанности. В доме часто полы были некрашенные, их тщательно мыли и при этом терли дресвой (крупный песок) при помощи голика. На зиму для тепла полы обязательно застилали домоткаными половиками. И вот мы носили воду с Черной речки, для чего полынью приходилось пробивать пешней, носили сено корове, кормили другую домашнюю живность, заправляли керосиновые лампы, чистили ламповые стекла и т.д.

Потом брат устроил меня в другую семью, там тоже была девочка – Лида Васильева. В 1941 году началась война. Муж хозяйки уже погиб на фронте. Она работала пекарем. Помню, как она приносила домой горячий хлеб, и мы ели его с молоком. Карточки тогда были только на хлеб, а в магазинах ничего другого и не было. Жили только за счет своего натурального хозяйства. Сейчас странно читать о том, что чужая семья зачем-то взяла к себе ребенка. Объяснение простое: безвыходная ситуация заставила это сделать и мою семью, и ту, что приняла меня. Бесправие беспаспортных родителей, которые

*Георгий Максимович Гриша с семьей сына Николая,
Казачинск, 1952 год*

без разрешения властей не могут переехать туда, например, где есть школа для дочери, заставляла искать какой-то выход. А бедная семья взяла меня не только от доброты душевной, но и с надеждой, что так ей будет легче выжить. Училась я во вторую смену. В школе, да и везде, электричества не было, в классе подвешивали керосиновые лампы. На выходные ходила к брату в Галанино, а это было очень непросто. С ребятами шла туда 9 километров – никаких деревень по дороге, только лес, поля, какие-то овраги. Я была небольшого роста и все время боялась, что ребята убегут, а я останусь одна – так было страшно! Все же как-то я перебарывала себя и регулярно ходила к брату на выходные. Вспоминаю, что жена брата Надя старалась меня хорошо одевать, заботилась обо мне, даже шила что-то и у меня были какие-то платица.

Летом 1940 года в Галанино появились депортированные из Прибалтики, они меняли вещи на продукты. Однажды Надя выменяла для меня черные лаковые туфли-лодочки на каблуке. Сейчас думаю,

что я выглядела в них смешно, когда ковыляла по разбитой деревенской улице...

В семье брата у меня было немало обязанностей. В 13-14 лет я стирала белье на всю семью и полоскала его в Енисее. Очень тяжело было доить корову: соски тугие, молоко по локтям течет, а хитрая корова или хвостом отхлещет меня или ногой наподдаст так, что и я лечу, и ведро с молоком. Семья брата жила в доме при продовольственной базе, а во дворе была конюшня. Я так боялась проходить мимо лошадей! Однажды конь Серко так больно схватил зубами за плечо Надю... С деревенскими девчонками я дружила. Мы вместе гуляли по деревне, частушки пели! Ходили в клуб, развлекались как умели.

Отношения с братом и с Надей, однако, были сложными. Здесь я замкнулась, стала более сдержанной. С раннего детства меня угнетало сочетание моего имени с фамилией – Лида Гриша! Это сочетание казалось странным. Поэтому в 5-м классе по примеру брата, который был уже Гришиным, я тоже изменила свою фамилию. Конечно, неофициально, по метрике-то я оставалась Гриша, но кто в нее заглядывал!

...С десяти лет я уже жила одна без родителей. Как ссильнопоселенцам им определили место жительства сначала на плотбище на Енисее, а потом в пос. Тасеево. Дважды на каникулы я ездила к ним «с оказией». Вспоминать об этих поездках мне и сейчас страшно, а тогда я все это воспринимала как неизбежность. Своих детей в 12-13 лет я бы в такие путешествия отправлять «с оказией» побоялась. Ездили исключительно по воде. Вообще, при необходимости по Енисею и его притокам плавали на «илимках», баркасах и просто на обычных лодках, зачастую не приспособленных для плавания по бурным и порожистым рекам с быстрым течением, омутами, водоворотами... На Ангаре-Подкаменной Тунгуске перед поселком Стрелка был страшный порог (кажется, он назвался «Черный»), через который людей переправляли «дежурным» катером, управлявшимся лоцманом, а лодки брали на буксир.

В первую поездку я тонула в реке Усолке (плавать не умею до сих пор). При возвращении из Тасеева меня подвезли на лодке к «илимке». Мне надо было перебраться с лодки на высокий борт «илимки». Я дотянулась до борта, но при этом лодка чуть отошла, и я упала в реку. Меня вытащили из воды, но я помню, как моя мама бежала по берегу, видимо, каким-то образом почувствовав неладное. В другой раз из Стрелки меня кто-то по договоренности с моим братом должен был привезти в Галанино. Но то ли брату было некогда или тому, кто должен был меня взять из Стрелки, но здесь мне пришлось жить чуть ли не месяц у чужих людей. Была осень, богатая на грибы, помню, мы жарили их с картошкой. Я даже здесь пошла в местную школу, пока кто-то не привез меня к брату. Бывало, летом мы плыли по Енисею, потом где-то высаживались и шли глубоко в тайгу: заготавливали кедровые шишки, малину, чернику. Находились в тайге около месяца. Жили в шалашах, крытых лапником. Все время приходилось быть плотно одетыми, в брюках, накомарниках, которые делали сами из тюля, рукава у запястий туго уплотняли, и кожа в этих местах бывала изъедена мошкой до крови. Брат руководил базой Леспродторга, у которого в нескольких десятках километров было подсобное хозяйство, где в числе прочего выращивали овощи. Урожай обязательно убирали и работники базы и их дети. Приходилось даже по несколько дней рубить капусту...

В 1943 году я закончила 7 класс. У брата родилась двойня – Тамара и Таня. Когда пришла к нему, Надя лежала, а мне сказала: «Посмотри на печке». А там два ребенка лежат, только что родились. Ни в какой роддом Надя не ходила, все случилось дома. Они выросли обе здоровыми, большими, приезжали к нам в Норильск, окончив 10-й класс в 1960 году. Обе окончили педучилище, стали учительницами.

Вся семья брата Николая за исключением дочерей погибла: его сын – на срочной службе на

Тихоокеанском флоте, а жена Надя рано умерла от болезни. Николай вернулся на Украину, обосновался в Виннице, где умер в конце 60-х годов.

ЮНОСТЬ, НОРИЛЬСК И НАЧАЛО ТРУДОВОЙ БИОГРАФИИ

В 1943 году летом я получила повестку из военкомата о моей мобилизации в Норильск в школу ФЗО. Сейчас пытаюсь вспомнить: повестка была из военкомата? Время-то было военное... Или из райкома комсомола, или отдела образования? Ведь они занимались подростками... Не знаю. Помню только, что документ был официально строгий: мне предписывалось в определенный день августа явиться с вещами на пристань. Незадолго до отъезда мама приезжала в Галанино, но проводить меня она не смогла. У нас в семье было известно, что гадалка предсказала ей: дочь уедет далеко, она ее больше не увидит. Так и случилось: я приехала в отпуск в Тасеево только в августе 1945 года, а мама умерла весной этого года и была похоронена в Стрелке, где я больше никогда не бывала. Таких мобилизованных, как я, мальчишек и девчонок погрузили на пароход «Иосиф Сталин». В Норильске нас поселили около здания будущего Клуба профсоюзов и первого норильского драмтеатра. Это было бывшее лаготделение: за высоким забором бараки с нарами в два этажа, матрасы и подушки, набитые сырой стружкой. Постельное белье выдали новое. Девушек одели в юбки из материала вроде «чертовой кожи», синие гимнастерки с карманами, рабочие ботинки. Мальчишкам досталось все то же, только вместо юбок брюки из того же материала. Бараки были одноэтажные с тамбуром в средней части барака. Напротив тамбура из коридора налево и направо было по две двери, ведущие в секции. Таким образом в бараке было 4 секции, в каждой из которых помещалось 30-40 человек. В каждой секции стояла круглая железная печка, выложенная внутри кирпичом. Ее топили углем.

В то время Норильск оставался режимным поселком, где основное население состояло из заключенных. Поэтому свободного выхода для нас из городка не было. При необходимости (на обед, в баню и т. д.) нас выводили строем через вахту. Всего в Юнгородке (так стал называться этот район) нас было около 800 человек. Это были такие же, как я, после 7-го класса, или окончившие 9-10 классов, были и старшие по возрасту. Все мы приехали из Красноярского края, в основном из его южных районов. Нас распределили по будущим специальностям и селили в отдельные секции. Меня определили в «электролитчики», нас было более 30 человек. Еще были токари, слесари, электрики и другие. Нашим производственным мастером стал Черкашин, ставший нашим воспитателем, почти нянькой. Он решал все бытовые вопросы. Нас пропускали через вахту по спискам или по индивидуальным пропускам. Мы проходили практику на Большом электролитном заводе (БЭЗ) по сменам. Теорию и практику электролитного производства нам преподавали начальник цеха Михаил Сергеевич Иванов и главный инженер Софья Николаевна Работина (жена Федора Трифоновича Киреенко). Осваивать профессию помогали мастера Николай Иванович Романов и Павел Сергеевич Нижегородов.

В столовую мы ходили по секциям строем и с песней во главе с мастером. Здесь надо было не зевать. Когда Павлик Богданов из хлебозерзки выносил поднос с нарезанным хлебом, мальчишки мгновенно расхватывали горбушки... Но вообще-то кормили нас нормально, мы не голодали. С наступлением холодов нам выдали ватные брюки, бушлаты с воротником (как у заключенных), шапки, которые почему-то назывались «сибулонками», валенки и рукавицы из жесткого колючего волокна какой-то крупной и грубой вязки, грели они плохо. От Юнгородка до вахты промплощадки по улице Завенягина вроде было недалеко, но в мороз при

постоянном ветре я многократно отмораживала щеки. Не было ничего, чем можно было бы защитить лицо от холода. Иногда мы по пути заходили погреться в здание политотдела. Однажды какой-то человек сказал мне: «Мальчик, надо лицо хотя бы полотенцем обвязывать».

Через вахту промплощадки приводили колоннами под конвоем заключенных, делали перекличку (вохровец по списку на картонке выкрикивал их номера) и по одному их пропускали через вахту. Здесь они уже ходили свободно. Поэтому нам было страшно ходить по промплощадке. Но и внутри здания завода было много всяких темных и опасных закоулков. Неизбалованные бытовыми благами, свою суровую жизнь мы воспринимали как нормальную, многим дома-то было хуже. Тогда нам как-то в голову не приходило сравнивать себя с заключенными. А между тем нас поселили в лагерные многолюдные бараки, и режим наш был то ли армейский, то ли лагерный... Жить кроме бараков было негде, да и одели нас в лагерную одежду... Но мы об этом как-то не задумывались, потому что чувствовали особое

Аттестат об окончании Норильской школы ФЗО

внимание к себе: нас жалели, учили, помогали, чем могли. И потом мы же не могли не понимать, что время было военное – трудное и строгое... Мы понимали, что должны стать специалистами, которых так не хватало комбинату...

В начале 1944 года состоялся первый выпуск школы ФЗО. Меня определили на должность дежурной на пачуках железокобальтоочистки, где я и проработала до сентября 1944 года. В бригаде кроме меня были Лида Пластун (тоже фэзэушница) и старший дежурный из бывших заключенных осетин Костя Цыкоев. Мы отбирали через люки пачуков пробы очищаемого раствора, по которым в химлаборатории контролировали щелочность раствора. Так корректировался расход соды, которую мы же и готовили в отдельном пачуке. Работа была тяжелая. Из-под крышек пачуков через люки вырывался горячий поток аэрозоля сульфатов, которым мы дышали. А при загрузке соды лопатами в отдельный пачук нам приходилось вдыхать еще и пыль соды. Никаких средств защиты органов дыхания не было. Периодически надо было спускаться на 12–15 метров вниз, чтобы включать или выключать насос подачи раствора соды. Я очень боялась темноты. Надо отдать должное Косте Цыкоеву: он очень оберегал нас, девчонок.

Это было время, когда мы приобщались к культурной жизни Норильска. Центрами культуры тогда были ДИТР и Заполярный театр драмы, первое здание которого находилось вблизи Юнгородка. Я знала весь его репертуар. Из артистов больше всех запомнились исполнявший главные роли Русинов, а также Урусова. В ДИТРе были столовая, кинозал, фойе с паркетом, где были танцы, прекрасная библиотека, в коридорах в нишах можно было спокойно посидеть в тишине. Можно упомянуть еще здание будущего Клуба профсоюзов. Это было довольно скромное помещение, где шли кинофильмы. Позже, в период моей учебы в техникуме, он был значительно переделан внутри

и разукрашен «под Хохлому». В свободное время мы часто бывали в ДИТРе на концертах, танцах, в кино. Здесь выступала в полном составе Львовская хоровая капелла, был джаз-оркестр, с которым пела вольнонаемная солистка Людмила Попова. С эстрады читал стихи и отрывки из литературных произведений Валерий Буре. Были выступления клоуна Иоселиани.

В соседней секции нашего общежития жила девочка Октябрина. Она постоянно бегала на танцы, для чего брала у меня нарядный сарафан и хромовые сапожки (перед отъездом жена брата Надя меня придела). Однажды к ней пришел какой-то парень. Они о чем-то разговаривали, и вдруг он выстрелил в нее, а потом в себя. Когда ее положили на носилки, она нам успела только сказать: «Не судите меня, девочки!». Октябрину не донесли до больницы... А парня, по слухам, отправили из Норильска без шума на «материк». Говорили, что это был сын какого-то лагерного начальника, он использовал оружие отца для мести девчонке. Нас очень потрясла эта смерть...

УЧИТЬСЯ В ТЕХНИКУМЕ ИЛИ РАБОТАТЬ?

Слух об открытии техникума вызвал у всех нас большие волнения. Многих тянуло домой, надоело жить в общежитии, работа была тяжелой и неинтересной. Но после ФЗО нельзя было уехать: необходимо было отработать три года. А тут появилась такая возможность – учиться! Мне ехать было некуда, родители жили в Тасеево, брат в Галанино. Перспектив для меня нигде не было. И я решила учиться в техникуме. Мы с Лидой Ивановой решили стать электротехниками, однако нас зачислили в группу обогатителей, объяснив, что для женщин это очень подходящая специальность. Мальчишек в основном определили в группы горняков, металлургов и электротехников. В группу обогатителей попали только два парня – Павлик Богданов (будущий

директор Большой обогатительной фабрики – БОФ) и Виктор Высотин (после окончания техникума из Норильска уехал, и след его потерялся).

Комбинат после работы сначала на богатых жильных рудах переходил на более бедные вкрапленные руды, а они требовали обогащения. Поэтому предусматривалось строительство Большой обогатительной фабрики, для которой нужен был средний технический персонал : бригадиры, мастера, начальники смен. В сентябре 1944 года мы стали студентами Норильского горно-металлургического техникума, но занятия начались только с октября. В первое время мы по-прежнему жили в Юнгородке. Имевшие в Норильске родственников, например, Надя Казанцева, Нелли Султангареева и кто-то

*Горно-металлургический техникум, Норильск, 1944 год.
Слева направо, верхний ряд: Н. Солдатова, Л. Ростовцева,
А. Перекрестюк, А. Карасева, Н. Цыбульская, А. Мещанинова,
Н. Некрасова, Н. Кайгородова, Т. Чижова, А. Сергеева, Н. Федорова;
сидят в верхнем ряду: З. Агафонова, П. Бычкова, Т. Макарьева,
Н. Мосина, Г.Г. Акулов (завуч), М. Романенко, М. Елизарова,
Л. Гришина; сидят в нижнем ряду: А. Никулина, Т. Козырева,
Н. Султангареева, П. Сарина, Л. Иванова;
в первом ряду: В. Высотин, Н. Казанцева, М. Солдатова.*

еще, жили в семьях. Прошли школу ФЗО и стали студентами кроме нас с Лидой Ивановой Лида Пластун, Аня Сергеева, Наташа Кайгородова, Нина Цыбульская и др. Жили в Норильске с детства Маша Белоусова и Таня Козырева. Специально приехали поступать в техникум Лида Ростовцева, Нина Мосина, Надя Некрасова, Тося Макарьева, Анна Мещанинова, Валя Карасева и Надя Солдатов. Я, Лида Ростовцева и Нелли Султангареева были самыми младшими, нам было около 16 лет. Поступили на 2-й курс Таня Непарадо и Надя Захряпина. На 2-й курс металлургического факультета зачислили и Ольгу Кикило, окончившую 10 классов.

И вот начались занятия в техникуме. В двухэтажном здании бывшего учкомбината были длинные коридоры, просторные классы, большой актовый зал и большое фойе на 2-м этаже, библиотека, а также кухня и столовая на первом. Здесь же размещалась и квартира директора техникума Акулова (имениотчества не помню). Позже его сменил Александр Федорович Аникин. В маленькой каморке на 1-м этаже жил крупный ученый-минералог с мировым именем Н.М. Федоровский. Как я узнала много позже, он был тогда заключенным.

В начале или середине 1945 года у техникума появилось общежитие. Оно было разделено на две изолированные части с отдельными подъездами соответственно для парней и девушек. В комнате жили по 3-4, а то и по 5 человек, здесь было отгорожено место для умывания с ведром, так как водопровода не было. На 1-м этаже размещалось хозяйственное помещение с плитой, набором тазов и всего необходимого для стирки белья. Туалеты – на улице. Еженедельно ходили в баню. Нам выдавали американское хозяйственное мыло, в котором было много соды. Оно было вредно для кожи и волос, но другого не было.

За чистотой и порядком следила заведующая общежитием Людмила Лаврентьевна, освободившаяся

из заключения и имевшая жесткий характер. Она ругала всех нас в основном по делу, но вместе с тем и учила нас уму-разуму. Вахтер Тагир был неграмотным, плохо владел русским языком. По его просьбе девушки составили ему список жильцов, и он отмечал нарушения жирными крестами против номеров комнат. Но мы всячески дурачили его, обычно его кресты не имели никаких последствий. Ко мне Тагир обращался: «Сестра!». Поэтому среди наших студентов я фигурировала как «сестра Тагира». Под этим именем я была представлена и в длинных стихах электротехника Юры Галкина:

Обогатители! Ура! Вы, вижу, что-то приуныли,
Уж написать о вас пора...
Сестра Тагира в ДИТР спешила,
У ней там важные дела...
(и так далее).

Сначала мы ходили кто в чем. Но уже в ноябре очень оперативно для нас сшили форму. Девушек одели в шерстяные зеленые пиджаки с «золотыми» пуговицами, такие же юбки и сиреневые блузки с галстуком-бабочкой. Кроме того нам выдали шерстяные платья синего цвета, а на зиму – синие куртки с воротником. У мальчишек были зеленые кителя и брюки, зимой они носили черные шинели. Мальчишки старались обязательно свои брюки расклешивать (мода!), для чего вставляли клинья из подручного материала, иногда отличавшегося по цвету. Еще продолжалась война, продукты были по карточкам. За счет нашей стипендии оплачивались обеды в столовой, на руки нам выдавали всего лишь 25 рублей в месяц. Мы не голодали, хлеба по карточкам получали 700 или 800 граммов. Но нам ведь хотелось пополнить свой гардероб. Тогда мы садились в столовой за стол вчетвером, а хлеб просили для нас не нарезать. Таким образом мы выкраивали целую буханку, которую продавали на рынке. На вырученные деньги покупали здесь одежду или американские тушенку, колбасу в банках или сгущенку.

Студентам техникума большое внимание оказывали руководители комбината. Их интересовали наш быт, нужды и потребности, учеба и работа... Они проявляли настоящую заботу о будущих специалистах комбината. В Норильске мы пользовались общественным транспортом. Сначала это было несколько старых разбитых автобусов, потом появились МАКи и «воронки». МАК – это мощный американский грузовик, на который ставили огромный крытый кузов, куда помещалось, я думаю, до 200 человек. «Воронки», крытые брезентом грузовые машины со сварной лесенкой сзади для входа пассажиров, тоже перевозили многих. Плату за проезд взимали кондукторы, независимо от расстояния это был один рубль. Только кондуктор Коля со студентов плату принципиально не брал.

Студенческое общежитие способствовало нашему сближению. Самым массовым развлечением были танцы в актовом зале на втором этаже под баян, на котором играл электротехник Витька Лосев. Но для него это было мучительно, ведь он и сам хотел танцевать. Вскоре наша студентка-обогатитель Люда Малышева вышла за него замуж, и они ушли жить к родственникам. По большим праздникам для танцев приглашали оркестр. Среди всех танцоров выделялась Тося Макарьева. Ее грациозная походка и красивые движения выдавали ее увлечение балетом. Как она танцевала с Павликом Богдановым!

Посторонним вход в общежитие был запрещен, за этим следил Тагир. Но студентам удавалось обмануть его бдительность. Поскольку входная дверь запиралась изнутри на засов, Тагира в этом случае просто кто-то отвлекал. На старших курсах мы заводили «романы», в общежитие иногда приходил Кеша Смоктуновский. В это время он работал в театре, играл на сцене и обладал некоторой известностью. Ходил он в телогреечке, обычно с шахматной доской под мышкой. Он приходил к нашим наиболее видным девушкам Нине Мосиной и Тосе Макарьевой. Чтобы

был повод прийти к ним еще раз, он «забывал» у них галоши. До работы в театре Кеша работал в Норильске еще в нескольких местах и, в частности, в мерзлотной лаборатории. По рассказам знакомых норильчан, он был худеньким и несчастным, и работники мерзлотной жалели и всячески опекали его.

Очень ответственная и самоотверженная Стюра Никулина вышла замуж за обогатителя Сашу Зорина, у них родились два сына. В начале 50-х годов Александр Дмитриевич Зорин был завучем техникума. В 1952 году он привлек к работе в техникуме (по совместительству) моего мужа, тоже выпускника Московского института цветных металлов и золота, металлурга Александра Сергеевича Смирнова, они были знакомы еще по институту. Муж преподавал некоторое время металлургам «металлургические расчеты» и был руководителем дипломных проектов, а обогатителям читал лекции по металлургии цветных металлов. Директором техникума в те годы был тогда Елисеев.

В техникуме концерты готовили своими силами. Сима Чалкин пел «Холодные волны вздымает лавиной...» и другие эпические песни. Наша учительница английского языка Нина Николаевна Демкина своим прекрасным сопрано пела арии из опер. Таня Непарадо и Ваня Зайцев выступали с акробатическими номерами (позже они поженились). Калерия Ямских, учившаяся раньше балету, и наш обогатитель Павлик Богданов, постигший это искусство в детдоме, исполняли классические балетные номера. Курсом моложе нас Виталий Фалалеев бил чечетку. Нина Мосина с чувством читала поэму «Зоя» М. Алигер. Студент-горняк Петр Жмурко, которому пришлось отбывать в норильских лагерях срок, читал стихи Маяковского. Особенно тщательно готовились к празднованию Нового Года. В актовом зале ставили елку, украшали зал и комнаты. Обязательно устраивали концерты и танцы. Мы были молоды, нам хотелось развлечений и музыки. Но в

свободное время мы и много читали. Мы с Лидой Ивановой пользовались городской библиотекой (с читальным залом), находившейся около Клуба профсоюзов. Читали мы бессистемно, все подряд... Там я прочла почти всего Льва Толстого, Фейхтвангера, Генриха Манна и многих других. Привычка к серьезному чтению сохранилась на всю жизнь.

ВЕСНА, МАЙ 1945 ГОДА...

И вот конец первого курса! Весна, май 1945 года – конец войны! Общая радость, общение людей на улицах... Но были и другие события. Еще в марте я получила от папы письмо: в январе умерла мама. Он долго не решался мне сообщить об этом, но пришлось. Лето 1945 года было необычайно жаркое. Многие купались, недалеко было озеро Долгое, за зданием техникума – озеро Круглое, оно глубокое, на его дне – лед. Многим из нас хотелось уехать на каникулы, но нам сказали: «Поедете после физкультурного парада». И началась к нему подготовка. Ежедневно на стадионе рядом с промплощадкой напротив ДИТРа по несколько часов шла строевая подготовка под руководством бывшего кадрового полковника Ангарского. Мы отрабатывали разные приемы и фигуры (волну, сбегание–разбегание, пирамиду и т.д.) под руководством преподавателя физкультуры Иоселиани. Подготовка продолжалась почти месяц, погода стояла жаркая, мы все сильно загорели. Мы выступали в белых трусах и разноцветных майках, зрелище со стороны, вероятно, было эффектным. Мы, участники, получили от парада удовольствие, а для Норильска это было настоящее событие.

На первые каникулы я поехала к брату. В Енисейске я сошла вместе с нашим студентом Вадимом Никитиным, он был из Казачинска. Несколько дней мы ждали попутную машину до Казачинска. Регулярного движения не было. Остановились у Лазичевых, где я когда-то жила с мамой, учась в младших классах. Потом ехали в кузове грузовика,

сидя на бочках с бензином. Брат уже не жил в Галанино, а был председателем колхоза недалеко от Казачинска. Потом я еще дважды побывала у папы и у брата. Надя стала как-то больше уважать меня, относилась ко мне уже не как к девчонке. Зная, что в Норильске нет свежих овощей, Надя предложила засушить для меня картошки, помню, мы с ней мыли, чистили и сушили эту картошку...

А теперь вернусь к главному – содержанию нашей учебы, ее качеству и уровню преподавания. Нам повезло: состав преподавателей был уникальным по своему качеству. Почти у каждого из них, особенно у преподавателей по специальным предметам, был за плечами большой опыт работы как в СССР так и за рубежом. Многие из них были репрессированы и находились в Норильске в заключении или в ссылке. Качество преподавания в норильском техникуме тогда приближалось к вузовскому. Как свидетельствует наш студент-металлург Георгий Гордиенко, металлургию цветных металлов им преподавали достаточно серьезно и раздельно по металлам: медь и никель (Шепетько), кобальт (Гамазин), свинец и цинк (Ховрин). А Гамазин и Ховрин были ведущими специалистами Проектной конторы комбината. Один только перечень изучавшихся дисциплин впечатляет. Учеба в техникуме тогда была организована очень продуманно и рационально. Признаюсь, что я в то время была достаточно легкомысленна, любила поспать, училась средне. Но, как выяснилось потом в жизни, несмотря на эти мои недостатки, я получила в норильском техникуме очень неплохое образование.

Русский язык и литературу преподавала жена директора техникума Ксения Васильевна Акулова. Она прекрасно знала свой предмет, была очень требовательна и бескомпромиссна. Помню, что особенно мучила она нас образами литературных героев. Английский язык сначала преподавал нам молодой преподаватель. Он прекрасно знал язык и

стремился привить нам правила поведения. Знакомил с наследием Шекспира. Он смущался, краснел, а мы, чувствуя его незащищенность, дурачились, звали его «тичером» и «бедным Йориком». Сейчас мне стыдно за наше поведение, он был неплохим человеком и преподавателем и желал нам только добра. После него наш курс вела Нина Николаевна Демкина – жена начальника ОТиЗа управления комбината Гирбасова. Она легко справлялась с нами, мы бывали у нее дома. Помимо английского Нина Николаевна учила нас правильному русскому языку, этикету – доброжелательно и интеллигентно она воспитывала нас.

Математику мы изучали три семестра. Изучали и высшую математику: аналитическую геометрию, дифференцирование и интегрирование. На первом курсе предмет вел И.А. Ионц – человек средних лет, очень спокойный. Но он сломал ногу и в связи с этим почему-то быстро умер. Продолжил преподавание Фридрих Генрихович Шмидт.

Химию, неорганическую и органическую, преподавал Рафаэль Александрович Виробян. Он был высоким, худым, очень сутулым, ходил медленно и осторожно. Он был очень серьезен, но при этом обладал удивительным юмором. Пальцы его рук были согнуты так, как будто он держал стеклянную химическую колбу. Ему помогала лаборантка Надя Барабаш. Химия у нас была поставлена очень серьезно: в лабораторной практике по аналитической химии в сухой смеси солей или в растворе мы определяли анионы и катионы. Павлик Богданов, склонный к некоторому авантюризму, иногда пытался пробовать анализируемый объект на вкус. Среди всех нас Виробян почему-то выделял Лиду Иванову.

Физику преподавал Константин Иванович Чащин. Его биография описана его сестрой Е. Волосской в третьей книге «О времени, о Норильске, о себе». Он был пересмешник и хохмач, мы прекрасно относились к нему, уважали и любили его. Уроки

его проходили весело, с шутками. Мы продолжили общение с Константином Ивановичем и после окончания техникума, значительно позже, однажды мы вместе с его семьей отдыхали в Сочи в 1952 году.

Историю преподавала Сара Борисовна Бондаровская – жена начальника ТЭЦ. Она была полненькая, нежная, головку держала несколько набок и сразу заявила нам: «Я ваша первая восточка!» – она не выговаривала звук «л». Мы любили ее, дружили с ней и ласково звали ее «нашей восточкой».

Преподаватель черчения Константин Игнатьевич Лозовой был очень требовательным, сильно гонял нас, но двоек принципиально не ставил. Вместо этого он ставил «синенькую троечку» и тщательно следил за тем, чтобы она была обязательно исправлена.

Преподаватель физкультуры Иоселиани занятия проводил в зале на снарядах. Спортивной формы ни у кого не было. Нам выдали американские короткие брючки-бриджи. Американскую одежду нам выдали бесплатно по талонам в универмаге рядом с управлением комбината. Я получила тогда и два хороших платья, и туфли. Массового спорта среди студентов не было. Сильными футболистами, входившими в сборные команды, например, металлургов или энергетиков были Олег Подколзин, Юра Шиляев, Володя Коновалов, Паша Потылицын, Виктор Аверин, Миша Воротников. Прохор Великжанин и в техникуме, и после его окончания был общепризнанным лучшим вратарем. Зимой футболисты играли в хоккей. Наша Лида Ростовцева была баскетболисткой.

Военное дело преподавал бывший кадровый полковник Ангарский, он отбыл срок в лагере. Мальчишки изучали и разбирали винтовку, девушки изучали санитарное дело. Нас водили в морг, где работал заключенный, очень авторитетный и очень известный не только в Норильске, но и в стране, патологоанатом Никишин. Он водил нас в мертвецкую, где я и другие девушки приходили в ужас. Но

главной была его коллекция человеческих органов и эмбрионов разного возраста, законсервированных в формалине. Никишин вытаскивал из банок органы, здоровые и пораженные болезнями, показывал их: «А вот госпожа печень!» или «Вот госпожа селезенка!». Он с юмором комментировал их состояние. Так в популярной форме мы изучали анатомию.

На втором и последующих курсах в программе появились специальные предметы: техническая механика, прикладная, сопромат, детали машин и машиноведение. Сопромат преподавал Григорий Александрович Пчелкин, механику – Константин Павлович Шмидт, по-немецки сдержанный и педантичный. До заключения он работал в командировке в Германии. Технологию металлов преподавал Лев Шалвович Белиходзе, помимо теоретических занятий он организовал серьезную практику в мехцехе автобазы. Мы работали на токарных, фрезерных и других станках. Электротехнику преподавал Михаил Петрович Сорокин (позже он стал директором техникума) – сухой, всегда прекрасно одетый, с постоянной трубкой в зубах. При первой же встрече с нашей группой он заявил: «Я пришел, чтобы избавить вас от ничегонеделания». На собраниях Сорокин всегда сидел в президиуме с неизменной трубкой и пускал красивые колечки дыма.

Главным нашим предметом было обогащение руд цветных металлов. Сюда входил целый комплекс дисциплин: опробование и испытание руд, дробление и измельчение руд, флотация, гравитационные и другие методы обогащения руд, обезвоживание, водовоздушное хозяйство, электрооборудование обогатительных фабрик и т.д., а также геология и минералогия. Я уже упоминала, что в числе преподавателей минералогии в техникуме был крупный ученый, минералог с мировым именем Николай Михайлович Федоровский. Обогащению геологию и минералогия преподавал Борис Семенович Павлов, высокий, подтянутый, с интеллигентской

бородкой человек, который всегда был в полувоенной гимнастерке. Дисциплины обогащительного комплекса нам преподавали специалисты Даниил Кириллович Волошин, Т.З. Дзупев, Петр Яковлевич Ярутин, С.М. Ометов. Д.К. Волошин работал в проектной конторе и вел проектирование обогащительных фабрик. Дробление, грохочение и измельчение руды преподавал П.Я. Ярутин, гидротехнику и водовоздушное хозяйство – Георгий Александрович Борисов. Одну из наиболее трудных и сложных дисциплин – флотацию преподавал нам С.М. Ометов. Он много работал за границей – в США и других странах. В связи с этим и попал в лагерь, а потом в ссылку. Он рассказывал нам об Америке... Электрооборудование обогащительных фабрик преподавал Кузнецов, очень интеллигентный и застенчивый человек. По слухам, раньше он занимался балетом.

Горное дело преподавал Евгений Константинович Красницкий. Совершенно случайно в 2010 году мне попал в руки номер журнала «Уральский следопыт» (№ 9 за 1988 год), где горный инженер Петр Михайлович Афанасьев, так же как и другие попавший в 1937 году в заключение, а позже и в Норильск, опубликовал свои воспоминания. В Норильске после освобождения он работал в техникуме вместе с Е.К. Красницким, а в норильском лагере был в заключении вместе с П.Я. Ярутиным. Описывая свою жизненную трагедию, П.М. Афанасьев упоминает и много знакомых норильчанам фамилий. Опубликованные в журнале воспоминания П.М. Афанасьева будут обязательно представлены в следующих томах издания «О времени, о Норильске, о себе...».

Наша производственная практика проходила на единственной тогда в Норильске Малой обогащительной фабрике (МОФ). Рабочих мест нам не дали. Мы ходили по фабрике, смотрели, задавали вопросы мастерам и рабочим, писали отчеты и таким образом вникали в тонкости технологии и обслуживания оборудования, в причины возможных нарушений и неполадок, меры

их предотвращения или устранения. Опыт, «набивая синяки и шишки», мы приобретали уже на Большой обогатительной фабрике (БОФ) в период ее пуска и освоения, работая самостоятельно бригадами, мастерами и начальниками смен, а фактически – для себя – начиная просто флотаторами.

Темой моего диплома был «Проект научно-исследовательской обогатительной лаборатории», а руководителем – Петр Яковлевич Ярутин, специалист высокого класса, в прошлом ректор горного института в Свердловске, очень требовательный, въедливый в вопросах и тонкостях, относящихся к деталям технологии и выбора оборудования. Защита дипломного проекта прошла успешно у всех. Нас всех оставили в Норильске, а на Камчатку уехала только Нюся Перекрестюк. Наш выпуск 1948 года был вторым. Летом этого года строительство БОФ еще продолжалось, следовательно, нам работать пока было негде. Нашу группу обогатителей отправили на практику под руководством Д.К. Волошина на Балхашский горно-металлургический комбинат. Однако нас уже зачислили в штат БОФ с присвоением нам соответствующих должностей. Я числилась бригадиром флотационного отделения с июля 1948 года.

До Красноярска мы должны были лететь самолетом, для многих из нас это был первый полет, и мы его очень боялись. Летали тогда на грузовых самолетах ЛИ-2 с металлическими лавочками по бортам. Кто-то сказал, что для того, чтобы избавиться от страха, надо выпить. И вот в буфете аэропорта Надежда

*Лидя Гришина,
Балхаш, 1948 год*

мы выпили по рюмке мятного ликера, но это мало помогло. От Красноярска ехали «500–веселым» поездом (были тогда такие!), состоявшим из разбитых теплушек. Наша группа вместе с курсантами в одной такой теплушке, без каких-либо удобств ехала через Новосибирск, Актюбинск, Павлодар. Поезд останавливался, где попало, и стоял неизвестно сколько времени. При остановке все бросались в кусты, если они были... Когда поезд трогался, наперегонки старались его догнать и залезть в свой вагон. В районе Акмолинска две девушки – Таня Козырева и кто-то еще отстали от поезда, не имея при себе ни денег, ни документов. Через день-два они догнали нас: ехали на паровозе (их взял, сжалившись, машинист) и были все в саже.

В Балхаше нас разместили в общежитии, но рабочих мест не дали, Балхашскому комбинату мы были не нужны. Каждый день мы ходили, смотрели, общались с персоналом, что-то узнавали, писали отчеты. Провели экскурсию на хвостотвал фабрики. Долго шли пешком сначала туда, потом обратно под палящим солнцем. Очень хотелось пить. Ребята воровали арбузы, которые мы тут же и съедали. Они хорошо утоляли жажду... Мы купались в озере Балхаш... Почти месячное пребывание здесь было для нас как бы отпуском после защиты дипломов. Нашему руководителю Д.К. Волошину выдали средства на наше содержание. Мы с Лидой Ивановой старались экономить деньги для будущих покупок. В Павлодаре мы купили два отреза, из которых потом сшили блузки. Хотели купить что-то еще, но наткнулись на открытки с портретами артистов и весь остаток денег потратили на них.

...В Красноярске застряли почти на месяц: плохо летали самолеты. Мы с Лидой Ивановой жили у ее тетки Лидии Николаевны Чупровой, которая незадолго перед этим переехала в Красноярск из Дудинки. В Норильске нас поселили уже в другом общежитии – на улице Мончегорской. Постепенно

девушки начали выходить замуж и уходить из общежития, сначала Надя, ставшая Богдановой, потом Нина, а вскоре и я.

БОФ И ОВЛАДЕНИЕ ПРОФЕССИЕЙ

И вот началась наша работа на БОФе. Официальный пуск фабрики намечался на конец декабря 1948 года – на день рождения Сталина. Но пробные пуски начались значительно раньше – с октября. Проверяли готовность оборудования, устраняли неполадки, уточняли технологический режим. А неполадки, как обычно, были. Обнаружили ошибки проектирования и монтажа оборудования (оно было американское), да и весь персонал был неопытным. Во время пуска и в первые месяцы работы даже заменяли оборудование. Много неприятностей доставляли неполадки и аварии...

Мне кажется, начальником фабрики и в последний период строительства, и во время ее пуска был Александр Емельянович Шаройко, а Олег Николаевич Малицкий и Юрий Федорович Ненарокомов были соответственно главным инженером и начальником техотдела. Возглавляла главный корпус Татьяна Семеновна Рабинкова, вместе с главным инженером Анной Андреевной Никоновой. Поскольку комбинат входил в систему МВД, то высшее руководство всех его предприятий имело звание и носило военную форму с погонами. С уходом А.Е. Шаройко директором и главным инженером фабрики стали О.Н. Малицкий и Ю.Ф. Ненарокомов, а техотдел возглавила Сусанна Сергеевна Белоглазова. Всем нам приходилось чаще всего общаться с Т.С. Рабинковой. Яркая, властная и волевая осетинка имела большой авторитет. Она обеспечивала работу главного корпуса БОФ, в помощь ей дали нас, теоретически подготовленных, но практически мало чего умеющих девчонок. Ей пришлось в экстремальных условиях пуска фабрики учить нас работе и жизни, зачастую достаточно жестко. Она и шпыняла нас, и опекала, продвигала нас

и помогала нам, когда в этом была необходимость.

В начальный период пуска и освоения фабрика работала по временной коллективной схеме с выдачей коллективного медно-никелевого концентрата. Позже перешли на селективную схему с выдачей наряду с никелевым также медного концентрата, который возили на площадку строящегося медного завода самосвалами. По проекту в составе фабрики были 4 секции, но во время пуска была задействована одна. Для переработки богатой руды была предусмотрена подсекция, включавшая всего 2 флотомашин, с возвращением ее концентрата и хвостов в схемы основных секций.

После окончания техникума мы в основном трудились в должности бригадиров. Сменным мастером быстро стала Тося Макарьева, обладавшая довольно

Большая обогатительная фабрика.

Снимок на память по случаю какого-то торжества. Все фамилии память не сохранила. Слева направо сидят: ?, Орлов (начальник реagentного отделения), Т.С. Рабинкова (руководитель главного корпуса БОФа), ?, Ю.Ф. Ненароков, Айвазов (главный бухгалтер БОФа), К.И. Шмидт (механик);

слева направо стоят: Сикержицкий (электрик ИФЦ), ?, Маслов (бригадир ремонтников насосного хозяйства), Л.А. Иванова, М. Клевцов, Киселис (хозяйственник), А.И. Силаева, ?, ?, ?, ?, Л. Коровникова (сменный мастер-технолог), Т. Непарадо, Т. Макарьева, Кабанков (сменный мастер-технолог), Н. Федорова, Л. Ростовцева, ?, ?.

жестким характером, начальником ОТК главного корпуса назначили Нину Мосину. Начальниками смены были участница войны Александра Ивановна Силаева и Александр Сергеевич Омаров. Запомнился мне сменный мастер инженер Василий Маркович Семиошко. Пройдя жестокий лагерный университет, он остался очень честным и порядочным человеком, во всем добивался справедливости. Он был очень общительным, а мы, воспитанные советской пропагандой, иногда боялись слушать его, опасаясь резких высказываний. Он устремлял на нас свои горящие глаза, требуя от нас честных поступков. Он был равнодушен к Тосе Макарьевой. Она ответила ему взаимностью, они поженились и потом переехали на работу в Кривой Рог.

Вспоминая с благодарностью людей, с которыми в те далекие годы мне довелось работать, понимаю, как нам тогда повезло. Рядом с нами были люди, несправедливо осужденные, но своим самоотверженным трудом многократно доказавшие, что они никакие не враги народа, а достойные граждане своей страны. Были среди работников обогатительной фабрики неудобные для начальства люди, каким был умный и принципиальный специалист Василий Шабуров, главный механик измельчительно-флотационного цеха. Главным механиком БОФ долго работал Абрам Львович Гитгарц, окончивший университет в Сорбонне. Тяжело трудился на обслуживании мельницы Леонид Иванович Данилов, он вырос благодаря своим талантам от бригадира до главного механика Норильского комбината. Все эти люди и те многие, кого я не назвала, задавали высокую планку жизни для молодых, где главными ценностями были честь, порядочность и трудолюбие.

Я начала работать на подсекции для переработки богатой руды. Когда она простаивала, что случалось часто, приходилось трудиться флотатором на основной секции. Это позволило мне хорошо освоить технологию и достаточно уверенно управлять

процессом флотации. С июня 1949 года я уже работала сменным контрольным мастером ОТК.

Наша спецодежда состояла из комбинезона, валенок и рукавиц. На комбинезон я надевала еще юбку и пиджак от студенческой формы и шапку-ушанку, так как в корпусе было холодно. Вначале на фабрике не было даже раздевалки. После смены мы ехали домой в мокрых валенках и сырой спецодежде. Здесь тоже не было душа, а только титан с кипятком. Это были декабрь 1948 года и январь 1949-го. Автобус ходил в Горстрой от Нулевого пикета. Пока мы спускались с горы до остановки, на нас все замерзло и шуршало, а ведь автобуса еще надо было дожидаться! В общежитии нормального отдыха тоже не было. У нас уже не оставалось ни физических, ни моральных сил ни на что... Со временем на фабрике появились раздевалка и душевая, жить стало легче. Валенки заменили резиновыми сапогами, которые были обычно почему-то 43 размера. После вывода комбината из системы МВД обогатителей приравнивали к горнякам. Это означало повышение статуса профессии, были введены звания по категориям, а также форма. Нам выдали темно-синий или черный пиджак с шевронами на рукаве. Тогда же с технического руководства предприятиями сняли воинские звания, упразднили военную форму.

8 марта 1949 года погибла наша Таня Козырева. Ее труп с большим количеством ножевых ранений нашли в снегу недалеко от входа в главный корпус, куда вела высокая лестница в 90 ступеней. Таня работала в 3-ю смену и была убита, когда после смены пошла домой. Ее нашли утром заключенные, шедшие на работу. По слухам, это была месть: ее сестра работала следователем или прокурором. Среди наших выпускниц техникума это была первая смерть... Но не первая в Норильске.

С декабря 1950 года я стала работать сменным мастером – технологом второй секции, а еще почти через год – начальником смены главного корпуса.

Здесь работало примерно 150 человек. Половина из них – заключенные, бытовики и уголовники. Работа на фабрике для них считалась привилегией, тут зимой было тепло. Отношения у нас были нормальные, мы не боялись их, хотя гоняли, когда они уходили в подвал «под флотацию» поспать ночью на теплых трубах. Мерой воздействия на них бывала угроза лишения зачетов. Я по молодости иногда применяла эту меру, о чем сейчас очень сожалею. Но надо сказать, з/к почему-то не очень этого боялись. Они были часто значительно старше и звали нас по именам. А нам надо было обеспечивать дисциплину и поддерживать авторитет... У начальника смены в распоряжении был всего один телефон для связи с руководством фабрики. А для связи с ее многочисленными отделениями и службами огромного главного корпуса у каждого начальника смены был посыльный, так называемый «адъютант», обычно из заключенных. Рабочих после смены оставляли для технической учебы. Они всем своим видом показывали, что им это не нужно и относились к учебе с подчеркнутой иронией.

Позже к нам на практику стали приезжать студенты старших курсов из институтов Орджоникидзе, Иркутска и Ленинграда. По окончании многие приезжали в Норильск на постоянную работу.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

В конце 1950 года я познакомилась со своим будущим мужем Александром Сергеевичем Смирновым, а в июне 1951 года мы поженились. ЗАГС тогда находился на Заводской. Наша скромная свадьба состоялась 25 июня в комнате Соболевых в общежитии ИТР (которое через несколько лет было превращено в детскую поликлинику) на Октябрьской площади позади будущего магазина «Сияние». Кроме Лиды Ивановой на ней присутствовали Соболевы, аспирант Сергей Лаптев. Сначала мы жили каждый в своем общежитии, а вскоре Нина Федорова, уехавшая в отпуск, оставила нам свою комнату в коммуналке.

Когда начальник смены никелевого завода Чингиз Валеев и его жена, известный хирург, получили квартиру, нам отдали их комнату в общежитии ИТР.

При его входе сидела дежурная с телефоном, сзади нее находилась душевая. На каждом этаже – кухня с плитой, в конце коридора туалет. В коридорах в то время стояли кровати жильцов. У одного из них была радиола, непрерывно крутилась пластинка «Летят белокрылые чайки...». Наша комната, площадью 10-12 кв. метров, имела окно во двор и маленькую переднюю, в которой слева был стенной шкаф, а справа ниша с раковиной. В ней помещалась и тумбочка с электроплиткой. Железная кровать, шкаф, стол, стулья и этажерки для книг – вот и вся мебель. Клопов муж выжигал горящей бумагой из пружин кроватной сетки, поставив кровать на попа. Тараканы постоянно проникали из коридора, а против мышей мы со временем завели кошку.

В магазинах мы отметили некоторый прогресс по сравнению с 1947-48 годами. Наряду с куропатками в перьях, консервами из краба, черной паюсной икрой, сыром и вареньем из зеленых грецких орехов и лепестков роз появилось мороженое мясо, лимоны. Овощей, даже сушеных, в свободной продаже не было. В соседней комнате жила семья мастера шламового цеха Старостенко. Его

*Семья Смирновых,
Москва, 1960 год*

жена Фрида, преподавательница английского языка, тогда сидела дома с ребенком в декретном отпуске. Обладая какими-то возможностями, Фрида добывала консервированный борщ в стеклянных банках, круглые брикеты сушеной капусты и картошки, сухофрукты. Она делилась с нами всем этим. Вообще-то, в столовой на БОФ кормили разнообразно и вкусно. Позже в продаже появились куры, жесткие и страшные на вид.

После амнистии 1953 года летом настало время грабежей и убийств. Тогда едва не погиб наш друг Николай Соболев, избитый до полусмерти сторожами магазина, которые приняли его по ошибке за амнистированного уголовника. Его спас известный хирург Илья Захарович Шишкин, который при утреннем обходе узнал его, лежащего без сознания среди десятка убитых и раненых той ночью. Он срочно прооперировал его.

В июле 1954 года муж поступил в очную аспирантуру. Я улетела в Москву несколько раньше, находясь в декретном отпуске. В октябре 1953 года родился сын Сережа, а в феврале меня наградили медалью «За трудовое отличие».

После смерти Сталина мой отец смог вернуться на Украину. Он предполагал купить дом в селе около Черновиц. Мы снабдили его деньгами, но, попав на мошенников, он потерял и деньги, и время. Так он был вынужден вернуться туда, откуда не по своей воле уехал четверть века назад, – в Тростянец Винницкой области. Прожив несколько лет у родственников, он купил дом в Ободовке, где жил последние два-три года. Он умер зимой в начале 1965 года на 82-м году жизни.

В Москве мы жили на Садово-Кудринской улице напротив Патриарших прудов в коммунальной квартире родителей мужа. Маме Наталье Александровне было 52 года, а его брату Боре 14 лет. По состоянию здоровья Наталья Александровна не работала. Мы жили на аспирантскую стипендию

мужа, сбережений у нас не было, но поначалу нам еще присылали из Норильска ранее заработанные премии. Когда сын немного подрос, встал вопрос о моем трудоустройстве. Возиться с Сережей в течение дня пришлось его бабушке.

Работа на кафедре обогащения Московского института цветных металлов и золота в течение двух с половиной лет перед возвращением в Норильск привила мне вкус к лабораторным исследованиям, послужила хорошей школой и помогла мне в последующей работе на БОФе и потом, много позже, на кафедре геотехнологии института, превратившегося в Московскую геолого-разведочную Академию, а позже и в Университет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НОРИЛЬСК, А ПОЗЖЕ СНОВА В МОСКВУ

По окончании аспирантуры муж в январе 1958 года вернулся в Норильск, где и продолжил работать в ГМОИЦ. Сначала его пригласила жить в свою семью Елизавета Евсеевна Забрамная – сестра мужа моей подруги Лиды Ивановой. Когда он получил комнату на улице Комсомольской, 24, мы с сыном вернулись в Норильск. Нашим соседом в коммунальной квартире оказался интересный человек, репрессированный геолог, очень авторитетный специалист Михаил Федорович Смирнов. С октября 1958 года я стала работать в НИОЛе, который возглавлял Алексей Алексеевич Калмыков, человек многогранных знаний и способностей, уникальной памяти и очень нелегкой судьбы, главным инженером был Владимир Иванович Перепечин. Во время моего отсутствия в г. Орджоникидзе организовали учебу на высших инженерных курсах, их окончили многие из наших выпускников техникума 1948 года. Это были Лида Иванова, Лида Ростовцева, Надя Казанцева (ставшая Машурьян), Павел и Надя Богдановы, которые поехали на учебу, взяв с собой двух детей. Все они затем продолжили работать на комбинате, а Павел

Богданов, пройдя должности начальника техотдела и главного инженера, стал директором БОФ. Появилась семья и у О.Н. Малицкого: за него вышла замуж Нина Мосина, у них родились двое детей. О судьбе Надежды Федоровны Казанцевой-Машурьян, с которой вместе прошла и школу ФЗО, и учебу в техникуме, и работу в НИОЛе, хочу рассказать подробнее.

Надя родилась в сентябре 1926 года в большой семье: семеро детей – шесть сестер и брат. Жили в селе Идра Идринского района Красноярского края. Дед со стороны матери погиб на японской войне 1905 года, со стороны отца в 1931 году был раскулачен и выслан вместе с младшим сыном в Черемхово Иркутской области. Всего у деда было восемь детей, но старших не тронули. Отца Нади, работавшего в колхозе бригадиром, в посевную 1937 года незаслуженно осмеяли в стенгазете. Он сорвал стенгазету, за что получил 2 года тюрьмы. В 1940-м он освободился, в 1941-м попал на фронт и в 1943-м вернулся раненый. Старшую сестру Анну по окончании в 1940-м курсов бухгалтеров направили в Норильск, где она работала в Госбанке. Вскоре Анна вышла замуж, получила жилье и пригласила Надю к себе. Анна встретила Надю в Дудинке, они ехали на дрезине вместе с семьей заместителя главного геолога комбината Нелюбина. В Норильске Надя продолжила учиться в школе, и по окончании 7 класса живший в том же доме директор школы ФЗО Литвинов пригласил ее в свою школу. Потом она работала в БЭЗ на сборниках электролита, приносила в семью зарплату 1200 рублей, а осенью 1944-го стала студенткой обогатительного отделения Норильского горно-металлургического техникума. Дипломным проектированием она занималась вместе с Лидой Ростовцевой и Тосей Макарьевой, а их посещал иногда в это время Кеша Смоктуновский. После защиты диплома Надю распределили на БОФ, но из-за болезни ей пришлось уехать из Норильска. В 1955 году она вернулась в

Норильск, где трудилась на БОФе до 1979 года. Надя вышла замуж за металлурга Владимира Николаевича Машурьяна из ГМОИЦа, родила дочь Наташу. После Норильска семья обосновалась в Туле. Летом 2010 года В.Н. Машурьян умер.

Биография Нади, других подруг, да и моя тоже, очень похожи. Неважно, какие записи в наших трудовых книжках. Все жили бедно – другого просто не знали. Новое платье или туфли воспринимали как благополучие, подарок судьбы. Мы не чурались никакого труда. По нынешним меркам в детстве у нас не было детства, потому что с малолетства уже

*Новогодний девизник, Норильск, январь 1954 года.
Слева направо, в первом ряду: Нина Кузнецова (Цыбульская),
Нина Малицкая (Мосина) с дочкой Нины Кузнецовой Тamarой;
во втором ряду: Стюра Зорина (Никулина), Тося Макарьева,
Лидя Смирнова (Гришина);
стоят в третьем ряду: Надя Шинюхина (Некрасова),
Тамара Чижова, Маша Белоусова, Люда Лосева (Мальшева),
Лидя Пластун, Нина Литвинова (Федорова), Неля Султангареева*

началась для нас взрослая жизнь с тяжелым трудом и недетской ответственностью, не только за себя. Мы очень хотели учиться и для этого использовали все выпавшие возможности. Вспоминаю девушек и ребят, с которыми учились, начинали работать, и понимаю, что все состоялись не только как специалисты, но и как личности. Все создали семьи, вырастили детей, радуются внукам. Мы сами построили свою жизнь.

*Лидия Смирнова в лаборатории НИОЛ,
1960 год*

Норильская опытно-исследовательская лаборатория располагала самым разнообразным оборудованием. Заведовала этим сложным хозяйством Нина Авксентьевна Никифорова. В минералогической лаборатории работали Эдуард Кулагов и Валентина Фоминична Митина. Начальником химлаборатории была сначала Светлана Вильгельмовна Шестаковская, а после ее отъезда из Норильска – Лидия Ивановна Муравенко. Здесь же работали химики Галина Васильевна Кольба, Валентина Васильевна Перепечина и лаборант Екатерина Сигоченко. Лидия Александровна Иванова-Забрамная была начальником отделения техпомощи фабрики. Круглосуточно работала проборазделка, где трудилась Серафима Андреевна Стеблянка. Опробованием для контроля технологического процесса занимались инженер Светлана Федоровна Туровцева, Надежда Петровна Богданова, Надежда Федоровна Казанцева-Машурьян и другие выпускники норильского техникума. Я

проводила лабораторные исследования по определению оптимальных условий флотационного обогащения руды, работала в химлаборатории и выполняла отдельные задания. Мне очень помогли тогда знания и опыт, полученные во время работы на кафедре обогащения Московского института цветных металлов и золота. С благодарностью вспоминала своих московских учителей...

Праздники мы отмечали семьями. Обычно мы собирались у Перепечиных, которые жили в большой квартире в доме, где был кинотеатр «Победа», или у Муравенко, где даже иногда оставались ночевать. В последние годы собирались в ресторане «Таймыр» либо в кафе «Лама». Однажды большим коллективом летали на несколько дней на озеро Ламу.

В НИОЛе я проработала до февраля 1968 года, когда у меня родился младший сын Митя. Старший заканчивал 7 класс. В Москве у нас уже была кооперативная квартира. В мае 1968 года я улетела с двумя детьми из Норильска – навсегда.

В Москве я не спешила искать работу, сидела дома с ребенком. Когда мне исполнилось 50 лет, у меня появилось право на получение льготной пенсии. Младшему сыну стукнуло 10 лет, я поступила в 1979 году на работу в Московский геолого-разведочный институт (МГРИ) на кафедру геотехнологии редких и радиоактивных металлов.

После распада СССР в связи с изменением правовой ситуации в его бывших республиках я в ноябре 1997 г. обратилась с заявлением в комиссию по вопросам восстановления прав репрессированных при Винницком областном Совете народных депутатов. В заявлении отметила, что считаю себя и членов моей семьи жертвами политических репрессий и прошу решить вопрос о реабилитации. В феврале 1998 года я получила от комиссии Тростянецкой районной Рады справку о реабилитации моего отца Георгия Максимовича и меня. Непонятно, почему вопрос о реабилитации мамы и брата комиссия

проигнорировала. Я обратилась в суд для установления родственных отношений с отцом, поскольку еще до брака изменила свою фамилию Гриша на Гришину без должного официального оформления. Свою метрику я утеряла еще в Норильске и не имела никаких документов для подтверждения родства. Этот факт могли установить только свидетели, которых не было (возможные свидетели все уже умерли). Суд в моей просьбе отказал.

Лаборантом, учебным мастером и инженером я проработала на кафедре геотехнологии МГРИ 30 лет и уволилась в 2009-м году на 81-м году жизни. Моя работа неоднократно отмечалась в приказах по институту, меня наградили сначала знаком «За доблестный труд в тылу во время войны», а в 2005-м и 2010-м, в годы празднования Великой Победы, и юбилейными медалями. В честь этой замечательной даты около института мы посадили деревья, есть среди них и мое юбилейное дерево.

Мой муж, Александр Сергеевич Смирнов, рассказал о своих норильских годах в пятом томе. Они начались с того, что он с трудом добился распределения в Норильск, где проходил институтскую практику. Наконец он убедил и меня написать воспоминания о жизни на Таймыре. По большому счету, комбинат дал мне путевку в жизнь, не только в профессию. Мне было 14 лет, когда меня приняли в комсомол в политотделе. Почему-то больше всего мне запомнилось, как в этот день у меня оторвалась подошва на ботинках и мне приходилось поднимать выше ногу и со шлепаньем делать шаг... Руководство комбината нас очень опекало, заботилось, чтоб мы не голодали, были тепло одеты, получили специальность.

*Александр Сергеевич
Смирнов,
Норильск, 1969 год*

Считалось обычным делом, что на любом собрании в президиуме сидели люди в погонах – вольнонаемных – то в Норильске тогда было мало...

С малых лет я была предоставлена самой себе, а в Норильске у меня впервые появилось чувство семьи. Конечно, самое большое влияние оказал на меня муж, в 2011 году исполнилось 60 лет, как мы вместе. Мы с Александром Сергеевичем прочувствовали на себе разные эпохи – крушение царизма, Гражданскую войну, Советское устройство жизни, потом перестройку и демократизацию общества... До демократического строя страна пока не дотянула... Как хочется, чтобы нашим внукам и правнукам досталась лучшая, чем нам, доля... Иначе ради чего мы так трудно жили, если не для будущего и счастья молодых поколений?

Дора Семеновна Зубцова. Март, 2010 г.

*Хая (Анна) Николаевна Бляхман с дочерью Дорой.
Июнь, 1955 г.*

Дора Зубцова-Бляхман:

*«Моя мама, удивительная,
целая и замечательная жен-
щина, смогла выдержать все
невзгоды и ужасы лагерей и —
победила!»*

Как много лет отделяют юную Дору с косичками и привлекательную женщину Дору Семеновну — жену, маму, опытного специалиста, состоявшуюся Личность. Сколько за эти годы ею пережито, передумано, выстрадано...

Моя мама, удивительная, умная, замечательная женщина, выдержала все невзгоды жизни и ужасы лагерей, И — ПОБЕДИЛА! Хая (все называли ее Аня, Анечка) родилась в Ленинграде 29 июня 1925 года. Она была единственной дочкой Николая Калмана и Доры Фильщинских. Мама окончила 9 классов. Когда началась война, из Ленинграда не уехала, блокаду пережила. Ее мама Дора была домохозяйкой, умерла от голода в Ленинграде в 1942 году. Отец был на фронте, воевал и вернулся с войны живым, работал на заводе (умер в 1975 году). У мамы в 1943 году началась дистрофия 3-й степени. На полтора года ее увезли в Тавду — там она заболела туберкулезом, потом попала в Бугуруслан. Там ее разыскала тетя и вернула в Ленинград. Маме уже исполнилось 20 лет и она начала строить жизнь. Пошла на курсы, стала провизором, работала в аптеке.

*Анна Бляхман.
24 ноября 1945 г.*

В 1947 году на танцах в ДК имени Первой пятилетки она познакомилась с папой, Семеном Бляхманом, поженились. Он учился в торговом институте (умер в 1994 году), а в апреле 1948 года родилась я, меня называли Дорой в честь бабушки. Из рассказов близких и мамы я знаю, что жили они очень бедно, но их дом был всегда открыт для друзей и родных.

*Анна Бляхман.
27 октября 1948 г.*

У них часто собирались друзья: Люба и Илья Цивьян, Аркаша Каплан, Бума Сосина и ее муж, другие. Кушать особенно было нечего, но кто что принесет, тем и угощались. Мама рассказывала, что было всегда очень весело — пели, танцевали, рассказывали анекдоты, веселись. Однажды кто-то записал анекдоты в дневник (кто это был — мама потом узнала, но мне никогда не рассказывала). В 2003 году в Ленинградском отделении Мемориала мама давала интервью журналистке Алле Борисовне Макаровой и сказала, что дневник вел Юрка Штакенберг и на этом попался.

Мама работала в аптеке фасовщицей, она была на работе, когда к аптеке подъехал «черный ворон». Ее взяли «в чем стояла». Домой зайти не разрешили. Никто не знал, куда ее увезли. Оказалось, в Большой Дом, на Литейный, д. 4. Она не знала, за что. Это было в январе 1949 года. В доносе было написано, что собирались у нее, анекдоты рассказывали, восхваляли еврейскую нацию. За это арестовали маму и ее друзей. Много лет спустя, я расспрашивала маму о пережитом, о допросах и следователе. Мама рассказывала о том, как она сидела в одиночной камере, как следователь вызывал ее на допросы ночами, направлял яркую лампу ей в лицо и орал, что она совершила такое страшное преступление, что больше никогда не увидит дочку, что ее, «зачинщицу» всего, все бросили. Следователь говорил: «Поедешь, куда Макар телят не гонял!» Единственный шанс смягчить свою участь — это все рассказать. Он хотел создать «еврейскую группу», организацию из шести человек. Мама отвечала, что ей нечего рассказывать, что дочь она обязательно увидит, а вот он еще пожалеет обо всем... В ответ, он орал, однажды ударил и отправил в карцер. Она пережила настоящий ужас.

Маму судило Особое Совецание — мы не знаем, кто конкретно. Адвокатом был прокурор Гаврилов,

а следователем — Ключихин (нет уже в живых) — мама называла их гадами! Судья требовал наказать по максимуму, но доказать создание «еврейской группы» не смогли. Суд был 22 февраля 1949 года, в Большом доме, закрытый. Предъявили статью 58-10, часть вторая — это антисоветская агитация, и присудили 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях! Как нам повезло, что 26 мая 1947 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об отмене смертной казни». В мирное время ее заменили заключением в исправительно-трудовые лагеря сроком до 25 лет. Так ей заменили расстрел на 25 лет ИТЛ, и отправили в Особый лагерь в Норильск. Илья Цивьян попал в Хабаровский край, Аркадий Каплан в Магадан, куда остальных — не знаю. Из интервью журналистке Алле Борисовне Макаровой я узнала о маме многое... Вот что рассказала мама:

«Весной в начале мая повезли меня в ИТЛ (Исправительно-трудовой лагерь). Ехали через Свердловск, Новосибирск, Красноярск, куда везли, мы не знали. В дороге познакомилась с Марией Дроздовой, ее отправили в лагерь прямо из Германии, из Берлина. В Злобино (это красноярский лагерь-пересылка) нас продержали все лето. Там мы познакомились с Валькой Бурьяновой. У нее была статья 58-14 (официально это контрреволюционный саботаж, а чаще отказ от работы или побег). Валька, детдомовка из Ленинграда, была красивая и справедливая, хоть и бандитка. Она нас охраняла: «С Питера — это свои». На папке с моим уголовным делом была красная полоса — это значит, что мне уготован самый тяжелый труд в лагере для государственных преступников. В особлаг Норильска нас отправили по Енисею последней баржей. В Дудинке уже по колено лежал снег. Пришли платформы с кирпичом на разгрузку. Мы работали до изнеможения. Я думала, что эта ночь никогда не кончится. Пока живу — все помню кровавые слезы мои...

Девчонки в лагере меня звали Аней. У каждой был номер, мой — Р-212. Мы нашивали его на штанах, шапках, на спинах телогреек. Так нас хотели превратить в скот бессловесный, бесфамильный, безымянный. Надзирательницы при «шмоне» грязными сапогами ходили по нашим вышивкам, по фотографиям из дома... Я по дочке очень скучала все время».

А мне тогда было всего девять месяцев. С большим трудом отцу удалось добиться, чтобы я осталась с ним и меня не забрали в детский дом. Когда мне было 2 года (1950 г.), папа женился, и я стала называть его жену мамой. Она была добрым человеком, я ее вспоминаю хорошо. Впоследствии я ее звала тетя Сима. Когда папа женился, у нее была восьмилетняя дочь Алла, а в мае 1951 года родился их общий сын Борис — мой брат по отцу. Мы жили на 16 линии Васильевского острова в большой коммунальной квартире (10 комнат). У нас была большая комната, как бы поделенная шкафом на две. Я не знала, что тетя Сима — не моя родная мать, мне никто ничего

Семен Бляхман с дочерью Дорой. Январь, 1949 г.

не рассказывал. Мамин папа (мой дед) и ее двоюродные сестры меня навещали, дарили мне подарки, но я никогда не задавалась вопросом, почему они только мои родственники, но не Бори и Аллы.

О том, что тетя Сима мне не мама, и что существует моя родная мама, я узнала только тогда, когда она вернулась из лагеря в мае 1955 года. Мне было уже 7 лет, и я помню, как это все было — как будто это было вчера... Рано утром к нам пришла бабушка Мина (мама отца) и сказала: «Сеня, одевай Дору, Аня вернулась!» Папа почему-то ссорился со своей мамой, а потом пришел в комнату и говорит мне: «Дорочка, вставай, давай одеваться, — взял меня на руки, — приехала твоя настоящая мама, и мы сейчас к ней поедem» Я вырвалась из рук отца, подбежала к маме Симе, обняла ее и стала кричать, что мне сто мам не надо, у меня уже есть мама! От криков проснулся братишка и начал плакать. Тетя Сима пошла его успокаивать, а отец с бабушкой меня одели, и мы поехали на трамвае на Садовую — мама остановилась у своей тети и двоюродных сестер. По дороге я плакала... И вот мы пришли. Дверь нам открыла мамина двоюродная сестра тетя Фаня — я ее знала. Они с тетей Верой приходили к отцу и ко мне — всегда приносили какие-то подарки. Она привела меня в комнату, а там сидела женщина с куклой в руках: «Доченька, иди сюда, посмотри куклу...» Я стояла в дверях. Тетя Фаня взяла меня за руку и подвела к маме. Я к ней не пошла — мама заплакала и вышла из комнаты. Тетя Фаня тоже вышла. Я осталась одна, плакала и тут в углу комнаты увидела яркий большой мяч. Я взяла его, он упал. В комнату

*Анна Бляхман.
Июнь, 1955 г.*

*Дора с дедом Николаем
Михайловичем Фильцинским.
17 сентября 1949 г.*

вошла мама и стала со мной играть в мяч, но тут я спохватилась, что не вижу папы и начала звать его, но он уже ушел. И вот все собрались около меня... Самое главное — пришел мой любимый дед — мамин отец. Дед посадил меня на руки, дал мне куклу и стал говорить, что это моя родная мама, что она уезжала работать, вернулась и больше никогда от меня не уедет... А я говорила, что у меня уже есть мама! Мне было страшновато от такой новости, но с дедом мне

было хорошо, я его любила.

Дед был замечательным человеком, красивым, добрым. С 1949 года у него болело сердце. Когда он вошел в квартиру и увидел маму, упал и потерял сознание. Его привели в чувство. Я этого не видела. Мне уже взрослой рассказала об этом Ира — мамина двоюродная сестра, ей тогда было 17 лет. Постепенно я привыкла к новой маме и новой жизни. Помню, что первое время мы спали вместе с мамой, и у меня все время был страх, что она уедет. Она мне рассказала, что была в лагере «за анекдоты», что не виновна ни в чем. Я ей верила. Но с тех пор страх сопровождал и сопровождает меня всю жизнь. Помню, как я очень боялась того, что узнают обо мне как о дочери «врага народа». В конце первого класса помню, как на перемене мальчик орал о врагах народа. Я решила, что это обо мне... Я шла домой, дрожала и плакала... Я тогда не знала, что таких разговоров будет много,

*Николай Михайлович Фильцинский с дочерью Анной
и внучкой Дорой (в центре). 1965 г.*

и что мне всегда будет больно. Потребовалось много усилий для преодоления моей неуверенности. Я выучилась, построила семью, стала специалистом. Мама говорила, что у нее полностью снята судимость, поэтому я никогда нигде не указывала, не упоминала об этом ни в одной анкете. Я знала, что я имею право так делать, но всю жизнь боялась, что узнают об этом.

Отец прислал маме в лагерь бумагу о разводе, который она очень тяжело переживала. Когда забрали маму, отец разменял квартиру. Нам досталась 9-метровая комнатка в коммунальной квартире, где жил дед. Когда вернулась, мама поменяла эту комна-

Семен Бляхман с дочерью Дорой. 1954 г.

*Семен Самойлович Бляхман,
ветеран, инвалид Великой
Отечественной войны. 1990 г.*

ту на такую же 9-метровую (1956 г.), но в другой квартире. В этой коммунальной квартире мама прожила до 1986 года, и с бывшими соседями дружила до конца своих дней. Со мной на тему лагеря отец никогда не разговаривал. После маминого возвращения папа с мамой пытались наладить отношения, но ничего из этого не получилось. Мама была мудрым человеком, и я ей очень благодарна за то, что она разрешала мне с папой общаться. Когда я подросла, я ездила к нему домой, у меня здесь было свое место за столом.

Когда моим родителям приходилось встречаться (дни рождения, праздники, моя свадьба, рождение внуки), то они нормально общались. Я дружила с отцом до конца его дней (он умер в 1994 году в больнице у меня на руках).

Мама о лагере рассказывала редко и мало, хотя я ее расспрашивала. Когда выросла моя дочь, а ее внучка — мы обе интересовались ее прошлым, а по сути историей страны. Когда маму увозили в лагерь, она была больна — туберкулез, открытая форма. Лежала в лагере в больнице, ходила на поддувание, у нее легкие зарубцевались, но началась цинга. Впоследствии мама всегда очень нервничала, когда делали флюорографию ей или мне.

Шестое отделение Горного лагеря в Норильске. Это значит мама в числе многих рыла котлован в 40–50-градусный мороз, долбила землю. О подробностях я узнала совсем недавно из маминого интервью журналистке Алле Борисовне Макаровой: «Зимой я и в тундре работала, на строительстве водовода от реки.

*Дорогим родным! От меня и этих девушек, с которыми вместе
нахожусь в бригаде. Они все латышки, но я среди них.
Норильск, 15 июля 1954 г.*

Все время нас посылали или на котлованы, или на железную дорогу — чистить снег, или на разгрузку. Бригадир нашей бригады Нинка Подпольная, украинка, ведьма была, мы с ней ссорились. Украинок в лагере было много: Галка Мороз, Мария Аношко — обе из Киева. Я дружила с Верой Локтионовой из Орла, балериной. У нее был срок 10 лет. Она работала в другой бригаде, не в моей. Когда разгромили забастовку, нас стали выводить в тундру. На одном столе моего дела не оказалось — мы по очереди подходили к столу и называли себя. Грязные, мокрые — нас пожарные поливали водой из шлангов под большим давлением. И меня отправили в общую группу, отобрали примерно 900 человек. Мы девять месяцев пробыли в каком-то бывшем

*Анна Бляхман с подругой
Клавой с Украины*

Дорогим моим родным! Посмотрите на нас и иногда вспомните, что эти лица иногда улыбаются. На память от Клавдии и от меня. Целую крепко. Норильск, 25 ноября 1954 г.

пересмотра дел, я не хотела идти туда: ведь я ни в чем не виновата — зачем мне у них просить милости? Полагалось писать прошения о помиловании и снятии судимости. Меня чуть не за руку директор Дома культуры Наталья Кропивко туда отвела. И председатель комиссии, читая мое «дело», за голову взялся: «И за это посадили?! Восхваление еврейской нации и национализма — и 25 лет?» В лагере кого только не было! Две польки, Зося и Бася, рабо-

мужском лагере около ТЭЦ. Туда на разгрузку часто привозили по железной дороге то картошку, то мясные консервы — мы ожили немного после голодовки. Наворует картошки, сварим в мундире на всю бригаду, да еще принесем банки большие с тушенкой и сгущенкой. Конвой был — наш, золотой! Понимал, что никакие мы не преступницы, чистые, честные девочки. А как пели! В своем театре ставили «Калиновую рощу».

Когда приехала в Норильск комиссия для

Родная моя доченька! Твоя мамочка посылает тебе свою фотографию. Ты помни обо мне, и знай, что ты всегда со мной, моя единственная радость. Целую тебя крепко, крепко, твоя мама. Норильск, 28 мая 1954 г.

тали в проектной конторе, а жили в одной кабинке с Мишне, ее знала Маша Дроздова. Была даже немка Мэри — как попала, не знаю, ее увезли году в 1953–1954. В лагере одно время давали нам тюленьё мясо, оно жирное и сильно пахнет. Я умирала от цинги. Все помню... И голодовку, когда бастовали, и как нас разбивали водой из шлангов, а потом в лагерь около ТЭЦ перевели после забастовки».

Об этом прочла Алла Борисовна Макарова, работая в Красноярском краевом архиве УВД, в материалах допроса (после забастовки) Июлии Сафранович (ККГА, архивное дело номер СО-19859, том первый). Из показаний Сафранович:

«28 мая утром, когда я проснулась, з/к Бляхман мне рассказала, что когда я спала, в нашем бараке зачитывалось обращение мужчин к заключенным женщинам, чтобы никто не выходил на работу. Кро-

*Моим дорогим
родным! От их всегда
«счастливой» Ани.
Целую Вас крепко,
крепко. Норильск,
28 августа 1954 г.*

*На долгую память дорогой Ниночке от Ани. Хоть ты меня и забыла,
но я о тебе помню. Целую крепко Аня. Норильск 15 июля 1954 г.*

В гостях у Клары. Мать и дочь Бляхманы на Украине. 10 августа 1955 г.

ме этого, она говорила, что из зоны кирпичного завода через рупор заключенные мужчины пятого лаготделения призывали женщин не выходить на работу, вызывать московскую комиссию. Несмотря на это, я оделась и с нею вышла к вахте для следования на работу. Около стационара больницы лаготделения, где были собраны бригады з/к утреннего развода, я услышала спереди крики, чтобы никто не шел на работу. Многие поворачивали обратно и уходили с развода в глубь зоны. Я и Бляхман повернули и не пошли на работу тоже... »

И еще из ее же показаний: «5-го или 6-го июня 1953 года я шла вместе с Акатьевой, Бляхман и еще

одной заключенной по зоне лагеря. Около 25-го барака увидела, что внутри строящегося барака напротив находятся заключенные. Мы из любопытства все четверо зашли внутрь барака, и я увидела, что там проходило совещание. Там были Зеленская, мы четверо, Петрошук и другие, которых сейчас не помню. Выступала Зеленская. По рукам ходила записка от мужчин пятого лаготделения, вернее, обращение на клочке белой бумаги, написанное карандашом, на русском языке. Хлеб из пятого лаготделения везли в шестое, записка найдена

Кто этот мальчик, который стоит рядом со мной? Так хотелось бы узнать это...

в хлебе. Бляхман — моя бригадница. До конца на совещании я не была, и все четверо мы ушли...»

Мама рассказывала, какие в лагере были люди — врачи, профессора, артисты. Она была в отряде с латышками и говорила, что это были особые люди, держались всегда вместе, к себе особенно никого не подпускали, а маму они любили, слушали и защищали. Мама рассказывала, что дружба в лагере складывалась очень сложно. С мамой многие считались и стремились с ней подружиться, но она дружила только с Клавой. Она была с Украины. В августе 1955 года мы с мамой ездили к ней в гости. К сожалению, я ничего не знаю о ней, как сложилась ее судьба. Мне было бы интересно что-то о ней узнать. Вот фотографии нашей поездки на Украину.

Я уверена, что маму многие в лагере уважали, ценили и вспоминали добрым словом! Мама говорила, что среди осужденных было очень много одаренных людей. Она очень любила танцевать и принимала самое активное участие в художественной самодеятельности. Рассказывала, как они ухитрялись шить наряды для выступлений.

Письма домой мама передавали через вольных. А какие посылала рисунки! Мама отправила сестрам для меня открытки и поздравления, которые я бережно храню до сих пор.

*Моя дорогая доченька!
Твоя мамочка посылает
тебе свое фото, ты ее не
помнишь. Так погляди на
нее и запомни: что она
твоя родная мамочка,
которая постоянно только
живет тобой! Целую тебя
бесчисленно раз, твоя мама.
Норильск, 15 июля 1954 г.*

Дорогая моя доченька! Мамочка поздравляет тебя с праздником 1 Мая! Желает только одного — счастья и здоровья. Дорочка, моя родость единственная, эту открытку береги и помни о своей мамочке. Знай, что она всегда с тобой. Будь только счастлива! Целую тебя крепко, крепко, твоя мама. Норильск

Лагерное творчество. Такими открытками они поздравляли друг друга и отсылали их домой

Аня!'
 Поздравляю тебя с днем
 рождения. И желаю
 хорошего здоровья, счастья
 и радости, а самое
 главное в этом году
 быть дома и встретить
 со своей дочуркой и
 всеми родными.
 Будь всегда бодра
 весела и никогда не
 падай духом.
 30/12-54г. Мама.

Анечка!'
 Поздравляю тебя
 с днем рождения.
 Желаю самой
 счастливой жизни в
 дальнейшем и
 хорошего здоровья.
 30/12-54г. Дядька.

Моим дорогим, и горячо любимым —
 доченьке, папочке, тете Шурочке,
 Фанечке и тете Эммочке. Пусть этот
 портрет мертвый, всегда напоминает вам
 обо мне. Скажите доченьке, что это ее
 мамочка, которая рада ей и только хочет
 жить. Целую Вас крепко, крепко ваша
 Аня. Норильск, 1954 г.

Мамины отец и двоюродные сестры Фаня и Вера в Ленинграде ходили по знакомым людям и собирали для нее посылки. Давали, кто что мог: вещи, деньги, продукты. Старались отправить побольше чеснока, теплых вещей, лекарства; и незнакомые люди тоже не отказывали. Все они в то время очень рисковали, так как их тоже могли посадить, но их это никогда не останавливало. Посылки эти были очень важны, мама их получала, но никогда сама себе ничего не брала, только после общего решения совета ей доставалось то, что было в данный момент жизненно необходимо. Родители Аркадия Каплана много раз

ездили в Москву и ходили по всем инстанциям, пытались доказать невинность всей их группы. Маму освободили самой первой из всех в мае 1955 года. В апреле 1955 года отец мамы получил из Верховного Суда сообщение о том, что *«определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 9 марта 1955 года — приговор Ленинградского Городского Суда от 21–22 февраля 1949 года в отношении Бляхман Хаи Николаевны изменен: действия со ст. 58-10 ч. 2 УК переквалифицированы на ст. 59-7 УК РСФСР и определено по этой статье два года лишения свободы без поражения в правах.*

На основании ст. 1 и 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» Бляхман Х.Н. подлежит освобождению от наказания со снятием судимости».

А в апреле 1960 года из Верховного Суда СССР была получена справка:

«Дана в том, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 12 марта 1960 года приговор Ленинградского городского суда от 22 февраля 1949 года, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 19 марта 1949 года и определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 9 марта 1955 года в отношении БЛЯХМАН Хаи Николаевны, 1925 года рождения, осужденной по ст. 59-7 УК РСФСР, отменены и дело в уголовном порядке производством прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления».

По данным уголовного дела, Бляхман Х.Н., до ареста работала фасовщицей в аптеке № 69 гор. Ленинграда.

За председателя Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного
Суда СССР

/И. Якименко/

подпись

Встреча после лагеря. Мама и дочь Бляхманы и Бума Сосина. 1957 г.

Маме было уже тридцать лет. Ей разрешили жить в Ленинграде, но не прописывали и не брали на работу, хотя она уехала из лагеря без поражения в правах. Это указывалось и в справке о снятии судимости. Шовинизм этот продолжался несколько лет.

Мама вернулась в апреле 1955 года, а в сентябре я пошла в первый класс. Я помню первую учительницу — Любовь Александровну — невысокая, с очень добрым лицом, она прихрамывала на одну ногу. Иногда я слышала, как мальчишки называли учительницу «хромоножка», и мне всегда становилось страшно, что она услышит и как же я радовалась, что ее не оказывалось рядом. У нее были очень красивые длинные светлые волосы, которые она

Анна Бляхман с подругой Клавой на лагерной сцене

красиво всегда укладывала, а так как у меня были длинные волосы, то я просила маму сделать мне такую же прическу, но мама работала за городом и уходила рано утром, поэтому она меня причесывала и заплетала косы на ночь.

Утром я уходила в школу под присмотром соседей. Мы жили в коммунальной квартире (с 1956–1986 гг., я — до 1973 г.) из 4-х комнат на Садовой улице (Покровке), в которой жило 14 человек (6 детей с разницей в возрасте от 2 до 5 лет).

У нас была 9-метровая комната, узкая, как спичечный коробок, самая маленькая, но у нас часто собирались соседи, особенно дети. У нас был телевизор КВН с линзой. Его купил отец. Мы с мамой жили бедно и трудно, но дружно, и дружили с соседями до конца маминой жизни, с некоторыми я продолжаю эту дружбу и по сей день.

Среди соседей были очень разные люди. Один из них, Владимир Иванович, работал в органах и при нем старались молчать на протяжении долгих лет, да и с его женой Ириной вначале мама старалась общаться поменьше. Очень быстро соседи поняли, что мама никакой не «враг народа», и стали дружить. С Ириной мама дружила до конца ее дней.

У тети Иры была дочь Люда (старше меня на 3 года) и мама Евдокия Леонтьевна. Это была удивительная, очень мудрая русская женщина — она была главная в квартире, а какие пироги с капустой, с луком и яйцом она пекла. Они были самой обеспеченной семьей. Владимир Иванович был для Люды отчимом и их отношения очень трудно складывались (он умер у нее на руках в 2009 году). Будучи детьми, мы его боялись. Однажды днем я слышала разговор-спор на кухне о врагах народа, о евреях, о тех, кто сидел и что «просто так не сажают». Говорил Владимир Иванович с тетей Ирой, говорили громко, ссорились, а я случайно вышла из

комнаты. От страха я остановилась на пороге кухни, и тут из комнаты вышла Евдокия Леонтьевна. Она прекратила спор, обняла меня и сказала, что она точно знает, что мама у меня замечательная и ни в чем не виновата. Мне было 9 лет. Евдокия Леонтьевна меня жалела. В соседней комнате жила семья из 4 человек (2 девочки младше меня), так дядя Коля вначале очень любил поговорить, когда выпьет, о евреях, какие они плохие, потом о врагах. В такие моменты я вся внутренне сжималась, старалась быть незаметной, а мама, напротив, очень быстро отвечала ему так, что он замолкал, а потом он вообще перестал поднимать эти темы. Я очень гордилась мамой и думала, какая она смелая. Впоследствии мы отмечали некоторые праздники всей квартирой очень весело с пирогами, а заводилами были тетя Ира с мамой.

В школе в младших классах я училась на 3 и 4. И всегда боялась, что узнают, что меня назовут дочерью «врага народа». И потому я всегда старалась быть незаметной.

После лагеря работу в городе маме было найти нелегко. С трудом мама устроилась

А.Н. Бляхман. 2004 г.

А.Н. Бляхман. 2002 г.

Подруги Анна Бляхман и Любовь Цивьян. 29 июня 2006 г.

работать в пригороде — в обувном цехе в городке Саблино, ездила туда каждый день на электричке, и только в 1959 году она нашла работу в Ленинграде — работала сборщицей в цехе, где делали детские игрушки, в Апраксином Дворе вплоть до 1992 года. С 1992 по 2005 год мама работала в кинотеатре «Баррикада» администратором (а был ей уже 80 год).

И все годы, где бы она ни работала, у нее не было врагов, к ней всегда тянулись люди, она всегда старалась помочь, никогда не унывала, была всем нужна.

Я не раз бывала свидетелем неожиданных встреч, когда люди, случайно знакомые с мамой, помнили ее и старались помочь, относились с большой любовью и уважением.

А как мама дружила! В школе мама училась в одном классе с Ильей Цивьяном. Они всегда дружили. На танцах Илья познакомился с Любочкой Крон — красавицей, умницей, веселой, замечательной девушкой, которая в итоге стала его женой и маминей подругой. В октябре 1948 года у них родился сын Толя. Илью посадили в январе 1949 года и дали также 25 лет. Он был в лагере в Хабаровском крае. Освободился в конце 1955 года. После освобождения мама с Любоч-

кой всегда были вместе и в горе и в радости. Любочка умерла в августе 2006 года. Мы с Толей тоже дружили и дружим сегодня, хотя рядом с нами нет наших любимых мам.

К сожалению, Илья рано умер (в 1975 г.), а в то время о лагере старались молчать. Никаких документов Ильи не сохранилось, но по запросу в прокуратуру Толя с 2005 года признан пострадавшим от политических репрессий, а я с 1994 года.

23 февраля 2008 года мама умерла так, как хотела. Она говорила, что хотела умереть быстро и не мучаясь. У нее случился повторный инфаркт в приемном покое больницы у меня на руках.

Мама до последних своих дней была очень жизнелюбивым, умным, порядочным человеком, всегда помнила добро, **ЛЮБИЛА ЛЮДЕЙ!**

*А.Н. Бляхман. 1965—
2005 гг.*

Д.С. Зубцова

НЕМНОГО О СЕБЕ

Итак. Из-за моего страха, моей неуверенности потребовалось много усилий, чтобы выучиться, построить семью, стать специалистом. После 8-го класса я пошла в техникум, училась хорошо, получала стипендию 19 руб. По распределению пришла в лабо-

Дора и Эдуард Зубцовы

*Дора Зубцова и ее муж
Эдуард с дочерью Ритой.
1978 г.*

раторию на завод, где трудился отец, там проработала 5 лет. С папой мы дружили, он всегда активно участвовал в моей жизни.

Заочно закончила институт, стала химиком, пришла работать в научно-производственное объединение и более 38 лет проработала на одном месте. Прошла путь от старшего техника до главного специалиста-технолога. Путь был очень трудный, страх и неверие в себя мешали мне всегда. Я всю жизнь училась — из книг, от людей — специалистов высшего класса. В перестройку на нашем предприятии я осталась единственным специалистом-химиком, осуществила немало интересных и полезных проектов. Сейчас, когда я решила выйти на пенсию и ищут мне замену, выяснилось, что найти опытного специалиста не так-то и просто, такая квалификация и профессионализм стали в наши дни редкостью.

В 1973 году я вышла замуж. Мой муж тоже прожил не простую жизнь: в 13 он потерял мать, рос в интеллигентной семье, где много читали и

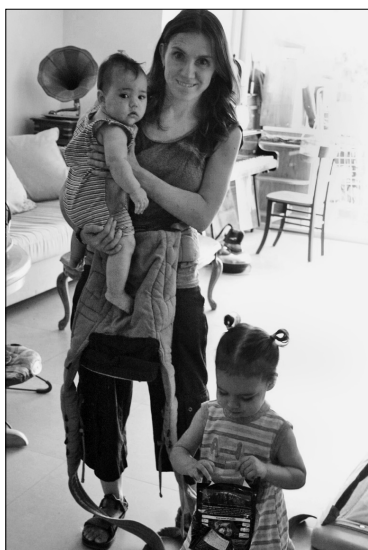
ценили образование и знания. Эдик с детства любил читать и всегда собирал и коллекционировал книги. Когда я выходила за него замуж, большую часть его однокомнатной квартиры занимали книги, и на самом почетном месте размещались все тома Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Хотя мой муж имеет техническую специальность (инженер-механик) — он романтик и лирик по натуре. У Эдика чудесный голос, так что заслушаешься романсами. Знает, любит и исполняет Есенина не только для души, но и на «бис» — для друзей и семьи.

Эдуард энциклопедически образован и всю жизнь делился своими знаниями со мной и дочерью. Я многому у него научилась и за многое благодарна. Эдуард — хороший, сложный и интересный человек, замечательный отец, ему бы еще здоровья, так вообще было бы здорово. Так и живем вместе более 38 лет.

Слева направо: Д.С. Зубцова, Э.М. Зубцов, их дочь Рита, ее муж Янив Габай и А.Н. Бляхман. 2004 г.

Счастливое семейство. Рита назвала свою дочку в честь бабушки — Наама Хая (второе имя в честь мамы — Хая). Родила вторую дочку Элла Эстер (второе имя в честь мамы Янива — Эстер). Родители Янива были очень уважаемые люди, родили и воспитали 8 детей, всех выучили. Все стали настоящими, образованными людьми и все семьи очень дружат. Отец Янива был учителем и он продолжает его дело

В 1977 году у нас родилась дочь Рита. Это было просто чудо. Мама очень любила внучку, бегом бежала после работы в ясли, садик, чтобы пораньше забрать ее домой.

Когда внучка выросла, они с мамой очень дружили. Она ласково всегда звала бабушку «Анечка».

Дочка у нас замечательный человек, она моя подружка. Мы постарались вырастить ее без страха, свободной и уверенной. Она всегда хорошо училась, закончила школу с золотой медалью, получила красный диплом в Университете, стала клиническим психологом. После учебы в 1999 году Рита уехала в Израиль, живет и работает в Иерусалиме. Моя мама, а ее Анечка неоднократно навещала ее на Земле Обетованной, всегда была желанным и самым любимым гостем дочери. В 2004 году Рита вышла замуж. Зять мне нравится, он очень достойный человек, директор школы.

В 2008 году родилась моя старшая внучка. К сожалению, мама не успела увидеть свою правнучку, она умерла за 2 месяца до ее рождения. Рита назвала свою дочку в честь бабушки Хаи. Рита всегда мечтала прервать эту цепочку единственных дочерей (мама, я, Рита), и в 2010 году родила вторую дочку.

Я всю жизнь удивлялась и гордилась Мамой, которая была добра к людям, всегда была активной и сильной, ее не сломили лагерные мытарства. И еще: нам везло на хороших людей.

P.S. За прошедшее время у меня произошли потери и приобретения:

10 июня 2011 года умер мой друг Толя Цивьян. Оборвалась огромная нить, которая была продолжением жизни мамы и Любочки. Мы вместе хоронили наших матерей. Толя 55 лет был рядом, и в горе и в радости, никогда у нас не было ссор и выяснения отношений. Мы не всегда общались каждый день, кроме

последних 2 лет, но мы знали, что в любой момент мы вместе. Настоящая дружба между мужчиной и женщиной бывает, и мне повезло, что у меня это было. И вот Толи нет, и пустота...

В феврале 2012 года у нас родился внук — и это счастье! У нас сложились очень теплые, дружеские отношения с семьей Риты, у нас замечательные внучки, которые знают о бабушке Ане, и это здорово!

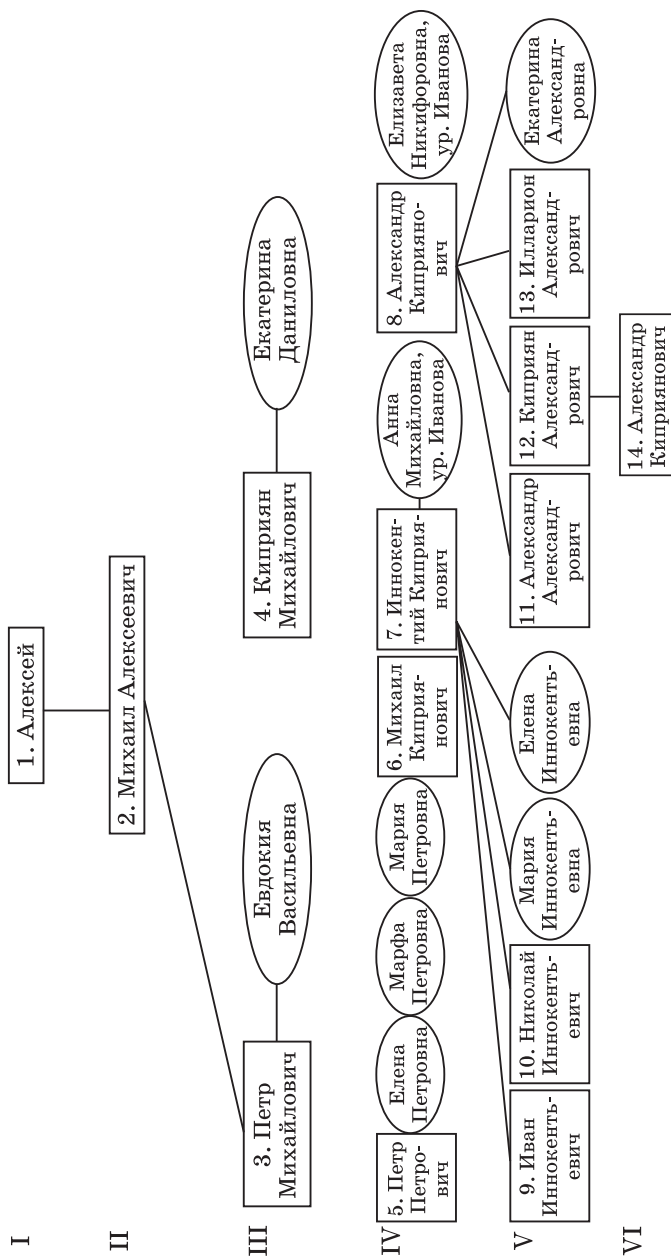
Жизнь продолжается...

**Н. Предтеченская, Н. Урванцев,
А. Шекшеев, Т. Гармаш**

*Малоизвестное
о жизни легендарных
северян*

**А. СОТНИКОВА
И
Н. УРВАНЦЕВА**

Мужская нисходящая родословная рода Сотниковых

Нина Предтеченская:

*«В 1919 году в Толмске вышла
брошюра Александра Сотни-
кова...»*

✓ 17345 /
М. В. Д.

ЕНИСЕЙСКОЕ
ГУБЕРНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Отделение

Дѣлопроизводство

Июля 1 дня 1898 г.

№ 4208

Г. Красноярскъ.

Справка

Въ I-е Отдѣленіе
Губернскаго Управле-
нія.

1 апр 2- Отдѣленія

Бланк

Г. А. М. № 784, 781.

По распоряженію Его Превосходитель-
ства Г. Енисейскаго Губернатора II От-
дѣленіе Губернскаго Управленія имѣтъ
честь препроводить при семъ по особой
описи, для дальнѣйшаго производства,
всѣ дѣла и бумаги по вопросу объ ад-
министративномъ выселеніи казака Алек-
сандра Сотникова, вслѣдствіе жалобы на
него инородцевъ Туруханскаго края за
растовщичество и другія незаконныя
дѣйствія.

И. Д. Советника

Дѣлопроизводитель

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Продолжаем тему, начатую в 10-м томе издания «О времени, о Норильске, о себе». Четыре автора посвятили свои материалы легендарному норильчанину Николаю Николаевичу Урванцеву. Трудная жизнь досталась этому человеку. Сын разорившегося купца учился в царское время, начал работать, когда в Сибири шла Гражданская война. Он успел посидеть в подвалах губчека, каким-то чудом его не расстреляли, как поступили с Александром Сотниковым и многими другими.

В биографии Урванцева до сих пор есть неточности и белые пятна. Он бывал в экспедициях на Таймыре по поручению Сибирского правительства (Колчака!) и большевиков (по декрету Ленина!). Власть Советов позже дважды возбуждала против Урванцева как врага народа уголовные дела по политической статье. Он был репрессирован. Сколько страху натерпелся Николай Николаевич за свою жизнь – врагу не пожелаешь! Публикация в 10-м томе приоткрыла факты биографии Н.Н. Урванцева, доселе мало или вообще неизвестные. В советские времена о многом приходилось только догадываться – что-то сознательно скрывали от людей, о чем-то приходилось умалчивать из чувства самосохранения или ради близких людей. Авторы попытались докопаться до житейской правды отдельных людей, чтобы на их биографиях проследить систему социализма, которую с такой пропагандистской помпой страна строила много десятилетий. Социализм, кстати, иные пытаются и сегодня идеализировать даже на государственном уровне, что уж говорить о людях, мало читающих, не задумывающихся не только о государственном устройстве, но и своем житье-бытье.

Казалось бы, почему Н.Н. Урванцев не поправлял тех, кто называл его старшеклассником по отношению к А. Сотникову, если они учились на одном курсе Томского технологического института? Или почему он никогда не упоминал о первой жене и своем единственном сыне? Ответы на эти вопросы дал в 10-м томе Владимир Иванович Долгов, много лет восстанавливающий биографию Н.Н. Урванцева. Да потому он молчал, что это было опасно для его жизни, ведь ему уже приходилось смотреть смерти в лицо... В отличие от А. Сотникова Николаю Николаевичу удалось закончить институт, а Александра после первого курса призывали в армию (Белую, как потом говорили большевики, хотя

тогда Красной еще просто не было), а потом его расстреляли как богача, врага революционного народа. Николай Урванцев в те годы не был бедняком – он женился на дочери известного в Сибири крупного предпринимателя Шалаева.

Во второй подборке в этом же томе мы предоставили слово самому Николаю Николаевичу Урванцеву, где он придерживается прежних умолчаний и неточностей, хотя свой материал он прислал журналистке Наталье Дроздовой в феврале 1979 года. Честь расстрелянного Александра Сотникова достойно защитил в этой книге ученый из Хакасии Александр Петрович Шекшеев. Нас познакомил Интернет. Он коренной сибиряк, кандидат исторических наук, специалист по истории Красноярья и Хакасии. В его творческом активе 3 книги, 170 научных статей, 85 – энциклопедических, много публикаций в журналах и изданиях Новосибирского, Красноярского, Хакасского и других вузов.

Серьезный анализ родословной Сотниковых заведующей отделом истории Таймырского окружного краеведческого музея Нины Анатольевны Предтеченской показал, какую серьезную роль сыграла эта семья в экономическом и культурном развитии Таймыра. Этот труд подвиг норильчанина, ныне москвича Александра Сергеевича Смирнова продолжить родословную фамилии Ивановых, связанных крепкими семейными узами с Сотниковыми. С одной из представительниц рода Ивановых, Лидией, училась в Норильске жена Александра Сергеевича (ее рассказ о норильской жизни можно прочитать в этом томе). Однажды в молодые годы подруги застряли в Красноярске, ожидая вылета в Норильск. Почти месяц они жили у Лидии Николаевны Чупровой, тетки Лидии Ивановой. Незадолго до этого она навсегда покинула Дудинку. Обе Лидии (Смирнова и Иванова) дружат до сих пор, хотя живут в разных городах.

К сожалению, серьезная должность большого медицинского учреждения не позволила доктору В.И. Долгову подготовить очередной материал для этого тома. Но многие годы как на службу он ходит в Ленинскую библиотеку в выходные дни, поэтому есть надежда, что в следующей подборке он расскажет о новых подробностях жизни Николая Николаевича Урванцева, одного из первооткрывателей норильских месторождений. Кроме Владимира Ивановича Долгова пока другого биографа Н.Н. Урванцева, по-моему, нет до сих пор.

Мы готовы предоставить страницы издания «О времени, о Норильске, о себе» всем, кому есть что рассказать о прославленных северянах, об истории Таймыра, Норильского промышленного района. Особое предложение делаем творческим коллективам Музея освоения и развития Норильского промышленного района

и Таймырского окружного краеведческого музея. С готовностью опубликуем рассказы тех, чья судьба крепко связана с Заполярьем. Хотелось бы услышать и голоса молодых северян, например, школьников и студентов. Знают ли они историю края, где живут и учатся, как оценивают ее и как она влияет на их мировоззрение. Конечно, под историей мы имеем в виду время, отстоящее от современности на 60-летие. Нас очень интересует, какой вклад в познание истории страны внесли своими воспоминаниями бабушки, дедушки, другие родственники молодых людей.

К этому предложению меня подтолкнула Елизавета Янцен, незнакомая молодая норильчанка, написавшая замечательную работу «Судьба человека в судьбе города». А началось все с того, что в канун 2007 года в Новосибирск приехала к норильской подруге Елена Янцен с дочерью Лизой. Так она познакомилась с семьей Бовиных. Вот как описала последующие события Ольга Георгиевна Бовина, чьи воспоминания опубликованы в 10-м томе издания «О времени, о Норильске, о себе».

«Елена Янцен – подруга моей дочери. С дочерью Лизой она еще раз приезжала к нам после успешно прошедшей конференции в Норильске. Ее тема «Юность и наука – третье тысячелетие». Мать и дочь подарили нам доклад и альбом с фотографиями. Лиза написала обо мне. То, что ее выбор выпал на меня, объясняется просто – дома у них были мои норильские воспоминания. Мне понравилось равнодушие Елизаветы и ее сверстников, которых она опрашивала, их интерес к непростой истории родного города. Мне врезались в память ее слова: «Я отвыкаю считать миллионными, я привыкаю считать отдельных людей». Лиза написала это, когда еще нигде, кроме Норильска, не жила. Теперь она учится на историческом факультете Барнаульского университета, из нее получится настоящий Историк – с большой буквы».

Историю всегда лучше понимаешь на судьбах простых людей. Для чего и для кого мы издали воспоминания норильчан, эту коллективно написанную историю Норильска? Ответ прост: для детей, внуков, правнуков. Будущее их начинается сегодня, а его не построить без знаний о прошлом страны. Надеемся, что молодежь подключится к более глубокому познанию и осмыслению истории района, в котором живет. Работы принимаются по электронной почте **fondnorilsk@rambler.ru** и по адресу: **129336, г. Москва, Анадырский проезд, д. 67, кв. 18. Касабовой Галине Ивановне.**

Галина Касабова

Работая в архивах, обращаешь внимание на то, как часто встречается эта фамилия в разного рода документах на протяжении всего XIX и первой четверти XX столетия. Многие события тех давних лет не обошлись без участия представителей этой купеческой династии.

С деятельностью братьев Петра и Киприяна Сотниковых связаны попытки использования норильских месторождений каменного угля и меди во второй половине XIX века.

Из найденных документов стало известно, что «тщанием братьев-урядников Туруханской казачьей станицы Киприяном и Петром Сотниковыми» в 1855 году в селе Дудинском была построена Деревянная церковь Введения во Храм Пресвятые Богородицы с помощью церковной суммы, вырученной ими от продажи всего количества кирпича, полученного при разборке прежней каменной церкви» [1]. Сам же церковный кирпич ушел, как известно, на постройку медеплавильной печи в норильских горах, где находилось «Сотниковское месторождение» угля и меди.

В 1880 году «иждивением купца Петра Сотникова и казака Ивана Даурского» к дудинской церкви была пристроена колокольня [2]. Церковь возвышалась на берегу Енисея и была единственным украшением села второй половины XIX века, не считая богатого дома Сотниковых, обращавшего на себя внимание всякого, кто оказывался в селении.

Купец второй гильдии Петр Михайлович Сотников имел в Дудинке лавку и пароход, на котором вел торговлю. В 1876 году в отсутствие купца, находившегося по торговым делам в низовьях Енисея, в лавке случилась кража, наделавшая много шума в малень-

Дудинская Введенская церковь, построенная братьями Петром и Киприяном Сотниковыми в 1855 году. Рядом — колокольня, пристроенная в 1880 году

ком селении, насчитывавшем чуть более шестидесяти жителей. Материалы довольно объемного дела дают представление о быте и нравах жителей Дудинки, где кражи, пьянство и драки были довольно частым явлением в те времена.

Калейдоскоп лиц проходит по делу купца Петра Сотникова. Здесь и смотритель Дудинского участка Иванов, проводивший дознание, и псаломщик Дудинской церкви Стратоник Ефремов, имевший неосторожность продать капитану Шваненбергу, находившемуся в это время в Дудинке, пыжи, очень похожие на те, что исчезли из лавки купца. Здесь же опекун малолетних детей Киприяна Сотникова казак Степан Юрлов и приказчик Константин Сотников, а также незадачливый поселенец Янкель Корж, забравшийся в лавку за вином. Он неоднократно судился ранее за кражи, за что и был сослан на поселение в селение Дудинское [3].

Из материалов дела можно понять, что в доме П.М. Сотникова жили двое малолетних племянников, Александр и Иннокентий, сыновья рано умерших Киприяна Михайловича и Екатерины Даниловны Сотниковых.

Киприян Михайлович Сотников в середине 50-х годов XIX века служил при хлебозапасных магазинах в

селениях Толстоносовском, Хатангском, Дудинском, а в 1856–1862 гг. исполнял должность смотрителя Дудинского участка [4].

В XIX веке Туруханский край в административном отношении делился на три участка: Туруханский (Тазовский), Верхнеимбатский и Дудинский. Последние два управлялись урядниками-смотрителями. В ведении смотрителя Дудинского участка была огромнейшая территория от Туруханска до берегов Северного Ледовитого океана и реки Анабары.

В обязанности смотрителя входила проверка хлебозапасных магазинов, прием от вахтеров, служивших при магазинах, денежных сумм и пушнины за проданный хлеб, надзор за продажей казенной соли, пороха, свинца, наблюдение за приемом ясака — пушного налога с коренного населения.

В 1861 году у Киприяна Михайловича и Екатерины Даниловны Сотниковых в селе Дудинском родился сын Александр, а в 1867 и 1869 годах на свет появились младшие дети — Михаил и Иннокентий [6].

В музее хранится старая фотография начала XX века, на которой изображена семья Дудинского

Купец второй гильдии Александр Киприянович Сотников с женой Елизаветой Никифоровной (урожденная Ивановой) и сыновьями Александром и Киприяном. Иркутск, начало XX века

купца второй гильдии Александра Киприяновича Сотникова. Рядом с главой семейства — его жена, Елизавета Никифоровна (урожденная Иванова), и сыновья — Александр (слева) и Киприян [7].

В 80–90-е годы XIX века Александр Киприянович Сотников был весьма преуспевающим купцом в Туруханском крае.

В 1887 году Сотников приобрел пароход «Барнаул», на котором самостоятельно вел торговые операции. От торговли в зимнее время он получал 3 тысячи рублей ежегодно, выменивая у инородцев пушнину, мамонтовые клыки на самый плохой и дешевый товар по неимоверно высоким ценам. Состояние купца составляло по тем временам от 50 до 100 тысяч рублей.

А.К. Сотников славился на всю округу своим жестоким обращением с инородцами и несправедливой торговлей. В 1896 году «на ростовщичество и другие незаконные действия» купца жаловался туруханскому приставу сельский староста Федор Дураков, а староста Хантайской самоедской управы Иван Хвостов просил запретить

«Производить в его родовом участке винную и прочию торговлю», а также «въезд в его кочевья» торгующего казака Сотникова [8].

Результатом коммерческой деятельности Сотникова стали не только разорение инородцев и крестьян, но и развитие между ними пьянства, оканчивавшегося смертными случаями. Старосты Хвостов и Дураков ходатайствовали перед властями о назначении следствия о произвольной, беспатентной торговле вином в кочевьях таймырских жителей.

В 1898 году местные жители жаловались на Сотникова члену Русского антропологического общества Владимиру Васильевичу Передольскому, собиравшему сведения о бедственном положении жителей Туруханского края. Один слепой юрак (ненец) просил его поведать об их большом горе и нужде «в том большом городе, где живет царь», надеясь, что, быть может, на их судьбу обратят внимание [9].

Передольский сделал доклад в атропологическом обществе в Санкт-Петербургском университете о положении инородцев Туруханского края, а также подал заявление на имя енисейского губернатора о деяниях Сотникова.

Енисейский губернатор Плец обещал, что будут приняты меры, к тому, чтобы освободить Туруханский край от «Ландура», именно так звали местные жители Сотникова, что значило, по словам одних, «зверь», других — «грабитель». Против Сотникова было возбуждено уголовное дело, и он вместе со своей семьей был выслан в 1899 году за пределы Туруханского края сроком на пять лет.

Местом административной ссылки А.К. Сотникову был определен г. Балаганск Иркутской губернии, где он и находился под надзором полиции вплоть до 1904 года. Возможно, именно тогда и была сделана эта семейная фотография, сохранившая имя иркутского фотографа И.В. Булатова. После ссылки А.К. Сотников проживал с семьей в Красноярске [10].

В Красноярске жил и его младший брат, Иннокентий Киприянович Сотников, о котором Фриттьоф Нансен в своей книге «В страну будущего» отзывался как о добром человеке.

О деятельности купцов на Севере в 1913 году Нансен писал следующее: «...эти купцы являются настоящими царьками здесь, на Севере. Они забрали в свои руки всю власть, и воля их подчас является законом для инородцев. Здешний купец слыл, впрочем, добрым человеком, зато брат его, проживавший южнее, в большом доме, близ Дудинки, имел славу настоящего кулака» [11].

Найденные архивные документы подтверждают полную противоположность братьев Сотниковых.

Иннокентий Киприянович отличался спокойным и трезвым характером, мягким и добрым нравом. Да и торговлю он вел добросовестно, за что снискал уважение и особенное доверие инородцев. По доносам недовольных купцов, которым он мешал продавать дорогие товары инородцам, его тоже выслали за пределы Туруханского края.

Все пять лет ссылки Иннокентий Сотников провел в губернском городе Красноярске. Неоднократно он подавал прошения с просьбами о пересмотре дела и о разрешении вернуться в Туруханский край, на станок Ананьевский (Ананьино), поблизости от Дудинки, где у него была деревянная пятистенная изба, крытый двор, баня. Правда, разрешения на досрочное возвращение в родные места И.К. Сотников так и не получил, хотя имел положительные характеристики со стороны властей.

Лишь в 1904 году его ходатайство о разрешении возвратиться в Туруханский край было удовлетворено. К тому времени он был женат на Анне Михайловне Ивановой и имел сына Ивана [12].

Младшему Сотникову суждено было стать одной из главных фигур в событиях Гражданской войны, развернувшейся в Енисейской губернии.

В январе–марте 1918 года Александр Сотников возглавил вооруженное выступление казаков, спровоцированное действиями Советов.

Красноярские казаки не планировали никаких выступлений с оружием в руках, заявив в первые же дни после установления в крае советской власти: «Мы советскую власть не признаем до установления власти Учредительного собрания как выразителя воли всего народа, но заявляем, что никаких активных выступлений делать не будем, а также просим и товарищей солдат против нас не выступать» [14].

Однако события разыгрались по другому сценарию.

В ответ на решения Красноярского исполкома о роспуске Войскового казачьего совета и о подготовке к разоружению казаков 17 января 1918 года на собрании дивизиона казаков с участием атамана А.А. Сотникова — «человека авторитетного и деятельного» — было принято воззвание к населению Енисейской губернии, в котором казаки требовали от советской власти невмешательства в их жизнь и гарантии полной безопасности [15].

Енисейский губисполком должен был дать ответ не позднее двенадцати часов 21 января, после чего атаман объявлял всеобщую мобилизацию войска и оставлял за собой «полную свободу действий». Во избежание кровопролития дивизион ушел из Красноярска в село Торгашино. На следующий день, 18 января, исполком потребовал от штаба дивизиона сдачи оружия в течение двух часов.

19 января воззвание казаков появилось в клубе эсеров на Воскресенской улице. А.А. Сотников был членом кадетской партии. На следующий день 14 красноярских кадетов были арестованы.

Из Красноярска с Сотниковым ушли 177 казаков, 67 офицеров, 44 гимназиста. Не все поддержали Сотникова в вооруженной борьбе. Большая часть казаков не была еще готова воевать с Советами, мятеж был подавлен. Многие казаки сдались, но прошло несколько месяцев, и те же самые казаки, разочарованные новой властью, взялись за оружие, став активными борцами против Советов.

В 1919 году в Томске вышла брошюра Александра Сотникова «К вопросу об эксплуатации Норильского (Дудинского) месторождения каменного угля», в которой он представил подробные экономические обоснования всей выгоды от строительства железной дороги от Норильска (месторождения) до устья Енисея. Он мечтал о процветании края, в котором родился.

Всего лишь несколько ярких, эмоциональных высказываний Александра Сотникова, которые по-новому раскрывают для нас эту личность:

«Пробуждение от спячки, в которую погружена наша арктическая область, возжигающая пока маленькую звездочку русского оживления, может быть, послужит символом нашего общего пробуждения от вековой спячки и через «полночную» страну взойдет солнце творческого духа русского народа...» [17].

К сожалению, самому Сотникову не суждено было стать свидетелем тех огромных перемен, которые произошли на его родине. После того как в Сиби-

ри была восстановлена советская власть, Александр Сотников, как ярый ее противник, был расстрелян в Красноярске в 1920 году.

Как сложилась судьба его брата Киприяна Сотникова? В Красноярском архиве удалось разыскать его личное дело, из которого узнаем, что родился Киприян Александрович Сотников в селении Потапово Туруханского края 7 февраля 1892 года. В 1910 году он окончил губернскую гимназию в Красноярске, а затем продолжил учебу в Москве. Нашлись документы, свидетельствующие об окончании Киприяном Сотниковым в июне 1914 года курса по юридическому факультету Императорского Московского университета с дипломом второй категории [18].

В феврале 1914 года помощник присяжного поверенного Киприян Сотников подает прошение на имя «Его Превосходительства Господина Председателя Красноярского суда» с просьбой зачислить его в младшие кандидаты на судебные должности при Красноярском окружном суде. По получении должности он с семьей обосновывается в Красноярске, где в июне 1915 года у него рождается сын, которого, видимо, в честь деда называют Александром.

В канун революционных событий 1917 года Киприян Сотников занимал должность мирового судьи [19]. Как сложилась его дальнейшая судьба, нам пока неизвестно.

Самой неожиданной и ценной находкой стали сведения о главе династии Сотниковых — уряднике Михаиле Алексеевиче Сотникове, который трагически погиб при взрыве пороха в дудинском казенном магазине, при котором состоял на службе, 26 февраля 1834 года [20].

Произошла эта трагедия по неосторожности приехавших за товарами тундровиков-«тунгусов». Как следует из следственного дела, сначала гости «пили чай с приставом Сотниковым», после закурили трубки. Когда через некоторое время казачка Авдотья внесла в избу бочонок с порохом, раздался оглушительный взрыв.

В огне погибли восемь человек и еще десять подверглись большим увечьям. Взорвалось «казенного пороху около пуда». Записи в метрической книге Хан-тайской Введенской церкви за 1834 год подтверждают эту печальную статистику [21]. Погиб М.А. Сотников в возрасте пятидесяти четырех лет.

Самые же ранние по времени материалы о династии Сотниковых, которые удалось пока найти в сибирских архивах, относятся к первой четверти XIX века. В метрических книгах церквей Енисейского округа отыскалась запись о рождении в январе 1826 года у казака Михаила Сотникова дочери. К сожалению, имени не удалось прочитать [22].

Возможно, со временем нам удастся дополнить новыми материалами родословное древо семьи дудинских купцов Сотниковых. Ну а пока мужская нисходящая родословная рода Сотниковых, состоящая из представителей шести поколений, выглядит следующим образом. Составлялась она сотрудниками исторического отдела музея на протяжении последних двадцати лет, пополняясь сведениями из метрических книг, хранящихся в Таймырском краеведческом музее и Красноярском государственном архиве.

Вполне вероятно, что предки Сотниковых жили в нашем крае в XVII–XVIII вв. Среди жителей Туруханска XVIII века встречается имя служилого человека Ивана Сотникова, который был среди тех, кто помогал участникам Великой Северной экспедиции наносить на карту очертания нашего северного полуострова [23].

Установить принадлежность Ивана Сотникова к интересующей нас династии еще предстоит. Ведь исследования о русских старожилах Таймыра и о семье Сотниковых продолжаются Таймырским краеведческим музеем, где я возглавляю отдел истории. Окружной музей (г. Дудинка) ведет отсчет своей работы с 4 сентября 1937 года.

Примечания

1. Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК), ф. 674, оп. 1, д. 2034, лл. 24.
2. Там же.
3. ГАКК, ф. 405, оп. 1, д. 53, л. 4; Ф. 117, оп. 1, д. 1406.
4. ГАКК, ф. 405, оп. 1, д. 32.
5. ГАКК, ф. 405, оп. 1, д. 30, лл. 51–52.
6. ГАКК, ф. 42, оп. 1, д. 3727, лл. 1–5; д. 293, л. 33; ф. 595, оп. 8, 3828, л. 1–28.
7. Таймырский окружной краеведческий музей (ТОКМ), 5373 ГИК.
8. ГАКК, ф. 595, оп. 8, д. 2252.
9. ГАКК, ф. 595, оп. 8, д. 3811.
10. Там же.
11. *Нансен Ф.* В страну будущего. Красноярск. 1982, с. 112.
12. ГАКК, ф. 595, оп. 8, д. 3828.
13. ТОКМ. Метрическая книга Дудинской церкви, 1921 г., ч. 3, лл. 129–130.
14. Гражданская война в Сибири / Сб. докладов и статей научной конференции. Красноярск, 1999.
15. Там же.
16. Государственный архив Томской области, ф. 194, оп. 1, д. 165.
17. *Сотников А.А.* К вопросу об эксплуатации Норильского (Дудинского) месторождения каменного угля и медной руды. Томск, 1919. С. 54.
18. ГАКК, ф. 42, оп. 1, д. 293, л. 33.
19. ГАКК, ф. 42, оп. 1, д. 3727, л. 43.
20. ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 700, л. 46.
21. ГАКК, ф. 817, оп. 1, д. 8, л. 12.
22. ГАКК, ф. 819, оп. 1, д. 169, л. 20.
23. *Богданов В.* Земля Челюскина / Сб. «Полярные горизонты». Вып. 3. 1990.

*Н.Н. Урванцев перед отъездом в санный маршрут на оленях.
Фотография Шолохова использована в передаче
Норильской студии телевидения 30 марта 1975 г.*

Николай Урванцев:
«У истоков Норильска» .

*Новый дом в Норильске, доставленный зимой 1925-1926 годов.
Снимок опубликован в книге Н.Н. Урванцева
«Открытие Норильска» в 1981 году*

ПРЕДИСЛОВИЕ

НАТАЛЬИ ДРОЗДОВОЙ

С Николаем Николаевичем Урванцевым мы земляки. Только я родилась в Нижнем Новгороде, а он из города Лукоянова, что примерно в 100 км от Нижнего. О том, что он мой земляк, узнала много позже того, как услышала об этом имени. Возможно, от того, что нас воспитывали на исключительном уважении к старшим, тем более к людям знаковым, значимым, я всегда смотрела на них «снизу вверх». О судьбе Николая Николаевича написано много и им самим, и людьми, знавшими его намного лучше меня. Поэтому расскажу лишь о том, когда впервые встретила с ним весной 1978 года.

Я уже работала в г. Горьком (Нижний Новгород) на телевидении и вела цикл передач о людях земли нижегородской. Когда оказалась в г. Лукоянове, увидела на центральной площади его портрет (к этому времени я уже знала, что Норильск — это «его земля»), сразу решила подготовить передачу о нем. В г. Горьком уже тогда жило много норильчан (в кооперативах) и я подумала, что им будет небезынтересен рассказ про Урванцева.

Николай Николаевич с готовностью откликнулся. Он жил в Ленинграде в доме, удивительно напоминавшем дома на Октябрьской площади в Норильске. Почему-то ехала с ощущением, что увижу роскошные апартаменты «первооткрывателя» Норильска, а увидела двухкомнатную квартиру, весьма скромно обставленную, с огромным количеством книг, большим письменным столом и старым диваном. Нас встретила Елизавета Ивановна. Она выглядела, пожалуй, бодрее Николая Николаевича. Мне и творческой группе

(режиссер, кинооператор) было интересно все, что наполняло комнату Урванцева: фотографии, охотничьи ружья, образцы горных пород... Но, конечно, главный наш интерес — сам хозяин.

На что я обратила тогда внимание... В какие-то моменты разговора почувствовала, что Николай Николаевич словно что-то недоговаривал, видимо, о чем-то не очень хотел говорить, тем более для эфира. Как жаль, что у меня не сохранилась расшифровка того разговора. Тем более, что тогда не было еще ни диктофончиков маленьких, ни видео, а только большая жужжащая кинокамера. Николай Николаевич много рассказывал о жизни на Новой земле, показывал фотографии и вскользь упоминал о проблемах, трудностях, взаимоотношениях. Именно «взаимоотношения» меня тогда мало интересовали, больше «романтика» северной жизни. Елизавета Ивановна поила нас чаем, поддерживала беседу. Когда мы отправились на кухню, она категорически осадила меня и показала, как на Севере, без помощи моющих средств, а просто «черным» мылом она до белизны отмывала посуду (ведь эта часть походной жизни целиком лежала на ней).

Уходила я от Урванцевых с каким-то горьким чувством: люди такого масштаба, пожилые и одинокие, а живут словно без людской заботы, например, вся квартира требовала ремонта. На прощание Николай Николаевич подарил мне книжечку П. Сигунова «Сквозь пургу» (Лениздат, 1963 г.), сказав, что здесь все соответствует его жизни (может быть, как-то иначе это звучало, но смысл таков)*. Расставаясь, я задала наивный вопрос:

— А что будет, если из недр все выкачают, выберут? Не кувыркнется наш шарик?

Он рассмеялся и сказал, что пустоты всегда заполняются, а чтобы все «выбрать», надо еще Ледовитый океан освоить.

* В ней написано, что на Таймыр Н.Н. Урванцев отправился по декрету Ленина, что не подтверждается документами. Об этом подробно в 10-м томе издания пишет В.И. Долгов. — Г.К.

— А там тоже что-то есть?

Он внимательно посмотрел на меня и ответил: «Несметные богатства, только мы еще не научились их добывать».

Это был 1978 год. Сегодня, когда за Арктику идет пока тихая борьба и техника уже достигает нужного уровня, уже можно судить, о каких богатствах говорил Николай Николаевич. После возвращения из Ленинграда я сделала передачу, повезла ее осенью 1978 года в Норильск. Полетела туда, потому что ностальгия по Заполярью замучила. Зато после — ее как рукой сняло... Сегодня я, конечно же, сделала бы передачу по-другому, но тогда я, влюбленная в Норильск, в этого человека, сделала ее с огромным желанием и, главное, искренне. Впоследствии Н.Н. Урванцев прислал мне две книги: «Таймыр — край мой северный» (как раз она вышла в 1978 г.) и «Открытие Норильска» (1981 г.).

А.А. Львов немало писал о Николае Николаевиче Урванцеве. В серии «Личность и время» он дал портреты А.П. Завенягина и А.А. Бочвара. Как хочется в этот ряд поставить и Н.Н. Урванцева, его трудную и противоречивую жизнь. В 1976 году Н.С. Рудашевскому и В.Н. Макарову был выдан диплом за установление и описание нового минерала урванцевита (urvantsevite). Признание международной минералогической ассоциации нового минерала запечатлило навсегда имя Николая Николаевича Урванцева.

А теперь слово самому Н.Н. Урванцеву. Он описал свою жизнь, в которой основная глава «У истоков Норильска». Так он сам назвал свой рассказ, присланный в 1978 году Наталье Михайловне Дроздовой.

У ИСТОКОВ НОРИЛЬСКА

В Сибирь я приехал в 1911 году по окончании реального училища в городе Нижнем Новгороде (ныне г. Горький). В Томске в то время уже существовало недавно открытое первое в Сибири высшее техническое учебное заведение — Томский Технологический Институт с тремя отделениями: механическим, строительным и горным. Туда я и решил поехать учиться из-за материальной необеспеченности родителей, так как я слышал, что в Томске гораздо дешевле можно прожить, чем в Москве или в Петербурге. Самое же главное — меня привлекала Сибирь своей нетронутой природой: бескрайней тайгой, горными хребтами Алтая и Саян, обширными, полноводными реками. Рассказы о природе, о путешествиях были самым любимым моим чтением с ранних школьных лет. Рассказы Карамзина, Короленко, Мамина-Сибиряка о природе Сибири произвели на меня неизгладимое впечатление. По своей натуре я любил природу, любил встречать зарю на берегу речки или в лесу у костра. Мой старший двоюродный брат, лесничий и страстный охотник, рано научил меня понимать жизнь леса, его обитателей, охотиться. Вот почему, окончив среднюю школу, я без колебаний решил ехать учиться дальше только в Сибирь.

В институт я был принят без конкурса, так как имел отличный аттестат, а поступал на механическое отделение, будучи, кроме всего прочего, страстным любителем всякого рода механизмов и машин. В институте была предметная система преподавания, позволявшая студенту довольно свободно располагать своим временем. Пользуясь этим, я заходил в чужие аудитории и слушал лекции профессоров по другим предметам в других отделениях. Зашел однажды и на горное отделение, расположенное в особом здании. Там меня

прежде всего поразили большие витрины вдоль стен коридоров, заполненные образцами пород и минералов из самых разнообразных мест Сибири, в частности из Джунгарии, собранные Владимиром Афанасьевичем Орбучевым.

Я о нем уже слышал, знал о его увольнении министром Кассо за сочувствие студентам, удаленным за неблагонадежность. Зашел однажды на лекцию по физической геологии, которую читал ассистент Обручева Михаил Антонович Усов. Он был совсем молодым, почти студентом, и читал свой предмет с увлечением. Я стал чаще посещать горный корпус, все больше интересуясь программой отделения, позволяющей его слушателям обследовать наиболее глухие, не изученные территории Сибири. Владимир Афанасьевич в то время из Томска еще не уехал и выступал с лекциями и докладами по вопросам промышленного освоения Сибири и его горных богатств. Слушая его, я понял, что именно горное дело и геология есть мое призвание, позволяющее изъездить всю Сибирь, ее наиболее глухие места.

Сразу же осенью я подал заявление директору института о переводе меня с механического отделения на горное. Это допускалось, так как на первом курсе обязательными были предметы, единые для всех отделений.

Летом я не ездил домой в Россию, (так тогда называлась Европейская часть, в отличие от Азиатской, которая именовалась Сибирью), а остался работать, поступив старшим рабочим в одну из топографических партий переселенческого управления. Работали мы по реке Чулыму в тайге, изыскивая земли, годные для сельского хозяйства. К осени я уже приобрел квалификацию помощника топографа и заработал достаточно, чтобы зимой спокойно учиться.

В Томске тогда студенту жизнь стоила дешево: комната с отоплением и освещением вдвоем с това-

рищем* обходилась на брата по три рубля, обед в студенческой столовой 12–15 копеек.

В последующие годы, по мере повышения своей квалификации по летам, начал работать уже в геологических партиях сначала на Тельбесе по поискам железных руд, а в 1917 году по поискам медных руд в Минусинском крае (ныне Хакасия) под руководством проф. М.А.Усова. Все эти работы позволили мне ближе познакомиться с природой Сибири и ее горными богатствами, которые только и ждали технических рук для их промышленного освоения. Но дело это развивалось слабо. На Сибирь тогда смотрели лишь как на колонию с дешевым сырьем, хотя передовые люди того времени М.К. Сидоров, Д.И. Менделеев, С.О. Макаров думали иначе. Значительным препятствием освоению Сибири являлась слабость ее транспортного сообщения. Только что отстроенная Сибирская железная дорога ни в какой мере этому требованию удовлетворить не могла. Большую помощь в этом отношении мог оказать Северный морской путь, но и он тогда развивался слабо, хотя заграничные товары, привозимые этим путем, в Сибири продавались дешевле отечественных. Вот это-то как раз в корне и

* Здесь Н.Н. Урванцев сознательно искажил факт своей биографии: в Томске он жил не «вдвоем с товарищем», а с двоюродным братом Федором Николаевичем Валовым, фотографию которого можно увидеть во многих книгах Н.Н. Урванцева. Он, безымянный, стоит рядом с Николаем Николаевичем с кайлом в руках. О том, что они вдвоем снимали комнату в доме Шалаева, что оба женились на дочерях этого очень богатого человека и других житейских подробностях, рассказал в книге десятой издания «О времени, о Норильске, о себе...» В.И. Долгов (с. 143–163). У Н.Н. Урванцева и Варвары родился сын Михаил. В 20-х годах семья распалась, Николай Николаевич не поддерживал с ними никаких отношений, не говоря уже об упоминании о своем сыне. Потому об их существовании почти никто не знает до сих пор. Норильчанин В.И. Долгов много лет (и до сих пор!) изучает биографию Н.Н.Урванцева. У него есть и своя версия его перевода с механического факультета на горный. Если на первом курсе, как пишет Н.Н. Урванцев, «обязательными были предметы, единые для всех отделений», было бы логично перевестись на горный факультет на второй курс. В действительности же Николай Николаевич при переводе потерял год, потому что учебу продолжил на первом курсе. — Г.К.

противоречило интересам российских капиталистов, и они всячески тормозили развитие Севморпути. Кроме того приходившие в устья сибирских рек суда вынуждены были брать уголь на обратный путь, что занимало непроизводительно до 30 % полезного тоннажа. Надо было искать уголь на трассе Севморпути, да об этом тогда не думали*.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в корне были уничтожены противоречивые условия капиталистического развития России, проблема Северного морского пути получила свое полное практическое разрешение. Сразу же возник вопрос о поисках каменного угля в устье реки Енисея для строившегося там Усть-Енисейского морского порта. Сибирский Геологический комитет летом 1919 года отправил туда одну из своих геолого-поисковых партий. Я тогда был уже горным инженером и состоял сотрудником Сибгеолкома. Мне и предложили возглавить эту партию, на что я охотно согласился, так как север Сибири был наименее изученной ее частью. Обследование доказало, что наиболее перспективным является Норильск, где и ранее было известно присутствие каменного угля**. В 1920 году прибывший в Томск уполномоченный горного отдела ВСНХ СССР, рассмотрев материалы, постановил работы в Норильске продолжить, чтобы выяснить его геологическое строение, мощности и размеры имеющихся там угольных пластов, их качество, площадь распространения. Это была по тому времени довольно серьезная работа с разведкой и опробованием угольных пластов, составлением соответствующих топографических и геологических карт.

* Это не совсем так. Как планировалось освоение Севера в условиях белой Сибири, рассказал в этой подборке А.П. Шекшеев. Кстати, Н.Н. Урванцев в 1918 году вошел в Сибирский геолком, созданный по инициативе преподавателей Томского технологического института. Сотников тогда же направил министру промышленности и торговли докладную записку. В результате для разведки Норильского месторождения отправили экспедицию в 1919 году. — Г.К.

** В этой подборке материалов об этом пишут Н.А. Предтеченская и А.П. Шекшеев. — Г.К.

Для этого нужны были рабочие — как горняки, так и топографы, всего человек 20, найти которых в то время было трудно. Я тогда, кроме работы в Геолкоме, заведовал горным отделением средне-технического училища, где, кроме горного, были еще отделения топографическое и строительное. Я и предложил студентам, кончающим горное отделение, для прохождения обязательной летней практики поехать со мною в Норильск. Топографическим отделением заведовал Межевой, инженер Евгений Михайлович Ольховский, я и ему предложил организовать топографическую группу из желающих ехать на полевую практику в Норильск. Предварительно мы все собрались, и я рассказал о Северном морском пути, значении его для Сибири, задачах нашей экспедиции, после чего предложил желающим поехать в Норильск на практику. Народу собралось достаточно, и мы быстро сформировали группу разведчиков в 7 человек и топографов в 4 человека.

В Красноярск выехали в середине мая, а оттуда с первым караваном государственного пароходства вниз по Енисею. Караван должен был собирать по селам рыбаков со всем их снаряжением, доставить на рыболовецкие пески в Енисейском заливе, а осенью забрать обратно. Местом нашей высадки являлось селение Дудинское, откуда до Норильска было около 100 км пути по тундре. Для доставки экспедиции в Дудинку были заказаны олени, которых должен арендовать по указанию Сибревкома Дудинский исполком у местных жителей. Оленей оказалось всего 150 голов, а каждый олень в летнее время может везти не более пуда (16 кг). Нам же надо было забрать с собою продовольствие на два месяца, горнопроходческое и другое оборудование, инструменты, палатки и пр. Оленей хватило только на это, всем же участникам пришлось идти пешком.

В то суровое время нам выдали очень жесткий паек. На человека в месяц: 50 ф (20 кг) ржаной муки, 4 ф (1,6 кг) крупы, по 0,5 ф (0,2 кг) масла, сахару и чаю, 1 ф (0,4 кг) табаку, 1 ф (0,4 кг) мыла и две коробки спичек. Для тяжелой работы в поле на Крайнем

Севере этого было конечно совершенно недостаточно, но я рассчитывал улучшить питание за счет местных средств — рыбы и оленьего мяса.

Местность, где нам предстояло работать, представляла предгорную всхолмленную равнину, куда уступом с юга обрывается изрезанное ущельями плоскогорье с относительными высотами до 500 м. Для работ, особенно топографической съемки, участок трудный. Мы с Ольховским решили провести здесь мензульную съемку, так как этот метод позволяет получать сразу же в поле готовую карту со всеми нужными нам подробностями ситуации. Масштаб выбрали 1:10 000, то есть 100 метров в 1 см с горизонталями рельефа через 5 м. Это позволит составить достаточно подробную карту и геологии, и разведки месторождения. Чтобы сберечь силы и обувь — 10 пар сапог, полученных на всю экспедицию, при ходьбе по крутым щебенистым каменистым склонам, топографы с рейками будут двигаться по горизонталям: один выше съемщика с мензулой и планшетом, другой на уровне и третий ниже. Это сэкономит силы и ускорит работу: пока один реечник стоит на точке, другой переходит на новое место, так что съемщику надо успевать брать отсчеты по дальномеру, ставить точки и проводить горизонтالي. Только при таком методе работы нам удалось за два месяца короткого полярного лета заснять и составить подробную инструментальную карту Норильска с горами Шмидта, Рудной, Барьерной, Гудчихи и др. общей площадью свыше 25 кв. км.

Разрезами и шурфами были вскрыты и опробованы угольные пласты на всей площади горы Шмидта и частью Надежды площадью до 4 кв. км, замерены мощности пластов и взяты пробы на химический анализ и технические испытания. При геологической съемке горы Рудной на ее северо-восточной стороне был обнаружен довольно большой участок, сложенный бурыми железняками — железной шляпой. Она была вскрыта шурфами, установившими, что та является верхней частью сульфидного, ранее не известного, месторождения. Шурфами оно было оконтурено

и взяты пробы на анализ. При обработке материалов по возвращении в Томск, на базе составленной в Норильске топографической карты изготовлена пластовая карта угольного месторождения горы Шмидта и подсчитаны ее запасы в сумме 72 млн т. Анализы установили высокое качество угля с признаками спекаемости некоторых пластов.

Под руководством Михаила Антоновича Усова был обработан материал и сульфидного Норильского месторождения. Оно оказалось медно-никелевого типа, ранее не известного у нас в Союзе. По составу и характеру образования оно оказалось магматическим, сходным с месторождением Садбери в Канаде, тогда крупнейшим месторождением никеля в мире (Изв. Сиб. отд. Геолком, т. II, 13.1. Томск, 1921). Анализ руд был проведен только на медь и никель, благородные металлы не определялись за отсутствием в то время кокса для плавильной лаборатории, хотя было известно, что садберийские руды содержат платину.

Заслушав нас после обработки материала по Норильску, Сибгеолком в Томске и Комсеверпуть при Сибревкоме в Омске постановили работы в Норильске продолжать, заложить на уголь разведочные штольни, построить первое жилье и вести работы круглогодично для выяснения возможности горнопроходческих, строительных и других работ в условиях полярных зим. Объем работ был намечен большой, нужны горнорабочие, плотники, пильщики. Для строительства Сибревком еще зимой предложил Дудинскому исполкому подрядить местных жителей заготовить из леса в долине реки Норильской тысячу бревен и вывезти их на оленях на площадку разведки Норильска. Состав партии в 1921 году сформировался большой — 60 человек. Увезти с собой летом на оленях запас продовольствия для такого количества людей было невозможно. Поэтому по договоренности с Дудинским кооперативом в Норильск еще зимой по санному пути был завезен основной запас продовольствия на лето: мука, сухарь, крупы, а также строительные материалы: гвозди, кирпич, железо, стекло и пр. Несмотря на это, грузов с собой набралось еще много, и при

выходе из Дудинки образовался большой караван в 350 оленей, который растянулся более чем на два километра. Это только с грузами, люди же вынуждены были идти пешком. В Норильске были заложены две штольни, на 1-й и 2-й угольные пласты, пройденные к осени более чем на 22 м. За пределами окисленной, мерзлой зоны уголь пошел сухой, крупнокусковый, который отлично горел даже на костре. На рудное тело заложить штольню за отсутствием динамита не удалось, а идти в такой твердой горной породе как диабаз вручную было невозможно.

Из завезенного зимой леса был построен первый жилой дом площадью около 90 кв. м, общежитие около 100 кв. м, баня и склад. Этим было положено начало поселку Норильск, выросшему потом в большой промышленный город Норильск. Первый жилой дом уцелел и до сих пор. Теперь он охраняется как историческая ценность, представляя филиал музея.

На зимовку за недостатком средств осталось только 8 человек, тем не менее проходка штолен продолжалась, велись метеорологические наблюдения по программе ГФО, проводились исследования и съемки всего Норильского района, который в то время был совершенно не изучен, для него не существовало никакой карты. За зиму на оленях были обследованы и засняты на карту с определением астрономических пунктов, все норильские озера: Мелкое, Дама, Глубокое и Кета, а также Пясинское озеро и реки Норильская и Рыбная.

Важное значение для Норильска имела транспортная проблема. Уже в 1921 году Комсеверпуть провел изыскание трассы железнодорожной колеи по варианту Устьпорт—Норильск, а летом 1921 года Дудинка—Норильск. Но строительство дороги дело и длительное, и дорогое. Если бы река Пяси́на оказалась судоходной, ею можно было бы воспользоваться на первых этапах освоения Норильска, тем более, что ее устье отстоит от гавани Диксона всего на 200 км. Но по ней никто не плавал, карт ее не было и судоходна ли она — неизвестно. Поэтому еще зимой, на исток Пясины из Пясинского озера была завезена рыбацья лодка

и запас продовольствия на лето. Весной 1922 года 5 человек нашей экспедиции спустились на этой лодке вниз по Пясине до устья, ушли морем на Диксон, а оттуда в Дудинку. Пясина оказалась судоходной на всем ее протяжении, так же как Пясинское озеро и река Норильская. При начале строительства Норильского комбината этим путем и были завезены грузы до реки Норильской, где сразу же возник порт Валек, а от него проведена железная дорога до Норильского поселка.

Пока мы работали в Норильске: проходили штольни, снимали карты озер, обследовали реку Пясину, экономическое положение страны значительно улучшалось. Появился кокс, заработали плавильные лаборатории Геолкома, и вот оказалось, что норильские руды действительно содержат платиноиды и притом, в отличие от Садбери — в значительно большем количестве. В связи с этим вернувшийся с Пясины Урванцев был вызван в Москву, и ему предложено организовать в Норильске разведочные работы на медно-никелевые руды с горными работами и бурением; вести их круглогодично и в зимних условиях. В сезон 1923–1924 гг. на рудные тела были заложены и пройдены две штольни: одна протяжением около 22 метров с гезенком глубиной 7 м, вторая 8 м. Ни одна из выработок за пределы рудных тел не вышла. Из первой штольни была добыта тысяча пудов наиболее свежей, не окисленной руды и вывезена на оленях в Дудинку, а затем в Ленинград, где передана для технологических испытаний в горно-металлургическую лабораторию Горного института и на исследования по обогатимости в институт Механобр. Их опыты показали, что сплошные сульфидные руды Норильска самоплавки и могут разделяться на отдельные фракции меди и никеля путем обогащения. В дальнейшем эти данные были положены в основу технического проекта Норильского горнометаллургического комбината, составленного Гипроникелем. На рудное тело была пробурена первая в Норильске буровая скважина. Так далеко на севере, за Полярным кругом, еще никто не бурил. Вода в скважине из-за вечной мерзлоты сразу же замерзала, как только по каким-либо причинам

приостанавливался процесс бурения и прекращалась прокачка воды в скважину. Пришлось перейти на промывку соляным раствором 10 %-ной концентрации, что было установлено опытным путем. Буровая вышка представляла четырехногую пирамиду, сверху обтянутую брезентом, внутри стояла железная печка, позволявшая работать все же не на морозе. Буровой мастер был один, так что вторую смену вел я. Буровой станок шведской фирмы Вирт (тип креликс А) требовал мотора, но его достать нигде не удалось, а ручную проходка получалась ничтожной, в несколько сантиметров, хотя в качестве абразивного материала нам были выданы черные аморфные алмазы (карбонадо) высокой истирающей способности. Тогда мы сняли головную часть одного из имевшихся у нас старого шведского лодочного мотора, монтировали на него шкив, поставили в деревянный станок, сплели из рыболовной тетивы приводной ремень и начали бурить все же механическим путем. Прокачка воды велась, конечно, вручную. За сезон скважина была пробурена на 30,2 метра, пройдя по рудному телу 12 м в расстоянии 100 м от штольни по падению тела вглубь горы. Это давало основание предполагать, что оно пойдет и дальше не меньше, чем на то же расстояние. Кроме того, изверженное тело, вмещающее рудные жилиры, тянется по горе Рудной на юг на протяжении нескольких километров, что дает основание полагать, что и здесь могут быть встречены новые рудные гнезда не меньших размеров. В общем запасы вскрытых разведкой рудных тел со средним содержанием меди 1,5 % и никеля 1 % могут быть определены в размере до 20 млн пудов (0,32 млн тонн), а перспективные по меньшей мере вдвое больше. Руководитель отдела разведок Геолкома А.К. Гидовиус подсчитал, что при выплавке в шахтных печах 1 млн пудов (16,7 т) такой руды, можно получить 550 т белого штейна, и продажа его за границу, при существовавших тогда ценах на металлы, даст 200 тысяч рублей прибыли в золотой валюте, даже исходя из стоимости эксплуатации вдвое против существующей. Все это давало основание оптимистически смотреть на будущее и планировать

продолжение работ в Норильске. Однако специальная комиссия при Геолкоме в Ленинграде пришла к заключению, что при существующих трудностях работ на севере, необходимости строительства железной дороги, недостаточности запасов руд, дальнейшее исследование Норильска нецелесообразно, и дело это следует прекратить, Урванцев с таким решением не согласился, и вопрос перешел на рассмотрение председателя ЗСНХ Ф.Э. Держинского, который решил работы в Норильске продолжить, назначив начальником одного из своих секретарей П.С. Аллилуева*, оставив Урванцева его заместителем.

В 1925–1926 гг. в Норильске работала уже крупная экспедиция составом 150 человек. Имелось 4 буровых станка, а в качестве транспорта, кроме оленей, впервые на севере были применены гусеничные трактора. На них в Норильск из Дудинки перевозились разобранные дома, лес, строительные материалы и прочие тяжелые грузы, которые не могли перевезти олени. Это был первый опыт применения механического транспорта по снежному бездорожью в условиях суровой полярной зимы. Этот первый опыт показал, что при соответствующих конструктивных приспособлениях механический транспорт на Крайнем Севере вполне может работать, заменяя оленей и все другие средства передвижения. Из привезенного леса в Норильске был собран ряд новых домов и хозяйственных сооружений, здесь образовался уже настоящий рабочий поселок. В Дудинке был построен большой жилой дом, склад, механическая мастерская, лаборатория и электростанция.

* Докладной документ П.С. Аллилуева начальнику горного отдела ВСНХ СССР тов. Свердлову В.М., второй экземпляр Геологическому комитету при Президиуме ВСНХ СССР опубликован в книге второй нашего издания «О времени, о Норильске, о себе...» (с. 9–41). Его подготовил к печати норильский историограф А.Л. Львов. В своем комментарии он написал, что Альфред Карлович Гидовиус, начальник геологоразведочных работ Геолкома, «добравшись летом 1926-го до Норильска и осмотрев месторождение, сказал «да» детальному его изучению и доразведке. <...> Это был явно незаурядный специалист, который «видел сквозь землю». А.Л. Львов считает, что «его роль в норильской истории неопценима». — Г.К.

В дальнейшем работы в Норильске продолжались не только на горе Рудной, но и на вновь открытом в 1926 году месторождении Норильск II*. В 1930 году постановлением ВСНХ Норильск из ведения Геолкома был передан Союззолоту для детальной разведки и пробной эксплуатации, а в марте 1935 года состоялось Правительственное постановление о строительстве Норильского горно-металлургического комбината с железной дорогой до Дудинки и организацией там морского и речного порта.

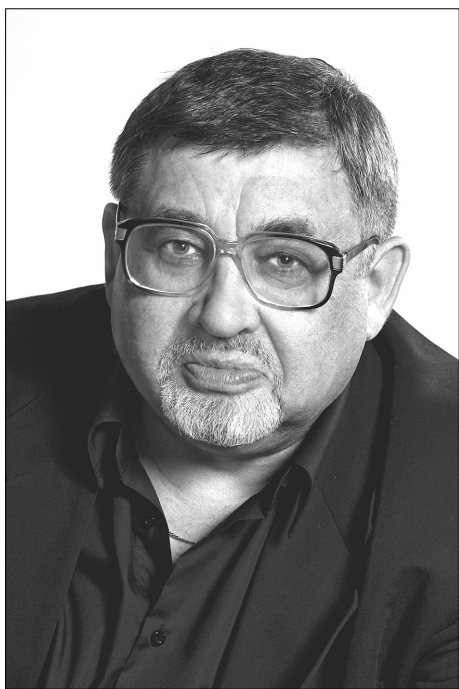
Теперь Норильск — это крупнейший в Союзе горный и металлургический комбинат высокой технической оснащенности и при нем большой современный город с целым рядом дочерних поселков в радиусе десятков километров и общим числом населения до 250 тысяч.

Столь быстрому и мощному развитию Норильск обязан тем основам, которые были заложены работами геологов Сибгеолкома 20-х годов под руководством его директора М.П. Усова. Магматическая природа норильских медноникелевых месторождений, особенности их образования и формирования, выявленные тогда, до сих пор являются основными критериями для поисков и открытия новых месторождений этого типа не только в Норильском районе, но и в пределах всего Таймыра на севере Сибири.

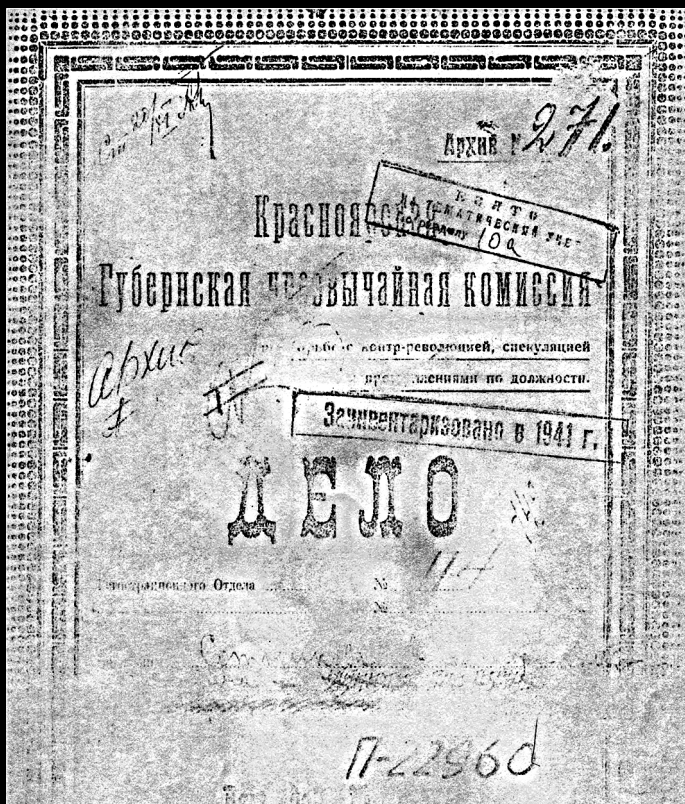
Н. Урванц
25/II - 79

* Оно в 20 км к югу от Норильска. Бурение 10 скважин показало вкрапленную руду. — Г.К.

Александр Петрович Шекшеев

Александр Шекшеев:

«Трагедия Сотникова – атамана и полярника» .

Александр Петрович Шекшеев

В трагическое время российской смуты Сотников А.А. был вынужден возглавить людей, выполнявших свой долг перед Родиной. Но по своему гражданскому призванию он был все же полярным исследователем. Трагически оборвавшаяся жизнь не позволила ему совершить великие дела освоения Енисейского Севера.

«... Дайте возможность свободно работать в любимом и полезном деле», - с такой просьбой весной 1920 г. обращался к чекистам находившийся у них в заключении Александр Александрович Сотников [1]. Гибель его и последующие события сделали первооткрывателем Норильска другого человека. Естественно, что при реабилитации Сотникова возникла проблема, справедливо отмеченная создателями подвижнического труда о Норильске [2] и заключающаяся в выявлении приоритета в открытии местного месторождения полезных ископаемых.

УРВАНЦЕВ ИЛИ СОТНИКОВ?

При освещении истории, начавшейся с 1917 г., мне повезло хотя бы немного заглянуть в «непроницаемые недра» функционирования первых чекистских органов. Наряду с другими делами, сотрудники Красноярского управления ФСБ предоставили возможность ознакомиться и с архивно-следственным делом Сотникова (д. П-22960)*. Оно состояло из справки о его задержании, биографических сведений, данных

* На сайте Красноярского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» (<http://www.memorial.krsk.ru>) указан другой номер сотниковского дела (020694). Вероятно, автор статьи о Сотникове ошибся, или в архиве Регионального управления ФСБ по Красноярскому краю имеется еще одно дело, с которым пишущий эти строки не был ознакомлен. — А.Ш.

им на допросах, письма с попыткой выяснить причину заключения, документа о пересылке, анкеты задержанного, прошения сообщить о месте его нахождения родственникам, их и свидетелей обращения к чекистам, доносов заключенных, обвинительного заключения, приговора и, наконец, реабилитационного постановления.

Реабилитируя Сотникова 31 марта 1998 г., прокуратура Красноярского края уже тогда назвала его «первооткрывателем Норильского месторождения». Об этом факте затем сообщил красноярский мемориалец В.Г. Сиротинин [3]. Нами в начале нового столетия о Сотникове был создан целый ряд публикаций, в которых он предстает, в частности, как один из первооткрывателей, внесший свой вклад в освоение Заполярья [4]. «Первым геологом-исследователем Норильских недр, первооткрывателем месторождения» назван Сотников и в сообщении краеведа А.Н. Тимофеева [5].

Однако легендарной для Норильска личностью по-прежнему считается Николай Николаевич Урванцев. Будучи заслуженным деятелем науки РСФСР, профессором-геологом, он является официально признанным человеком, стоявшим у истоков Норильска, «вдохнувшим новую жизнь в просторы норильской тундры» [6]. Хотя некоторые авторы и считают, что славу первооткрывателя следовало бы разделить между Урванцевым и Сотниковым, они же полагают, что заслуги первого из них велики и неоспоримы настолько, что имя Сотникова должно занять лишь достойное место в ряду замечательных норильских геологов [7].

Вопреки сообщению о том, что Сотников в чекистском узилище вспоминал Урванцева и сообщал о поездке с ним на Таймыр, якобы состоявшейся в 1915 г. и закончившейся направлением их первого геологического отчета в Петроград [8], ничего подобного в архивно-следственном деле нет. Воспоминания же Урванцева о роли Сотникова в совместной с ним

экспедиции мне, как и В.И. Долгову, показались крайне сдержанными, наводящими на определенные размышления.

Поэтому попробуем подойти к проблеме Урванцев – Сотников с другой стороны. Восполняя имеющийся в ней пробел, заполняя его известными и вновь обнаруженными сведениями, расскажем о жизненном пути Сотникова и хотя бы этим попытаемся устранить отмеченную несправедливость и воздать должное этому человеку.

СОТНИКОВ: ЗНАКОМСТВО С ГЕРОЕМ

Следственное дело Сотникова начиналось как исторический детектив. 26 февраля 1920 г. в поме-

Александр Сотников с семьей, 1917 год

щении бывшего интендантства Иркутского военного округа по доносу старшего адъютанта коменданта города чекисты арестовали два человека. Препровожденные в тюрьму, они не скрывали своих имен. Согласно предъявленного удостоверения, один из них оказался руководителем Дирекции маяков и лоций при Комитете Северного морского пути Д.Ф. Котельниковым, а другой – гидрографом А.А. Сотниковым. В дальнейшем первый из них был обвинен в присвоении казенных денег, полученных от Советской власти еще в 1918 г., второй же – в контрреволюционной деятельности, которую он якобы вел в бытность атаманом Енисейского казачьего войска. Доносчиком оказался бывший полковник царской армии, конфликтовавший с Сотниковым еще в Красноярске. При этом были зафиксированы и физические данные Сотникова: глаза карие, волосы светлорусые, лицо чистое (без бороды и усов – А.Ш.), рост 2 аршина и 7 вершков, то есть 173 см [9].

Личность Сотникова, первого атамана Енисейского казачьего войска, не была обделена вниманием как советских мемуаристов, так и историков. Ярым врагом Советской власти представлен он в воспоминаниях участников революционных событий на юге Енисейской губернии [10]. Большевик и бывший командир Красной гвардии Е.А. Глухих, рассказывая о своем участии в ликвидации контрреволюции, заявил, что она закончилась бегством Сотникова... «в дамском платье» [11]. Современники, а следом и историки мифотворствовали о том, что в мае 1918 г. Сотников возглавлял белоказачье движение на юге Енисейской губернии и в качестве есаула командовал отрядом казаков [12]. Наконец, еще один исследователь утверждал, что он, находясь в составе Средне-Сибирского корпуса Сибирской армии, являлся начальником «гусарской дивизии» [13].

В постсоветское время о Сотникове появилась правдивая, но столь короткая информация [14], что она не могла исчерпать данной темы. Современные

же авторы, дополняя имеющееся жизнеописание Сотникова небольшой, но ценной информацией, не всегда ответственно относятся к ее изложению. Так, с нарушениями дается хронология событий с участием Сотникова в 1917 г. на сайте Красноярского общества «Мемориал». Неверной является информация еще одного исследователя о нахождении его в 1919 г. на посту временного министра в правительстве А.В. Колчака (это отголосок другого события – А.Ш.). Этими же и другими авторами необоснованно сообщается, что инициатива организации полярной экспедиции того же года принадлежала Верховному правителю, а погиб Сотников в 1921 г. [15]

ИЗ РОДА ЛАНДУРА

Согласно анкете и показаниям задержанного, А.А. Сотников родился 6 марта 1891 г. и являлся по социальному происхождению, как он сам заявлял в одном из документов, «природным казаком». Подследственный имел проживающих в Красноярске мать и брата, служившего в кооперации, а затем в губюсте, сестру – учительницу Томской гимназии, жену-домохозяйку по имени Шарлотта и 5-летнего сына Эраста [16].

Вероятно, умолчание на допросах имени родителя и отсутствие сведений о занятиях Сотникова вплоть до 24-летнего возраста не было случайным. Более позднее сообщение одного из современников рассказывает, что Сотников являлся уроженцем с. Потапово Туруханского края, вотчины его отца – известного потомственного купца А.К. Сотникова, прозванного коренными жителями за взгляд исподлобья «Ландуром» – сильным и злым быком-оленом. Сотников был выходцем из купеческого сословия, членом известной на Енисейском Севере семьи. По свидетельству некоторых авторов, Сотниковы за жестокое отношение к местным аборигенам ссылались властями в Иркутскую губернию, затем были возвращены в родное селение. Семейство издавна

занималось не только торговлей, но и использованием местных ископаемых в промышленных целях. Будучи купцом 2-й гильдии и пароходовладельцем, дед Сотникова – Петр Михайлович еще в 1870-1890-х гг. доставлял в Туруханский край хлеб, табак, соль, торговал в больших объемах вином. Именно он застолбил Норильское месторождение каменного угля и руд. Братья Сотниковы – Петр Михайлович и Киприан Михайлович, сын последнего – Александр Киприанович, отец нашего героя, организовали здесь добычу руды (1868 г.) и угля (1893-1894 гг.). Первыми они выплавляли и медь.

Однако, по свидетельству очевидцев, для более широкого развертывания дела на Таймыре тогда Сотниковым не хватило ни знаний, ни денег. Они были не только хищными культуртрегерерами, в качестве которых их представляли советские авторы [17], но и людьми авторитетными среди народов Севера настолько, что попытка раскулачивания одного из них в 1932 г. стала непосредственным толчком к восстанию, направленному против местной Советской власти [18].

По сообщению Долгова, Сотников в 1912 г. после окончания горного факультета Томского среднего политехнического училища поступает на горное или геологическое отделение Томского технологического института им. Императора Николая II. Следом за ним с механического на горное отделение перевелся и его «друг» Урванцев. Будучи человеком энергичным и увлеченным геологией, Сотников стал исследователем «сибирского Клондайка». Еще летом 1915 г. он на собственные средства организовал экспедицию в Норильские горы для обследования месторождений каменного угля, медной руды и графита. Поставив заявочные столбы в районе будущего г. Норильска, Сотников собрал большую геологическую коллекцию, пробурил скважину в верховьях Угольного ручья.

Но Первая мировая война по-своему определила судьбу студенческой молодежи. Проучившись семь

семестров в институте, Сотников в декабре 1915 г. с документом о наличии у него среднего политехнического образования был призван в армию. В мае 1916 г. юнкер Сотников окончил Иркутское военное училище и получил направление младшим офицером в Красноярский казачий дивизион [19].

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И КАЗАЧЕСТВО

Февральская революция 1917 г. втянула в свой водоворот енисейское казачество, насчитывающее тогда 4 тыс. человек мужского пола и не представляющее, по наблюдению очевидца, однородной социальной массы [20]. 18 марта Красноярский казачий дивизион принес присягу на верность Временному правительству, а его представитель на губернском съезде кооперации заявил о том, что казачество одно из первых перешло на сторону народа и этим гордится [21].

Революция же способствовала и должностному росту Сотникова. 20 марта есаула А.А. Могилева в

должности начальника дивизиона сменил подесаул М.М. Каргаполов, а следом и хорунжего Сотникова произвели в командиры 2-й сотни. Являясь членом партии социалистов-революционеров (ПСР), избран он был и комиссаром Красноярского Совета. В этом качестве Сотников устанавливал революционную власть в с. Казачинском, где по его инициативе состоялся многолюдный митинг и организовался ко-

митет общественной безопасности (КОБ). В мае 1917 г. Красноярский совдеп назначил Сотникова начальником гарнизона на железнодорожную станцию Красноярск, а в июле он был избран председателем Красноярского гарнизонного Совета [22].

Одновременно он вел большую общественно-политическую деятельность среди казаков: с его участием в дивизионе было решено

открыть лавку и библиотеку, послать делегатов на 1-й съезд Иркутского казачества. 29-30 апреля казаки дивизиона и г. Красноярска, решив провести свой съезд, организовали с этой целью специальную комиссию, председателем которой избрали Сотникова [23].

В конце мая он председательствовал на I съезде Енисейского свободного казачества. Рассматривая принятые на съезде резолюции через призму классового подхода, один из советских историков обвинил енисейских казаков в «непоследовательности» поведения. В опубликованных тогда же документах [24] он увидел их стремление сохранить свои привилегии и «раболепное» отношение к буржуазному правительству. Возмущало этого автора и то, что енисейское казачество не отказалось от самого понятия «казак» и, напротив, проголосовало за создание своего войска [25]. В действительности же съезд, приветствуя крушение самодержавия и высказываясь за поддержку как Временного правительства, так и советов, выступил, следуя демократической традиции всего российского общества, за революцию,

но не в радикальной форме, за которую боролись большевики.

Такое поведение социальных слоев было в духе времени, а свободное выражение своего мнения не осуждалось даже политическими противниками. Тогда же Сотников избирался членом Енисейского губисполкома и от имени ПСР выдвигался кандидатом в гласные Красноярской городской думы. Когда за проявленную недисциплинированность казаков, требовавших отправить дивизион на фронт, его начальник Каргаполов 21 июня 1917 г. был снят с должности и отправлен в действующую армию, то приказом командующего Иркутским военным округом А.А. Краковецкого на его место был назначен Сотников [26].

КАЗАЧИЙ ДИВИЗИОН – ФОРПОСТ ПРАВОПОРЯДКА

В Красноярском дивизионе имелись 50 – 60 казаков с большевистскими взглядами, но в основном все три его сотни поддерживали эсеров [27]. Как и повсюду, взаимоотношения казаков и советов отличали взаимная настороженность и недоверие. Уже 14 марта 1917 г. Красноярский Совет постановил вооружить рабочих и создать собственную милицию. Случалось, члены губисполкома заявляли, что казаки, отличавшиеся «сепаратистскими» выступлениями и пытавшиеся ревизовать деятельность Совета, вызывают у них недоверие [28]. Обсуждая меры против беспорядков, которые якобы могли возникнуть при праздновании большевиками своей победы на выборах в городскую думу, участники состоявшегося 8 июля совещания у губернского комиссара говорили и о слухах по поводу готовности казаков разогнать демонстрацию. Представитель дивизиона был вынужден отрицать наличие у станичников таких настроений [29].

В конце июля 1917 г. в Красноярск для усиления боеспособности воинских частей прибыли 15 фронтовиков - георгиевских кавалеров. Царившая распущенность в гарнизоне поразила приезжих. Позднее

ушедший добровольцем на фронт лидер красноярских эсеров Е.Е. Колосов в одной из петроградских газет писал: «На всем пространстве Сибири г. Красноярск выделился как болезненный нарост на здоровом теле благодаря тому, что волею случайности преобладающее положение в местном исполнительном комитете Совета солдатских и рабочих депутатов заняли последователи Ленина. Сгруппировавшись вокруг своих коноводов, обладающих широким горлом и проявляющих полную беззастенчивость в выборе средств воздействия на малосознательную массу, красноярские большевики увлекали неустойчивую толпу на путь анархии и развала» [30]. Недовольные отсутствием дисциплины в местных запасных частях, распропагандированных большевиками, фронтовики решили создать новый гарнизонный совет. Их в этом стремлении поддержали и казаки, которые среди лиц, охмелевших от революционных переживаний, еще сохраняли дисциплинированность. На митинге, состоявшемся в дивизионе, Сотников выступал в качестве председателя [31]. Однако такие меры по оздоровлению ситуации в гарнизоне не могли быть эффективными: произошедшее затем выступление местных корниловцев оказалось слабым и, потерпев поражение, только усилило позиции большевиков.

Отношение казаков и, в частности Сотникова, к корниловщине не отличалось от поведения столичной общественности. Собравшись на митинг, красноярские, иркутские казаки и солдаты одной из батарей артиллерийского дивизиона после сообщения Сотникова о

«текущем моменте», выступили против «нападок на революцию» со стороны генерала Л.Г. Корнилова и заявили о поддержке власти созданного в Красноярске Соединенного исполкома [32].

Августовским 1917 г. распоряжением штаба военного округа в Красноярск была переведена 1-я сотня дивизиона, его пополнили вернувшиеся на службу выпускники школы прапорщиков. В результате образовавшегося сверхкомплекта казаки старших возрастов стали проситься домой [33].

Однако казачество оставалось верным присяге, вооруженной силой, способной к сохранению порядка. Свои охранительные функции казаки продолжали нести вплоть до самопожертвования. Так, 27 августа в с. Верхне-Шалинском Красноярского уезда, преследуя дезертира, погиб урядник А.В. Селиванов. Осуществляемые солдатами по инициативе Ачинского совдепа поиски продовольствия в квартирах обывателей, требования к еврейскому населению открыть кладовые были прекращены только после того, как городская дума вызвала казачью сотню. Но действия появившихся в городе казаков вызвали недовольство в гарнизоне. Получив 24 сентября сведения о подготовке солдатами массового избиения казаков, командир сотни раздал им патроны и обозначил действия оборонительного характера [34].

«УГЛУБЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ» И КАЗАЧЕСТВО

При этом казачество проявляло еще и потенции к консолидации и самоорганизации. По решению войскового совета в Красноярске 20 – 25 сентября 1917 г. состоялся II съезд енисейского казачества, рассмотревший широкий круг вопросов, а главное, принявший законопроект о самоуправлении Енисейского казачьего войска. Согласно этому документу, верховными органами и лицами казачества признавались войсковые совет, управление и атаман, избираемый всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием сроком на три года [35]. На основании этого законопроекта, вероятно, в октябре того же года

Малый круг избрал Сотникова войсковым атаманом. Избрание его в таком качестве, видимо, устраивало Красноярский Совет. Губисполком отказался командировать Сотникова в Урянхайский край, где для защиты российских интересов и по распоряжению правительства требовалось присутствие казачьей сотни [36]. Но вскоре отношения между ними резко изменились.

24 октября 1917 г., то есть буквально накануне октябрьского переворота в Петрограде, собрание казачьего дивизиона решило оставить на своем Красном знамени девиз партии социалистов-революционеров «Земля и воля», считать ее защитницей интересов не только крестьянства, но и казачества, а на выборах в Учредительное собрание голосовать за список ПСР [37]. Вопреки захвату власти большевиками, казаки на общем собрании дивизиона и войскового правления, состоявшемся 30 октября 1917 г., приняли резолюцию, предложенную Сотниковым, о признании власти Енисейского губернского комитета объединенных общественных организаций, стоявшего за передачу ее в дальнейшем Учредительному собранию [38].

Между тем, политические события в центре страны способствовали размежеванию казаков и переходу некоторых из них на сторону победивших большевиков. На состоявшемся 31 октября многочисленном митинге солдат и казаков среди последних оказались и такие, что призывали не верить правым эсерам, «выдающим себя за представителей трудового народа». Участники его почти единогласно проголосовали за резолюцию, предложенную большевистским пропагандистом Я.Е. Боградом, то есть приветствовали победу революции в Петрограде и выступили в поддержку Советской власти. Под шумные протесты выступающих, среди которых находился и Сотников, после пятичасового митинга толпа участников 1 ноября приняла резолюцию прапорщика и левого эсера С.Г. Лазо, известного красноярской общественности как «экзальтированного мальчика», о поддержке власти советов [39].

Октябрь 1917 г. позволил совдепу сосредоточить всю полноту власти в Красноярске в своих руках. Для усиления его вооруженной аргументации 5 ноября произошла по его просьбе переброска артиллерии из Томска [40]. Но, вопреки мнению советских историков о том, что находившийся под руководством правых эсеров Красноярский казачий дивизион «со времени свершения Октябрьской социалистической революции...являлся вооруженным оплотом реакции в борьбе с Советской властью» [41], его военнослужащие не планировали вооруженного выступления. В резолюции своего собрания казаки записали: «... Мы Советскую власть не признаем... Но заявляем, что никаких активных выступлений делать не будем, а также просим и товарищей солдат против нас не выступать» [42]. Однако их словесных аргументов оказалось недостаточно: 10 ноября комитет объединенных общественных организаций большевиками был ликвидирован.

После переворота командующий Иркутским военным округом генерал-майор Самарин назначил вместо арестованного Советской властью полковника Ауэ начальником Красноярского гарнизона Сотникова. Но совдеп с этим не согласился и выдвинул на указанную должность командира 14-го Сибирского запасного полка полковника Сулаквелидзе. В конечном итоге между штабом Иркутского военного округа и Енисейским губисполкомом было достигнуто соглашение: военная власть не возражала против назначения кандидатуры совдепа, а последний соглашался с утверждением Самариным Сотникова в качестве атамана [43].

СИБОБЛДУМА

В условиях тяжелейшего кризиса российской государственности сибирскими областниками и эсерами был выдвинут лозунг «автономной государственной организации для Сибири». Свержение Временного правительства и утверждение власти советов заставили их собрать в Томске 6 декабря 1917 г. Чрезвы-

чайный Всесибирский съезд. Среди его участников был и Сотников, делегированный Малым войсковым кругом из-за «крайней продуктивности его работы». Съезд провозгласил в Сибири «автономную областную власть» в лице Сибоблдумы, которую должно было утвердить Учредительное собрание. Сотников же был избран председателем военного комитета при областном Совете, что в дальнейшем позволило большевикам с насмешкой называть его «военным министром» [44]. По сообщению историка В.А. Шулдякова, Сотников, будучи в Томске, вел по прямому проводу переговоры с находившимся в Киеве «Главным комиссаром Сибирской армии» Краковецким о формировании на Украине и переброске в Сибирь в распоряжение Временного Сибоблсовета и Сибоблдумы сибирских частей «старой» Русской армии.

Вместе с тем, среди участников съезда образовался блок, который выступил за чистоту областнического движения и против представительства в Сибоблдуме делегатов от политических партий и, в частности, большевиков. Независимым представителем, избранным енисейским казачеством, настаивающим на скорейшем созыве Учредительного собрания, стал казак станицы Торгашино А.П. Кузнецов. Зная о том, что он не разделяет политической программы ПСР, социалисты-революционеры обратились с просьбой в адрес войскового совета о переизбрании Кузнецова и замене его Сотниковым. Но казачество отвергло эту просьбу и предложило хорунжему и атаману Сотникову, делегированному в Сибоблдуму, согласно информации того же Шулдякова, вернуться в Красноярск к исполнению своих должностных обязанностей [45].

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НАСТУПАЕТ

Буквально игнорируя появившиеся в последнее время публикации, которые содержат менее идеологизированную версию происходивших событий, получивших в литературе название «сотниковского

мятежа», некоторые современные авторы повторяют выводы советских историков. Они широко используют мемуары большевиков и документы советских органов, вновь перекалывают вину за развязывание Гражданской войны на казаков и Сибоблдуму. Пойдя по пути борьбы с большевистскими советами, она, пишет такой историк, «решила использовать разногласия руководства казачьего дивизиона, расквартированного в Красноярске, с Красноярским Советом». Не обременяя себя поиском новых источников, он утверждает, что причиной казачьего выступления явилась политическая борьба партий, развернувшаяся после роспуска советским правительством Учредительного собрания [46]. Ближе к истине находится другой историк, который считает, что решение местного Совета о разоружении дивизиона было ответом на его непризнание Советской власти, деятельность же казаков являлась первой на территории Енисейской губернии попыткой встать на защиту разогнанного большевиками Учредительного собрания. Однако она, по его мнению, носила не антибольшевистский, а антисоветский характер [47]. На наш взгляд, оба автора, отрицая человеческий фактор и излишне политизируя поведение казаков, заметно сужают обусловленность этого выступления.

Впоследствии советские мемуаристы пытались представить инициатором разоружения казаков командование Иркутского военного округа [48], действительно отдавшего приказ о переводе Красноярского дивизиона на мирное положение, частичной демобилизации и разоружении казаков, но только 2 января 1918 г. Согласно законопроекту о казачьем войске, численность военнослужащих в дивизионе при переходе на мирное положение должна была сократиться с 618 до 217, а по данному приказу – до 99 человек [49].

Между тем, новые документы и хроника событий свидетельствуют о том, что инициатива борьбы между

казацеством и Советской властью исходила от красноярских большевиков. Провоцировали их наступательное поведение и пассивное сопротивление казаков октябрьским событиям, и обстановка в дивизионе. В декабре 1917 г. в Красноярск на пополнение слабо обученных военному делу молодых казаков дивизиона прибыли казаки-фронтовики. Служившие сначала в Уссурийской казачьей дивизии 3-го кавалерийского корпуса генерала А.М. Крымова, а затем в конное генерала П.Н. Краснова и возглавляемые опытными хорунжими А.Н. Тялшинским, В.М. Розановым и Г.К. Бологовым, они представляли серьезную вооруженную силу. Но по решению войскового правления эти лица были распущены по домам [50]. Поэтому в дивизионе к началу конфликта насчитывалось 350 человек, в том числе 120 прапорщиков, подготовленных его учебной командой для фронта, и 90 воспитанников из числа станичной молодежи [51].

Противник же в это время вынашивал план боевых действий против дивизиона. Тот же Лазо в декабре излагал: «...Нужно ликвидировать эту постоянную угрозу выступления против Советов... Думаю, что казакам нужно будет дать ультиматум и не более четырех часов времени на размышление... Но если этого не будет, нужно быстро и энергично провести военные действия, начав с обстрела казарм сначала шрапнелью, а потом из гаубиц» [52].

Пытаясь окончательно избавиться от угрозы, исходящей со стороны дивизиона, и воплотить в жизнь декрет ВЦИКа и Совнаркома от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», Енисейский губисполком 18 декабря того же года принял решение о демобилизации казаков, роспуске войсковых органов и разоружении офицеров. Из-за обострения отношений с казаками 21 декабря был создан Военно-революционный штаб (ВРШ), 29-го — вызваны красногвардейские отряды из Томска, вооружены выпущенные из тюрем уголовники, задержаны солдаты, возвращавшиеся из отпуска, и организована

охрана города. С 1 января 1918 г. власти прекратили выплату зарплаты казачьим офицерам [53].

К этому времени затея областников с созданием и передачей власти Сибоблдуме встретила первые трудности на местах. Не только советы проигнорировали их предложение представлять в ней. Получив телеграммы о необходимости созыва и по составу общесибирского органа, Красноярская городская дума 30 декабря 1917 г. после упорной борьбы и с небольшим перевесом голосов решила делегатов не посылать. Однако и члены Красноярского отдела Сибирского областного союза на заседании, состоявшемся 9 января 1918 г., традиционно призвали общество к защите Учредительного собрания, но не решились обострять отношения с советами [54]. В результате этих разногласий для заседаний в Сибоблдуме съехались лишь 25-30 делегатов, в основном социалистов. Не располагая реальными силами, члены Временного областного Совета и Сибоблдумы не могли инициировать казачий мятеж в Красноярске, а 24 января 1918 г. они были арестованы большевиками [55].

«МЯТЕЖ»: А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Вызванный с Всесибирского съезда, Сотников 17 января 1918 г. организовал обсуждение вопроса о судьбе воинской части на общем собрании членов Малого войскового круга и военнослужащих дивизиона. Сочтя губисполком некомпетентным решать вопрос о сложении оружия и расформировании, казаки, не имея распоряжений Петроградского Совета казачьих войск и считая, что судьбу их сословия может определить лишь Учредительное собрание, приняли воззвание «К населению Енисейской губернии», в котором отвергли требования Советской власти. Подписанное войсковым атаманом Сотниковым, оно гласило: «17 января исполком в ультимативной форме предложил казачьему дивизиону признать власть советов и исходящие от него приказы, согласиться с ликвидацией казачества. Казаки постановили не признавать

Советскую власть, как не выражающую воли всего народа, сочли разоружение казачества лишением его гражданской и воинской чести, вопиющим нарушением его исторических традиций. Они решили, чтобы столкновение не было вменено в вину казакам, уйти из города и предложили исполкому не вмешиваться в жизнь казачества, гарантировать ненасилие и вывести из города отряды Красной гвардии. Ответ дать не позднее 12 часов 21 января. В случае отказа будет в защиту попранных прав Учредительного собрания объявлена мобилизация войска» [56]. По-существу это была первая протестная реакция местного населения на разгон большевиками Учредительного собрания.

Губисполком незамедлительно отреагировал ультиматумом в адрес штаба дивизиона о сдаче в два часа казаками оружия и угрозой использования в противном случае по отношению к мятежникам военной силы. Пополнив Красную гвардию отрядами из Ачинска и Канска, он от имени ВРШ объявил город на осадном положении. На улицах Красноярска появились красногвардейские патрули.

Большевики использовали эти события для укрепления своей власти в Красноярске. В ночь на 18 января около 100 красногвардейцев во главе с комиссаром Фроловым заняли архиерейский дом, Консисторию и покои Владыки. Следующей ночью они обыскали мужскую гимназию, заняли начальное училище. В соответствии с приказом Омского Вокома и телеграммой Томского губисполкома в Ачинске и Красноярске 19 января красногвардейцы заставили казаков задержанных эшелонов сдать оружие. 20 января они в поисках оружия обыскивали прохожих, арестовали несколько офицеров и 40 казаков. Обыскано было с изъятием патронов, принадлежавших лесной страже, Управление земельных и государственных имуществ. Ворвавшись с обыском в учреждения ПСР, большевики арестовали 13-14 социалистов-революционеров. К вечеру начались обыски офицерских квартир, усилилась стрельба.

Аресту подвергся штабс-капитан 14-го полка князь Гантимуров. 20-21 января без объявления причин в «народной тюрьме» оказались избранные населением председатели губернской и уездных земских управ И.В. Казанцев, Б.Ф. Тарасов, В.В. Остриков, составляющие с еще четырьмя гласными половину фракции эсеров в городской думе, члены Военно-промышленного комитета, а в целом около 100 человек.

Обратившиеся с воззванием ко всему населению губернии, гласные и члены ПСР были, за исключением Казанцева, выпущены из заключения. 27 января состоялось заседание городской думы, на котором большевики обвинялись в преступлениях против мирного населения, а городской голова Я.Ф.Дубровинский – в молчаливом потворствовании арестам. Оправдываясь, он заявил, что Сотников посылал приветственную телеграмму атаману Каледину, а иностранные консулы изъявили желание быть посредниками на переговорах с Сотниковым, но его не нашли. В ответ на реплику гласных «История нас рассудит!» Дубровинский заявил: «Пока история рассудит нас, рассудим мы вас!». «Поскольку идет политическая борьба, - поддержал его М.И. Фрумкин, - справедливы все средства. На войне, - заключил он, - как на войне». В знак протеста против действий большевиков фракция их политических противников покинула помещение Думы. Отказавшийся давать показания, Казанцев 28 января был отпущен на свободу. В тот же день большевики, празднуя победу над Сотниковым, организовали парад с оркестром «революционных» войск [57].

Постановлением от 29 января 1918 г. дальнейшая ликвидация дивизиона губисполкомом была поручена специальной коллегии в составе Жданова, Сухорукова и Пекаржа, названных впоследствии чекистами. 16 апреля губисполком решил взыскать налог, которым было обложено состоятельное население Красноярска, а имущество Енисейского казачьего войска, как упраздненного, передать в военный отдел [58].

КАЗАЧИЙ ИСХОД

Еще в ночь на 18 января Сотников во избежание вооруженного столкновения вывел треть личного состава дивизиона из города в направлении станицы Торгашино. «Старые» казаки-фронтовики предпочли остаться лояльными по отношению к Советской власти. Опорой Сотникова стали «молодые», еще не воевавшие казаки, а также офицеры. С ним оказались 177 казаков, 67 офицеров, 44 гимназиста и семинариста. На Телячьем острове Сотников назначил Тялшинского, Розанова и Бологова командовать сотнями. В Долговский поселок к ним пешком, вспоминал Тялшинский, добрались до 400 человек красноярской молодежи. Но в дивизионе не было ни денег, ни запасного оружия с боеприпасами. Поэтому многим из них не нашлось места в отряде. Некоторые офицеры не пошли с Сотниковым потому, что войсковой совет отказал в самоуправлении офицерской дружине пластунов или Отдельной добровольческой роте поручика Курицына, которая предполагала использование себя в качестве разведчиков и диверсантов. Как сообщала газета «Правда» от 28 января, «...казаки разбрелись по деревням, белогвардейцы, гимназисты, воспитанники духовной семинарии и часть армейских офицеров вернулись в город и сдались».

Не поддержали Сотникова не только торгашинские станичники, заявившие, что они не позволят превратить их селение в убежище для «контрреволюционеров», но и сами повстанцы. Желавших воевать среди них оказалось немного. Проследовав 22 января в с. Есаульское и не дождавшись, по мнению Шульдякова, открытия Сибоблдумы, прибытия и помощи «Сибирской армии» Краковецкого и возможного вмешательства в русские дела союзников по Антанте, Сотников решил пробиваться в Минусинский уезд. Заканчивая свою речь на собрании дивизиона, он попросил выйти вперед тех, кто пойдет с ним в Минусинск для продолжения борьбы с советами. По словам члена

отряда, ученика реального училища Найденова, вперед вышли только 5 казаков и несколько учащихся. Увидев, что казаки еще не готовы воевать с превосходящими силами советов, а некоторые из них уже покинули отряд, войсковое правление постановило вести казаков по станицам Минусинского уезда и собрать там Большой войсковой круг. В поход на юг вышли 120 минусинских казаков и 25 офицеров при 2 пулеметах [59].

Оперативность Красноярского совдепа, как констатировали некоторые авторы, помогла сорвать замыслы Сотникова и прочих «реакционеров» об объединении дивизиона с проезжающими казаками, выступлении против Советской власти и захвате Красноярска [60]. На наш взгляд, та часть станичников, что была увлечена революцией, своим поведением отстаивала завоевания Февраля 1917 г., а агрессивность, якобы присущая им, приписывалась противником. Большевики считали, что поход Сотникова в Минусинский уезд был предопределен его желанием обрести базу для дальнейшего наступления на Советскую власть, рассматривали казачий мятеж как составной элемент широкого противодействия политического противника ее установлению и важное звено в цепи антибольшевистских выступлений. Такое восприятие современниками этих событий, как акта широкой политической борьбы, затем без критического осмысления было взято на вооружение не только советскими историками.

Как вспоминал очевидец, при продвижении на юг дивизион не встретил сопротивления большевиков, сам же не принимал активных действий. Одна из газет, ссылаясь на наблюдения демобилизованных солдат, обгонявших казаков по дороге в свои селения, тогда писала: «Мы имеем дело не с войском, которое собралось в поход, а просто-напросто с солдатами, возвращающимися к себе домой...» [61].

МИНУСИНСК ПРОТИВ КАРАТУЗА

Получив известие о приближении дивизиона и располагая только 80-100 красногвардейцами, Минусинский Совет объявил город на военном положении и стал усиливать свои вооруженные силы. Вскоре в Минусинске был арестован председатель правления Енисейского казачьего войска И.Г. Казанцев с письмом атамана к офицеру И.В. Безрукову. Наряду с сообщением о поддержке выступления со стороны красноярских социалистов, меньшевиков и скором прибытии казаков в Минусинск, в нем запрашивалась информация об отношении к ним местных представителей политических партий, общественности, деловых людей и населения, о вооружении и составе, степени организованности и настроениях красногвардейцев. Информирова сслуживца о том, что его голова оценена большевиками в 1 тыс. руб., Сотников просил его подыскать в городе конспиративную квартиру и наладить связь с Каратузом, где предполагался созыв войскового съезда. У Казанцева также изъяли воззвания атамана Семенова и штабс-капитана Шумайлова, формирующего в Ростове-на-Дону отряд сибирских добровольцев.

Эти документы, попавшие в руки большевиков, помогли им еще раз политизировать происходившие события, обвинить Сотникова в намерении захватить Минусинск и его «кровожадности». Публикация их в советской газете с характерным названием «Жаждают крови», распространение ее в селениях на пути казаков, настраивали население против Сотникова и его партии, а предоставление их в губисполком повлекло новые аресты гласных Красноярской городской думы [62].

С целью получения времени для создания вооруженных сил Минусинский совдеп 3 февраля 1918 г. решил начать с казаками переговорный процесс и послал в с. Шалаболино специальную делегацию. Вновь отказавшись сдавать оружие, штаб дивизиона разрешил делегации встречу с рядовыми казаками и

пригласил ее в Каратуз, который к тому времени уже был очищен от совдеповцев. 4 февраля Сотников привел дивизион в эту крупную станицу, один из центров расселения казачества на юге Енисейской губернии. На митинге, состоявшемся по этому случаю, Сотников, который следом за большевиками, кажется, в пропагандистских целях преувеличивал значимость своего противостояния, рассказал его участникам о связях своего движения с эсерами, забайкальским казачеством и добровольцами юга России, призвал дивизион и каратузцев бороться за власть Учредительного собрания и до его созыва не разоружаться. Выступавшие затем казаки поддержали своего атамана [63]. Пытаясь сгладить остроту большевистской пропаганды и завоевать расположение населения, войсковое правление в своем воззвании от 7 февраля 1918 г. сообщало: «Крестьяне! Мы, казаки, – ваши товарищи, и не может быть речи о какой-нибудь вражде между нами» [64].

15 февраля 1918 г. в Каратузе начал работу Большой войсковой круг, или III съезд енисейского казачества. Его участники, одобрив решения Малого круга, войскового правления и действия своего атамана, постановили сохранить дивизион до волеизъявления народа о судьбе казачества, избрали должностных лиц, а Сотникова вновь атаманом. С целью нормализации обстановки они предложили созвать съезд представителей всего населения уезда и делегировать трех своих участников с правом совещательного голоса на крестьянский съезд [65].

Однако ни делегаты казачьего съезда, ни предложения якобы Сотникова, «как исходящие от врага всего трудового народа», не были приняты Минусинским совдепом. В тот же день открылся в Минусинске V Чрезвычайный уездный крестьянский съезд, который обратился с призывом к населению о немедленном создании за денежное вознаграждение Красной гвардии и направлении ее в Минусинск. Пригрозив «объявить

казаков вне закона и принять самые решительные меры для ликвидации сотниковской контрреволюционной авантюры», участники этого съезда также потребовали от каратузцев разоружения. Посланная в станицу с такой резолюцией делегация была встречена насмешками казаков и требованием капитуляции совдепа.

Выдвинутые казачьим съездом «условия соглашения» в Минусинске уже не обсуждались. 7 марта пленарное заседание Минусинского Совета постановило переизбрать Военно-революционный комитет (ВРК), а его новому составу из 10 членов, в частности К.Е. Трегубенкову, Г.В. Лебедеву и др., приступить к выполнению решений V съезда о подавлении казачьей «контрреволюции». Стянув к городу отряды из Черногорских копей, рудников, ст. Абакан и близлежащих деревень, Минусинский совдеп вскоре располагал 900-1000 красногвардейцами, для вооружения которых из Красноярска были доставлены 2 орудия, 3 пулемета, винтовки и патроны. Выиграв время для создания вооруженных сил, Советская власть была готова к решительным действиям.

КРАСНОГВАРДЕЙСКАЯ АТАКА

Напротив, среди казачества, почувствовавшего перемену ситуации, морально-психологическая обстановка ухудшилась. Следствием этого, к примеру, стало создание в Каратузе совета казачьих и крестьянских депутатов. Военственные настроения и намерения минусинских большевиков заставили Сотникова искать поддержки у казачества левобережья Енисея. Однако ситуация во взаимоотношениях Советской власти и казачества еще не стала взрывоопасной, ведущей к широкому и острому политическому противоборству. Сотникову удалось склонить на свою сторону полусотню таштыпских казаков, но саянские и монокские станичники не решились на выступление. В ночь на 12 марта в район этих станиц двинулись и красногвардейские отряды.

Выслушав делегацию, присланную казаками станицы Монок и предлагавшую мирное разрешение вопроса, ВРК, в свою очередь, потребовал от казаков сложения оружия, ареста офицеров с целью осуждения их «революционной властью», а в случае отказа пригрозил стереть артиллерийским огнем «с лица земли казачьи станицы, поддерживающие мятеж контрреволюционера Сотникова и его офицерской банды». Сотников, так и не дождавшись казаков станиц Имек и Арбаты, поддержки от хакасов, расстроил свои отношения со станичниками чуть ли не до применения к ним оружия и был вынужден с двумя офицерами-сослуживцами 18 марта бежать из Таштыпа через кузнецкую тайгу в Бийск, а затем в Томск.

Выступив 19 марта и произведя два артиллерийских выстрела, красногвардейцы одного из отрядов вблизи Монока выловили, признав за офицеров, остриженных наголо для маскировки, 15 «перепуганных» подростков – воспитанников дивизиона, а затем вошли в Таштып. Здесь они арестовали 16 офицеров, организовали советы в станицах. По предписанию уездного совдепа Таштыпский совет взыскал путем конфискации имущества штраф с местных зажиточных казаков. Другой отряд в это время наводил советские порядки в с. Аскиз, где проходивший съезд представителей хакасов обсуждал меры оказания помощи Сотникову. В течение четырех дней 250 красногвардейцев совершали поиски якобы припрятанного оружия и его участников, но большинство их успели скрыться.

На пленарном заседании губернского Совета 22 марта 1918 г. Г.С. Вейнбаум доложил о ликвидации мятежа и бегстве Сотникова, 26 марта было снято военное положение в Минусинском уезде, а 5 апреля делегация его Совета отчиталась в Красноярске о своей военной деятельности. В целом по губернии были арестованы 300 участников мятежа, в минусинскую тюрьму заключены 30 офицеров. Подавление выступления не являлось, как считали советские историки,

бескровным: казачье офицерство восприняло его настолько трагически, что в станицах Монок, Арбаты и Таштып застрелились 6-8 человек. Минусинский исполком для расследования событий создал чрезвычайную следственную комиссию. Выявив в станицах «ядро заговорщиков», она собрала с казачества контрибуцию [66].

Позднее в белоэмигрантских кругах Сотников обвинялся не только в «преждевременности» вывода дивизиона из Красноярска, но и в том, что казаки разошлись по домам [67]. Однако он не сумел поднять казаков на борьбу с большевистской экспансией не потому, что, выделяясь среди них интеллигентностью и революционной демократичностью, не справился с обострением ситуации. Не было готово к Гражданской войне само казачество. Так называемый мятеж являлся не столько следствием борьбы политических партий и составной частью попытки общего антисоветского выступления, сколько ответной реакцией униженных властью людей.

Оказался он и не столь уж заметным явлением и в жизни населения Минусинского уезда. К примеру, один из крестьян — членов уездного исполкома потребовал от совдеповцев 1 июня 1918 г. на VI уездном крестьянском съезде финансовой отчетности: на ликвидацию сотниковского выступления были затрачены 100 тыс. руб., а «мы его и не видели». Сам Сотников позднее, объясняя свое поведение в марте 1918 г., счел возможным лишь коротко сказать о том, что по поручению войскового правления «повел казаков по станицам» [68].

Победа большевиков, которые не могли справиться с нараставшим новым кризисом, лишь отвлекала население от данных ими обещаний и ненадолго продлила их власть. Те же казаки, что в марте 1918 г. лишили своего атамана поддержки, через два месяца двинулись на Минусинск свергать Советскую власть.

В СИБИРСКОЙ АРМИИ

С низложением советов в мае-июне 1918 г. Сотников влился в антибольшевистские вооруженные силы. Г.С. Вейнбаум, информируя по телефону председателя Енисейского уисполкома С.М. Иоффе о происходивших событиях, сообщил, что Сотников командует у чехов кавалерией [69]. Сначала приказом по Томскому гарнизону от 1 июня 1918 г. ему было поручено формирование гусарского дивизиона [70]. Затем Сотников, будучи по-прежнему атаманом Енисейского казачьего войска, по предписанию командира Средне-Сибирского корпуса появился в Красноярске и 28 июня 1918 г. объявил о мобилизации казаков в Сибирскую армию [71]. Для ее осуществления он выехал в Минусинск, где все еще заседал VII Чрезвычайный уездный крестьянский съезд, вручивший власть комиссариату. 29 июня Сотников, выступив на съезде, призвал его участников «встать на защиту автономной Сибири» и своим постановлением утвердить объявленную в Сибири мобилизацию. Его поддержал один из делегатов-казаков, заявивший, что «казачество все до одного человека пойдет на защиту родины». Делегаты, настаивавшие на переносе обсуждения о мобилизации населения, были поражены демонстративным уходом Сотникова и некоторых выборных лиц. Это и заставило их, наконец, согласиться с зачислением в Сибирскую армию казаков и офицеров на добровольных началах [72].

Казаки-минусинцы с готовностью выставили три сотни. 8 и 16 июля казаков пароходами торжественно отправили в Красноярск [73]. Занятый мобилизационными делами и находившийся с отчетами о них в Иркутске и Омске, Сотников просил казаков о сложении с него атаманских полномочий. К этому, видимо, подтолкнула его и позиция минусинских социалистов-революционеров... Она стала последним аргументом, изменившим политическое лицо Сотникова: он порывает свои отношения с партией социалистов-революционеров, которые заняли основ-

ные места в новых органах власти. Вместо Сотникова атаманом Енисейского казачьего войска был назначен полковник Каргаполов [74].

Состоявшийся в конце июля – начале августа того же года Большой войсковой круг, или IV съезд енисейского казачества, заслушал доклады о деятельности правления и совета, о мобилизации, восстановлении управления, о налаживании землепользования и организации земства. Он назвал заключенный большевистским правительством Брестский мир актом позора и предательства и призвал казаков встать на защиту Временного Сибирского правительства. Переизбрав должностных лиц, участники съезда выбрали Сотникова не только наказным атаманом, но и одним из трех кандидатов в члены Учредительного собрания. Они просили командование Сибирской армии откомандировать его в войско для отправления своих обязанностей [75].

Несмотря на это, Сотников атаманские функции больше не исполнял. Сначала его в этом качестве заменил Тялшинский, а вскоре временно исполняющим обязанности не только атамана, но и председателя войскового правления стал С.А. Шахматов. Возглавив 1-й Томский сибирский кавалерийский дивизион 1-го Средне-Сибирского корпуса, поручик Сотников ушел на фронт. Его часть вскоре была реформирована в 1-й Томский гусарский полк, состоявший на 20 октября 1918 г. из 346 сабель при 8 пулеметах. Но после 18 ноября того же года, когда власть в Сибири перешла к А.В. Колчаку, Сотников, видимо, не согласный с засильем в политической жизни военщины, покинул военную службу [76]. Но был еще один фактор, круто изменивший его судьбу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРИЗВАНИЮ

Освещая освоение сибирского Севера, авторы публикаций советского времени, естественно, утверждали, что оно стало осуществляться ускоренно и в интересах народа лишь после Октября 1917 г.

Действительно, с организации 2 июня 1918 г. гидрографической экспедиции в моря Северного Ледовитого океана началось последовательное изучение Севера и обеспечение его средствами навигации. Геологический комитет ВСНХ РСФСР для изучения недр Сибири в апреле 1918 г. направил из Петрограда в Томск ряд специальных партий. Но в связи с изменением политической ситуации они приступить к работе не смогли.

Вместе с тем, уместно заметить, что освоение сибирского Севера осуществлялось и в условиях белой Сибири. Осенью 1918 г. в местной печати активно обсуждался вопрос об открытии Северного морского пути, способного наладить торговый обмен, экономические и военные связи региона с Архангельском и Мурманском. Действие этого пути находилось в прямой зависимости от снабжения судов местным топливом. Следовательно, требовались разработки сибирских недр. В октябре 1918 г. по инициативе профессорско-преподавательского персонала горного отделения Томского технологического института был создан Сибирский геологический комитет, который на лето 1919 г. наметил план проведения поисков и исследований на уголь, медь, железо и полиметаллы в ряде мест Сибири.

27 ноября 1918 г. Сотников добился получения в Управлении земельными и государственными имуществами Енисейской губернии четырех дозволительных свидетельств на разведку полезных ископаемых в Норильском промышленном районе, оплатил в Красноярском казначействе специальный взнос и тем самым получил исключительное право проводить здесь изыскания в течение пяти лет [77]. Имея определенный опыт изучения ископаемых Севера, он представил докладную записку министру промышленности и торговли об итогах экспедиционной разведки Норильских месторождений. Руководитель Дирекции маяков и лоций Д.Ф. Котельников, с которым он познакомился на съезде членов Института ис-

следования Сибири, стал одним из членов созданного 25 апреля 1919 г. Комитета Северного морского пути. В феврале 1919 г. в Минусинске V съезд, или Большой круг Енисейского казачьего войска, поблагодарил Сотникова за труды и пожелал ему плодотворной деятельности на новом поприще. В конце марта 1919 г. был опубликован доклад Сотникова. Его брошюра «К вопросу об эксплуатации Норильского (Дудинского) месторождения каменного угля и медной руды в связи с практическим осуществлением и развитием Северного морского пути» (Томск, 1919. 54 с.) была представлена в Министерство, высоко оценившее этот труд. Приказом от 13 апреля 1919 г. Сотникова перевели в Морское ведомство*, где, по сведениям историка Н.А. Кузнецова, его зачислили на должность младшего производителя гидрографических работ Обь-Енисейского гидрографического отряда [78].

ЭКСПЕДИЦИЯ

Летом 1919 г. Сотников находился в экспедиции за Полярным кругом, которая от Сибгеолкома имела задание детально обследовать район Норильских месторождений, а от Дирекции маяков и лоций – провести гидрографические работы, определить удобное место для сооружения порта с мощной угольной базой. Заключение договора с государственным учреждением говорит о том, что Сотников не был рядовым или случайным участником экспедиции. По свидетельству В.И. Долгова, именно он занимался организационными делами, включил в состав экспедиции Н.Н. Урванцева, своего дядю со стороны матери

* В связи с этим необоснованное каким-либо источником сообщение историка М.Г. Тарасова (*Атаманы Енисейского казачьего войска // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: Матлы междунаро. конф., посвящ. 75-летию Красноярского края. Т. 1. Красноярск, 2009. С. 160*) о том, что Сотников в мае 1919 г. был произведен в сотники, является, вероятно, ошибочным. Этот факт из его жизни не подтверждается материалами архивно-следственного дела и сведениями Н.А. Кузнецова, который ознакомился с приказами по флоту и морскому ведомству того времени.

Н.Н. Иванова, двоих местных проводников и троих красноярцев, скорее всего студентов [79]. Согласно показаниям самого Сотникова, членами экспедиции по его приглашению стали взятые им на поруки бывшие сторонники Советской власти, находившиеся в качестве заложников в Красноярской и Енисейской тюрьмах [80]. Как сообщала газета, отметив среди участников гидрографической экспедиции лишь А.А. Сотникова и А.А. Фильберта, она на пароходе «Север» отплыла из Красноярска в низовья Енисея [81].

Некоторые воспоминания об этой экспедиции оставил и Урванцев. В них сообщалось, что ему, вероятно, как выпускнику Томского технологического института 1918 г. и члену Сибгеолкома, были поручены поиски месторождения каменного угля в районе строящегося Усть-Енисейского порта. Включение же в состав экспедиции «топографов» Сотникова и Фильберта являлось, как пишет он, только помощью, оказанной ей со стороны Дирекции маяков и лоций. Наличие в ней местного уроженца Сотникова Урванцев объяснял необходимостью транспортного обеспечения маршрута ее следования. Сообщил он и о разногласии, якобы возникшем между ними, относительно территории поисков угольного месторождения. Следуя собственным наблюдениям, как пишет Урванцев, он повел поиски угля по правобережью Енисея в районе Норильска. Более того, отмечает Долгов, Урванцев в своих воспоминаниях заявлял: «Я начал подозревать, что он (то есть Сотников – А.Ш.) думает использовать мои знания и интерес к Северу в своих личных целях, как только к тому будет возможность». Так он позиционировал своего напарника как участника Белого движения.

Однако в конечном итоге отношения Сотникова и Урванцева не переросли в антагонистические. Как вспоминал тот же Урванцев, экспедиция, длившаяся с середины июня по сентябрь-октябрь 1919 г., началась и успешно завершилась в Красноярске, откуда он с

материалами отбыл в Томский Сибгеолком, а «топографы» – в Омскую Дирекцию маяков и лоций [82].

В ЧЕКИСТСКИХ ЗАСТЕНКАХ

На основании телеграммы морского министра Котельников и Сотников 2 декабря 1919 г. выехали в Иркутск с отчетом Дирекции по гидро- и топографической деятельности. Пока они почти три недели добирались до него, в Сибири к власти пришли большевики, которые сначала обещали привлечь к ответственности лишь колчаковских карателей и контрразведчиков. В Иркутске гидрографы явились к представителю новой власти – военному комиссару и председателю ревкома Я.Д. Янсону. Они сделали в Совнархозе доклад, который получил одобрение у сотрудников и председателя Сибревкома И.Н. Смирнова. Работы экспедиции были признаны заслуживающими продолжения. «Для скорейшей постановки дела на практическую основу» Совнархоз решил командировать гидрографов в Омск, а затем в Москву. Но, как уже сообщалось выше, Котельников и Сотников были арестованы [83].

На допросе, состоявшемся в феврале 1920 г. (день не указан – А.Ш.) в Иркутской губЧК, Сотников подробно изложил свою жизнь начиная с 1916 г. После месячного заключения в тюрьме обеспокоенный отсутствием обвинения Сотников 26 марта написал на имя председателя Иркутской губЧК письмо. В нем он подчеркивал, что в боях против Советской власти не участвовал и политикой со второй половины 1918 г. не занимался: его деятельность носила чисто научный характер. Он считал, что Советская власть может инкриминировать ему в качестве преступления лишь неподчинение решению Енисейского губисполкома о разоружении и расформировании казачьего дивизиона. Поэтому в свое оправдание Сотников писал, что он выполнял волю избравшего его казачества и высшего военного командования. В его деятельности не было преступного

ПРОТОКОЛ

26

допроса, произведенного следователем Вран. Гуд. Чрезвычайной
Комиссией по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и престу-
плением по должности. — от 7 Маи 192 г.
в качестве свидетеля, гражданина Сотникова который
по предупреждению о строгой ответственности за ложные показания

ПОКАЗАЛ:

Фамилия Сотников
имя и отчество Александр Александрович
возраст 29 лет
местожительство Томск
бывшее сословие казак
профессия студент-теолог
образование: общее Средний политехникум в Томске
специальное Училище юр. наук отпущ. Томск. Ун-та
семейное состояние женат, сын Фраим Филипп
имущественное состояние

в) до октябрьской революции 1917 года Командиром дивизиона
и Автомаши Вин. каз. войска по набиравим

г) до настоящего момента при таеит Кочака Виним и
Восним Втримства и Заминим научной работ

д) какиз выборные должности занимал со времени революции Автомаши
Сайска, Тим Областной Сибирской Вуны, Предрадо
Красноярск Сариним Советия, Тим Исторический
Кочий Красн-го Советия Раб. и Совд. депутатов.

е) сведения о прежней судимости

Дозвание по настоящему делу поимоситно отсано в маши
Законим Предрадо Кркийской Зубека.
Отто касает доноса отимоситим моих слов о
Кркий Мочес, урадо им Зубека и аресит та
Веним, то Зависим что это Кркий Битал мои

средства к существованию

Сидорова

партийность до июля 1917 года. В партии Соц.-революционной
чем занимался или где служил? а:

а) до войны 1914 года в Томском Техническом Ин-те

б) до февральской революции 1917 года. Мил. офицером Краснояр-
ского казачьего дивизиона, потом вступил на военную
службу в армию Бела, по мобилизации вступил в войска.

В так как доказать этого никак способом как
просились обратиться в камеру, которая могла
бы это подтвердить или опровергнуть в не могу,
то прошу признать к нему как единственному и
добавлю, что никаких разговоров как за обвинением его
им, в нем с кем не веду.

А. Сотников

Госуд. тип. № 3, зак. № 900.

Протокол допроса Александра Сотникова

умысла против Советской власти, заявил он, а его преследование и осуждение может рассматриваться только как акт мести, недостойный суда победивших Советов. Он считал, что может быть полезным для страны, любимое им дело еще далеко от завершения и замедлится в его отсутствие. Сотников просил чекистов об освобождении его на поруки или скорейшем определении его судьбы в судебном порядке [84].

1 или 2 апреля 1920 г. по распоряжению Сибревкома и СибЧК Котельников и Сотников были переданы Красноярской губЧК. Здесь, после месячного содержания их в тюрьме, рассмотрение дел приняло упрощенный и ускоренный характер. 7 мая Сотникову было предъявлено обвинение в «контрреволюционной деятельности», которую он якобы осуществлял будучи атаманом. В тот же день состоялся допрос Сотникова, на котором он повторил свои биографические данные. Но чекистов больше интересовал поступивший от заключенных донос о том, что он, якобы, предвещал скорый приход японцев и смерть Ленина. Заявив, что это «чистейшая ложь», Сотников отверг выдвинутое обвинение. В его поддержку выступил бывший партизан из с. Монастыршино Н.А. Иванов. Обратившись 10 мая к чекистам, он засвидетельствовал, что его брат, красногвардеец, находившийся весной 1919 г. в Красноярской тюрьме в качестве заложника, был спасен Сотниковым как специалист, ценный для его полярной экспедиции. Но 11 мая дело Котельникова было передано на рассмотрение в особый отдел 5-й Красной армии*, а Сотникова – в Коллегию Красноярской губЧК [85].

СМЕРТНЫЙ ЭПИЛОГ

Обвинительное заключение, составленное 21 мая 1920 г. заместителем уполномоченного следственно-розыскной части губЧК, обвиняло Сотникова уже не только в неподчинении приказу Советской власти о разоружении дивизиона и сохранении его как боевой единицы, но и в членстве в тайной организации, боровшейся в 1919 г. (? – А.Ш.) с томскими большевиками. Конкретными фактами, подтверждающими это обвинение, заключение не располагало. В данном оговоре сотрудник чека не утруждал себя приданием ему даже минимального правдоподобия: в Томске, который вплоть по ноябрь 1919 г. находился в руках колчаковцев, антисоветская организация в принци-

* Судя по тому, что в 1926 г. вышла книга Д.Ф. Котельникова, он избежал расстрела и стал военным гидрографом ВМФ РККА (Долгов В. О времени, о Норильске, о себе. С. 159).

АНКЕТА № 477

38

для арестованных и задержанных с зачислением за Ч. К.

Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

ВОПРОСЫ.

ОТВЕТЫ.

1-ая часть (заполняется заключенным).

1) Фамилия	Сотников
2) Имя отчество	Александр Александрович
3) Гражданин какого государства	Российского
4) Место приписки	Губ.: Московская уезд.: Московский вол.: село Мособл. город.
5) Национальность	Русский
6) Возраст (год рождения)	23 лет; родился в 1914 году, в феврале, в 1891 года.
7) Образование: а) грамотный ли	а) Грамотный
б) какую школу окончил	б) окончил 8-й класс Московской школы
в) если не окончил, то с какого класса прошел курс	в) прошел 8-й класс Московской школы.

Степень родства.	ФАМИЛИЯ, ИМЯ и ОТЧЕСТВО.	Возраст.	Место жительства.	Место работы и должность или профессия.
8) Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер).	1. Мать	Сотникова Елизавета	48	Красноярск
	2. Жена	Сотникова Мария	24	Мособл.
	3. Сестра	" Зинаида	4	"
	4. Брат	" Владимир	28	Красноярск
	5. Сестра	" Елизавета	20	Мособл.

Степень родства.	ФАМИЛИЯ, ИМЯ, и ОТЧЕСТВО.	Воинское звание, Место службы и чин, род оружия и должность в настоящее время.
9) Родственники—бывшие офицеры старой армии, место их службы в настоящее время (отец, муж, сыновья, братья).	1.	Никто
	2.	
	3.	
	4.	
	5.	

Степень родства.	ФАМИЛИЯ, ИМЯ и ОТЧЕСТВО.	Воинское звание, род оружия или специальность в Красной армии.	Место службы.
10) Родственники—офицеры Красной армии, место их службы (отец, муж, сыновья, братья).	1.		
	2.		
	3.		
	4.		
	5.		

Анкета арестованного Александра Сотникова

пе не могла существовать. Но такие детали тогда и не брались во внимание, главным в обвинении Сотникова стал его атаманский статус. Обвинение утверждало, что Сотникова, который «после такого прошлого

никогда не сможет быть полезным, а наоборот очень вредным», следует «предать строгой мере наказания» (орфография подлинника сохранена – А.Ш.). Заслушав это заключение, Коллегия губЧК 23 мая 1920 г. постановила Сотникова расстрелять, а его имущество конфисковать [86].

Однако после вынесения приговора Сотников еще какое-то время оставался в живых. В администрацию тюрьмы от заключенных, работающих в столярной мастерской и воспринимающих Котельникова и Сотникова как «белую кость», поступили доносы, один из которых датируется 20 июня 1920 г., о том, что они ведут между собой антисоветские разговоры. 19 июля в губЧК поступило письмо от брата Сотникова, К.А. Сотникова, заведующего судебно-следственным подотделом отдела юстиции Енисейского губревкома, который просил приобщить к делу брата его печатные труды. Тем самым он пытался обратить внимание чекистов на целесообразность использования Сотникова как «редкого специалиста, знающего условия работы за полярным кругом», в новой экспедиции, снаряжаемой туда Сибгеолкомом [87]. Это был последний документ в сотниковском деле. Время его казни остается до сих пор неизвестным.

* * *

В сущности, Сотников был человеком, выполнившим свой долг перед революцией и избравшими его людьми. Он погиб в результате политической мести большевиков. Оставшееся после него дело перешло и принесло заслуги только другому человеку – Николаю Николаевичу Урванцеву. Реабилитация, пришедшая к Сотникову в 1990-е годы, была запоздалым и скромным актом правоохранительной системы страны. Об этом знает лишь узкий круг заинтересованных людей. Молчание уже прервано, но имя казачьего атамана и полярного исследователя Александра Сотникова должно стать широко известным общественности не только на Севере нашей огромной страны.

св-2

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ**

4.10. 1999 г. №10/Г-22

Красноярск

ГРАДИНАРОВУ Ю.И.

663210, г. Дудинка, ул. Светская, 35, управление культуры администрации Таймырского автономного округа.

Уважаемый Юрий Иванович!

В Связи с Вашим заявлением от 22.09.99г. сообщаем следующее.

СОТНИКОВ Александр Александрович, 1891 г. рождения, уроженец г. Томска, по национальности – русский, образование – политехникум и 7 семестров горного отделения Томского технологического института, занимался научной работой, профессия (специальность) – гидрограф, постоянно проживал в г. Томске (по месту жительства членов семьи), неоднократно принимал участие в геологическо-разведывательных экспедициях, арестован 26.02.1920г. органами ГубЧКа в г. Иркутске (где находился для сдачи отчетности по проделанной работе) по обвинению в контрреволюционной деятельности в бытность атаманом Енисейского казачьего войска в период с 1917 по 1918 г.г.

Постановлением Красноярской губернской Чрезвычайной Комиссии от 23.05.1920г. Сотникову А.А. назначена исключительная мера наказания – расстрел. Сведений о приведении в исполнение данного постановления с расстреле в материалах архивного следственного дела не имеется.

Сотников А.А. реабилитирован 31.03.1998г. прокуратурой Красноярского края на основании Закона РФ "О реабилитации жертв политических репрессий".

Каких-либо материалов непосредственно отражающих научную деятельность Сотникова А.А. в архивном следственном деле нет.

При этом направляем ксерокопии документов могущих представлять историческую ценность.

Приложение: всего на 4 листах.

Начальник отдела РУ ФСБ РФ
по Красноярскому краю

В.П.Савин

*Информационное письмо регионального управления ФСБ РФ
по Красноярскому краю*

Примечания

1. Архив Регионального управления ФСБ РФ по Красноярскому краю (АРУ ФСБ). Д. П.-22960. Л. 20.

2. О времени, о Норильске, о себе... Воспоминания. Кн. 10. М.: ПолиМЕдиа, 2008.

3. Красноярское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» - <http://www.memorial.krsk.ru>; Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Кн. 1. Красноярск, 2004. С. 14.

4. Шекшеев А.П. Атаман А.А. Сотников: трагедия казачьей интеллигенции // Белая гвардия. Казачество России в Белом движении. 2005. № 8. С. 252-255; он же. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. С. 94-102; он же. Сотников Александр Александрович // Энциклопедия Республики Хакасия. Т.2. Абакан, 2008. С. 149-150; и др.

5. Тимофеев А. Земляки (материалы для биографического словаря) // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С.37.

6. См.: Урванцев Н.Н. Открытие Норильска. М., 1981. С. 4.

7. Норильск. – <http://geo.1september.ru/2005/08/3.htm>.

8. Владимир Долгов: «И при этом Николай Николаевич Урванцев так и остался для меня загадочным человеком» // О времени, о Норильске, о себе... Кн. 10. С. 150, 161-162.

9. АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 2-4, 8, 10, 17.

10. См., например: Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917 – 1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934.

11. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 64. Оп. 5. Д. 137. Л. 5.

12. Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. С. 169, 283; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 72.

13. Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. Вып. III. Иркутск, 1975. С. 143.

14. Бердников Л.П. Вся Красноярская власть. Очерки истории местного советского управления и самоуправления

ния. 1917 – 1993 гг. Факты, события, люди. Красноярск, 1996. С. 114.

15. Сотников Александр Александрович. - <http://www.memorial.krsk.ru>; Долгов В. ... О времени, о Норильске, о себе... С. 157-158; Тимофеев А. Земляки... С. 38.

16. АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 38.

17. Урванцев Н.Н. Открытие Норильска. С. 30–31, 35; Енисейский энциклопедический словарь (ЕЭС). Красноярск, 1998. С. 577-578; Хронология Таймыра. Хронология исторических событий Генезиса Таймыра и Норильского района / авт.-сост. В.В. Денисов, под ред. С.А. Стрючкова, Л.Н. Стрючковой. Норильск: АПЕКС, 2009. С. 123.

18. АРУ ФСБ. Д. П.-021878. Т. III. Л. 117.

19. Владимир Долгов ... О времени, о Норильске, о себе... С. 150; Тимофеев А. Земляки... С. 37; АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 11, 19.

20. Знамя труда. 1917. 6 июля.

21. Наш голос. 1917. 19, 21 марта.

22. Там же. 22 марта, 24 мая, 9 июля.

23. Там же. 13 апреля, 5 мая; Труд. 1917. 17 (4) июля.

24. Постановление первого съезда енисейских казаков, состоявшегося в г. Красноярске 25 мая 1917 г. Красноярск, 1917.

25. Хвостов Н.А. Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917-1920 гг.). Красноярск, 1991. С. 144.

26. Наш голос. 1917. 27 мая; Познанский В.С. Очерки вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917 – 1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 66; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991. С. 52-53; Тимофеев А. Земляки... С. 37; Форум «Гражданская война в Сибири» - <http://siberia.forum24.ru/>.

27. Фрумкин М. Февраль – октябрь 1917 г. в Красноярске // Пролетарская революция. 1923. № 9 (21). С. 147 – 148.

28. Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, исполкома и отделов): Сб. док-в. Красноярск, 1960. С. 52–53, 137.

29. Наш голос. 1917. 12 июля.

30. Цитирую по: Свободная Сибирь. 1917. 13 августа.

31. Наш голос. 1917. 28 июля, 4 августа; Свободная Сибирь. 1917. 26 августа.

32. Наш голос. 1917. 1 сентября.

33. Вестник Енисейского казачества. 1917. 21 августа.

34. Наш голос. 1917. 4, 14 сентября; Вестник Енисейского казачества. 1917. 19 сентября; Голос народа. 1917. 4 октября.

35. Постановление Второго съезда Енисейского казачьего войска, состоявшегося в гор. Красноярске 20 сентября 1917 г. Красноярск, 1917.

36. Вестник Енисейского казачества. 1917. 24 августа; АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 11, 17 об.

37. Знамя труда. 1917. 5 ноября.

38. Архивное агентство администрации Красноярского края (ААА КК). Ф. 258. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

39. Красноярский рабочий. 1917. 3, 4 ноября.

40. Там же. 7 ноября.

41. Познанский В.С. Очерки вооруженной борьбы... С. 66; Хвостов Н.А. Борьба большевиков за трудовое казачество... С. 26.

42. Коняхина И.В. Мятёж Красноярского казачьего дивизиона в 1918 году (по документам Красноярского государственного архива и опубликованным источникам) // Гражданская война в Сибири. Красноярск, 1999. С. 145.

43. АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 11, 17 об.

44. Там же. Л. 11 об.; Наш голос. 1918. 12 января; Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье... С. 129.

45. Свободная Сибирь. 1918. 2 января; Наш голос. 1918. 9 января.

46. Сагалаков Э.А. Первое антибольшевистское выступление в Минусинском уезде // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы междунаро. науч.-практ. конф. 30 сент. 2004 г., г. Абакан. Абакан, 2005. С. 208-211; он же. Социально-политическое развитие Южной Сибири в 1917-1918 гг. Абакан, 2010. С. 49, 51.

47. Тарасов М.Г. Енисейский казак Г.К. Бологов: его роль в формировании и развитии Белого движения в Сибири // 1917 год в российской и мировой истории: Мат-лы междунаро. науч. конф. (Красноярск, 14-15 нояб. 2007 г.). Красноярск, 2007. С. 224; он же. Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и годы гражданской войны: автореф. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2010.

С. 15-16.

48. Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. С. 109.

49. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков по материалам, собранным членом войскового правления К.И. Лаврентьевым / под ред. Н.Н. Князева. Харбин, 1940. С. 108; Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1. Красноярск, 1993. С. 113.

50. Енисейские казаки. С. 140, 145-146.

51. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 234.

52. Коняхина И.В. Мятеж Красноярского казачьего дивизиона... С. 146.

53. Красноярский Совет. С. 301, 305, 309; Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. С. 66; Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1. С. 113.

54. Наш голос. 1918. 5, 9, 12 января.

55. Там же. 16 января, 2-15 февраля.

56. АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 11 об., 18; Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. С. 66; Свободная Сибирь. 1918. 24 января.

57. Шекшеев А.П. Енисейское казачество: антисоветская борьба и трагический исход//Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. V. Абакан, 2001. С. 133 – 134; Свободная Сибирь. 1918. 19, 21, 24, 26, 27, 30, 31 января, 4-17 февраля; Знамя труда. 1918. 24 (11) февраля.

58. Муниципальное учреждение «Архив г. Минусинска» (МУАГМ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 180, 307.

59. Коняхина И.В. Мятеж Красноярского казачьего дивизиона... С. 147-148; Шекшеев А.П. Енисейское казачество... С. 134-135; Енисейские казаки. С. 146-147; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р.-1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 36.

60. Познанский В.С. Очерки вооруженной борьбы... С. 66.

61. Енисейские казаки. С. 147; Сагалаков Э.А. Социально-политическое развитие Южной Сибири... С. 52.

62. Воспоминания участников Октябрьской революции в Минусинском уезде. Абакан, 1957. С. 56-57.

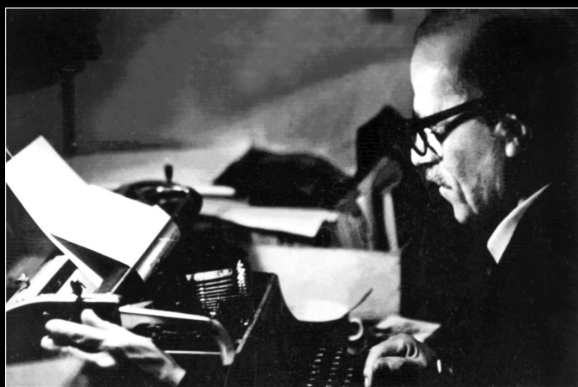
63. Шекшеев А.П. Енисейское казачество... С. 136.

64. Труд. 1918. 7 (25 июля) августа.

65. АРУ ФСБ. Д. П.- 22960. Л. 18, 18 об.; Свобода и труд. 1918. 15(2) марта; МУАГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

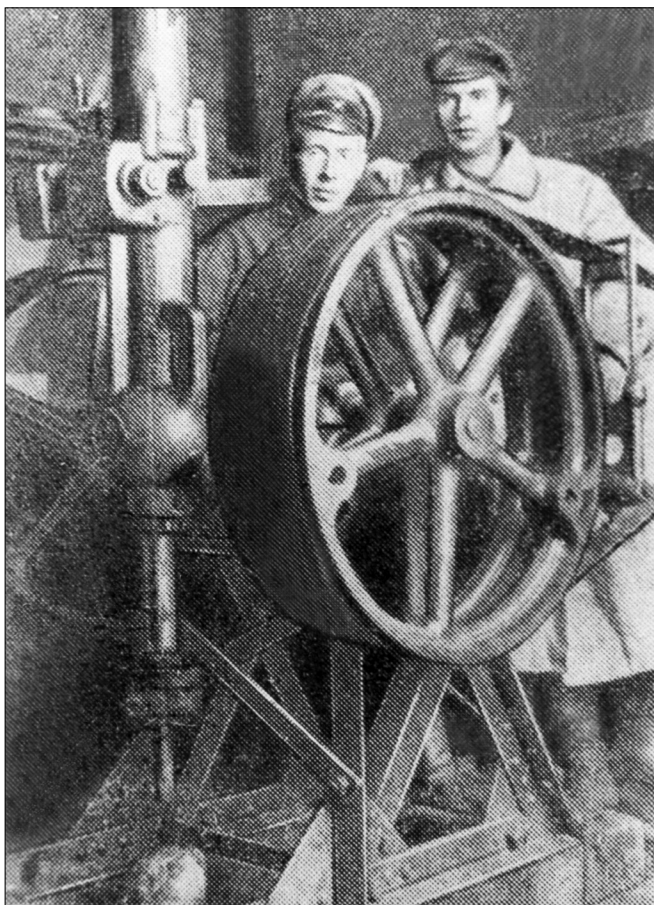
66. Съезды, конференции... С. 169 – 170; Красноярский Совет. С. 416; АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 18 об.; МУ-АГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 253, 256а, 259б; Д. 3. Л. 12, 15, 26а. Д. 27. Л. 52-54, 61, 147-148.
67. Енисейские казаки. С. 147.
68. Воля Сибири. 1918. 11 июля; АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л.18 б.
69. Свободная Сибирь. 1918. 11 июля (28 июня).
70. Симонов Д.Г. Первый Средне-Сибирский корпус белой Сибирской армии в 1918 году // Гражданская война в Сибири. С. 61.
71. ЦХИДНИ КК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 223. Л. 5.
72. Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. С. 202 – 203.
73. Воля Сибири. 1918. 10 июля; Труд. 1918. 11 (28 июня), 17 (4) июля.
74. Труд. 1918. 18 (7) июля.
75. Там же. 7, 11, 13, 23 августа (25, 29, 31 июля, 10 августа); Воля Сибири. 1918. 31 августа.
76. Белая гвардия. 2001. № 5. С. 124, 131; АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 18 об., 19.
77. Хронология Таймыра... С. 143.
78. АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 19-19 об.
79. Владимир Долгов ... О времени, о Норильске, о себе... С. 158-159.
80. АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 20 об.
81. Свободная Сибирь. 1919. 28 (15) июня.
82. Урванцев Н.Н. Открытие Норильска... С. 29 – 30, 35 – 36, 42; Владимир Долгов ... О времени, о Норильске, о себе... С. 162.
83. АРУ ФСБ. Д. П.-22960. Л. 4, 12, 17, 19 об.
84. Там же. Л. 17-20 об.
85. Там же. Л. 21, 25-26 об., 34, 36
86. Там же. Л. 35, 39.
87. Там же. Л. 26 об., 31-32.

Трофим Гарман:

«По следам рудного камня» .

*Первая буровая скважина на медно-никелевую шихру
на горе Рудной. Буровой мастер Р. Батурин и Н.Н. Урванцев
в качестве сменного мастера.*

*Фотография Шолохова. Из архивов Норильской студии телевидения.
Использована в передаче 30 марта 1975 года*

ПО СЛЕДАМ РУДНОГО КАМНЯ

В русском государстве уже в XV веке называли «рудознатцами» людей, которые сделали своей профессией поиск полезных ископаемых.

В XVI веке были сделаны первые попытки систематизации сведений, доставлявшихся «рудознатцами» со всех концов страны. Однако только со второй половины XVIII века начинается формирование геологии как самостоятельной науки. Выдающееся значение имели геологические работы М.В. Ломоносова: «Слово о рождении металлов от трясения земли» (175?) и «О слоях земных» (1763).

Таймырскую руду (возможно — самородную медь) люди открыли очень давно, около двух тысяч лет назад. Как недавно выяснилось, уже в те времена неизвестные металлурги на берегу реки Пясины выплавляли бронзу. Это было *первое* открытие таймырских рудных месторождений.

Второе открытие случилось в самом начале XVII века. Тогда мангазейские «рудознатцы» добывали в Норильских горах «рудный камень». Ежегодно, как только устанавливался санный путь, руду «привозили по перевозимку» оленьими аргишами в «златокипящую цареву вотчину» — Мангазею. Там из руды выплавляли медь «на потребу служилым людям». Потом Мангазея пришла в упадок, и о норильском «рудном камне» опять надолго забыли.

Неизвестно, кто и при каких обстоятельствах открыл норильскую руду в *третий* раз, но случилось это в середине XIX века. В 1865 году дудинский урядник, он же купец и сибирский казак, Киприян Сотников, «испросив благословения епископа енисейского Антония», разобрал на кирпич дудинскую каменную церковь («поелику обветшала и в негодность пришла») и срубил вместо нее деревянную церквушку. Церковный кирпич он перевез к Норильским горам и сложил из него плавильную печь. А в 1867 году выплавил из норильской

руды пудов триста черновой меди. Медь «оказалась белой» (в ней был никель!) и «не годной в кондицию». Кирпич выгорел, печь развалилась — на том затея и кончилась. Не по средствам, да и не по разуму стало дудинскому уряднику «медеплавильное дело».

Но с тех пор о норильской руде уже не могли забыть: сведения о ней появились в архивных документах и даже в специальной литературе. Известно, что К. Сотников «застолбил» норильское месторождение «медной» руды и заявил его в Барнауле на свое имя, о чем в делах горного департамента появилась запись на гербовой бумаге.

В 1893 году А.К. Сотников пытался начать разработку каменного угля открытым способом в верховьях Угольного ручья, где угольный пласт выходил на поверхность. Он вывез на оленях в Дудинку несколько тысяч пудов угля, после чего добычу прекратил, и «Копи Александра Невского» (как назвал их сам Александр Сотников) закрылись.

В конце прошлого века Э.А. Коверский в книге «О геодезических работах и сооружении Великого Сибирского пути» (С.-Петербург, 1896) называет все известные тогда в Сибири месторождения полезных ископаемых и, между прочим, пишет: «Медная руда между речками Брусовой и Агритиной, впадающими слева в реку Рыбную, а последняя в озеро Пясино, на восток от села Дудинского, приблизительно в 180 верстах, рядом с месторождением каменного угля. Не разрабатывалась. Никаких сведений о характере месторождения и качестве руд не имеется».

На современных картах окрестностей Норильска нет рек Брусовой и Агритиной. Но ведь в то время и достоверных сведений о норильском районе не было (не говоря уже о картах!). Названные «речки» могли быть обыкновенными ручьями, которые разливались в половодье. А в остальном адрес указан точно: к западу от реки Рыбной (названо левобережье) и к востоку от Дудинки. Таким образом вполне определенно указано Норильское месторождение. А расстояние («от Дудинки в 180 верстах») Э.А. Коверский сам называет «приблизительным»; в ту пору на Таймыре версты были «не считаны и не меряны».

Сообщение Э.А. Коверского является первым упоминанием в русской печати о Норильском рудном место-

рождении. (Отчет Шмидта об экспедиции 1866 года был опубликован на немецком языке в 1872 году.)

Едва ли можно приписывать открытие Норильского месторождения дудинскому уряднику К. Сотникову. Вероятно, что ему указали на «рудный камень» местные старожилы-промышленники.

До начала 20-х годов XX века нельзя было сказать ничего определенного о достоинствах и размерах этого месторождения. Оно могло оказаться всего лишь локальным рудопроявлением на северном склоне горы Рудной. Первую в Норильске квалифицированную геологическую разведку выполнили экспедиции Н.Н. Урванцева в 1919–1926 годы. Именно тогда было установлено, что норильские залежи полиметаллической руды и угля имеют промышленное значение. Только в «том смысле можно говорить о *четвертом* открытии Норильска как рудной и угольной промышленной базы.

В 1930–1932 годы работа норильской экспедиции главка «Цветметзолото» показала, что рудные запасы Норильска не только достаточны для промышленных разработок, но, более того, должны иметь союзное значение. В мае 1932 года главный геолог экспедиции А.Е. Воронцов радовал начальнику главка А.П. Серебрякову: «...Норильск является величайшим месторождением и в недалеком будущем по своему удельному весу и общим запасам будет стоять на первом месте в СССР...»

Эти слова оказались пророческими. Открытие Норильска в этом качестве — как месторождения всесоюзного значения — можно считать *пятым* открытием Норильска.

В Норильском районе в разное время работали сотни геологов; каждый из них внес свой, более или менее значительный вклад в открытие месторождений полезных ископаемых этого района. Вот почему нельзя, указав на одного, сказать — он первооткрыватель. Эта честь принадлежит многим, в том числе и безымянным «рудознателям» XVI века.

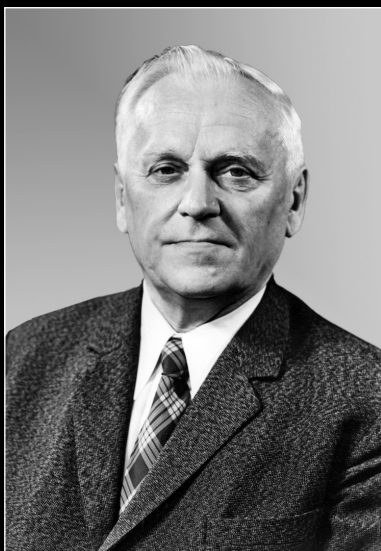
«Заполярная правда».
7 апр. 1974 г. № 28 (5887).

Алексей Александрович Баев

*Академик Александр Александрович Баев
(10.01.1904–31.12.1994)*

Алексей Александрович Баев:

*«Это только документальные
свидетельства о жизни моего
отца Александра Александровича
Баева».*

А.А. Баев (в центре во втором ряду) с сотрудниками лаборатории Энгельгардта института биохимии имени А.А. Баха. Незадолго до ареста (арест через полгода — в 1937 году). В.А. Энгельгардт в первом ряду, справа от него В. Волкова, справа от А.А. Баева М.Н. Любимова-Энгельгардт. 1936 г.

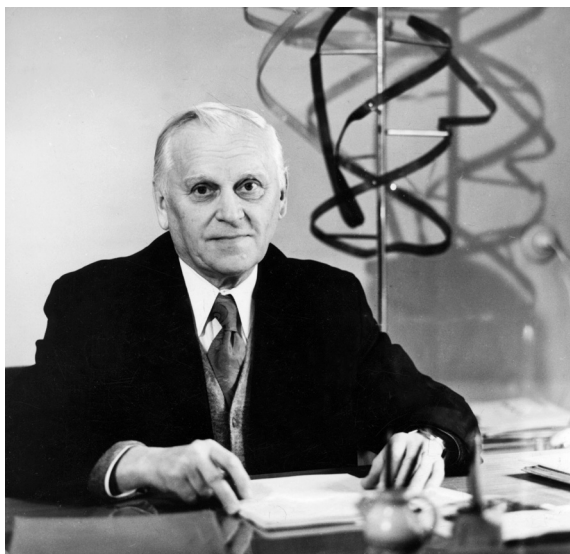

Алексей Александрович, Александр Александрович и Ирина Баевы, 1993 г.

*Посвящается моим детям —
Кириллу и Ирине, на память
об их бабушке и его эпохе.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это только документальные свидетельства о жизни моего отца — Александра Александровича Баева, взятые из архивно-следственных дел 1937 и 1949 годов и его личного дела (ссыльно-поселенца 1949–1954 годов). С этими делами я ознакомился в марте 1998 года, с разрешения ФСБ и МВД России, основанного на указе Б.Н. Ельцина от 1992 года о том, что прямые родственники репрессированного (жена, муж, дети, внуки) «имеют право знакомиться с делами в соответствующих органах». Мне было разрешено делать любые выписки из дел, чем я конечно воспользовался.

А.А. Баев. 1973 г.

А.А. Баев в лаборатории.

Москва, Институт биохимии им. А.Н. Баха, 1936–1937 гг.

Как ни странно, соответствующие архивные службы ФСБ дела эти не могли найти в течение нескольких месяцев (или делали вид, что не находят). Только после нашего письма (вдовы и детей А.А. Баева) на имя тогдашнего главы ФСБ Николая Дмитриевича Ковалёва и его личного вмешательства дела были разысканы.

Приведенные ниже документальные свидетельства могут существенно дополнить сведения о жизни Баева, в период 1937–1954 годов, уже опубликованные в книге «Академик Александр Александрович Баев. Очерки. Переписка. Воспоминания». М.: «Наука», 1998. Как ничтожно мало нужно было карательным органам в СССР, чтобы погубить невинного человека и какую роль в этом погублении играют люди, которые тебя окружают...

Год рождения А.А. Баева (1903) в официальных документах указан по «старому стилю» из-за ошибки при выдаче ему паспорта в 1920 году.

ПРОЛОГ

*«Не тогда надо стыдиться мерзостей,
когда о них пишут, а когда их делают».*

А.И. Солженицын.

В своих воспоминаниях А.А. Баев писал: «Когда я стал студентом Естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета, у меня существовал живой и деятельный интерес к общим проблемам биологии и философии. Это было и позже, в бытность мою аспирантом Казанского медицинского института. Я был ревностным слушателем и активным участником курса диалектического материализма, ориентированного на проблемы биологии, который читал для аспирантов-биологов Казанских высших учебных заведений профессор Василий Николаевич Слепков, что послужило причиной моих последующих жизненных злоключений. Более того, в 1933–1934 годах я сам вел философский факультативный курс по общим проблемам медицины для слушателей Курсов усовершенствования врачей в Казани, и не без успеха».

Увлечение марксистско-ленинской философией обошлось Баеву в семнадцать с половиной лет тюрем, лагерей и ссылок. А начало этой невеселой истории, как это ни покажется странным, было положено в далекие 20-е годы, когда один из лидеров ВКП (б) — Николай Иванович Бухарин (1888–1938), наряду с партийной и государственной работой, занялся преподавательской деятельностью в только что открытом Институте Красной профессуры (ИКП). Он был основан в 1921 году и имел трехгодичную программу по экономике, истории и философии. Слушатели ИКП, как правило, уже имели одно высшее образование и, таким образом, Институт выпускал не только всесторонне образованных, но и идейно подкованных партийных функционеров, призванных заменить дореволюционные руководящие кадры во всех сферах государственной жизни.

К 1925 году «бухаринская школа» уже играла заметную роль в партийной и государственной жизни страны. Ее члены пропагандировали и развивали экономические и политические идеи Бухарина напористо, агрессивно, порой выходя за рамки политического благоразумия, так что в некоторых кругах выражение — «красный профессор» звучало как бранное. Так было, например, в 1925 году, когда, в связи с НЭПом, в народные массы был брошен бухаринский экономический лозунг — «Обогащайтесь!». Другое, не менее знаменитое, бухаринское высказывание касалось идеологии и уже не сулило тем же массам ничего хорошего: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов... является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи». Правильность этого своего тезиса Бухарину предстояло испытать в будущем, как говорится, на «собственной шкуре».

А пока, распространяя свое влияние, Бухарин активно выдвигал «учеников» на ответственную государственную и партийную работу. «Правая рука» Бухарина — Александр Слепков. 28 февраля 1937 года Бухарина арестовали. Начались повальные аресты учеников и сторонников Бухарина и людей, так или иначе с ними связанных, чтобы создать впечатление, что всю страну опутала сеть контрреволюционеров из Правого Центра. Дошла очередь и до Василия Николаевича Слепкова. По образованию он был генетик, окончил Петроградский университет (1920) и Институт красной профессуры (1924), работал в лаборатории выдающегося отечественного генетика, члена-корреспондента АН СССР А.С. Серебровского (1892–1948). В.Н. Слепковым было открыто явление инверсии отдельных участков хромосом дрозофилы. Он изучал мутации у дрозофилы под действием рентгеновских лучей. В 1928 году Слепков стажировался в Берлине, в лаборатории крупного генетика и зоолога К. Штерна.

В 1929 году блестящий молодой профессор Василий Слепков оказался в Казани, где преподавал в Казанском университете, Казанском медицинском институте, Татарском педагогическом институте и Коммунистическом университете Татарии. Он читал студентам и аспирантам лекции по генетике, диалектическому и историческому материализму, вел семинар по теоретической биологии. На следствии и суде В.Н. Слепкова обвиняли в том, что он, якобы по заданию Бухарина, был организатором и руководителем молодежной, контрреволюционной, террористической организации «правых» коммунистов в Казани, в конце 20-х, начале 30-х годов. За принадлежность к этой мифической организации НКВД арестовало более 150 человек по всей стране. Это были бывшие аспиранты, студенты и научные работники казанских вузов. В 1937 году их судьбы объединило одно, как оказалось, трагическое обстоятельство. Всем им когда-то, в конце 20-х, начале 30-х годов, преподавал В.Н. Слепков. Среди слушателей лекций В.Н. Слепкова по генетике, философии и участником одного из его семинаров по методологии биологии в Казанском медицинском институте в 1930–1932 годах, был и аспирант-биохимик А.А. Баев.

*А.А.Баев среди однокурсников Казанского университета.
Конец 20-х годов*

* * *

**МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ А.А. БАЕВА
1937—1949 ГОДОВ
(ДВА ТОМА)**

*Обложка архивно-следственного дела А.А.Баева
(из архива КГБ Татарстана)*

Совершенно секретно.	ВК ВС СССР и ОС при
№ П-408942	МГБ СССР
Хранить вечно.	№ 4н 09114
Архивное уголовное	Прокурор: м-р Захаров
дело № 2-2087	
Следственное дело	17 авг. 1954 г., 2 тома
№ 3314	
Центральный архив МГБ	Год производства 1937
СССР	

Старый архивный номер 269772. Хранилось в Особом архиве, как многотомное дело из 7 томов (том 5). При разработке Особого архива в 1952 году дело передали в общий следственный архив (3-е отделение, 4-го сектора) и зарегистрировали под № П-408942 вторым томом к архивно-следственному делу.

Оперуполномоченный 1-го отдела, 4-го сектора МГБ СССР — Дрожжин.

Зам. помощника начальника 1-го отделения, 4-го сектора отдела «А» МГБ СССР — Зезюлин.

4 авг. 1952 г.

* * *

В настоящее время (1998) дело № П-408942 (№ 2-2087) хранится в Казанском архиве КГБ Республики Татарстан. (Адрес: 420111, г. Казань, ул. Дзержинского, д. 23, КГБ ТР.) Начальник архивного отдела — Р.Б. Гайнетдинов.

Орфография и пунктуация подлинников сохранена.

* * *

Дело состоит из двух папок, которые содержат различные справки, протоколы допросов, постановления, приговоры, копии писем и т.п. В деле имеются фотографии А.А. Баева, в фас и профиль, сделанные в тюрьмах после ареста, отпечатки всех 10 пальцев и обеих ладоней, а также паспорт, военный билет и телефонная записная книжка, изъятые при аресте в 1949 году.

В связи с чем проводили разработку Особого архива в 1952 году не ясно. Возможно, таким образом подбирали фигурантов с богатым «контрреволюционным прошлым» для новых политических процессов.

А.А. Баев находился в это время в бессрочной ссылке в Сибири. Не исключено, что готовились материалы для нового ареста А.А. Баева, в связи с фабриковавшимися в 1952 году делами «врачей-убийц». В 1952 году он был неожиданно отстранен от заведования больницей, но вскоре восстановлен в должности, без каких-либо объяснений случившегося.

Как бы то ни было, в конце 1952 начале 1953 годов были все признаки того, что Сталин, верный себе, готовился провести в СССР очередную массовую «чистку», в том числе и среди своих ближайших соратников, таких как Молотов, Берия, Ворошилов и других. Смерть вождя, в марте 1953 года, поставила крест на «деле врачей» и прочих сталинских замыслах.

* * *

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 3314 (1937 г.)

Постановление

Утверждаю: Рудь

29 апр. 1937 г.

1937 г. апреля 29 дня, гор.Казань. Я, оперуполномоченный 1-го отделения, 4-го отдела

УГБ НКВД Татарской Республики мл.лейтенант Рукавишников, рассмотрев сего числа следственное дело № 2751 по обвинению Матюшина, Поздина, Виноградова, Слепкова и др. в порядке производства по ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР, Нашел:

Следствием по делу установлено, что Баев А.А. в 1930 г. был завербован в Казанскую контр-революционную террористическую организацию правых, возглавляемую Слепковым В.Н. и являлся активным ее членом, присутствовал на нелегальных собраниях и проводил программные контрреволюционные установки правых, а посему руководствуясь ст. 128, 145 и 158 УПК РСФСР,

Постановил:

Баева А.А., 1903 года рождения, русского, гражданина СССР, с высшим образованием, уроженца г.Читы, служащего, проживающего в данное время в Москве и являющегося сотрудником АН СССР — арестовать и привлечь в качестве обвиняемого по делу 2751, предъявив ему обвинение по ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР. Под стражей содержать во внутреннем изоляторе НКВД ТР.

Оперуполномоченный 1-го отделения, 4-го отдела УГБ НКВД ТР, мл. лейтенант ГБ — Рукавишников.

Начальник 1-го отделения, 4-го отдела УГБ НКВД ТР, мл. лейтенант ГБ Царевский.

Согласен: Начальник 4-го отдела УГБ НКВД ТР, капитан ГБ — Веверс.

* * *

Статья 17-58-11 УК РСФСР усугубляла вину по любому пункту 58 статьи, так как предполагала проведение той или иной преступной деятельности не в одиночку, а в составе организации (в данном случае «террористической»).

Всего пресловутая 58 статья Уголовного Кодекса 1926 года состояла из 14 пунктов.

Арест Баева был проведен в 4 часа ночи 1 мая в Москве, где он в то время жил и работал в Институте биохимии АН СССР, в лаборатории В.А. Энгельгардта.

Ордер на арест А.А. Баева и обыск в его квартире по адресу: Спасо-Глинищевский пер., д. 8, кв. 9, (напротив Синагоги) от 30 апреля 1937 года за № 1464, был выдан сотруднику ГБ Ярморину заместителем народного комиссара внутренних дел СССР, комиссаром госбезопасности первого ранга Михаилом Петровичем Фриновским (1898–1940) и начальником второго отдела ГУГБ (Оперативный отдел) комиссаром ГБ 3-го ранга (фамилия неразборчива, но судя по всему, это был Н.Г. Николаев-Журид (1897–1940)). Понятым при обыске был дворник Георгий Е. Тютин.

А.А. Баев проживал в Спасо-Глинищевском переулке в двухкомнатной квартире (одна комната проходная) вместе с матерью с декабря 1934 года. Это была служебная площадь АН СССР. После ареста Баева чиновники из Управления делами АН СССР, вначале подселили к его матери двух научных работников (мужского пола), а затем и вовсе выселили Манефу Александровну Баеву из квартиры, как мать врага народа, в совершенно непригодное для проживания помещение (сквозь дыры в потолке было видно небо) по адресу: 1-й Хвостов переулок д. 3, кв. 13. Здесь она вскоре простудилась и 7-го декабря 1938 года умерла от воспаления легких. Захоронена в колумбарии Донского кладбища, в Москве.

При обыске ничего компрометирующего найдено не было. «Улов» был более чем скромный. Из протокола обыска:

При обыске изъято: четыре письма, два блокнота, адресная книжка, «Поэтика и задачи поэтического творчества в СССР» (автор Н. Бухарин), паспорт: МУ № 529184, служебное удостоверение сотрудника АН СССР. Позднее книга Бухарина была уничтожена, остальное сдано на хранение. После короткого пребывания на Лубянке Баева поместили в Бутырскую тюрьму.

15 мая его решили этапировать в Казань для проведения следствия. Впервые фамилию Баева, как «контр-революционера», произносит во время допросов, за год до описываемых событий (в конце июня 1936 года), арестованный по политическим мотивам (троцкизм) некий Н.В. Инюшкин. Это казанский приятель Баева, член редколлегии Казанского медицинского журнала. Этот эпизод остается для Баева без последствий. К апрелю 1937 года, когда количество упоминаний фамилии Баева разными людьми, во время их допросов в НКВД по фабрикуемому делу «младобухаринцев» достигает, с точки зрения «органов», некой критической массы — следует распоряжение об аресте Баева.

Обычно в сфабрикованных делах подследственные называли фамилии тех, кого могли вспомнить или тех, кто был на виду. И в любом случае, если не было прямого давления следователя, назывались люди им не близкие, кого не жалко и «заложить» для облегчения собственной участи. Практически ни с кем, из тех, кто давал показания против Баева, он лично знаком не был.

* * *

Протокол первого допроса А.А. Баева в Казани содержит всего один вопрос (середина июля 1937 года): вы являетесь участником Казанской контр-рев. террористической организации правых, возглавляемой Слепковым В.Н. Следствие требует рассказать о своем участии в этой организации. **Ответ Баева:** Участником контр-рев. террористической организации правых я не был и о существовании таковой мне неизвестно. Слепкова я знал только как профессора-биолога, который руководил занятиями по методологии биологии аспирантов при Мединституте, участником которого был и я. Протокол допроса Баев подписывать отказался. В деле имеется протокол еще одного допроса, на котором Баеву последовательно зачитываются показания Калинина, Кареповой, Цинципера и др. и каждый раз спрашивается, подтверждает ли Баев эти показания. На все вопросы Баев отвечал односложно, по одной схеме:

«Показаний Калинина (Кареповой, Цинципера, Медведева и т.д.), в той их части, что касается меня лично, я не подтверждаю. Виновным себя не признаю».

Протокол допроса Баев опять не подписывает. Было принято решение о проведении Баеву очной ставки с Калининым И.И.

Протокол вел сержант ГБ Месечко.

Вопрос Калинину: Входил ли Баев в контр-рев. организацию правых?

Ответ Калинина: Да, гр-н Баев действительно вместе со мной и другими участниками входил в состав контр-рев. террористической организации правых в г. Казани, возглавляемой Слепковым.

Вопрос к Баеву: Подтверждаете показания гр-на Калинина?

Ответ Баева: Я этого не подтверждаю. В состав контр-рев. террористической организации не входил.

Вопрос к Калинину: Разделял Баев взгляды правых?

Ответ Калинина: Гр-н Баев был одним из активных участников контр-рев. террористической организации правых, полностью разделял взгляды правых, был в близких отношениях со Слепковым, то есть руководителем данной контр-рев. организации. Разделяя взгляды правых, Баев активно выступал в защиту контр-рев. выступлений Слепкова на диспуте в Институте Марксизма-Ленинизма в конце 1932 или же в начале 1933 года. Слепков Баеву оказывал полное доверие в контр-рев. отношении, так как Слепков поручал Баеву проводить занятия на семинарах с врачами, где по заданию Слепкова Баеву так же предоставлялась возможность протаскивать контр-рев. установки правых.

Вопрос к Баеву: Гр-н Баев, вы подтверждаете показания гр-на Калинина?

Ответ Баева: Взглядов правых я не разделял, защищать контр-рев. установки я не защищал, показания гр-на Калинина я не подтверждаю.

Вопрос к Калинину: Участвовал — ли гр-н Баев в нелегальных сборищах?

Ответ Калинина: Баев также как и я и другие принимал активное участие в посещении нелегальных сборищ, проводимых руководителем контр-рев. террористической организации Слепковым, так же принимал активное участие в контр-рев. суждениях. Кроме этого Баев неоднократно посещал единолично квартиру Слепкова находясь в близких с ним отношениях.

Вопрос к Баеву: Гр-н Баев вы подтверждаете показания гр-на Калинина?

Ответ Баева: На этот вопрос ответить не могу.

* * *

И.И. Калинин — знакомый Баева по аспирантуре в Казанском медицинском институте. Протокол очной ставки с Калининым, от 22 июля 1937 года, Баев подписывать опять отказался. 23 июля следовательно пытается провести еще одну очную ставку Баева с Калининым, в которой Баев отказывается принимать участие, и она прекращается, фактически не начавшись. Далее следует короткий допрос помощника оперуполномоченного, сержант ГУГБ — Месечко.

Вопрос: Расскажите следствию при каких обстоятельствах вы познакомились со Слепковым, в каких вы с ним были отношениях, и какие между вами существовали политические связи?

Ответ: Со Слепковым я познакомился в конце 1930 года на семинаре по методологии биологии. Приятельских отношений с ним не имел. Был на квартире 4–5 раз. Политической связи не существовало.

Вопрос: Вы обвиняетесь в принадлежности к контр-рев. организации. Какую практическую контр-рев. работу вы в ней вели и кого из членов организации можете назвать?

Ответ: В состав контр-рев. организации я не входил. О существовании ее я не знал. Практической контр-рев. работы не вел и членов ее я не знал.

Вопрос: Признаете себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ: Виновным себя не признаю.

Баев вновь отказывается подписывать протокол несостоявшейся очной ставки и допроса. Об этом следователь составляет 23 июля 1937 года — «Акт». Месечко после формальной преамбулы:

«...В связи со злостным его (Баева) запирательством по фактам его контр-рев. работы было приступлено к производству очных ставок с лицами его изобличающими. Была проведена очная ставка с Калининым И.И. Баев на очной ставке держал себя вызывающе и в знак протеста по отношению к следствию в подписи отказался. Им высказывался мотив, что он «требуется» занести в протокол записи которые по существу не имеют никакого отношения к фактам изобличения его, Баева со стороны Калинина и к вопросам поставленным перед Баевым следствием. 23 июля обвиняемый Баев вновь был вызван на предмет продолжения очной ставки. Баев и 23 июля свою враждебную демонстрацию по отношению к следствию так же продолжил. Дальнейшее проведение очных ставок было прекращено. В виду того, что дело следствием по обвинению Баева, кроме необходимости проведения ему ряда очных ставок закончено, то надлежит объявить ему лишь об окончании следствия по делу по ст. 17-58-8, 58-10 (часть 1-я) и 58-11 УК РСФСР. В подписи об этом он — Баев так же, в знак протеста отказался. На предложение ознакомиться со следственным делом Баев заявил: «Со следственным делом я ознакамливаться не хочу, подписывать протокол не желаю.» Баев в знак протеста и своей личной ненависти ознакамливаться со следственным делом отказался, никаких дополнений касающихся непосредственно следственного производства не дал, от подписи протокола с объявлением об окончании следствия злобно отказался в чем я и составил настоящий акт*.

Месечко

* Здесь и далее сохранены стиль и орфография документов.

Статья 58-10, по которой было осуждено больше всего людей в те годы, фигурирует в деле Баева только один раз (с легкой руки Месечко). Ни в обвинительном заключении, ни в приговоре ее нет, хотя по всем описываемым событиям должна была быть. Допросы на этом прекратились и Баева, в наказание за упорство, отправляют на десять дней (до 3 августа) в карцер. Предполагая такое развитие событий, Баев всегда ходил на допросы в пальто, чтобы не замерзнуть в карцере. В кармане пальто у него было несколько кусочков сахара, которые он иногда ухитрялся класть в рот, для поддержания сил, даже во время длительных ночных допросов.

Пока Баев сидел в карцере, начался судебный процесс над так называемыми подельниками Баева: В.Н. Слепковым, Медведевым, И.И. Калинин, Комаровым, Ю. Кареповой и др. Суд приговорил их к расстрелу. В 1937–1938 годах из числа арестованных НКВД Татарии было расстреляно 3600 человек.

8 августа 1937 года, за подписью М.П. Фриновского, выходит в свет общесоюзная Директива НКВД № 424, запрещающая сообщать осужденному, на судебном заседании, о вынесении ему смертного приговора. В этом случае осужденному говорили, что приговор ему «будет оглашен позднее», а родственникам сообщали, что такой-то осужден «на десять лет, без права переписки».

Главное дело было сделано, и следователи потеряли к Баеву интерес. Во время допросов грубого физического воздействия на него и изощренных пыток не было. Определенная «робость» следователей в обращении с Баевым в этот период может объясняться недавними арестами среди сотрудников НКВД во главе с Ягодой. Чистки в собственных рядах вынуждали следователей какое-то время вести себя «прилично» и, кроме того, на освободившиеся места пришло много новичков, без опыта «запечной» работы. Пытки во время следствия, конечно, применялись, но в то время для них требовалось прямое указание «сверху».

Официально пытки, как средство для получения нужных показаний, были санкционированы специальным решением ЦК ВКП (б) с ноября 1937 года и приняли после этого массовый характер. И. Сталин по этому поводу изрек: «Метод физического воздействия должен обязательно применяться, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Отец рассказывал, что его лишали сна (этому способствовали ночные допросы) и сажали в так называемый «пенал» — узкий и невысокий шкаф, где можно было находиться только в полусогнутом состоянии. Царевский, психически весьма неуравновешенный человек, неоднократно лично допрашивал Баева во время длительных ночных допросов со сменой следователей (так называемый «конвейер»), угрожал ему револьвером. Однако никаких протоколов, свидетельствующих о длительных допросах с участием Царевского, в деле нет. Отсутствие протоколов допросов не редкость. Так, одного из арестованных допрашивали 54 раза, а в деле было лишь 7 протоколов. Отец описывал Царевского так: «...истерик, наркоман, страшный человек!». По воспоминаниям Е. Гинзбург, «Царевский — сухопарый парень, лет 35, с землисто-темным лицом маньяка, которое резко контрастировало с выгоревшими, взлохмаченными светлыми волосами. Говорил фальцетом, ходил быстрыми, скачущими шагами. В глазах, как и у Веверса, наряду с упоением палачеством, жила какая-то темная тревога, какой-то подспудный ужас. Царевский легко приходил в исступление, брызгал слюной, изрыгал ругательства, хватался за револьвер». По мнению Е. Гинзбург — «Веверс и Царевский нюхали кокаин».

Надо сказать, что за все семнадцать с половиной лет мытарств ни следователи, ни тюремщики, ни уголовники не тронули Баева пальцем, что, по тем временам, очень большая редкость. Сам Баев объяснял это так: «В тюрьмах и лагерях уважали врачей».

Только 8 сентября 1937 года Царевский нашел время, чтобы написать обвинительное заключение по делу Баева и тем самым формально завершить следствие, хотя согласно партийным директивам, следствие по делам о терроризме должно было длиться не более 10 дней. В обвинительном заключении Царевский часто ссылается на материалы суда, прошедшего над В.Н. Слепковым и др. (многотомное дело № 269772, пятым томом которого было дело А.А. Баева).

Весьма вероятно, что отсутствие признательных показаний Баева, его сидение в карцере и, наконец, проволочка с написанием обвинительного заключения, благодаря чему Баева не судили вместе со В.Н. Слепковым и другими, все это спасло Баеву жизнь. Хотя возможна и другая версия, о которой ниже.

Обвинительное заключение, написанное Царевским, утвердили: зам. наркома внутренних дел Татарии — Ельшин и Генеральный прокурор СССР — Андрей Януариевич Вышинский.

Утверждаю:
Зам. наркома внутренних
дел Тат АССР Ельшин
13 сентября 1937 года.

Утверждаю:
Прокурор СССР
Вышинский

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 3314 по обвинению Баева А.А., 1903 г.р., русского, гражданина СССР, с высшим образованием, уроженца г. Читы, проживающего в данное время в г. Москве и являющегося сотрудником АН СССР.

В 4-й отдел УГБ НКВД ТатАССР поступили сведения, что Баев А.А. является участником контр-рев. террористической организации правых г.Казани. На основании этих данных Баев А.А. был арестован. В процессе следствия установлено, что обвиняемый Баев А.А. в 1930 году был вовлечен в контр-рев. террористическую организацию правых в г.Казани ее руководите-

лем Слепковым В.Н. «За период времени с 1929 по 1933 год в контр-рев. террористическую организацию правых были вовлечены следующие лица: № 34..., № 35 Баев, (и др.).» «Баев был научным работником Государственного института усовершенствования врачей (ТИДУВа) где Баев руководил кружком врачей». (Показания Медведева Федора от 5 апр. 37 г. и 15 апр. 37 г.). Участие Баева в контр-рев. террористической организации правых подтверждается показаниями и других членов этой организации.

Обвиняемый Калинин 8 апр. 1937 г. показал: «...Являясь участником контр-рев. организации правых он — Баев разделял террористические методы борьбы с руководством ЦК ВКП(б) и все контр-рев. програмные установки правых».

«...В эту организацию входили: из Пединститута — Быков Павел (преподаватель); из Татарского коммунистического университета — Бродовский — преподаватель диамата; по Медицинскому институту — Баев, по специальности теоретик, научный работник медицины... Баев в 1930 году был вовлечен в контр-рев. террористическую организацию правых руководителем ее — контр-революционером Слепковым...» (показания обвиняемого Комарова С.А. от 2 февр. 37 г.).

«...по КГУ — Смирнов, Цинципер, Поздин, Баев и др. Все эти лица разделяли контр-рев. взгляды правых, присутствовали на нелегальных сборищах и активно принимали участие в обсуждениях вопросов борьбы со всеми основными мероприятиями партии». (показания обвиняемого Калинина И.И. от 8 февр. 37 г.).

«...Слепков сколотил контрреволюционную группу, состав которой всецело с ним разделял контрреволюционные програмные позиции правых. В состав этой контрреволюционной группы входили: Смирнов, Поздин, Баев, Калинин, Цинципер, Комаров, Сафин...» (показания обвиняемой Кареповой Ю.П. от 23 февр. 37 г.).

«Слепков руководил семинаром аспирантов, состав которого он сам комплектовал. Задачи семинара Слепков определил так: «Мы здесь будем свободно мыслить и критиковать и я не позволю на это наклеивать кому-либо политических ярлыков и зарабатывать пяточки». Семинар был вне контроля партии и общественных организаций. Слепков говорил: «Для научного работника – наука все. Это та же общественная работа, нам не надо заниматься хлопотно-литкампаниями». В своих лекциях Слепков старался унижать Сталина, как теоретика, одновременно с этим возвеличивая Бухарина, как выдающегося теоретика и «умницу». Эта популяризация Бухарина и дискредитация Сталина на основных занятиях семинара завершилась прямой обработкой аспирантов Слепкова у себя на дому. Для этого практиковались сборища и беседы с аспирантами на квартире Слепкова, где уже не двусмысленно противопоставлялись программные и теоретические установки правых линии партии и партийного руководства. Таким путем из состава аспирантов и была сформирована Слепковым контр-рев. платформа правых.

Вопрос: Назовите состав участников этой контр-рев. группы?

Ответ: В состав этой контр-рев. группы правых входили:

1. Поздин Иван – аспирант Пединститута
2. Смирнов Георгий – аспирант Пединститута
3. Юсупов Фарей – аспирант Пединститута
4. Сафин – аспирант Пединститута
5. Мало-Ярославцева – аспирантка Пединститута
6. Карепова Юлия – аспирантка Пединститута
7. Комаров – аспирант КГУ
8. Цинципер – аспирант КГУ
9. Егерова – аспирантка КГУ
10. Федоров Борис – доцент КГУ
11. Калинин Иван – аспирант Мединститута
12. Баев – аспирант Мединститута

Вопрос: В чем выражалась контр-рев. деятельность?

Ответ: Мы прежде всего были идеологическими сторонниками теоретических и практических установок правых. Это была опора Слепкова в его контр-рев. деятельности на научном фронте. Зная о протаскивании Слепковым в этой работе контр-рев. теории правых, названные лица его защищали и всячески оберегали от разоблачения. Разделяя контр-рев. взгляды правых эти лица были враждебно настроены к политике партии, ее руководству и Советской власти. По сути дела, это была активная сила правых в целях борьбы с партией и Советской властью по всем важнейшим вопросам политики в стране, как-то: вопросы коллективизации, индустриализации страны и т.д.» (из протокола допроса Цинципера Льва Иосифовича от 19 апр. 37 г.).

Баев систематически участвовал на нелегальных совещаниях контр-рев. террористической организации правых, где высказывал враждебное свое отношение против тов. Сталина (т. 1, стр. 122, 215, 241), (т. 13, стр. 21, 23). Являясь участником контр-рев. организации, солидаризовался с террористической деятельностью правых в борьбе против руководителей ВКП(б). Обвиняемый Комаров С.А. 5 февр. 1937 г. показал: «Контр-рев. террористическая организация правых состояла из следующих лиц: ...Цинципер, Сафин, Баев... (и др.). Все выше перечисленные мною лица твердо стояли на платформе правых, всецело разделяли враждебные отношения к ЦК ВКП(б), в особенности к Сталину, считая основным методом борьбы с ЦК — террор над его руководством. Основное направление и устремленность этой контр-рев. работы — срыв всех мероприятий партии, насильственное устранение партийного руководства, путем террора». (т. 1, стр. 178). Враждебное отношение против руководства ЦК

ВКП(б) и Советской власти высказываемое обвиняемым Баевым, подтверждается и показаниями Цинципера от 19 апр. 37 года (т. 13, стр. 23) и Калинина И.И. от 8 апр. 37 г. (т. 1, стр. 242). Обвиняемый Баев А.А. открыто выступал в защиту контр-рев. взглядов правых, а так же пропагандировал их в научном медицинском кружке при Государственном институте усовершенствования врачей имея на это специальное задание руководителя организации правых — Слепкова В.Н. (т. 1, стр. 121, 241; т. 13, стр. 20, 23). Баев свою контр-рев. деятельность отрицает, во всем уличается показаниями: Медведева Ф., Кареповой Ю.П., Цинципера Л.Е., а так же изобличен очной ставкой с Калининым И.И.

На основании изложенного: Баев Александр Александрович, 1903 г.р., гражданин СССР, уроженец г.Читы, сын адвоката, до ареста работал старшим научным работником биохимии Академии Наук, женат, проживающий в г. Москве по Спасо-Глинищевскому переулку в д. 8, кв. 9.

Обвиняется в том, что он: а) являлся участником контр-рев. террористической организации правых в г. Казани, б) разделял террористическую деятельность правых в борьбе их против руководства ЦК ВКП(б) и Советской власти, в) систематически присутствовал на нелегальных совещаниях правых где высказывал враждебное отношение к руководству партии, г) вел пропаганду контр-рев. взглядов правых, т.е. совершил деяния предусмотренные статьями 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Вследствие изложенного Баев А.А. подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР в порядке закона от 1 декабря 1934 года.

Обвинительное заключение составлено 8 сент. 37 года в г. Казани.

Царевский.
Согласен: Веверс

Справка: Дело следствием начато 30 апреля 1937 г., окончено 23 июля 1937 г. Баев А.А. содержался под стражей в казанской следственной тюрьме № 3. Вещественных доказательств по делу не проходит.

В 1938 году Царевский был арестован и, по слухам, то ли расстрелян, то ли повесился в камере. Заместитель наркома внутренних дел Татарии — Ельшин, «обладатель бархатного баритона», утвердивший обвинительное заключение, сам был вскоре арестован и умер в лагере на Колыме. В словаре Даля, слово «ельшин» означает — столярный оселок.

По окончании следствия в Казани, А.А. Баева отправили в Москву для предания суду и помещают опять в Бутырскую тюрьму. Подготовительное заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР, на котором были рассмотрены представленные по делу Баева документы, прошло 17 сентября 1937 года. Присутствовали на нем: заместитель Генерального прокурора СССР — Рогинский, Председатель коллегии военюрист 1-го ранга — Кандыбин, члены коллегии бригавоенюристы — Стельмахович и Ждан. Секретарь — военюрист 2-го ранга Кудрявцев.

Г.К. Рогинский из известной семьи гомельских хасидов Нехамкиных, чекист со стажем, заместитель Генерального прокурора СССР. Вот что пишет о братьях Нехамкиных Д. Азбель в статье «До, во время и после» (журнал «Время и мы». Нью-Йорк, 1989, № 105, с. 204–205). «Революция выбросила Нехамкиных на гребень волны. Они жаждали мщения: мстить всем — аристократам, богатым, русским — лишь бы мстить! Это был их путь к самоутверждению. Не случайно свела судьба питомцев этого славного рода в ЧК, ГПУ, НКВД, прокуратуру. Большевикам для осуществления их целей нужны были «бешеные», и они нашли их в семье Нехамкиных. Один из этой семьи, Рогинский, достиг даже «сияющих вершин» — был заместителем прокурора СССР, но в годы сталинских

чисток, как и многие, был спущен под откос и попал в лагерь, где превратился в дешевого стукача. Остальные братья Нехамкины не были столь известны широкой публике. Сменив свою фамилию на более привычную для русского уха, они занимали весьма высокие посты в органах».

Дмитрий Яковлевич Кандыбин личность тоже, по своему, известная. Он был ближайшим подручным, или как его называли заключенные: «запечным помогайлом» Василия Ульриха (до 1948 года Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР). Часто они работали в одной «тройке». Это они приговорили к расстрелу в 1940 году писателя И.Э. Бабеля. По их приговору был расстрелян 161 заключенный Орловской тюрьмы в 1941 году. Это Кандыбин председательствовал в 1937 году на Выездной сессии ВК ВС СССР, во Владивостоке, по делу «О контрреволюционной шпионско-вредительской организации, действовавшей в Дальневосточном филиале АН СССР» и Хакасскому делу о шпионаже и сепаратизме, которое рассматривалось в Красноярске в 1937 году и т.д. и т.п. Самое удивительное, что в апреле 1990 года Военный прокурор 1-го отдела Управления главной военной прокуратуры по реабилитации, подполковник В. Зыбцев, вынес по Орловскому делу следующее постановление. «...Приговор ВК ВС СССР от 8 сентября 1941 года, вынесенный в составе председательствующего Ульриха В.В., членов коллегии Кандыбина Д.Я. и Буканова В.В. в отношении 161 заключенного, является незаконным и необоснованным. Поскольку данное судебное решение вынесено на основании постановления Государственного Комитета Обороны — высшего в тот период времени органа государственной власти, действия Ульриха В.В., Кандыбина Д.Я. и Буканова В.В. состав какого-либо преступления не содержат».

На основании изложенного, руководствуясь п. 1 ст. 208 и ст. 209 УПК РСФСР, постановил: «1. Уголовное дело в отношении Ульриха Василия Василье-

вича, Кандыбина Дмитрия Яковлевича, Буканова Василия Васильевича прекратить на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления».

Вот так-то!

18 сентября 1937 года Баев получил копию обвинительного заключения, а 19 сентября его привозят в Лефортовскую тюрьму, где состоялось выездное закрытое судебное заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР. То есть какой-никакой, а суд, в отличие от заседания пресловутой внесудебной «тройки» или «двойки». Судили его одного, без «подельников». Приведу содержание протокола закрытого судебного заседания ВК ВС СССР от 19 сентября 1937 года.

Председатель: военюрист 1-го ранга — Кандыбин.

Члены суда: бригвоенюристы — Стельмахович, Ждан.

Секретарь: военюрист 2-го ранга — Кудрявцев.

В 10 часов 30 минут заседание открыто. Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленного ему обвинения и спросил его признает ли он себя виновным на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает. На вопросы Председателя ответил, что в 1930 году был знаком со Слепковым.

Оглашаются показания Медведева (л.д. 121, 122, 90, 91), Калинина (л.д. 241–242), Цинципера (л.д. 22–23), Комарова (л.д. 178) и Кареповой. Подсудимый ответил, что он ничем не может объяснить показания этих свидетелей. Всех этих лиц он знает плохо. Враждебных отношений у него с ними не было. О том, что Слепков был исключен из партии в 1930 году за принадлежность к правым, он знал. Больше дополнить судебное следствие подсудимый ничем не имеет. Судебное следствие объявлено законченным и подсудимому было предоставлено последнее слово, в котором он просит суд поверить ему, что он был честным и верным гражданином своей Родины. Суд удалился на совещание. По возвращении

Лефортовская тюрьма

суда с совещания председатель оглашает приговор. В 10 часов 45 минут заседание закрыто. На всю эту «работу» потребовалось всего 15 минут! А.А. Баева приговорили к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением политических прав на 5 лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Срок тюремного заключения исчислялся с 30 апреля 1937 года. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

Моему отцу, можно сказать, очень повезло. После 1 октября 1937 года, срок заключения мог достигать уже 25 лет. Согласно служебной записке В.В. Ульяриха на имя И.В. Сталина, в период с 01.10.1936 по 30.09.1937 года Военная коллегия ВС СССР приговорила к расстрелу 30 514 человек и только 5641 человек был приговорен к различным срокам тюремного заключения. Суд ВК ВС СССР был пустой формальностью. Как выяснилось позднее, судьба человека решалась еще до суда. Порядок был следующий.

В региональных отделениях и в центральном аппарате НКВД составлялись списки на лиц, по делам которых следствие было закончено. Несколько региональных списков объединялись в одну папку. На обложке значилось: «Список лиц подлежащих суду

Военной коллегии Верховного суда СССР». Списки содержали только фамилию, имя, отчество заключенного и указывалась категория будущего приговора: первая — расстрел, вторая — 10 лет, третья — 8 лет (была отменена с августа 1937 года). Эти папки-списки Ежов передавал Сталину, который просматривал и подписывал их и ставил дату на обложке. Иногда Сталин вносил в списки изменения по категории осуждения и вычеркивал отдельные имена. За период с 27 февраля 1937 года по 29 сентября 1938 года, сохранилось 383 таких списка. Кроме сталинской подписи на многих папках есть подписи Молотова, Ворошилова, Кагановича, Жданова, Ежова и Косиора.

Арест и осуждение Баева пришлось на время, когда НКВД руководил Ежов, заливший всю страну кровью. За два года его «правления» было арестовано (по политическим мотивам) 1,5 миллиона человек, из которых 750 тысяч было расстреляно (по другим данным — 681 692 человека, примерно по тысяче в день) то есть «львиная доля» всех расстрелянных по 58-й статье с 1930 по 1953 год. Пик расстрельных приговоров пришелся на сентябрь 1937 года, когда из восьми осужденных семерых приговаривали к расстрелу.

Признание своей вины подсудимым в те времена не являлось смягчающим обстоятельством, а, наоборот — служило главным доказательством его виновности и часто усугубляло судьбу, как арестованного, так и его родственников, которых так же подвергали репрессиям. Баев, не признав своей «вины» ни на следствии, ни в суде, получил относительно «мягкий» приговор по такой статье как терроризм. Никто из его родственников репрессирован не был. После суда Баева отправили отбывать наказание во Владимирскую тюрьму (так называемый «Владимирский централ»), как вспоминал Баев, «...свежевыкрашенную и холодную...», в которой он провел вместо 10 лет только несколько месяцев.

Поздней осенью 1937 года, через Вологодскую пересыльную тюрьму и г. Кемь, начался путь Баева на север. Его отправляют на Соловецкие острова в

Владимирский централ

Белом море. С 1923 по 1936 год там находился пресловутый Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), через который прошли 71 800 человек. В начале 20-х годов инициатором создания по всей стране исправительно-трудовых лагерей был

Лев Троцкий. В ноябре 1936 года вместо лагеря была организована Соловецкая тюрьма особого назначения (СТОН). С 1 января 1939 года все тюрьмы ГУЛАГА были переданы в ведение новой структуры — Главное тюремное управление НКВД СССР.

Пароходом заключенных привезли на Большой Соловецкий остров. Баева и еще пять человек переодели в тюремную одежду, по рукотворной дамбе из валунов повезли на остров Большая Муксалма. Там, в урочище под названием «Иисусова пустынь», находится здание бывшей гостиницы для паломников Соловецкого монастыря, превращенное в тюрьму. Всех поместили в одну камеру на втором этаже здания. Камера рассчитана на шесть коек в один ярус. Между ними расстояние в 25–30 сантиметров.

Отделение тюрьмы на острове Большая Муксалма предназначалось для «политических», не признавших себя виновными. Заключение там не гарантировало жизнь. Незадолго до прибытия на Соловки А.А. Баева власть избавилась от всех прежних обитателей тюрьмы. Начальник тюрьмы — Иван Апетер (расстрелян в 1938 году) и его заместитель Петр Раевский (расстрелян в 1939 году) по спецпостановлению вышестоящих инстанций 1825 заключенных тюрьмы расстреляли. 1116 человек вывезли через Кемь в окрестности Медвежьегорска и в конце октября — начале ноября 1937 уничтожили. 509 человек увезли в Ленинград

Остров Большая Муксалма

и расстреляли там в декабре 1937 года (в том числе и знаменитого ученого и философа-богослова — отца Павла Флоренского). 200 человек не успели вывезти (море замерзло), и они были расстреляны в феврале 1938 года непосредственно на Соловках уже во время пребывания в Соловецкой тюрьме Баева. Главной особенностью Соловецкой тюрьмы было то, что все руководство и администрация, от высшего до низшего звена, состояло из чекистов-уголовников. Это были работники НКВД, приговоренные к заключению за воровство, вымогательство, истязания, изнасилования, убийства и прочие преступления.

В камере, кроме Баева, было еще пять человек: Алексей Михайлович Горский — агроном из Киева; Михаил Федорович Дорошин — журналист и впоследствии детский писатель из Сталинграда; Александр Яковлевич Вебер — Нарком просвещения Республики немцев Поволжья; Женя Пушкарев — семнадцатилетний рабочий тракторного завода в Сталинграде (уроженец станицы Иловлинской, на Дону) и некий Митрофан, по прозвищу «Забайкальский», неграмотный 65 лет ассенизатор, с одной из станций Забайкальской железной дороги, обвиненный в шпио-

наже. По иронии судьбы, место его было возле параша. По воспоминаниям Дорошина, Митрофан так описывал свои заключения: «Кто ты? Спросил я его, когда он обосновался в углу, где стояла параша. Впрочем, другого места в камере не было. «Кто я такой? Шпиен!» — ответил он коротко и улыбнулся. «Шпион!», — удивились все разом. Живого шпиона мы видели впервые. «А на кого работал? Для кого шпионил?». «А вот этого я не знаю!». «Кто же знает?» — спросил Женька. «А те, кто меня сюда определили! Значит, я был им нужен. Приехали за мной на машине, забрали с собой, определили в особую палату, кормили. Я думал, лечить будут, у меня поясницу ломит. Я пожаловался на поясницу, а они сказали: «Вылечим!» А потом сказали: «Мы тебя в Москву повезем! Там еще подлечишься. Вот, подпиши бумагу». Я человек малограмотный и со всеми согласный. Ну и подписал им ту бумагу. Они, как и обещали, в Москву препроводили. Военный сопровождал, при оружии, охранял. Только в Москве я недолго побыл. Не дали поглядеть столицу. Вызвали на заседании. Посадили в залу одного, как важное лицо, а сами со сцены, как с амвону в церкви, зачитали бумагу. Вышло, что я шпиен. А потом вот сюда к вам переслали. Значит я тут нужен. Буду с вами тута куковать!», закончил он с улыбкой». (Журнал «Советский мурман». «Прогулка в Соловках». 1991.)

Чтобы не деградировать морально и интеллектуально, Баев взял научные и художественные книги в очень хорошей тюремной библиотеке, составленной из книг, принадлежавших прежним поколениям арестантов. Занимался высшей математикой, иностранными языками (английским, французским, немецким, итальянским). В немецком практикуется с министром просвещения (немцем по национальности). На общие работы заключенных тюрьмы не водили. В день была положена одна десятиминутная прогулка.

Вот как описывал А.А. Баев обстановку в тюрьме на о. Большая Муксалма (интервью Т.Ф. Косиновой 28.02.1990 г.). «В тюрьме в этот период времени была

*Остров Большая Муксалма. Урочище — «Иисусова пустынь».
Здание бывшей гостиницы для паломников, превращенное в мужской
барак Соловецкой тюрьмы. А.А.Баев содержался в одной из камер на
втором этаже. В камере было два окна и, судя по архитектуре здания,
его камера была либо в левом углу здания, либо в середине*

строгая изоляция. И таким образом, самое большее, что могли видеть заключенные (во время прогулок нам не разрешали даже поднимать головы), это были кусочки неба, на которые мы украдкой иногда бросали взор. Нужно сказать, что в Муксалме камера была бывшей гостиничной комнатой на втором этаже: высокие потолки, большие два окна, закрытые деревянными щитами, деревянные кровати, деревянный пол. Напротив нашего здания было другое, небольшое».

Баеву приходилось, время от времени, применять свои медицинские познания. Горский однажды был отправлен в карцер за отказ от предложения начальника тюрьмы, стать «стукачем». Проведя в карцере двое суток, он вернулся в камеру чуть живой. Из воспоминаний Горского: «Войдя в камеру, я упал. Александр Александрович вскочил с постели, подбежал ко мне и уложил на кровать. Пощупал пульс, выслушал легкие, сказал, что ничего тревожного пока нет, но организм ослаблен до предела, нуждается в усиленном

*А.А. Баев (1904–1995),
микробиолог, акаде-
мик. В Соловецкой
тюрьме на острове
Муксалма и в одиноч-
ной камере в Кремле
(1937–1939 гг.). Всего
13 лет заключения*

питании. Денег на приобретение продуктов у меня не было, Тогда он решил все продукты, покупаемые им в лавочке, передавать мне, а сам в течение месяца оставался на тюремном пайке. И силы мои были восстановлены. Я не находил слов, чтобы выразить благодарность за столь благородный поступок».

Но больше всего невзгод выпало на долю Пушкарёва. Вот что писал Баев о нем. «Одним из моих сокамерников был молодой человек со Сталинградского тракторного завода. Фамилию его не помню. Его обвиняли, вместе с другими работниками завода, в участии в фашистской организации. Дело в том, что на Сталинградском заводе когда-то работали немцы, и ОГПУ считало, что вокруг них создались фашистские организации. Наш сокамерник не хотел быть фашистом и протестовал. Но протестовал, можно сказать, примитивно. Например, входит кто-то из администрации — все должны встать, а он лежит. Или откроет форточку, которую открывать нельзя самим заключенным.

Вначале было несколько карцеров, возрастающей продолжительности, в самой тюрьме. А потом Пушкарёва заключили в башенный карцер в Кремле. После двух недель его привели под руки, он был весь отекий и лишенный сил. Волосы у него почти все вылезли». (Журнал «Северные просторы», № 5–6. 1992. «Красный СЛОН на Белом море», с. 24.)

Баев успевает получить несколько писем и денежных переводов от своей мамы, но в декабре 1938 года, в связи с ее смертью, тонкая ниточка, связывавшая его с внешним миром, оборвалась. Жена — Татьяна Сергеевна Вельховер, с ним развелась и, вместе с их сыном Александром, уехала в г. Алма-Ата (с новым

мужем Сызгановым), где и прожила до своей смерти в середине 80-х годов. Брат и сестра Баева в это время отношений с ним не поддерживали.

Спустя десять месяцев режим заключения Баева изменился. По причине, ему не известной, его из тюрьмы на Муксалме перевели в тюрьму на Большой Соловецкий остров, в Кремль. Связано это было, очевидно, с нехваткой рабочих рук на стройобъектах Соловецкого архипелага. В это время на Соловках начинается строительство военной базы и здания новой тюрьмы по немецкому проекту.

Режим на территории Кремля был более жестким, чем на Муксалме. Сидели не в бараках, а опять в камерах, на сей раз двухместных. А.А. Баева поместили в камеру № 79. Его сокамерником был Михаил Федорович Дорошин. Он был моложе Баева и имел довольно несдержанный характер. Вот что писал Дорошин Баеву в одном из своих писем в 1989 году. «Первое, что я должен — это поблагодарить вас за поддержку. Вы своим примером, стойкостью, уравновешенностью, выдержкой помогали мне, человеку очень импульсивному, неуравновешенному, устоять в тех невыносимых условиях, в которых мы находились. Я часто впадал в отчаяние и помню, вы успокаивали меня, я помню наши беседы в соловецкой келье и в Норильске, и я устоял во многом благодаря вам. Спасибо вам». После реабилитации Дорошин жил в Волгограде.

Из воспоминаний А.А.Баева: «Камеры в Кремле были устроены из монашеских келий: маленькое оконце, низкие потолки, маленькие, для одного человека, камеры, но там помещали двух человек. Преимуществом камеры были большие монастырские печи, поэтому в камере было всегда тепло. Нар не было, были деревянные кровати». Часть площади перед Спасо-Преображенским собором, главным собором Соловецкого кремля, была превращена, с помощью трехметрового деревянного забора, в прогулочные дворики размером 4 на 5 метров. Всего таких дворики было четыре.

«Прогулочные дворики — это небольшое пространство, приблизительно 20 кв. м, высокий забор, деревянные вышки — на них стояли вооруженные часовые, которые внимательно следили за прогуливающимися. Прогуливались по кругу, опустив голову и заложив руки назад. Длилось это 10–15 минут. Вообще-то на этой территории (возле собора) были захоронения разных почетных лиц. Когда территорию Кремля превратили в тюрьму, надгробия, за редким исключением, были снесены. Одним из таких исключений была могила последнего атамана Запорожской Сечи, Кольнишевского. Она находилась как раз посередине нашего прогулочного дворика. И я украдкой, описывая круги, останавливаться было нельзя, прочитал если не всю, то значительную часть надписи на могиле. Атаман Кольнишевский был заключен на Соловки по приказу Екатерины II, затем, когда ему было 110 лет, он был помилован, но не уехал, остался на Соловках и в возрасте 112 лет умер. *(Из интервью А.А. Баева Т.Ф. Косиновой.)*

Надпись на надгробии атамана была следующая: «Бог наш — Иисус Христос положив жизнь свою на кресте за всех нас, не хочет смерти грешника.

Здесь погребено тело в Боге почившаго Кошевого бывшей некогда запорожской грозной Сечи казаков, **АТАМАНА ПЕТРА КОЛЬНИШЕВСКОГО**. Сосланного

в сию Обитель по Высочайшему повелению в 1776 году, на смирение. Он в 1801 году по Высочайшему повелению снова был освобожден, но уже сам не пожелал оставить Обитель, в коей обрел душевное спокойствие смиренного Христианина искренно познававшего свои вины. Скончался 1803 года. Октября 31 дня в Суб. 112 лет от роду смертью благочестивою, доброю.

Блаженни мертвые умирающие о Господе! Аминь».

*Атаман Петр
Кольнишевский*

Вскоре Баева стали водить на работы. Благодаря этому он из чисто тюремного контингента становится как бы лагерным. Это обстоятельство опять уберегло Баева от худшего. Дело в том, что согласно директиве Берии от 2-го ноября 1939г., о закрытии тюрьмы на Соловках к 15 декабря этого года, тех, кто попал в категорию лагерников, при ликвидации соловецкой тюрьмы отправили в лагеря Воркуты и Норильлага, а оставшиеся на тюремном содержании попали во Владимирскую и Орловскую тюрьмы. Судьба заключенных последней сложилась трагически.

Баев выходил на работы несколько месяцев. «Никакого предупреждения не было, день был как обычный. Но я помню, загремели замки, а мы очень чувствительны были ко всяким звукам, потому что это было очень существенное средство информации — всякий лишний стук, бряцание замков или еще что-нибудь. И вот загремели замки, и мы поняли, что открывают одну камеру за другой. Никто не представлял, для чего это. Потому что это могло быть для цели уничтожения или перевозки массовой куда-нибудь. Но между тем нас выпустили во двор, и тут мы увидели друг друга, все те, кто сидели в течение двух лет в одной Соловецкой обители. А потом нас стали водить на работы. Там три пункта было для работ. Я попал вначале на бывшее монашеское кладбище за Кремлем. Мы выходили за ворота, проходили мимо Святого озера. На кладбище мы занимались тем, что вытаскивали гробы с останками монахов. Это делалось потому, что на этом месте — и это довольно символично для того времени — НКВД и управление Соловецкой тюрьмы решили сделать детский сад и ясли. На кладбище мне приходилось разрыхлять каменистую почву киркой.

Однажды я ударил киркой и попал на камень. Кусочек отскочил и поранил мне руку. Он попал в вену на тыльной стороне правой руки и повредил сухожилие безымянного пальца. Было довольно большое кровотечение. За помощью я не обращался, рана зажила, но

кусок Соловецкого гранита так и остался до сих пор в руке, как напоминание о тех временах, а безымянный палец на всю жизнь остался в полусогнутом состоянии. Образовалась так называемая контрактура.

Через некоторое время меня и еще несколько человек перевели на работы на песчаный пляж на берегу моря, где мы строили аэродром для военных самолетов. Там были огромные валуны. Мы выкапывали в песке большую яму, валун сваливали в нее и зарывали.

Часть из наших ходила на строительство новой тюрьмы, но я там не работал. Рассказывали, что в новой тюрьме только железо и бетон, никаких деревянных кроватей. Тюрьма эта готовилась для таких как мы, но попали туда другие. Когда нас уже готовили к отправке, кого в Воркуту, кого в Норильск, целыми баржами стали привозить энкаведешников — сподвижников опального Ежова. Наблюдая это, мы испытывали известное злорадство». *(Из интервью А.А. Баева Т.Ф. Косиновой.)* На монастырском кладбище и аэродроме Баев работал в паре с А.М. Горским.

Здание новой тюрьмы было расположено на высоком холме, лес вокруг был вырублен и, по словам Баева, тюрьма поразила его своим видом, так как напоминала «средневековый замок». Это не удивительно. Проект тюрьмы был немецким. Здание это сохранилось до сих пор, но по прямому назначению, насколько я знаю, никогда не использовалось.

Размышляя о времени, проведенном на Соловках, Баев писал: «Каким образом можно выжить? Я имею в виду, главным образом, не физическое выживание, а выживание моральное. И каким образом можно сохраниться, находясь в заключении? Я думаю, что у каждого человека свой путь. Для меня самым трудным было время пребывания в Соловецкой тюрьме. Это было связано с тем, что были свежи воспоминания о том, как я занимался любимой работой, а я свою работу очень любил, и другие воспоминания: Москва, квартира, книги, одним словом, многое. Все эти воспоминания были свежи, и это самое страшное,

*Внешний вид Соловецкой тюрьмы на Большом Соловецком острове,
построенной в 1939 году*

да еще в таких суровых, жестких условиях, которые были в Соловецкой тюрьме. И первой задачей было избавиться от этих воспоминаний, вытеснить их. Я помню, что это удалось сделать насильственно, путем насилия над собой.

И второе. Важно было создать свой внутренний мир каких-то интересов, доступных в этой обстановке, найти занятия, которые дисциплинировали и интеллект и эмоции. Я нашел это в занятиях высшей математикой (с решением задач) и в чтении книг на иностранных языках.

Ежедневно я решал много задач, а это хорошее средство отвлечения — не все задачи решались так просто и над некоторыми из них, без какой-либо помощи и консультаций, я иногда сутками думал.

При чтении иностранной литературы гимнастика для ума заключалась в том, что словарей у меня не было, и таким образом, если встречалось незнакомое слово, то мне приходилось восстанавливать его смысл по контексту. То есть я встречал слово на какой-то странице, потом где-то дальше его встретил и таким образом определял смысл слова исходя из ситуации, в которой оно встречалось в тексте. Подобная умственная гимнастика отвлекала от окружающей обстановки, отвлекала от мысли, что вы находитесь в заключении». *(Из интервью А.А. Баева Т.Ф. Косиновой.)*

Никаких материалов о пребывании Баева во Владимирской, Вологодской и Соловецкой тюрьмах в деле нет.

* * *

В ноябре 1939 года, в связи с началом Второй мировой войны и приближающейся войной СССР с Финляндией, Соловецкую тюрьму, которая была расположена близко к государственной границе, решили ликвидировать. Часть заключенных, в том числе и А.А. Баева, по Северному морскому пути отправили в сентябре в Дудинку — порт в устье Енисея.

«Точных сведений о том, куда нас отправят, не было, но были слухи, что в какой-то северный лагерь. Погрузка на пароход была обставлена со всеми предосторожностями. Вокруг было много стражи. Нас группами доставляли на пристань и сразу заталкивали в трюм, так что я даже не рассмотрел название парохода. В пути нас иногда выпускали на палубу, и у меня в памяти сохранился вид моря, покрытого льдами. Погода была тихая. Кормили сравнительно скудно, но терпимо. Затем мы были выгружены в Дудинке и по железной дороге отправлены в Норильск». (Из интервью А.А. Баева Т.Ф. Косиновой.)

А вот как описывают этот «переезд» соловецкие сидельцы.

А. Прохоров. «Прозвучала команда: «Со с вещей!». С вещами, значит. Выходим, а на рейде стоит пароход «Семен Буденный». Пригнали нас на этот пароход. В трюме этажей в 6 нары. А посередине стоит огромная 40-ведерная бочка, она же параша».

Д. Сагайдак. «Наконец и обыск остался позади. У каждого в руках вещи: у одних чемоданы, у других рюкзаки, а у большинства мешки и рубахи с завязанными рукавами и воротом, набитые немудреными

Александр Арсентьевич
Прохоров (1910 г.р.),
инженер. Всего 18 лет
тюрьмы и ссылок

вещами, еще пахнущими домом, несмотря на плесень, покрывающие их. Построили по четыре, раскрыли двойные железные ворота. И по ярко освещенному коридору из двух рядов конвоиров погнали четверку за четверкой. Перед командой — «Марш!» нам объявили традиционную «молитву»: «Шаг влево, шаг вправо — конвой стреляет без предупреждения», а конвою: «При попытке к бегству стрелять по врагам народа без команды!». Затем уж: «Марш! Подтянись! Не отставай! Быстро вперед!» — поч-

ти бегом до пристани, у которой пришвартован океанский лесовоз. Быстро, по одному человеку, избегаем по трапу к люкам, которые окружены конвоирами с пистолетами в руках. Между ними свободный проход для одного человека. У самых люков по два конвоира без оружия. Они вырывают из рук рюкзаки или сумки с вещами и бросают в темную глубь колодца. Опускаясь по вертикальной лестнице, наступая на чьи-то руки, вскрикиваю от ударов ботинками по голове и рукам, спускающегося вслед за мною. Внизу какая-то глубоко уходящая вниз яма, дна ее не видно.

Не я один, многие подумали в эти минуты, что мы находимся в глубокой могиле, заживо погребенные. По всему телу пробегает холод ужаса, полной обреченности. В крошечной тьме с руганью и стонами разыскиваем свой немудреный «багаж», и те, кому посчастливилось найти его, ощупью отыскивают себе место. А место необходимо. Этот трюм не на час, не на день. Ведь не зря выдали по три килограмма сухарей, как-никак это десятидневная норма. Кое-где мелькают жалкие огоньки зажженных спичек. Постепенно стихли ругань, шум и крики, все нашли себе место на нарах. Волны с разъяренностью дикого зверя набросились на борта лесовоза. Он дрожит всеми переборками, стонет, скрипит и, непрерывно кланяясь этим волнам, тяжело взбирается на них. Вот уже на гребне волны переваливается с борта на борт и вдруг скользит, проваливаясь в пропасть. Сердце людей уходит в пятки, что-то выворачивает внутренности.

В трюме не слышно ни одного человеческого голоса. Стоны, проклятия, ругань подавлены грохотом бури.

Силы покидают нас. Мы уже не встаем, мы не в силах сидеть... Вентиляции никакой: все люки, ведущие с палубы в трюм, наглухо задраены от попадания воды, давно уже перекатывающейся по палубе. Мы дышим, часто разевая рты, как рыбы, выброшенные на берег. Воды нет, а жажда становится нестерпимой. Густой, спертый, горячий воздух пробирается внутрь, сушит легкие, горло...

В ушах шумит, давит виски. Голова раскалывается на части. А время точно остановилось.

Шторм продолжался девять дней. На тринадцатые сутки мы вошли в устье Енисея, а через некоторое время пришвартовались у причалов Дудинки».

В поселке Норильск Красноярского края, расположенном за Полярным кругом при строящемся горно-металлургическом комбинате НКВД, находился большой исправительно-трудовой лагерь, так называемый Норильлаг.

Норильлаг был образован 25.06.1935 года и просуществовал до 02.08.1956 года. В начале 50-х годов в лагере было 30 лаготделений. За время существования лагеря через него прошло около 400 тысяч человек, среди них политических было около 300 тысяч. При образовании лагеря его формировали заключенными из тюрем Красноярска, Енисейска, Орла, Ельца, Кустаная, Соловков, Юхнова. Прибытие новых партий заключенных в лагерь, в силу климатических условий, было возможно только летом по Северному морскому пути или по Енисею из Красноярска.

Относительно численности заключенных в «Норильлаге» по годам, в справочнике «Система ИТЛ в СССР. 1923–1960 гг.» (Москва, 1998. С. 338–339), приводятся такие данные: 1935 год — 1200 человек; 1939 год — 11 560; 1943 год — 30 757; 1951 год — 72 490 человек. В 1937 году в лагере содержалось 594 женщины и 10584 мужчин, осужденных за контрреволюционные преступления.

Руководит комбинатом и лагерем А.П. Завенягин, который в 1933 году руководил строительством Магнитогорского металлургического комбината на Урале. Завенягину в строительстве комбината и лагеря поможет эксчекист, зэк И. Эпштейн, который до этого руководил лагерем и строительством Кузнецкого металлургического комбината. Там, под его руководством, заключенные мерли от голода «как мухи». В 1938 году Эпштейна арестовали, судили и отправили в Норильский лагерь.

А.А.Баев попал в 5-е лаготделение. Вначале он пару месяцев работал на земляных работах — копал траншеи в вечной мерзлоте под фундамент очередного завода. Затем лагерное начальство использует его как врача, которых не хватало в Норильске. Один месяц он был лагерным врачом в амбулатории 3-го лаготделения.

Зиму сорокового года Баев провел в лаготделении рудника «Медвежий ручей». Единственный врач на руднике, он живет в палатке, обложенной снегом. Рудник «Медвежий ручей» — старейший в Норильске и единственный, где руду добывали и добывают открытым способом.

Весной 1940 года его перевели в другое лаготделение у подножия горы Коршунья (так называемый Второй Норильск), где только что прошли массовые расстрелы. Жертвами их в основном стали офицеры и чиновники из оккупированных СССР в 1939 году территорий Польши и прибалтийских государств. Опустевшие лагерные бараки, стены которых были испещрены прощальными словами заключенных, отдали под «профилакторий» для «доходяг», среди которых свирепствуют цинга, дистрофия, пеллагра (авитаминоз) и туберкулез. Все лето Баев работает врачом в этом «профилактории» вместе с фельдшером Шавским. Помогая хоть как-то восстановить силы освобожденным от лагерных работ «доходягам», Баев делал для них противочинготные настои из хвои и болотных ягод, варит уху из рыбы, которую ловит в близлежащих речушках и озерах. Рыба клюет даже на голый крючок. Его выпускают для этого за зону, так как за Полярным кругом бежать некуда. «Профилакторий» периодически посещал с проверками инспектор САНО (Санитарного отдела лагеря и поселка) А. Аграновский (расконвоированный политзэк, отец журналиста — известнца Аграновского).

Надо сказать, что согласно официальной статистике, в Норильлаге, несмотря на суровые условия Заполярья, смертность среди заключенных якобы

Окрестности Норильска. Гора Коршунья

была одной из самых низких по ГУЛАГУ — 0,86 % от общей численности заключенных. Так в 1942 году в Норильлаге умерло 1727 человек (правда, эта цифра тянет на 5,6 %, а не на 0,86 % при численности заключенных в 30 757 человек). 20 % заключенных умерло от кишечных инфекций, 12,8 % от туберкулеза, 9,2 % от пеллагры (авитаминоза), 5,1 % от истощения, менее 1 % от производственных травм.

Осенью 1940 года Баева опять перевели в 5-е лаготделение и назначили врачом больницы для вольнонаемных работников комбината. Баев перешел в категорию «расконвоированных» и, продолжая числиться по 5-му лаготделению, получил возможность не присутствовать на утренней и вечерней проверках заключенных. Он покинул лагерный барак и жил при больнице в маленьком чулане, рядом с больничной кухней.

В больнице, где не хватает врачей, Баев заведует терапевтическим, детским, инфекционным отделениями; рентгенкабинетом; детской молочной кухней; организует биохимическую лабораторию. Он дает наркоз и ассистирует на хирургических операциях, работает как терапевт. Баев хорошо рисовал и расписал стены детской палаты сюжетами из русских

народных сказок (в виде фриза). В этом ему помогали медбратья — Сухоруков и Буре (дед знаменитого хоккеиста Павла Буре).

В этот период Баев, как врач-терапевт и детский врач, обслуживает и семьи лагерного начальства, в том числе, начальника лагеря и одновременно директора комбината А.П. Завенягина и его семью. Завенягин ценил Баева, как высококлассного специалиста, и хорошо к нему относился, особенно после того, как хирург больницы для вольнонаемных — В.Е. Родионов и А.А. Баев успешно сделали его жене сложную операцию и Баев выхаживал ее в послеоперационный период. Жена Завенягина — Мария (похоронена на Новокунцевском кладбище, в Москве) в знак благодарности подарила Баеву шкатулку (сохранилась до сих пор), сделанную из дерева заключенным. Внутри шкатулки была записка: «Одному из равнолюбимых»!!! Неизвестно, чем бы закончился для обоих этот лагерно-больничный «роман», но Завенягина, неожиданно для него, в марте 1941 года, перевели в Москву, на повышение.

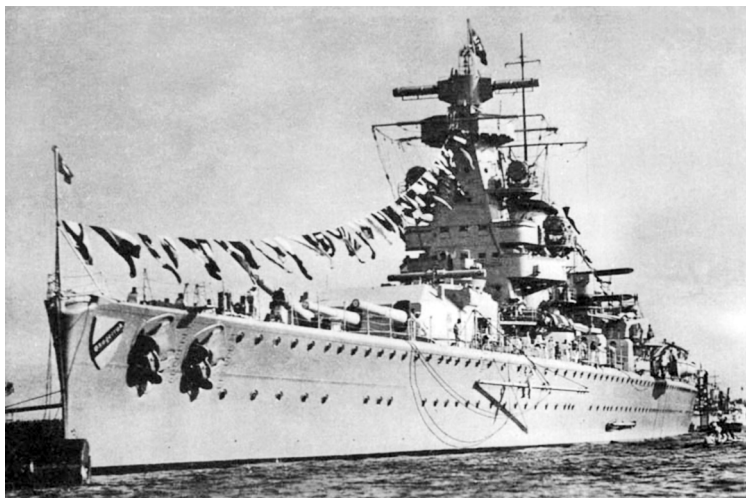
А.А. Баев среди своих маленьких пациентов, во время обхода в детском отделении Норильской больницы. На стене палаты виден фриз, нарисованный Баевым на темы русских народных сказок. 1941 г.

22 июня 1941 Германия напала на Советский Союз. В конце августа 1942 года, недалеко от Норильска, произошло невероятное событие. 27 августа, по Северному морскому пути, к устью Енисея прорвался фашистский рейдер — линкор «Адмирал Шеер». Командование немецкого флота решило задействовать наиболее боеспособный из своих «карманных линкоров» в локальной операции против судоходства по Северному морскому пути и военных баз и баз снабжения в Карском море, так как это был один из путей поставок в СССР военной техники и других видов вооружений из США, по так называемому ленд-лизу.

«Адмирал Шеер» вышел из норвежского порта Нарвик, прошел севернее Новой Земли и дошел до Диксона. «Шееру» удалось потопить вооруженный орудиями пароход «Александр Сибиряков». Противостояли линкору слабые береговые батареи порта Диксон и орудия вспомогательного сторожевика «Дежнев». Выпустив 77 снарядов главного калибра и еще 379 — из 150-мм и 105-мм орудий и получив ряд повреждений от ответного огня — «Адмирал Шеер» отступил.

Событие это попало, в трансформированном виде, на страницы романа Вениамина Каверина — «Два капитана». Главный герой романа, летчик Санька Григорьев, командир морского воздушного торпедоносца, топил рейдер в Карском море. В реальности гибель настигла линкор значительно позже, в конце войны. Линкор стоял на ремонте в порту г. Киль, когда в ночь с 9 на 10 апреля 1945 года, в ходе рейда 600 бомбардировщиков союзников, корабль получил пять прямых попаданий авиабомб. В результате чего линкор опрокинулся вверх дном, прямо у причальной стенки, и затонул.

Но вернемся на Диксон. На острове большие разрушения, десятки убитых и раненых. Да и ситуация в высшей степени скандальная, так как Диксон нахо-

*Линкор «Адмирал Шеер». Назван в честь командующего
Германским флотом в Первую мировую войну*

дится в нашем глубоком тылу. В обстановке строжайшей секретности, для оказания помощи раненым, 28 августа на Диксон гидросамолетом перебрасывают: С.М. Смирнова (и.о. начальника санитарного отдела Норильского комбината), В.Е. Родионова (хирург), Ф.И. Макухину (операционная сестра) и А.А. Баева, как анестезиолога и ассистента хирурга. Его участие в этой истории замалчивалось. Возможно потому, что все кроме него были условно-досрочно освобожденные, а он был на тот момент хоть и расконвоированный, но все же зэк. За два дня эта бригада провела более тридцати операций. Родионов впоследствии получил медаль «За оборону Заполярья», Баев — ничего. Но ему это, видимо, зачлось, так как руководство Норильлага, спустя четыре месяца, в январе 1943 года ходатайствовало о досрочно-условном освобождении Баева, а в 1945 году он был награжден медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941–1945 гг.».

Похожая история случилась с Баевым и в 1949 году. Тогда он, по предложению В.А.Энгельгардта, перевел с английского книгу Болдуина — «Динамическая

биохимия», но в связи с его вторым арестом имя переводчика в изданной книге отсутствовало.

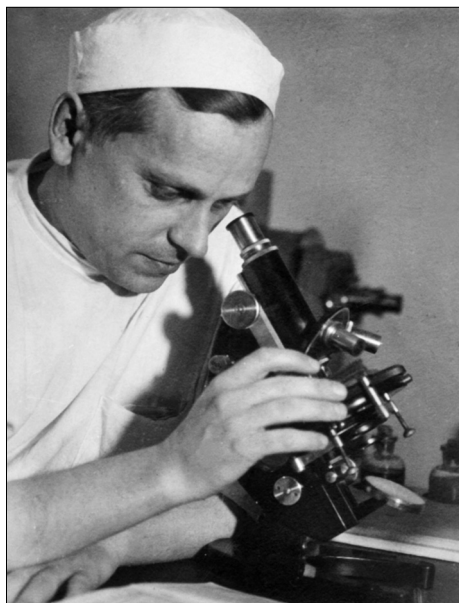
По рекомендации Завенягина после его отъезда в Москву начальником комбината и Управления норильских лагерей, в апреле 1941 года, был назначен 48-летний начальник Дудинского отделения комбината — Александр Алексеевич Панюков. В январе 1943 года, именно А.А. Панюков и В.И. Козловский (начальник Политотдела лагеря), ходатайствовали перед руководством НКВД СССР об условно-досрочном освобождении Баева из-под стражи, на 3 года раньше срока. Вот строки из этого документа:

«...Баев А.А. работает в вольнонаемной больнице, заведует терапевтическим отделением. К работе относится исключительно добросовестно. Проявил себя, как специалист исключительно добросовестный в выполнении возложенных на него обязанностей. Не считаясь со временем, отдает себя всецело делу лечения больных. Исключительная трудоспособность, любовь к своему делу, знания и добросовестность дают в результате, как правило, хорошие показатели восстановления здоровья и трудоспособности вверенных ему больных. Возглавляя организованное им терапевтическое отделение больницы, он одновременно вел и инфекционное отделение. При его непосредственном участии и руководстве организована и работает больничная лаборатория, освоившая сложные методы лабораторных исследований. Им организована детская палата, молочная кухня. Выполняет большую работу по оказанию квартирной помощи, консультаций больных, направляемых поликлиникой. Преподавал на курсах медсестер, что отмечено благодарностью в приказе по Комбинату. Административных взысканий не имеет. В быту поведение хорошее».

В деле отца много документов, характеризующих время, в которое он жил. Например, есть выписка из протокола № 17 от 11 января 1943 года Центрального штаба соревнования и ударничества управления Норильлага и 5-го лаготделения, они также ходатайству-

Норильск, в операционной. 1942 г.

А.А. Баев, в биохимической лаборатории. Норильск

ют о сокращении срока для Баева. Здесь же короткая, формальная, положительная характеристика на заключенного Баева (личное дело № 21137), подписанная начальником 5-го лаготделения Серовым, нач. УРЧ (Учетно-регистрационной части) — Фалиным, нач. КВЧ (Культурно-воспитательной части) — Калачинским. Имеется справка начальника оперотдела Поликарпова и помощника оперуполномоченного Жильницкой о том, что «...компрометирующими сведениями на Баева за время его пребывания в Норильске оперотдел не располагает». Характеристику на Баева дал и и.о. начальника санитарного отдела комбината Смирнов, где говорится, что «...за последний (1941–1942) год Баев обслужил более тысячи стационарных больных, сделал семьсот квартирных посещений и дал более пятисот консультаций».

10 марта 1943 года Особое Совещание при НКВД СССР, «...за высокие производственные показатели и отличное поведение в быту...», снизило Баеву срок отбывания наказания в лагере на 2,5 года. В общей сложности, срок снижали дважды: решение Особого Совещания от 10 марта 1943 года — на 2,5 года и решение ОС от 19 января 1944 года — на шесть месяцев. Итого — три года, как и ходатайствовал Панюков. Изпод стражи Баев был освобожден 30 апреля 1944 года. Справка об освобождении за № 449/21137. Но это была фикция, так как согласно другой, имеющейся в деле справке, в соответствии с директивой НКВД и Генерального Прокурора СССР за № 185-1942 от 29 апреля 1942 года Баев был оставлен на «работе» в Норильлаге МВД до особого распоряжения, которое могло последовать только по окончании войны с Германией (архивно-следственное дело № 269772). Согласно этой директиве задерживалось освобождение из мест заключения до конца войны заключенных, получивших сроки за контрреволюционные и другие особо опасные преступления, а уже освобожденные закреплялись за лагерями в качестве «вольнонаемных».

Окрестности Норильска

* * *

В мае 1945 года закончилась Великая Отечественная война, а 2 сентября 1945 года, с разгромом Японии, закончилась и Вторая мировая война, но Баева продолжают удерживать в Норильске на положении «крепостного от НКВД». 23 июня 1945 года Баев пишет в «органы» заявление о снятии с него судимости. Заявление это, как показали дальнейшие события, либо не было подано Баевым в соответствующие инстанции, либо было ими проигнорировано. Академик В.А. Энгельгардт внимательно следил за судьбой своего ученика. Узнав об условно-досрочном освобождении Баева в конце 1945 года он начинает попытки вызволить Баева из Норильска и перевести его на работу в Ленинград, в Институт экспериментальной медицины АМН СССР, где В.А. Энгельгардт организует отдел биохимии. Он пишет ходатайство на имя Л.П. Берии, где просит НКВД дать разрешение на выезд Баева из Норильска в Ленинград (письмо не сохранилось). 20 декабря 1945 года В.А. Энгельгардт обратился к академику Л.А. Орбели, как директору ИЭМ, с просьбой о совместных действиях по вызволению Баева из Норильска. Л.А. Орбели уже 25 декабря 1945 года

Поселок Норильск в середине 40-х годов XX века. Так он выглядел на момент моего рождения там

написал известное письмо-ходатайство Л.П. Берии, а 13 марта 1946 года послал письмо о Баеве непосредственно начальнику Норильского комбината НКВД А.А. Панюкову (см. также книгу «Академик А.А. Баев», раздел «Комментарии», с. 462–464). Копии писем Орбели к Берии и Панюкову имеются в деле.

* * *

**Народному комиссару внутренних
дел СССР тов. Л.П. Берии**

Многоуважаемый Лаврентий Павлович,
Разрешите обратиться к Вам с просьбой уделить внимание и, если найдете возможным, оказать содействие в положительном разрешении ходатайства, с которым обращается к Вам мой сотрудник по Академии наук СССР, действительный член Академии медицинских наук, проф. В.А. Энгельгардт.

Речь идет о разрешении долголетнему прежнему сотруднику проф. Энгельгардта, талантливому

молодому ученому, А.А. БАЕВУ, репрессированному в 1937 г., ныне освобожденному и работающему в системе НКВД в г.Норильске, вернуться к научной работе в лаборатории, руководимой проф. Энгельгардтом в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде.

*Владимир
Александрович
Энгельгардт*

Как член Президиума Академии медицинских наук СССР, я не могу не быть заинтересованным в укреплении этой заново организуемой лаборатории, деятельности которой академия придает большое значение. А.А. БАЕВ является высокоодаренным, весьма ценным исследователем, питомцем школы В.А. Энгельгардта. Кадры талантливых, перспективных биохимиков у нас

крайне ограничены, и было бы чрезвычайно важно для дела использовать имеющиеся силы наиболее продуктивным образом.

Член Президиума Акад. мед. наук СССР,
Герой Социалистического Труда,
Академик Л.А. Орбели

25.12.45

*** * ***

**Депутату Верховного Совета СССР,
начальнику Норильского комбината НКВД,
генерал-майору А.А.Панюкову**

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Как член Президиума АМН СССР, хочу воспользоваться Вашим приездом на Сессию Верховного Совета СССР, чтобы просить Вас оказать содействие в реализации поддержанного мною ходатайства действительного члена АМН, профессора В.А. Энгельгардта, о предоставлении доктору А.А. Баеву, работающему в настоящее время врачом Норильского комбината, возмож-

ности возвратиться снова к научной работе по его специальности. А.А. Баев имеет законченную квалификацию биохимика, научного работника. Он прошел аспирантуру по биохимии, работал в Институте биохимии АН СССР, имеет ряд опубликованных научных работ, показавших, что в его лице мы имеем одаренного, талантливого молодого исследователя, по специальности, в которой численность научных кадров далеко не удовлетворяет потребности. А.А. Баева имеется в виду привлечь к работе заново развертываемого в системе АМН СССР Отдела биохимии Института экспериментальной медицины. Интересы дела диктуют необходимость использовать наши кадры на такой работе, где они с максимальной эффективностью могут претворить в деле свои способности, знания и наклонности. Все, что я знаю об А.А. Баеве, говорит о том, что это исключительно перспективный научный работник-исследователь. Использовать его на научной работе, по его подлинной специальности, соответствует той роли, которая сейчас с особой силой придается развитию науки в нашей стране. Я позволю себе выразить уверенность, что Вы учтете обоснованность этих соображений и не будете препятствовать переходу А.А.Баева на научную работу в систему АМН СССР.

*Леон Абгарович
Орбели. Колтуши.
1945 г.*

С искренним уважением,
Герой Социалистического Труда,
генерал-полковник медицинской
службы, академик Л.А. Орбели 13.03.46

Надо сказать, что в то время подобные хлопоты были опасны, как для осужденного, так и для ходатайствующих, так как лишний раз привлекали

внимание «компетентных органов» к той или иной персоне с непредсказуемыми последствиями. Так, небезызвестный чекист Рудольф Лацис (отец Отто Лациса, журналиста и политолога, одного из активистов «перестройки») был знаменит в послереволюционные годы тем, что считал «...хлопоты мешают планомерной работе органов...» и поэтому нередко спешил расстрелять тех, о ком ходатайствовали. Его самого постигла та же участь в конце 30-х годов.

Хлопоты о А.А. Баеве явление, в то время не частое, но и не исключение. В разные годы в защиту других репрессированных ученых (вплоть до писем И.В. Сталину) выступали академики: И.П. Павлов, Н.И. Вавилов, С.И. Вавилов, П.Л. Капица, А.Ф. Иоффе, А.Н. Колмогоров, П.С. Александров, А.А. Андронов, И.В. Гребенщиков, В.А. Веснин, А.Н. Теренин, Н.И. Мухелишвили, Д.Б. Рязанов, чл.-корр. Л.С. Понтрягин и другие.

Л.П. Берия поручил начальнику своего Секретариата С.С. Мамулову (в пятидесятые годы был расстрелян) заняться делом Баева. А.А. Панюков отреагировал следующим образом.

Начальнику секретариата МВД СССР, ген.-лейтенанту Мамулову С.С. от начальника Норильского комбината, ген.-майора Панюкова А.А.

13 февр. 1946 г.

Возвращаю переписку в отношении откомандирования в г. Ленинград врача Баева А.А. Прошу Вас, ввиду отдаленности Норильского комбината от материка, ежегодного и большого роста вольнонаемного населения, которое вынуждено жить в тяжелых климатических условиях Заполярья, необходимости ведения научно-исследовательских работ в Норильске, не отзываться и закрепить на постоянную работу в системе Норильского комбината врача Баева А.А., так как специалисты врачи нам крайне необходимы. Начальник НК, ген.-майор А.А. Панюков.

13 апреля 1946 года на очередной запрос из Москвы, начальника секретариата МВД СССР, ген.-лейтенанта С.С. Мамулова о переводе Баева на работу в Ленинград, Панюков опять просит оставить Баева в Норильске, «...не отзывать и закрепить на постоянную работу в системе Норильского комбината МВД...». Но уже через три дня, 16 апреля 1946 года в другом письме генерал-майор А.А. Панюков пишет С.С. Мамулову:

«...В свое время АН СССР дважды ставила этот вопрос через Вас и я в то время возражал против откомандирования Баева из Норильского комбината. Баев работает в Норильске в качестве детского врача и хотя мы нуждаемся во врачах, видимо, он будет более полезен, работая по своей основной специальности биохимика. Поэтому я не возражаю против освобождения Баева от работы в Норильском комбинате и откомандирования его в распоряжение Института биохимии АН СССР.

Считаю необходимым отметить, что Баев освобожден из Норильского исправительно-трудового лагеря по директиве № 185».

28 апреля 1946 года В.А. Энгельгардт, еще не зная, что Панюков «сдался», написал очередное письмо о Баеве на имя Л.П. Берии. Письмо имеется в деле. В нем опять дается обоснование усиления биохимических исследований в стране, организации отдела биохимии в ИЭМ, говорится о недостатке квалифицированных кадров биохимиков, в связи с чем Энгельгардт и просит разрешить Баеву работать в Ленинграде.

Но одного согласия Панюкова на выезд Баева из Норильска было недостаточно. Запущены в ход две огромные бюрократические машины — МВД СССР (бывший НКВД) и Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР. Только секретариат МВД СССР под руководством С.С. Мамулова насчитывал 200 человек. 29 апреля 1946 года начинается активная служебная переписка между начальником отдела

«А» МГБ СССР ген.-майором Герцивским; начальником управления МГБ по Ленинградской области ген.-лейтенантом Родионовым; начальником 2-го отдела, 2-го главного упр. МГБ СССР (контрразведка!) подполковником Ф.Г.Шубняковым («курировал» интеллигенцию»); зам. министра МГБ ген.-лейтенантом С.И. Огольцовым (бывший письмоносец с двумя классами образования, сделавший карьеру в ЧКа) и нач. секретариата МВД СССР ген.-лейтенантом С.С. Мамуловым.

Персона Баева подвергается тотальной проверке. Посылаются соответствующие распоряжения в Москву и Казань. Вопрос о переводе Баева на работу в Ленинград почему-то начинают называть «пересмотром дела». Этот терминологический нюанс мог сыграть, в дальнейшем, роковую роль при принятии решения по ходатайствам Энгельгардта и Орбели.

Так Родионов дает 9 октября 1946 года распоряжение начальнику 1-го спецотдела МВД СССР полковнику Кузнецову:

«...В связи с пересмотром дела бывшего осужденного Баева А.А. прошу дать указание проверить и сообщить нам подтвердили ли на судебном заседании свои показания в отношении Баева, осужденные в 1937 году ВК ВС СССР к ВМН Калинин И.И., Карпова Ю.П., Медведев Ф.П., Цинципер Л.И., Слепков В.Н., Комаров С.А.».

23 октября 1946 года зам. начальника 1-го спецотдела МВД СССР подполковник Пядышев и начальник 6-го отделения подполковник Кинжалов сообщают начальнику управления МГБ Ленинградской области Родионову, что: «...на судебном заседании ВК ВС СССР 31 июля и 2 августа 1937 года Калинин Иван Иванович, Медведев Федор Павлович, Слепков Василий Николаевич, Комаров Сергей Алексеевич и на судебном заседании того суда 19 сентября 1937 года Цинципер Лев Иосифович, виновными себя признали и ранее данные показания подтвердили. Однако Баева

участником антисоветской террористической организации правых на судебном заседании ВК ВС не назвали. Карепова Юлия Павловна на судебном заседании ВК ВС 31 июля 1937 года виновной себя не признала и от ранее данных ею показаний отказалась».

Несмотря на это, начальник следственного отдела, подполковник Подчасов, который по указанию Огольцова анализирует архивно-следственное дело № 269772 на Баева и др. приходит к выводу (на мой взгляд, парадоксальному), о том, что: «...по материалам дела Баев А.А. осужден правильно».

26 августа 1946 года дело Баева пересылают в Ленинград, где им занимается начальник следственного отдела УМГБ Ленинградского округа подполковник Хвощ. Он собирает сведения о научной деятельности Баева и просит допросить еще раз людей, дававших показания против Баева, посылая в соответствующие ведомства МГБ Москвы и Казани запросы. В частности, он пишет:

«...Желательно, чтобы сбор материалов о научной деятельности Баева был осуществлен помимо Орбели и Энгельгардта, так как не исключена возможность их личной заинтересованности в Баеве...»

31 августа 1946 года заместитель начальника следственного отдела МГБ ТатССР майор Микляев присылает из Казани список научных трудов Баева, опубликованных до его ареста в 1937 году. Он состоит из девяти серьезных научных тем. Кроме того названы рефераты, статьи в Энциклопедию, обзоры и прочее. Тут же майор Микляев сообщает о том, что: «...взять показания у лиц арестованных с Баевым по одному делу не представляется возможным, так как Калинин И.И., 1905 г.р., уроженец г. Казани; Карепова Юлия Павловна, 1904 г.р., из Йошкар-Ола; Слепков Василий Николаевич., 1902 г.р.; Медведев Федор Павлович, 1902 г.р., уроженец Петровского р-на, Куйбышевской области — осуждены в 1937 году Военной Коллегией Верховного Суда СССР по первой категории к ВМН».

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление в связи с неоднократно упоминающейся в деле А.А.Баева Юлией Кареповой.

Ярая, бескомпромиссная коммунистка, по словам Баева: «...она отталкивала меня своей ортодоксальностью». Согласно приговору и донесению майора Микляева, Карепова была расстреляна. С другой стороны, Ю. Карепову вспоминает в своей книге «Крутой маршрут» (Издательство «Московский писатель». Москва, 1990. 597 с.) небезызвестная Евгения Гинзбург. Е.С. Гинзбург — жена партийного функционера Павла Васильевича Аксенова (Председатель горсовета Казани, член ЦИКа СССР) и мать известного советского писателя Василия Аксенова (по словам А.И. Солженицына, «ярого русофоба»).

Е. Гинзбург родилась в 1904 году в Москве, с 1909 года жила в Казани, училась там в гимназии и университете, была активной коммунисткой, дружила с Сашей Вишневым, в будущем знаменитым хирургом, и Зиной Бурлянд (сестра друга Баева — Владимира Александровича Бурлянда). А.А. Баев знал Гинзбург. Она была арестована в Казани примерно в то же время, что и Баев. Они оба прошли через одних и тех же следователей. Вот одно из воспоминаний Баева о Е. Гинзбург.

«Однажды я был у Зины Бурлянд и там встретил Е. Гинзбург. Это была интересная, ухоженная молодая дама. Она держалась явно высокомерно. Зина лебезила. Гинзбург мне не понравилась — я почувствовал, что она причисляет себя к партийной аристократии, да, вероятно, и принадлежит к ней по положению мужа Аксенова, в действительности».

Другой известный политический сиделец — Олег Волков в своей книге «Погружение во тьму» посвятил Гинзбург пять страниц довольно гневного текста, прочитав в шестидесятые годы в «самиздате» ее «Крутой маршрут». В частности, он пишет, что, «...как лицо, принадлежавшее к сословию «ответственных» она с

единомышленниками одобряла расправы и голосовала всегда — За!»

Как бы то ни было, и Гинзбург не минула «чаша сия» — политические репрессии. Те, кто еще сегодня карал других, абсолютно уверенный в собственной непогрешимости и безнаказанности, назавтра сами становились жертвами. В 1937 году Е. Гинзбург, за связь с троцкистом, профессором Н.Н. Эльвовым (Зав. отделом международной информации в газете «Красная Татария») была исключена из партии, а затем арестована, и получив 10 лет, отправилась в лагерь на Колыму. Кстати сказать, в 1937 году к ведению дела Гинзбург, на одном из его этапов, был причастен следователь НКВД Евгений Михайлович Саушкин, который, к 1990 году, во времена горбачевской «перестройки», благополучно «дослужился» до депутата Моссовета от блока «Демократическая Россия»!!!

По словам Гинзбург («Крутой маршрут», глава 24 — «Этап», с. 87–88.) на Ярославской пересылке, в конце 1937 года, она, якобы, встретила Ю. Карепову, («круглоглазую Юльку, ортодоксальнейшую из всех партийных ортодоксов»), которая рассказала ей о поведении В. Слепкова на следствии.

«Юлия Каропова поразила меня рассказом о поведении Слепкова. Он, оказывается, тоже был привезен для «переследствия» из уфимской ссылки, где находился после трех лет политизолятора. (Это не точно. Слепков к тому времени от ссылки был освобожден и уехал с женой из Уфы в Баку, к родителям жены. Там он пытался «отсидеться» в период очередной волны репрессий. В Баку Слепков был арестован и привезен в Казань для следствия и суда.) По рассказам Юли, Слепков пошел на все, чего требовали от него следователи. Дал список «завербованных», свыше 150 человек. Давал любые «очные ставки», в том числе и Юле. Это был какой-то гнусный спектакль, в котором и Слепков и следователь были похожи на актеров из кружка самодеятельности, произносящих свои реплики без тени правдоподобия.

Глядя Юле в лицо пустыми глазами, Слепков повествовал о том, как он в Москве «получил от Бухарина террористические установки», а приехав в Казань, поделился ими с некоторыми членами подпольного центра, в том числе с Юлей. Она, мол, полностью согласилась с установкой и выразила готовность быть исполнителем террористических актов. Юля, задыхнувшись от изумления и гнева, закричала на него: «Лжете!». Он патетически воскликнул: «Надо разоружаться! Надо стать на колени перед партией!». До сих пор не понимаю, что заставило Слепкова поступать подобным образом. В жизни он казался обаятельным человеком, привлекавшим к себе сердца не только блестящей эрудицией, но и человеческой добротой».

Возможно, все это литературный вымысел. Как могла Ю. Карепова рассказывать это на пересылке в конце тридцать седьмого года, если, согласно существовавшим тогда правилам, смертный приговор не подлежал обжалованию и приводился в исполнение в тот же день, в крайнем случае, на следующий? Если же это правда, то не Ю. Кареповой задыхаться «...от изумления и гнева...» по поводу поведения В.Н. Слепкова. Ее лживые показания также сгубили не одного невинного человека. Во всяком случае, В.Н. Слепков фамилии А.А. Баева, как члена «террористической организации», никогда не произносил. Во время последней встречи и беседы А.А. Баева со В.Н. Слепковым в Казани, незадолго до ареста Слепкова и ссылки его в Уфу, Слепков, по словам Баева, был грустен и сказал, в том числе, следующее: «Со мной сейчас всякое может случиться, но чтобы про меня ни говорили, ничему не верьте».

Могла ли Карепова избежать расстрела? Очень редко, но такие случаи бывали. Приговор не приводился в исполнение месяц, два, три, а затем заключенного вызывали и объявляли о том, что вместо расстрела он получает, к примеру, 10 лет лагерей. Лагерные острословы такой приговор называли: «десять лет с испугом».

Но продолжу рассказ о «пересмотре» дела А.А. Баева.

Из Москвы начальник 1-го отдела АН СССР присылает в Ленинград, по запросу, старый протокол заседания Ученого совета Института биохимии АН СССР и уже известный список научных трудов Баева. Оба документа имеются в деле.

30 октября 1946 года начальник 4-го отделения следственного отдела УМГБ ЛО капитан Плешаков, с одобрения начальника следственного отдела майора Козырева, выносит окончательный вердикт по делу Баева:

«...Принимая во внимание, что Баев осужден как участник антисоветской террористической организации, изобличавшие Баева участники этой же организации: Медведев Ф.П., Комаров С.А., Цинципер Л.И., на ВК ВС СССР виновными себя признали и данные ими в процессе следствия показания подтвердили, сам же Баев никаких ходатайств о пересмотре приговора по его делу не возбуждал и не возбуждает (а как же заявление Баева о снятии судимости от 23 июня 1945 года?), а поэтому полагал бы: ходатайство академика Орбели Л.А. и профессора Энгельгардта В.А. о разрешении Баеву А.А. проживать в городе Ленинграде оставить без удовлетворения. Архивно-следственное дело с настоящим заключением направить в отдел «А» МГБ СССР».

А вот какой ответ, в связи с этим, получил Л.А. Орбели от В. Чернышова — заместителя Л.П. Берии.

«На Ваше письмо в адрес Л.П. Берии об освобождении от работы в Норильском комбинате НКВД и откомандировании врача Баева А.А. НКВД сообщает, что в силу недостатка медицинских кадров на комбинате мы не имеем возможности откомандировать Баева А.А.».

Все эти решения приняты несмотря на то, что еще 24 июня 1946 года появился совместный приказ МВД, МГБ, и Генерального прокурора СССР «Об

отмене Директив НКВД СССР и Генерального прокурора СССР № 221 от 22 июня 1941 года и № 185 от 29 апреля 1942 года и всех последующих к ним дополнений». Пункт 5-й этого приказа гласил, что «освобождение заключенных, отбывших срок наказания, задержанных в ИТЛ, колониях и тюрьмах до окончания войны на положении заключенных и вольнонаемных — производить постепенно и закончить к 1 октября 1946 года».

В 1946 году Норильлаг насчитывал 76 636 заключенных. Из них 7086 человек, освобожденные и оставленные в лагере по директиве № 185, считались работающими в лагере по вольному найму, согласно пункту 2 этой Директивы. В их число входил и Баев. Нежелание отпускать таких как Баев объяснялось просто. ГУЛАГ, кроме чисто репрессивной, играл еще и важную экономическую роль в индустриализации страны и освоении просторов Сибири и Дальнего Востока. Руководство ГУЛАГА, не без оснований, опасалось, что освобожденные будут уезжать из мест, где прошли не самые лучшие годы их жизни, и некому будет работать на многочисленных гулаговских фабриках, заводах, комбинатах, шахтах и рудниках, не говоря уже о лесоповале. Эта проблема всерьез начала обсуждаться начальниками лагерей и руководителями ГУЛАГА с Берией еще с мая 1945 года. Решение было найдено Сталиным, как мы увидим далее, в феврале 1948 года.

* * *

Потерпев фиаско с переводом Баева в Ленинград, В.А. Энгельгардт хлопочет в МВД о разрешении для А.А. Баева хотя бы защитить кандидатскую диссертацию в Институте физиологии им. И.П. Павлова АН СССР (директор — академик Леон Абгарович Орбели). Диссертация была написана Баевым еще в 1936 году, незадолго до ареста, и сохранена В.А. Энгельгардтом. Разрешение на выезд в Ленинград для защиты диссертации, за подписью заместителя Л.П. Берии С.С. Кабулова было получено.

Прежде чем защита состоялась, Баев, в конце 1946 года, с разрешения руководства Норильского комбината, сумел выехать из Норильска в Москву. Находясь там (в декабре 1946 — феврале 1947 года), Баев занимался переработкой литературного обзора диссертации, в том числе и на квартире у В.А. Энгельгардта. 30 апреля 1937 года формально истек срок его заключения. В начале июля 1947 года, Баев получил разрешение от руководства Норильского комбината снова ненадолго покинуть Норильск для защиты своей кандидатской диссертации в Институте Физиологии АН СССР в Ленинграде. Официаль-

Мемориальный комплекс в Норильске у подножья горы им. О.Ю. Шмидта («Шмидтиха»), где находится кладбище, на котором хоронили заключенных и вольнонаемных

Здесь же находится и могила сына Е.В. Бaeвой от первого брака — Юры Косякина. Екатерина Владимировна, посещая могилу сына, неоднократно наблюдала, как на санях или телегах, в зависимости от времени года, привозили трупы заключенных к огромному рву и сбрасывали их туда. Закапывали трупы по мере заполнения рва, как правило, весной, когда оттаивала земля (зимой просто присыпали снегом). Зимой не закопанные трупы обглаживали песцы.

Здесь я хотел бы отметить некоторые нестыковки, связанные с судьбой первого мужа Екатерины Владимировны — геофизика Дмитрия

Германовича Косякина (1913–1943 (41?) гг.), уроженца Новороссийска. Он происходил из семьи зажиточного кубанского казака — Германа Алексеевича Косякина. Их дом находился на центральной улице Новороссийска. После революции дом был конфискован и в нем разместилась Новороссийская ЧКа.

По воспоминаниям Екатерины Владимировны, Д.Г. Косякин был мобилизован в п. Игарка, в августе 1941 года, отправлен на фронт, и через две недели погиб в бою под Смоленском. (подробнее ее воспоминания в книге о А.А. Баеве). Косякин был командиром артиллерийской батареи (что весьма возможно, учитывая его высшее образование и специальность) и погиб он от прямого попадания то ли снаряда, то ли авиабомбы.

Согласно же данным Центрального архива министерства обороны о потерях Красной армии в ВОВ (ЦАМО, фонд № 58, опись № 18004, дело № 2264), красноармеец Д.Г. Косякин погиб 08.12.1943 года западнее Ржева, в бою у города Белый, расположенного в юго-западной части Калининской области (ныне Тверской). Именно в 1943 году Екатерина Владимировна с сыном переехала из Игарки, где ее оставил муж, в пос. Норильск. Возможно, этот переезд был связан именно с тем, что она получила известие о гибели мужа.

ными оппонентами были профессора С.Е. Северин и Е.М. Крепс. Защита прошла успешно. В общей сложности, у Баева и Эгельгардта ушло полтора года непрерывных хлопот на эту ленинградско-диссертационную эпопею.

* * *

Осенью 1947 года Баеву удалось навсегда вырваться из Норильска. На этот момент в стране среди осужденных по 58-й статье за террор, осталось в живых всего 1707 человек и Баев в их числе. Проживание в крупных городах ему было запрещено в течение последующих пяти лет. Это было связано с поражением в правах после отбытия наказания, на тогдашнем жаргоне — «пять лет по рогам». С помощью В.А. Энгельгардта начинаются поиски места жительства и работы. В октябре 1947 года после безуспешной попытки устроиться на работу в столице Киргизии Фрунзе (сейчас Бишкек) Баев, по рекомендации своего учителя оказался с семьей в Сыктывкаре в качестве старшего научного сотрудника, а затем заведующего биохимической лабораторией и и.о. сектора химии Коми базы АН СССР. Там Баев занимался биохимией

растений, разрабатывал темы «Биологические свойства картофеля, культивируемого в Коми АССР, в связи с сортом и географическим фактором», «Биохимия созревания ячменного зерна».

Но прожить в Сыктывкаре, в относительной свободе, А.А. Баеву было суждено чуть больше года. Уже в конце 1948 года МГБ начал подготовку к повторному аресту Баева по старому делу, так как в стране начинается очередная массовая «чистка» и, прежде всего среди тех, кто был осужден по политическим мотивам в 1937 году, уцелел и уже вышел на свободу.

* * *

Основанием для нового витка репрессий послужил пресловутый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года: «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

Он гласил:

1. Обязать Министерство внутренних дел СССР всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности, — по истечении срока наказания направлять по назначению Министерства государственной безопасности СССР в ссылку на поселение под надзор органов МГБ:

в район Колымы на Дальнем Севере,
в районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50-ти километрах севернее транссибирской железнодорожной магистрали,

в Казахскую ССР, за исключением Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбин-

ской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей.

2. Обязать Министерство государственной безопасности СССР направить в ссылку на поселение государственных преступников, перечисленных в статье 1-й, освобожденных по отбытию наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной Войны.

Направление в ссылку на поселение этих лиц производить по решениям Особого совещания при МГБ СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

Н. Шверник

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль.

21 февраля 1948 г.

Уникальность Указа заключалась в том, что советское уголовное законодательство не предусматривало повторное наказание за одно и то же преступление, и в нем не было такого вида наказания, как бессрочная ссылка (по терминологии Указа — «ссылка на поселение»). Но все это было не важно, так как Указ позволял раз и навсегда решить проблему оттока квалифицированных кадров из Сибири и Дальнего Востока, о чем так волновались руководители ГУЛАГА и страны еще в 1945 году. А.П. Завенягин в разговоре с Е.В.Баевой в 1949 году (см. книгу о Баеве) приписывал появление Указа лично Сталину, или как он говорил — «хозяину».

Из Москвы в Сыктывкар пришло архивно-следственное дело № 269772 (Казанский процесс над В. Слепковым и др.). По материалам этого дела министр ГБ Коми АССР полковник Хайлов составил 12 декабря 1948 года справку, которая положила начало новому следственному делу — № 684.

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 684 (1949 г.)
(архивный № 2-2087,
центральный архив № 275122)

*Справка, подготовленная полковником Хайловым
в Сыктывкаре*

Справка

о преступной деятельности Баева А.А., 1903 г.р., русского, уроженца г.Чита, Читинской области, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, служащего, женат, работающего в Научно-исследовательской базе АН Коми АССР, проживающего в г. Сыктывкар, ул. Совнаркомовская, д. 4, кв. 5.

...Из материалов дела видно, что Баев А.А. являлся участником контр-рев. террористической организации правых, существовавшей среди научных работников г. Казани, в которую он был вовлечен в 1930 г. одним из руководителей названной организации Слепковым В.Н. (осужден). Как установлено, Баев принимал участие в нелегальных собраниях участников террористической организации, на которых высказывал свои контр-рев. настроения и разделял террористическую деятельность правых. Являясь враждебно настроенным к партии и Советской власти, Баев по заданиям Слепкова проводил среди слушателей научно-методического кружка при Государственном институте усовершенствования врачей контр-рев. пропаганду взглядов правых и открыто выступал в защиту их установок. Будучи допрошенным по существу предъявленного обвинения Баев виновным себя не признал, однако в участии в контр-рев. террористической организации правых и контр-рев. деятельности достаточно изобличается показаниями других обвиняемых названной выше организации.

* * *

15 февраля 1949 года, начальник отдела МГБ Коми АССР, капитан Ульянов и майор Модянов, приведя в качестве доказательства «преступной деятельности» Баева старые показания свидетелей и старый приговор, выдали постановление на арест А.А. Баева.

Модянов сделал успешную карьеру на сфабрикованных делах и к 1957 году был уже Председателем КГБ Коми АССР. Постановление 22 февраля утвердили министр ГБ Коми АССР, полковник Хайлов и военный прокурор войск МВД Коми АССР майор юстиции Минин.

Ордер № 483 на обыск и арест Баева был выдан 22 февраля 1949г. лейтенанту ГБ Мелешеву следователем 2-го отделения следственного отдела МГБ Коми АССР майором Лапшиным, с санкции военного прокурора войск МВД Коми АССР майора юстиции Минина.

В ночь на 23 февраля за Баевым пришли. Арест и обыск проводили лейтенанты ГБ Мелешев и Бочаров. Понятой присутствовала соседка по дому из кв. 3 Раиса Семеновна Попова.

Из протокола обыска:

«Изъято при обыске: паспорт, профбилет, записная книжка, блокнот, фотографии, заявление о снятии судимости от 23 июня 1945 года, военный билет, справки — 4 штуки. В виду отсутствия принадлежащего задержанному Баеву личного имущества опись имущества не произведена».

* * *

В деле имеется весьма подробная анкета арестованного. В ней Баев не указал свою сестру Татьяну, сына от первого брака Александра и первую жену Татьяну Сергеевну Вельхвер (по второму мужу Сызганову).

Над женой и детьми Баева нависла угроза репрессий. Еще с 15 августа 1937 года был издан указ № 0486, согласно которому жены репрессированных

могли быть арестованы и осуждены, а дети направлены в спецдетдома, колонии для несовершеннолетних и даже в колонии для взрослых, в зависимости от возраста. Малолетним детям в таком случае нередко меняли фамилию и имя. Указ этот действовал до середины 50-х годов. Так, после ареста и расстрела министра госбезопасности В. Абакумова, его вторая жена Смирнова и их четырехмесячный сын оказались в тюрьме. Ребенку сменили фамилию. Всего репрессиям подвергли более 27 тысяч детей.

После ареста Баев содержался в тюрьме № 1 города Сыктывкара. Начальник тюрьмы — капитан Сельков. Первый допрос Баева 23 февраля 1949 года проводил лейтенант ГБ Мелешев. На вопрос «Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете ли Вы в этом себя виновным?». Он ответил: «Виновным себя в этом не признаю, так как я никогда никакой антисоветской деятельности не проводил».

28 февраля 1949 года дело к производству принял майор Лапшин. Допросы Баева в Сыктывкаре даны мною фрагментарно в тех случаях, когда идет зачитывание показаний свидетелей из казанского дела, и имеют место другие повторы, которые уже известны. Все допросы проводятся по ночам, для дополнительного психологического давления на подсудимого. Никаких методов физического воздействия не оказывалось. Допрос начат 28 февраля в 23 часа и окончен 1 марта в 3 часа ночи, его продолжительность 4 часа. Все ответы отца сводились к одному утверждению: «Так как я никогда ни в какой к/р организации не состоял, то изобличить меня в этом никто не может».

Следующий допрос состоялся 2 марта 1949 года. Его продолжительность 3 часа 20 минут. Диалог аналогичен допросу от 28 февраля, со ссылками на старые показания Калинина, Медведева, Цинципера и других. Они закончились так.

Вопрос: Вы очень не искренни на следствии. Вы и по настоящее время остались убежденным врагом,

сторонником правых и проводили антисоветскую работу. С какой целью вы не желаете давать правдивые показания?

Ответ: На следствии я рассказал только правду. Врагом Советской власти я никогда не был и не являюсь в настоящее время. Никакой антисоветской работы я никогда не проводил. Ничего я не скрываю и даю только правдивые показания.

Потом был четвертый допрос, пятый... И всегда особое внимание уделялось В.Н. Слепкову, якобы главному контрреволюционеру.

Баев не был со Слепковым в близких, приятельских отношениях и не вел с ним политических дискуссий по ряду причин, (партийный — беспартийный, профессор — аспирант, и т.п.), но их отношения все же были вполне дружескими и доверительными. Слепков ценил в Баеве остроту ума и независимость суждений. Он рекомендовал его руководителем философского кружка в Институт усовершенствования врачей.

Вот что отец рассказал в интервью Т.Ф. Косиновой.

«С Василием Николаевичем Слепковым меня свели следующие обстоятельства. Он руководил семинарами по диалектическому материализму, по методологии биологии для аспирантов-биологов Казани. Там собирались университетские аспиранты, аспиранты Казанского медицинского и Ветеринарного института. В том числе и я. Это продолжалось один год. Потом я с некоторыми из них периодически встречался, так как мы уже углубленно занимались диалектическим материализмом в приложении к медицине, биологии и т.п. Таких нас было человек семь. Мы иногда собирались на собеседования с участием Слепкова. С Василием Николаевичем, помимо семинаров, я встречался таким образом. В здании университета, где находилась кафедра биохимии, размещалась и университетская касса, куда два раза в месяц Василий Николаевич приходил получать свою заработную плату. При этом он часто заходил ко мне на кафедру. Двери были

рядом. Встречаясь, мы беседовали о том, о сем. Мне он очень нравился. Это был очень одаренный, талантливый человек». Вот она — террористическая ячейка и ее главарь!

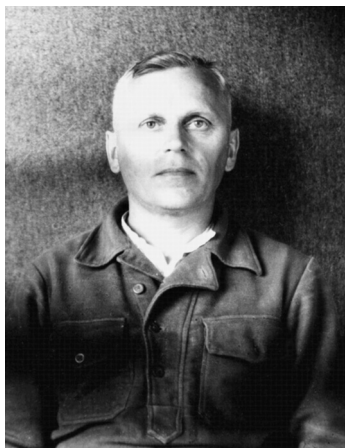
28 марта 1949 года дело направляется на рассмотрение ОС при МГБ СССР. Особое Совещание вынесло Баеву 25 мая 1949 года приговор: «Сослать на поселение». Это означало бессрочную ссылку. 11 июня 1949 года было приказано отправить Баева этапом, под конвоем, в Красноярск.

22 июля 1949 года, в трюме колесного парохода «Мария Ульянова», (бывший «Святитель Николай», на котором в с. Шушенское, в свое время, приехал в свою сибирскую ссылку В.И. Ленин), Баев, вместе с другими ссыльными, отправился в семисоткилометровый путь вниз по Енисею и через трое суток прибыл в с. Ярцево.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО № 7160 ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦА А.А. БАЕВА (1949—1954 гг.)

Дело начато 18 февраля 1949 года. Судя по дате и хранящимся в деле различным справкам, начато оно в Сыктывкаре, еще до ареста Баева и вынесения приговора, то есть все было предрешено заранее, видимо, в начале декабря 1948 года. В настоящее время (1998 г.) дело хранится в Красноярском архиве МВД (МГБ). Архивный номер СО-41627. Через пять лет (2002 г.), по словам чиновников из МВД, «может быть уничтожено, как не представляющее ценности». В 1953 году в Красноярском крае было 10 276 ссыльных по 58 статье. По другим данным их было более 30 тысяч.

Упомянутый мною ранее О.В. Волков попал в ссылку в с. Ярцево почти одновременно с А.А. Баевым. Вот как Волков описал путь, который прошел до него А.А. Баев, а также ярцевского районного коменданта МВД (с 1949 по 1954 год) — младшего лейтенанта Николая Ивановича Бочарова. Насколько я помню, он делал «инспекторские» визиты к отцу в Нижне-

*Фотография А.А.Баева
из л/д № 7160*

Шадринскую больницу, и был большим любителем медицинского спирта.

«Сплывали мы по Енисею (из Красноярска) несколько дней, но видеть великую сибирскую реку не пришлось — на палубу нас не выпускали. Подобравшись по низким нарам вплотную к иллюминатору, изогнувшись под нависшим потолком, можно было, прильнув к толстому мутному стеклу, увидеть лишь крохотное пространство воды с воронками и узора-

ми стремительного течения. Было тесно, смрадно и тоскливо... И наконец свершилось: пароход пришвартовался у очередной пристани (Ярцево), и нам командовали выходить с вещами... Нас завели в пустые пассажирские помещения пристани и там оставили до утра... Конвоиры подняли этап затемно и, выстроив в последний раз и пересчитав на пустыре против пристани, повели по пустынной улице — унылой и неприветливой. Темные избы, глухие ворота в бревенчатых заплотах, бродячие тощие собаки, досчатые узкие мостки без единой живой души... Против одного из этих слепых домов попросторнее, с вывеской «Командатура МВД», нас остановили... Не заставила себя ждать и главная персона ожидаемого заключительного действия — местный комендант, которому предстояло поставить подпись под актом приемки нескольких сот ссыльных душ. Это был тщедушный, курносый человечек, облаченный в длинную кавалерийскую шинель до пят, сидевшую на нем подрысником. Выступал он, впрочем, важно, с большим пальцем правой руки, по-генеральски заложенным за борт шинели, и разглядывал нас с начальственным прищуром».

*Река Енисей. По-эвенкийски «Ионэсси» означает — «Большая Вода».
На древнекиргизском «Эне-Сай» — это «Мать-река»*

По прибытии в районный центр с. Ярцево, Баев просит региональное Управление МГБ отправить его отбывать ссылку в Норильск. Одновременно он пишет письмо начальнику Норильского комбината. Из Норильска никакого ответа не последовало, да и жена Баева — Екатерина Владимировна, решительно возражала против возвращения в Норильск. В результате А.А. Баев принял решение остаться в Ярцевском районе. И хотя позже пришло указание начальника Управления МГБ, полковника Ковалева немедленно направить «для дальнейшего отбывания ссылки в г. Норильск ссыльно-поселенца Баева А.А.», ему был дан отказ со следующей мотивировкой: «Вами было предложено этапировать Баева <...> в Норильск. В связи с тем, что Баев с работой и квартирой устроился в Ярцевском районе и вызвал сюда семью, от поездки в Норильск отказался». Каков грамотей!

Баев остается отбывать бессрочную ссылку (вместе с женой и двумя детьми) в глухой таежной деревушке (всего 30 дворов) Нижне-Шадрино (теперь пишут Нижнее Шадрино), Ярцевского района, Красноярского края.

Основными жителями Нижне-Шадрино были разные категории ссыльных. «Политические», в том

числе жены, дети, родители репрессированных. Среди них жена, сын, невестка и внучка командарма Ионы Якира — Ирина (родилась в больнице А.А. Баева в Нижне-Шадрино). Бывшие «кулаки» и члены их семей. Депортированные граждане прибалтийских Республик, немцы Поволжья (семьями), калмыки (семьями). Последние очень быстро вымерли в непри-
вычной, для степных жителей, таежной среде.

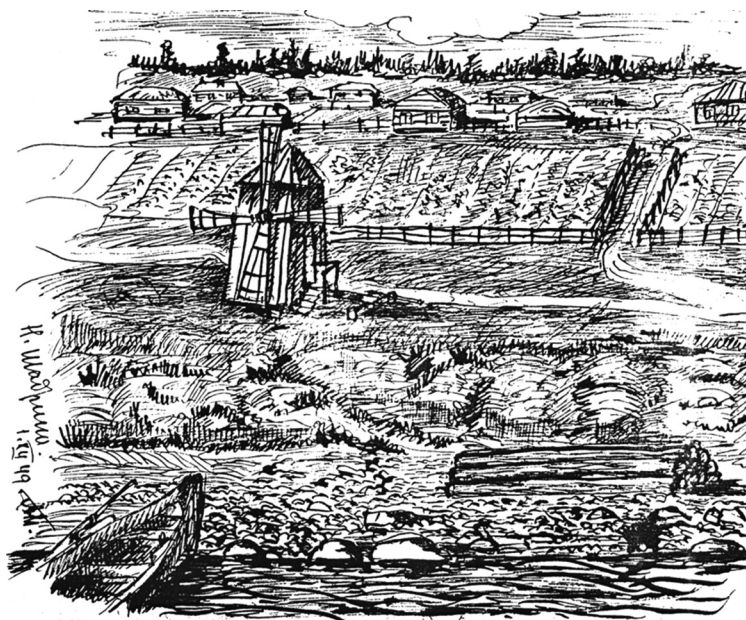
Во времена нашей ссылки, по окрестной тайге, на Шадринской (левой) стороне Енисея, еще кочевали эвенки — здешние коренные жители. О них писал в своих енисейских рассказах и О. Волков. Сейчас нет никого, по тайге бродят только их одичавшие олени.

Старожилами Нижне-Шадрино были «чалдоны». По одной из версий — это потомки беглых каторжников. По другой версии, «чалдон» — это «человек с Дона», то есть казак. Казаки пришли в эти края более 400 лет назад, при освоении Сибири.

Другие старожилы Нижне-Шадрино — это «кер-
жаки», сибирские старообрядцы, называемые так по имени реки Керженец в Нижегородской области. С берегов этой реки, в том числе и из города Керженец, старообрядцы бежали, при Петре 1, от религиозных преследований в глухую тайгу Сибири и Дальнего Востока.

Все время ссылки А.А. Баев работает врачом и одновременно заведующим Нижне-Шадринской больницей. В его ведении также находится несколько деревушек и лесозаготовительных пунктов, таких как: Томарово, Назимово, Фомка, Шерчанка, Пит (Новый городок) и другие, разбросанные друг от друга по тайге на десятки километров.

Баев был обязан, раз в две недели, отмечать свое удостоверение ссыльнопоселенца в сельсовете. Без такой отметки удостоверение становилось недействительным, со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, в Ярцевской Спецкомендатуре МГБ, Баев дает расписку в том, что он предупрежден, что в случае побега из ссылки ему грозит 20 лет каторжных

Деревня Нижне-Шадрино. Рисунок А.А. Баева. 1949 г.

работ, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года. Расписка была дана Баевым только 18 февраля 1952 года.

* * *

Дело № 7160 бедно материалами, достойными упоминания. Кроме разных справок и расписок оно содержит перехваченное «органами» письмо, которое было написано Е.В. Баевой к А.А. Баеву, в поезде, во время поездки Екатерины Владимировны в Москву в 1950 году. В письме она пишет о своем разговоре с попутчиками (двумя чинами из МГБ), из которого следует, что скоро предстоят перемены во внутренней политике, благодаря которым многие заключенные и ссыльные якобы будут освобождены. Кроме письма в деле есть следующие три документа.

*Слева направо: дом, где жил Баев с семьей, Рядом больница
и баня (она же морг)*

* * *

14 августа 1951 год

Постановление.

Я, комендант Ярцевского РО МГБ мл. лейтенант Бочаров, установил, что ссыльно-поселенец Баев А.А., 1903 г. рождения совершил проступок заключающийся в том, что 29 июля 1951 г. не имея разрешения спецкомендатуры командировал в с. Ярцево ссыльно-поселенку Палло, на что не имел право, выдав последней командировочное удостоверение. В июле месяце 1951 г. отправил без уведомления комендатуры ссыльно-поселенку Бондарчук Л. жившую у него в домработницах. На основании изложенного и руководствуясь постановлением СНК-СССР за № 35 от 08.01.45 г. Постановил: Ссыльно-поселенца Баева А.А., 1903 года рождения, за совершенный поступок подвергнуть штрафу в административном порядке на сумму 100 рублей. Внести деньги в десятидневный срок.

Штраф был заплачен только 21 января 1952 года.

* * *

*Коменданту спецкомендатуры Бочарову Н.И.
от зав. Нижне-Шадринской больницы Баева А.А.*

Объяснительная записка.

По поводу командировки в с. Ярцево медсестры Палло Л.К., имею сообщить следующее. Вследствие срочной необходимости в медикаментах (вата, пеницилин, сульфонамиды и пр.) я ее командировал в Ярцево за получением медикаментов. Она выехала поздним вечером 29 июля в Ярцево (на пароход ей удалось сесть утром 30 июля) и 31 июля выбыла из Ярцева на катере обратно. На Фомке она вынуждена была просидеть двое суток за отсутствием транспорта и прибыла в Н-Шадрино 3 августа 1951 г. За отсутствием коменданта в Н-Шадрино я не мог получить разрешение на ее выезд в Ярцево, но обязал Палло явиться для отметки в РО МГБ, что она и сделала. В настоящее время Палло находится на месте, в Н-Шадрино.

7 августа 1951 года.

А. Баев

* * *

*Коменданту спецкомендатуры Бочарову Н.И.
от зав. Н-Шадринской больницы Баева А.А.*

Объяснительная записка.

Вами потребованы от меня объяснения по поводу, якобы находящейся в побеге, Бондарчук Л. Я могу сообщить о ней только следующее. Она работала в моей семье домработницей с декабря 1950 года по 2 июля 1951 года, когда она по собственному желанию уволилась и выбыла, поскольку мы знаем, на Фомку.

4 августа она приходила на рейд реки Кас и через рабочих, приехавших в Н-Шадрино за хлебом, просила переслать ей оставшуюся у нас и принадлежащую ей кофту. Из этого можно за-

ключить, что она где-то на Фомке. Там она, по слухам, работает так же в домработницах.

7 августа 1951 года.

А. Баев

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 684 (1937 г.)

(Продолжение. 1954 г.)

В марте 1953 года умирает И.В. Сталин. Началось освобождение невинно репрессированных людей. 10 октября 1953 года, после долгих колебаний (как бы не было хуже), и уступая настойчивым просьбам В.А. Энгельгардта, А.А. Баев пишет заявление о реабилитации в Президиум Верховного Совета СССР. 18 декабря 1953 года В.А. Энгельгардт, со своей стороны, пишет ходатайство об освобождении Баева на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова и в марте 1954 года Главному Военному Прокурору СССР.

В ходатайстве о реабилитации в Верховный Совет СССР Баев, касаясь своего поведения на следствии и суде писал, что «...это поведение было продиктовано отнюдь не стремлением к сокрытию действительных фактов, но тем простым обстоятельством, что в условиях 1937 года мне нечего было терять, кроме, скажем, жизни, но и при этом последнем исходе совесть моя оставалась бы чистой — я не наклеветал на себя и на других, что было бы неизбежным в случае признания своих вымышленных следствием преступлений». (См. книгу «Академик А.А. Баев. Очерки, Переписка, Воспоминания». М.: Наука, 1998. С. 481–485.)

Дело Баева 19 декабря 1953 года берут для проверки и возможного пересмотра в Военную Коллегию Верховного Суда. По определению № 4н-09114/54 этим занялась Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе: ВРИО Председателя ВК ВС СССР ген.-майора Суслина, членов Коллегии полковников Сенина и Семика. (Материалы из папки с делом № 684, архивный № 2-2087, центральный архив № 275122.)

Проверка длится 10 месяцев! Только 11 сентября 1954 года помощник Главного военного прокурора заканчивает писать «Заключение» по делу Баева. По иронии судьбы, те, кто ранее карал, теперь занимаются реабилитацией. Так Суслин часто работал в одной «тройке» с Кандыбиным и Ульрихом. Сенин в 1954 году сообщил о посмертной реабилитации И.Э. Бабея его вдове Г. Пирожковой, исказив при этом дату и причину смерти Бабея.

Из «Заключения» помощника Главного военного прокурора, майора юстиции Захарова от 11 сентября 1954 года по делу Баева.

«...Из показаний Калинина И.И. и Медведева Ф.П. видно, что в антисоветскую организацию Баева завербовал Слепков В.Н. Однако Слепков не подтвердил показаний Калинина и Медведева. Таким образом, по делу Баева вскрылись новые, не известные суду обстоятельства, свидетельствующие о том, что нет данных для признания Баева виновным в антисоветской деятельности... Комаров, Карепова, Цинципер, в суде от своих показаний отказались. При таком положении их показания на предварительном следствии в отношении Баева так же не могут служить доказательством его вины в антисоветской деятельности. Проверкой дел Калинина и Медведева установлено, что их показания в отношении Баева также нельзя признать доказательством его виновности».

Затем Военная Коллегия Верховного Суда СССР 11 сентября 1954 года вынесла «Определение». Заслушав доклад товарища Сенина и заключение помощника Главного Военного прокурора, майора юстиции Захарова она установила:

Баев А.А. был признан виновным в том, что он являлся участником антисоветской террористической организации правых и присутствовал на нелегальных собраниях этой организации,

на которых высказывал враждебное отношение к Советской власти. Предлагается приговор ВК ВС СССР и постановление Особого Совещания в отношении Баева А.А. отменить и дело о нем прекратить по следующим основаниям: на предварительном следствии и в суде Баев А.А. не признал себя виновным. В своих жалобах (ходатайства называют — жалобами, молодцы!) Баев так же утверждает, что осужден он неосновательно и просит реабилитировать его. Основанием для обвинений Баева А.А. послужили показания арестованных по другим делам Цинципера Л.И., Комарова С.А., Калинина И.И., Кареповой Ю.П. и Медведева Ф.П. Однако проведенной дополнительной проверкой по делу Баева А.А. установлено, что показания этих лиц нельзя признать доказательством вины Баева А.А. в антисоветской деятельности. Из материалов дела на Комарова, Карепову и Цинципера видно, что все они в суде при рассмотрении их дел от своих показаний, даваемых ими на предварительном следствии отказались. При таком положении их показания на предварительном следствии в отношении Баева А.А. не могут служить доказательством его вины в антисоветской деятельности. Проверкой дел Калинина И.И. и Медведева Ф.П. установлено, что в антисоветскую организацию Баева А.А. завербовал Слепков В.Н. Однако Слепков В.Н. не подтвердил показания Калинина И.И. и Медведева Ф.П.

Таким образом, по делу Баева вскрылись новые, неизвестные суду обстоятельства, свидетельствующие о том, что нет данных для признания Баева А.А. виновным в антисоветской деятельности.

Рассмотрев материалы дела и соглашаясь с доводами, приведенными в заключении Главного военного прокурора, Военная Коллегия ВС СССР

Определила :

Приговор Военной Коллегии от 19 сентября 1937 года и Постановление Особого Совещания от 25 мая 1949 года в отношении Баева А.А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменить, дело за отсутствием состава преступления прекратить.

Этим Определением советская юстиция дала блестящий пример того, как на основании одних и тех же сфабрикованных материалов можно человека посадить, а можно и отпустить, в зависимости от генеральной линии партии на данный исторический период. И еще одна юридическая тонкость. Определение — это далеко не одно и то же, что приговор именем СССР или постановление ОС при МГБ СССР. В случае чего, легко отыграть и назад в зависимости от политической ситуации в стране и «вновь открывшихся обстоятельств». Эти «обстоятельства» висели «дамокловым мечом» над Баевым всю жизнь, так как следственное дело его за № 3314 было приказано «хранить вечно»...

ЭПИЛОГ

В середине октября отец получил пакет из Главной Военной прокуратуры.

«Главная Военная

Прокуратура СССР

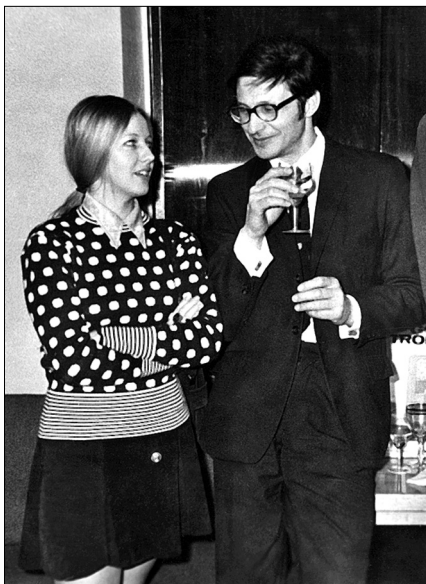
гр. Баеву А.А.

9 октября 1954 год

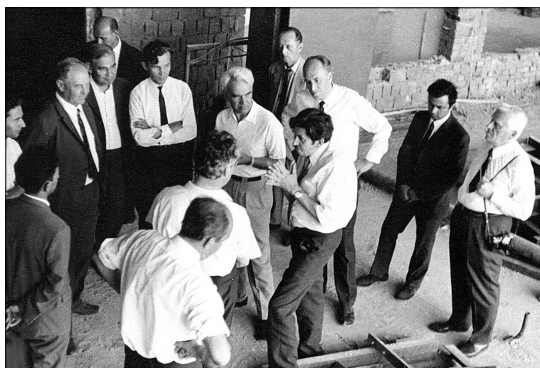
Красноярского края, Ярцевский р-н, село Н.-Шадрино.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР приговор по Вашему делу и Постановление Особого Совещания при МГБ СССР по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело о Вас за отсутствием состава преступления прекращено, от ссылки вы освобождаетесь.

*Воен. прокурор Отдела ГВП,
майор юстиции Колосов».*

Татьяна Баева, одна из первых диссиденток, вышла в числе семерых на Лобное место Красной площади в 1968 году после вторжения советских войск в Чехословакию. В 1989 году эмигрировала с мужем Алексеем Викторовичем Шиповальниковым в США (он, сын священника, закончил консерваторию). Т.А. Баева участвовала в издании «Хроник текущих событий»

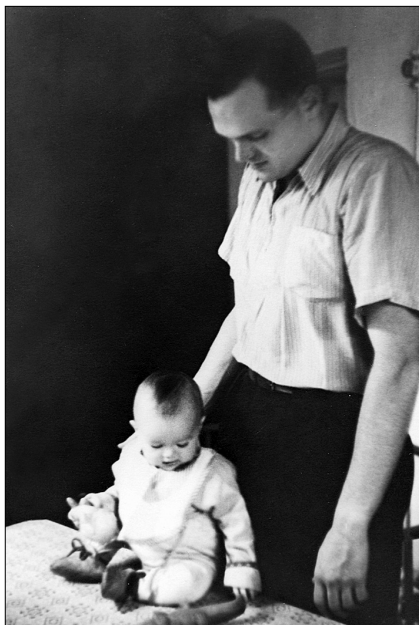
М.В. Келдыш (в центре), А.А. Баев (справа) в центре биологических исследований Академии наук СССР, г. Пуцзино

А.А. Баев с сотрудниками института молекулярной биологии. 1993 г.

А.А. Баев с космонавтом Севастьяновым в Пушчинском биологическом научном центре

*Старший сын Александра Александровича Баева
с внуком Сашей*

Неделя ушла на улаживание дел, связанных с Н-Шадринской больницей и на лихорадочные сборы в дорогу. 22 октября 1954 года, перед самым закрытием навигации и ледоставом, когда по Енисею уже вовсю шла ледяная «шуга», А.А. Баев вместе с женой и двумя детьми покинул место ссылки. С момента первого ареста прошло семнадцать лет, пять месяцев и двадцать шесть дней.

* * *

Касаясь репрессий в отношении советских ученых, Марк Поповский в книге «Управляемая наука», (Лондон, 1978. С. 29), писал: «...великий террор всей тяжестью своей обрушился на новое поколение, на тех, кто сложился как ученый в советское время. У молодых никакого конфликта с большевиками не было, многие из них вступили в партию, и вообще

генерация эта в целом отличалась искренним политическим и научным энтузиазмом. Но жернова государственной мельницы перемололи и их. В тюрьмах, лагерях и «шарашках» побывали тысячи деятелей науки. Многие годы провели в тюрьмах биофизик Чижевский, тангутовед Невский (через пятнадцать лет после смерти в лагере получил Ленинскую премию), эпидемиолог Здродовский, самолетостроитель Туполев, физик Ландау, ракетостроитель Королев, биологи Крепс и Баев, медик Парин. Те из них, кто вернулись, создали эпоху в своей области науки. Но сколько же их вернулось?..».

Сам А.А. Баев, вспоминая, много лет спустя, этот период своей жизни, писал: «Станным образом у меня не было и нет обиды за все, что случилось со мной и стоило 17 лет жизни, самой активной и деятельной. Есть только сожаление, что я не мог сделать для науки все то, что мог бы по своим склонностям».

Хочу закончить документальное свидетельство о репрессиях без вины виноватого отца красноречивым письмом, которое написала Евгения Семеновна Слепкова (Брейтман) А.А. Баеву о генетике В.Н. Слепкове, чья судьба сложилась тоже драматически.

08.05.89 г.

Уважаемый Александр Александрович!

Я очень болела, лежала и не могла выполнить своего обещания — прислать биографию Васи. Сейчас мне перепечатали, и я посылаю Вам и биографию и воспоминания (краткие) мои о Васе. Сделала это по просьбе Казанского музея истории при КТУ.

Не удивляйтесь, что там есть немного и обо мне. Я училась в КТУ и меня просили написать и о себе и семье моей. Я сделала это очень коротко. Говорить о таком человеке как Вася, можно много, а писать трудно. Я принималась за воспоминания много раз и ... рвала. А потом, вдруг, села и написала, видно выболело все внутри и я все писала, писала в мыслях своих. А написала, верно, 3-ю часть того, что вспоминалось, да и всегда вспоминается, но внутри меня.

Я откровенно пишу Вам это. Вам, огромное спасибо за все! За Ваш добрый звонок, за Вашу речь о нем, такую добрую, такую справедливую, честную. И то что Вы мне рассказали

*А.А. Баев с учениками, Константином Георгиевичем Скрябиным (слева) и Михаилом Петровичем Кирпичниковым (справа). 1993 г.
10 января 1994 года — А.А. Баеву исполнилось 90 лет.
Снимок сделан за месяц до 90-летия*

А.А. Баев и Андрей Дарьевич Мирзабеков. 1993 г.

о своей последней встрече с ним... Вообще, спасибо огромное за все, что помогает мне сейчас в думах о нем. Знаете, когда Вы сказали: «Я ученик Василия Николаевича, я учился в его семинаре...». Вы знаете, вначале у меня затряслись руки и ноги, так как после «исповеди» Жени Тинзбург, я не знала, что скажите Вы дальше. А потом, я встала, вернее вскочила, когда Вы согласились встретиться со мной. Я так любила Васю! Нет слов сколько я выстрадала за него и как я старалась украсить, облегчить его сложную, трудную жизнь. А начиналось все ведь так светло. Да и потом, все же, было много светлого. Еще раз спасибо Вам! Этот вечер в клубе им. Курчатова я никогда не забуду. Живите долго! И пусть в вашем доме все будет хорошо.

Здоровья Вам и жене вашей.

Евгения Слепкова.

P.S. 1) Если Вы что-то напишете для музея о Василии Николаевиче, то очень Вас прошу напечатать экземпляры и для меня. Очень жаль, что там не записывались выступления. Я думала, что запись будет, это большое упущение.

2) И еще: приходил ко мне дважды Сама Вайсберг от И.А. Захарова (Институт общей генетики РАН, Москва) и я дала им 1 экземпляр биографии Васи и карточки. Хотят написать в «Науку и жизнь» так сказали. И.А. звонил мне. И третье — в те годы, семья дружила с Аголом и с Дудининым. Дудинин Н.П. даже приезжал к нам в ссылку. Теперь слышу о нем плохое, но был он тогда очень хорошим человеком и мы его тогда любили. Теперь, с тех пор, не встречались и я не знаю его сейчас. Но раньше он делал много хорошего для меня и для Васи, рискуя многим. Захотелось Вам и об этом написать.

Не сердитесь за беспокойство. Очень хотелось бы весной? летом? встретиться с Вами.

Евг. Семеновна.

* * *

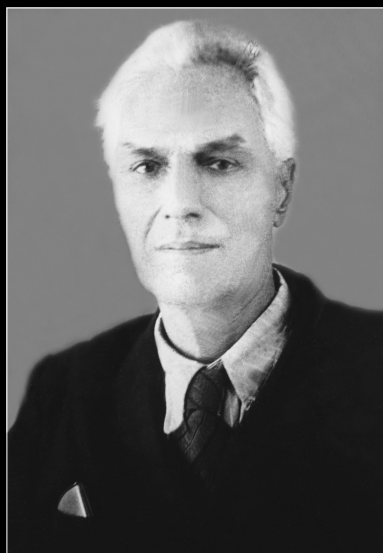
«И ототрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло». Апостол Иоанн. Откровение 21.

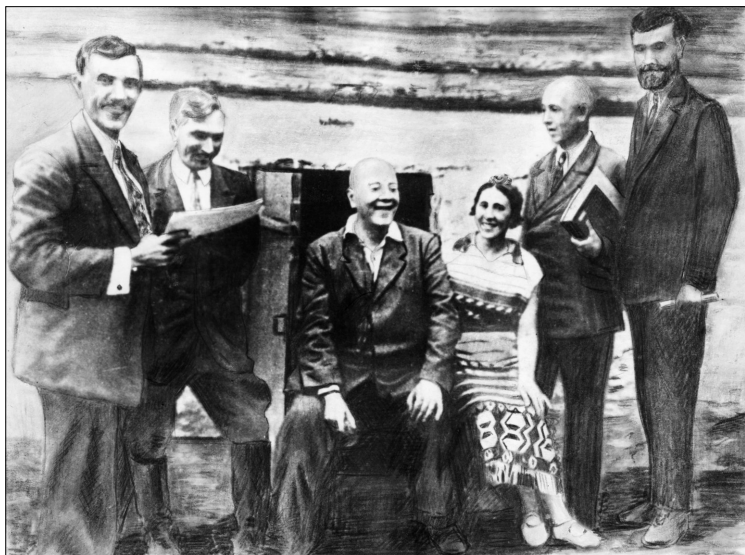
*Сергей Львович Щеглов.
Тула, 2005 г.*

Н.М. Федоровский, 1955 год

Сергей Щеглов-Норильский:

«Позже, изучая биографию Федоровского, встречаясь с его родными и друзьями, я понял, что он — сильная личность огромного масштаба».

*Конференция по основным магмам в Ильменском заповеднике
(Южный Урал, Миасс), июль 1934 года. Слева направо:
проф. Г.П. Барсанов, член-корр. АН СССР Н.М. Федоровский,
акад. А.Е. Ферсман, Любовь Николаевна Федоровская,
проф. В.И. Крыжановский, проф. В.В. Шербина*

ТОГДА В НОРИЛЬСКЕ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕ МОГ МНЕ ОБ ЭТОМ СКАЗАТЬ

Декабрь 1949 года. Мне недавно стукнуло двадцать восемь. Освобожденный по отбытии срока в Норильлаге три с половиной года назад, заведовал я научно-исследовательской лабораторией оксиликвитного завода. Непредсказуемая судьба выделила мне неожиданную должность после того, как за несколько лет, начиная с 1943 года, прошел я по печально знаменитой статье Уголовного кодекса мрачные круги исправительно-трудового лагеря (ИТЛ): от землекопа с «машинной системы инженера Опы» («катишь по трапу, и - пар из...»), каменщика на стройке, взрывника и лаборанта. Чудом уцелел в преждевременном взрыве оксипатронов на руднике «Угольный Ручей» 7 августа 1946 года, был я удостоен места, которое до этого занимал талантливый и опытный инженер-химик Юрий Натанович Зинюк, руководитель исследовательских работ по созданию взрывчатки из жидкого кислорода и таймырского мха. Тоже случайно избежавший гибели в том страшном взрыве, разнесшем в клочья пятерых горняков. Юрий Натанович, тогда еще заключенный по той самой 58-й, был назначен на пост начальника оксиликвитного завода взамен уехавшего вольнонаемного – горного доцента москвича Алексея Дмитриевича Яхонтова. Мне же доверили руководство лабораторией, в которой трудился три года, хотя высшее образование у меня закончено не было. Впрочем, такое в Норильске тех лет было не редкость. Комбинат остро нуждался в трудолюбивых кадрах.

Нам с Зинюком и еще несколькими заключенными предстояло опытным путем определить причины

несчастливого случая и предотвратить их повторение. Многие горняки после происшедшего и подойти боялись к патронам-недотрогам. Мы же были связаны с ними без преувеличения кровными узами.

Новая должность предписывала номинальное руководство всеми научно-исследовательскими работами рудника «Угольный Ручей» по горному делу и смежным вопросам. Звучало громко. Но у каждой темы имелись свои ведущие специалисты: геологи, минералоги, петрографы, горняки, снегозащитники. Мне поручалось координировать их деятельность, собирать программы работ, сметы и прочую документацию в рамках только что организованной Горной опытно-исследовательской станции (ГОИС). Она располагалась в здании управления рудника 7/9 на крутом склоне каменного ущелья Угольного Ручья. Заведовала станцией вольнонаемный инженер Любков Абрамовна Зайдель.

Был я тогда студентом второго курса на химико-технологическом факультете Всесоюзного заочного политехнического института (ВЗПИ). Он располагался в Москве, рядом с грозным зданием Лубянки. В Норильске же только что был образован его учебно-консультационный пункт (УПК). Туда ринулись недоучившиеся из-за войны фронтовики и освободившиеся из Норильлага, недоучившиеся из-за ареста по 58-й, бывшие зэки. Их было большинство, я в их числе.

Научным руководителем исследовательских работ по минералогии в ГОИС значился политический заключенный Николай Михайлович Федоровский, доктор геолого-минералогических наук, создатель и директор Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья, автор учебников по минералогии. Незадолго до внезапного ареста ему было присвоено звание члена-корреспондента Академии наук СССР, впереди было звание академика.

Таких птиц высокого полета в Норильлаге числилось несколько: Котульский, Урванцев, Годлевс-

кий, Зинюк и другие. Все они оказались за колючей проволокой по абсурдным чудовищным обвинениям в антисоветской деятельности: вредительстве, диверсиях, шпионаже. Большинство заклеили умопомрачительной кличкой: троцкист. Главный организатор комбината Завенягин извлек их с различных островов ГУЛАГа: с лесоповала, земляных и прочих «общих» работ. В Норильске эти ученые специалисты взамен «машины Опы» получили возможность использовать свои познания и таланты на возведении заводов, электростанций и фабрик, в лабораториях и за чертежным станком.

По возрасту такие как Федоровский, Урванцев, Зинюк годились нам в отцы. Для молодежи, хлебнувшей незаслуженной тюремной похлебки, они представляли образец высоконравственного поведения и самозабвенной творческой деятельности. У Федоровского и Зинюка сроки были по пятнадцать годов, до освобождения оставалось года три–четыре. У меня по сравнению с ними срок был детский: пять лет и в марте 1946 года он кончился. Но выехать на родину бывшим политзэкам не позволялось «до особого распоряжения» и их в обязательном порядке закрепляли на работе в комбинате по вольному найму. Оформляли договор на три года с последующим продлением, устанавливали зарплату (в лагере было лишь так называемое премвознаграждение), северные надбавки, выдавали паспортный листок на три года. К 1949 году я успел обзавестись семьей, и трудился на том же месте, где и срок отбывал: в лаборатории окисилквитного завода.

Кроме основной работы, отнимавшей большую часть суток, кроме прослушивания и конспектирования лекций в УПК по вечерам, выполнения лабораторных заданий и курсовых проектов, выгадывал я время еще и для увлечения долагерной юности — литературной и нештатной газетной работы. Спать приходилось не больше четырех часов в сутки. Выйдя из лагеря, углубился в сотрудничество с норильскими

«многотиражками» и радиовещанием, с газетой «Советский Таймыр», издававшейся в Дудинке.

Среди газетчиков и литераторов, с которыми свела эта деятельность, самыми заметными были признанные мастера: Алексей Гарри, Елизавета Драбкина, бывший секретарь Горького Иван Макарьев, Анатолий Шевелев и мой почти одноклассник Московского института философии, литературы и искусства, фронтовик Великой Отечественной Юрий Сальников. Все уже отбыли свои сроки, а Сальников год назад был освобожден по пересмотру дела.

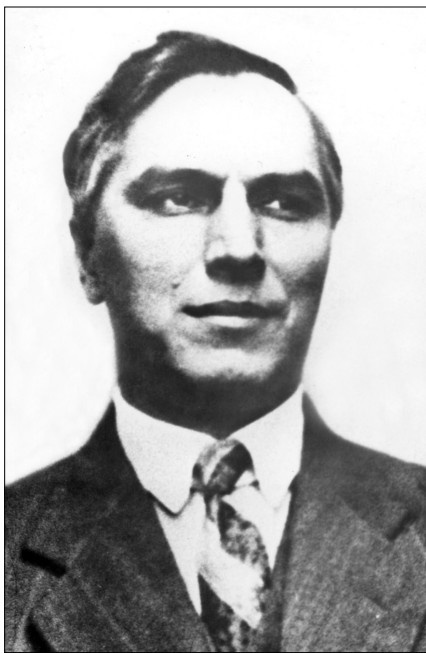
Как-то вечером в том же декабре 1949, когда я готовил по заказу радиосотрудниц Нины Новиковой и Зинаиды Черных передачу о Пушкине, заходит в комнатку, где трудились эти женщины, Гарри. Увидел меня и говорит: «Поздравляю с публикацией в альманахе». Только что пришел в Норильск четвертый номер «Енисея» - за 1948 год. Там были напечатаны два моих стихотворения: «Имя великое (о Ленине)» и «Экскаваторщик». Я поблагодарил Алексея Николаевича за поздравление, а он спрашивает: «Гонорар еще не прислали?» Об этом я и не думал, главное было увидеть свои творения в типографском шрифте. «Не забудьте им напомнить», - посоветовал многоопытный литератор.

Прошло немало лет, пока я понял, насколько подражательны были мои стихи по содержанию и по форме. Тогда же мне казалось, что они имеют право на жизнь. Гарри усматривал истинную ценность таких произведений лишь в гонораре. Каждый зарабатывает на слове, как может. Мы не Толстые. Не знаю, думал ли именно так Алексей Николаевич, до таких тонкостей мои беседы с ним не доходили. Бывший адъютант Котовского увлекал нас живописными воспоминаниями о встречах с Орджоникидзе, Куйбышевым, другими знаменитостями. Заходила речь и о Федоровском. От Гарри я впервые услышал, что это старый большевик-подпольщик, участник революции 1905–1907 годов, в 1917–1918 устанавливал советскую власть

в третьем крупнейшем городе России – Нижнем Новгороде. Был там первым партийным лицом и в качестве такового делегирован на седьмой съезд Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) (РСДРП (б)).

И вот, вскоре после той беседы с Гарри, встретился я в очередной раз с Федоровским на заседании руководителей научно-исследовательских работ ГОИС. День был пуржливый (да какой там день в норильском декабре – тьма тьмущая круглые сутки!). трехэтажное здание, сложенное из керамзитовых блоков, содрогалось от шальных ударов ветра. За окном ревели и выло, семидесятая параллель показывала свой нрав. В доме действовало паровое отопление от котельной, батареи были горячие, но стужей несло от заросших инеем оконных стекол, в углах подоконников росли сугробики снега: иголочной щелки достаточно, чтобы острая снежная пыль просачивалась через двойные рамы.

Федоровский сделал свой отчет и занял место за длинным столом, где располагались участники заседания. Николай Михайлович был в темном костюме, при галстуке и вовсе не походил на заключенного. Было ему тогда шестьдесят три, но выглядел он почти изящно, мило улыбался женщинам. Походка легкая, плавная, глаза

*Н. М. Федоровский, 1936 год.
Из архива С.П. Щеглова*

молодые, что приятно совмещалось с совершенно белыми густыми волосами. Сидевшая рядом молодая сотрудница ГОИС с несколько саркастической улыбочкой поправила его чуть сбившийся галстук. Николай Михайлович взял ее руку и поцеловал, что вызвало огонек в глазах других сотрудниц. Даже невозмутимая Любовь Абрамовна слегка улыбнулась. Присутствовавшие знали, что Федоровский кроме работы по специальности в ГОИС ведет курс минералогии в недавно открытом техникуме. В том же здании на Октябрьской улице выделена ему койка и тумбочка в общежитии преподавателей-зэков, то есть он расконвоирован, обладает пропуском через основные вахты лаготделения и ходит без вертухая.

Было также известно, что свои лекции Николай Михайлович сопровождал стихами. О каждом минерале у него есть стихотворение, что делает его преподавание необычным и особенно привлекательным.

Я познакомился с этими стихами в середине или конце 50-х годов. Один из старых норильчан – бывший политзэк, Л.Ф. Жуховицкий, работавший с нами в ГОИС, как-то после очередных воспоминаний при встрече передал мне аккуратно переплетенную книжечку. Переплет был самодельный, хорошо нам знакомый, – мы в лагере с любовью делали такие, стараясь придать вид книги каким-то дорогим для нас бумажкам. Бумага обычно была оберточная, грубая, иной раз даже вырезана из цементных мешков. В тетрадке, переданной мне Львом Фадеевичем, печатными буквами, выдающими аккуратного чертежника, выведены стихи. Озаглавлены: «Минералогические эскизы». Фамилии автора не значилось. Лев Фадеевич уверял, что стихи переписал и даже переплел сам Федоровский.

С точки зрения поэтической стихи показались мне наивными, старомодными, напоминали ломоносовские оды знанию. Но привлекали строгость и выдержанность формы, эмоциональность, стихи вызывали раздумья.

Книжка состояла из нескольких разделов, и все они были посвящены минералам. Были в ней и стихи философские, о жизни и природе вообще. А стихотворения о минералах тоже осмысливались исторически. Под пером автора многоцветные камни не казались мертвыми, оживали. В этих строчках слышался грохот геологических катастроф, бушевало пламя вулканных извержений, кипела огненная лава. Из хаоса рождались современные континенты, возникали минеральные богатства планеты. Я подумал: Менделеев, на что уж сросся со своими химическими элементами, а стихов о них не писал. Федоровский же составлял не только учебники, не только тщательно классифицировал минеральные богатства, но и еще воспевал их поэтическими средствами. Мы с Львом Фадеевичем много говорили об этом. Мой собеседник, дядя известного тогда московского журналиста Леонида Жуховицкого, был человек начитанный, обладал художественным вкусом и понимал толк в поэзии. Я возвратил ему книжечку, а он, кажется, переправил ее дочери Федоровского Елене Николаевне в Москву.

Когда производственные дела закончились, все поднялись из-за стола. Кто-то продолжает в группах обсуждать какие-то детали, кто-то идет к вешалке одежды в углу комнаты, а у меня беспокойная мысль: вот рядом человек, в молодости решавший вместе с видными партийными и государственными деятелями ключевые вопросы революции, войны и мира. Как бы поговорить с ним об этом, спросить, как все тогда было?

Но удерживало опасение: не воспримет ли Федоровский такие вопросы как провокацию стукача? Не принято было в лагере делиться с мало знакомыми людьми воспоминаниями и сокровенными мыслями. Тем более сторонились этого люди, у которых за плечами не просто личная жизнь, а участие в исторических событиях. Это государственная тайна, разглашать ее – значит получить новый срок. А что знает обо мне Николай Михайлович кроме того, что

я окисиликвитчик, чудом уцелевший при взрыве три года назад?

Комната почти опустела. Вот и Федоровский освободился от собеседников и тоже направляется к вешалке за своим жестким брезентовым плащом и бушлатом. Я набрался смелости, подошел к нему и сказал:

— Николай Михайлович, могу я с вами поговорить несколько минут?

— Пожалуйста. А что такое?

— Видите ли, мне давно хочется спросить вас о далеком прошлом, известном мне лишь по книгам, кинофильмам. Я о первых годах революции, вы принимали в тех событиях непосредственное участие.

— Ну, знаете, это было так давно, что мне и самому кажется порой: а было ли это на самом деле?

— Тем не менее... Вот Алексей Николаевич Гарри сказал мне, что вы были делегатом седьмого съезда партии, встречались с Лениным...

Вежливый огонек погас в глазах моего собеседника. Опустив голову, он сделал несколько шагов к окну, я последовал за ним. Он разбросал ладонью снежный холмик в углу подоконника, прислушался к завыванию пурги за стеклами, где была бездонная чернота. Потом повернулся ко мне, внимательно посмотрел в глаза.

— Вы вольнонаемный?

— С недавних пор. Меня привезли сюда по этапу в 1942 году, отбыл пять лет по 58-й.

— Вот оно что! Чем же вы провинились?

— Обвинили меня в антисоветской агитации. А родители мои были осуждены в 1937 тоже по 58-й.

— И где они сейчас? Живы?

— Об отце ничего не знаю, а мать в лагере умерла, отбыв десятку.

Уборщица, подметавшая пол, приблизилась к нам, мы уступили ей место.

— Печально, — сказал Федоровский. — Что же касается вашего вопроса... Да, я был на седьмом

съезде. Бурный был съезд. Решался вопрос о мире с Германией. Большинство делегатов было против заключения мира. Против были такие видные деятели как Бухарин. Троцкий отстаивал свой лозунг: ни мира, ни войны, считал возможным даже пойти на утрату советской власти. Мы, говорил он, все равно власть не удержим, а перманентная революция неизбежно вернет все потерянное. Борьба на съезде была очень упорной. Владимир Ильич выступал раз двадцать, пока не добился согласия большинства делегатов.

Меня тогда покорили эти слова: Ленин добился. Нашему поколению пропаганда прочно внушила, что достаточно было Ленину высказать свое мнение, как все соглашались и выполняли его указания.

Я сказал об этом Николаю Михайловичу.

— Так оно и было, — ответил он. — Только сплошь и рядом Ленину приходилось завоевывать большинство. Нас, тогда молодых большевиков, поразили и восхитили его энергия, настойчивость и умение отстаивать свои позиции.

Семнадцать лет спустя после той беседы, когда я в партийном архиве Горьковского обкома КПСС вчитывался в пожелтевшие документы 1917–1918 годов, прочитал я высказывание Федоровского, опубликованное в нижегородской большевистской газете после возвращения седьмого съезда: «Слово Ленина, величайшего вождя нашей партии, было решающим, было тем самым словом, перед которым бледнели все речи и которое производило в глазах съезда необычайное впечатление».

Сказанное в восемнадцатом и в сорок девятом совпадало.

А тогда, в декабре сорок девятого, на меня, впервые беседовавшего с человеком, вместе с Лениным решавшим главные вопросы жизни и истории, слова Николая Михайловича произвели незабываемое впечатление. Позже, изучая биографию уже умершего Федоровского, встречаясь с его родными, детьми, со-

*Н.М. Федоровский и В.И. Вернадский
в Институте минерального сырья, 30-е годы.
Из архива С.Л. Щеглова*

ратниками по революционной борьбе против царизма, я окончательно убедился в огромном масштабе этой личности...

Изучая в середине шестидесятых годов двадцатого века нижегородские архивы семнадцатого-восемнадцатого, слушая и записывая рассказы соратников Федоровского того времени, вспоминал я ту давнюю беседу с ним, заключенным Норильлага, узнавал и осмысливал многое, о чем он не мог мне тогда сообщить. Я узнал, что он, руководитель большевистской организации третьего по величине и значению города и рабочего центра России, прибыл на седьмой съезд РСДРП(б) отнюдь не сторонником Брестского мира. Отправляясь на съезд, Федоровский заявлял, что этот мирный договор «потушит факел революции». А вернувшись, он горячо отстаивал необходимость этого мира. Стало быть, Ленин убедил его... Тогда в Норильске Николай Михайлович не мог мне об этом сказать. Ведь это значило подтвердить правильность того, за что

его осудили, признать свою «застарелую контрреволюционность», как формулировали его следователи. Даже самым близким друзьям сказать такое тогда было недопустимо. Нормальные разногласия между единомышленниками в сталинские времена расценивались как уголовное преступление, измена делу революции.

Изучая нижегородские рукописи и газеты семнадцатого года, архивы Академии наук СССР, переписку Федоровского с его любимым учителем Вернадским, я убедился еще в одном. Уже в первые годы советской власти он отошел от текущей политики, от партийного руководства. Покинув Нижний, он с головой ушел в дела, связанные с наукой, промышленностью, экономикой. Возможно, это было вызвано его разочарованием в методах политической борьбы. Насмотревшись на ужасы Гражданской войны, энергичный, умный и образованный человек, он, вполне возможно, убедился в том, что воспеваемое революционное насилие ему не по душе. Федоровский стал отрицать его, как Вернадский, и лично участвовать в нем не захотел. Любовь к науке давала ему такую возможность... Не так ли поступили сам Плеханов, бывший горячий сторонник Ленина, Александр Богданов, ушедший от политики в науку? Не так ли поступил и Отто Юльевич Шмидт? Разумеется, это лишь мое предположение. Жаль, что тогда не получилось откровенно побеседовать с Николаем Михайловичем. Да и вряд ли это было тогда возможно... Таких бесед с ним ни у кого не было. Во всяком случае, официально о них неизвестно. Тайна его внутренней жизни ушла вместе с ним.

Не прошло и года после моего знакомства с Федоровским, как послевоенные надежды на потепление политической обстановки в стране развеялись. Обрушились новые репрессии против бесчисленных «врагов народа». Тысячи советских граждан, притом наиболее мыслящих и активных, оказались в водовороте государственного террора. Но первыми попали в

него те, кто ранее получил свою долю изгойства и остракизма. Согласно спущенным сверху директивам, Федоровский из обычного лагеря с его сравнительно мягким режимом и возможностями работать по специальности, был переброшен в только что созданную каторжную зону, так называемый Горлаг. Оказался вместе с власовцами, бандеровцами, фашистскими полициями, фронтовиками, попавшими в плен к немцам. Ни о каком использовании его как минералога теперь не могло быть и речи. Только самые тяжелые общие работы! Шестидесятичетырехлетний член-корреспондент Академии наук – только с кайлом и «машиной Опы»! Таково было мудрое решение великого вождя всех времен и народов. Именно в том, полагал он, спасение и процветание первого в мире государства социализма.

Несколько лет назад освобожденные после завершения сроков Алексей Гарри, Елизавета Драбкина и множество аборигенов Норильлага были выселены по этапу из Норильска в красноярскую необъятную тайгу на вечное поселение, оторваны от созидательной творческой деятельности. У Юрия Зинюка и сотен ему подобных отобрали паспорт, им объявили о бессрочном поселении в Норильске. Это воспринималось как счастье (все познается в сравнении!).

Каждый из нас, бывших политзэков, честно и плодотворно трудящихся на благо Норильска, ждал такого же бессмысленного решения судьбы, то есть, попросту говоря, гибели. Разразившееся вскоре «дело кремлевских врачей-убийц» окончательно показало: начался новый виток тридцать седьмого года, пришла очередная варфоломеевская ночь.

Мы, рядовые политзаключенные, сверх сроков фактически отбывавшие бессудную ссылку в наглухо засекреченном Норильске, не знали, что фронтовиков, кому после победы в войне разрешили было вернуться в родные места, теперь снова арестовывали и без ширмы следствия и суда отправляли этапом на вечное

поселение «в места, не столь отдаленные». Понять, что происходит, зачем нужны все эти беззакония и противоестественные жестокости под флагом «самой демократической в мире Сталинской конституции» было еще невозможнее, чем в тридцать седьмой разобраться, почему сотни тысяч граждан объявлялись антисоветскими элементами... Шесть десятков лет наследники Сталина объясняют тридцать седьмой массовыми доносами и «недомыслием» Ежова, который-де поплатился за свое самоуправство. Каких еще Ягод, Абакумовых и Бериев отыскать в светлом прошлом, дабы отмыть черного кобеля добела? Однако дни диктатора подходили к концу. Смерть кровавого чудовища спасла миллионы намеченных жертв. Пришло освобождение от каторжных измывательств и Николаю Михайловичу Федоровскому. Но то, что он пережил напоследок, позже мне рассказал старый норильчанин Владимир Егорович Волков.

Зимой 1952 года Федоровский, содержавшийся в Горлаге на площадке кирпичного завода (тогда это

*Н.М. Федоровский и Г.М. Кржижановский
в Институте минерального сырья, 30-е годы.
Из архива С.Л. Щеглова*

была окраина Горстроя, теперешнего центра Норильска), в жуткий мороз перетаскивал доски, споткнулся, упал в какую-то яму. Волков видел, как старика вытаскивали, нога у него была сломана, отвезли его в лагерную больницу, после чего он в зоне уже не появился. Измученного шестидесятилетнего узника через год после его освобождения дочь Елена Николаевна увезла в Москву именно из норильской больницы. В 1954-м Федоровский одним из первых был реабилитирован. Около двух лет московские врачи пытались восстановить его здоровье. Но спасти его было невозможно. Книга его страданий подходила к концу...

В декабре 1986 года в стране праздновали столетие Федоровского. Уже на Таймыре была улица его имени на Талнахе, мемориальная доска с барельефом появилась на здании Норильского института и ВИМСА, набережная Оки в Горьком носила его имя, о нем было издано несколько книг. Меня пригласили на то празднование юбилея ученого и в Москву, и в Горький, и в Норильск. Здесь-то и встретился мне В.Е. Волков, здесь-то я и узнал о последних годах Федоровского в Норильске.

23 августа 1956 года в «Правде» мы прочитали извещение Академии наук СССР о смерти ее члена-корреспондента Н.М. Федоровского. На следующий день там же был некролог, подписанный президиумом АН СССР, отделением геолого-минералогических наук и Всесоюзным научно-исследовательским институтом минерального сырья.

«В лице Н.М. Федоровского, говорилось в некрологе, советская общественность потеряла талантливого ученого-минералога, одного из старейших членов Коммунистической партии Советского Союза. Созданный им «Курс минералогии» был первым учебником, по которому воспитывались советские геологи (...) Он привлек к научной работе большой коллектив геологов, минералогов, петрографов, химиков и технологов (...) Под его руководством были открыты и подготовлены сырьевые базы для ряда отраслей горной промышленности (...)

Светлая память о Николае Михайловиче, крупном ученом и чутком товарище, педагоге, надолго сохранится среди всех, кто его знал». Некролог был скромным. Во весь голос руководители Академии наук еще не осмеливались дать полную оценку его деятельности.

Решения XX съезда КПСС тогда больше говорили об «ошибках» Сталина, чем о его преступлениях. Обществу предстояла еще долгая борьба с его наследством. Тридцатилетнее царствование тирана настолько раскололо и развратило многомиллионную страну, страх перед ним столь глубоко засел в душах людей, что многие не могут избавиться от него и спустя шесть десятилетий.

В БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПАРТИЮ ВСТУПИЛ ГИМНАЗИСТОМ

Изучением жизни и деятельности Николая Михайловича Федоровского (1886-1956), ученого-минералога, участника трех русских революций, занимаюсь больше полувека.

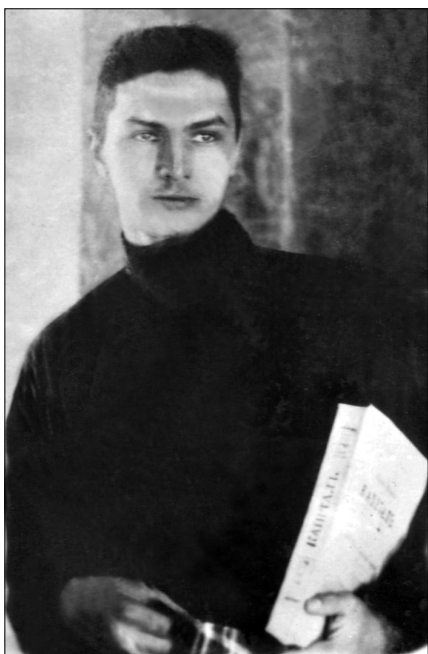
Довелось мне участвовать во многих конференциях, посвященных деятельности этого человека, – в Горьком и Норильске, в Институте минерального сырья, в Московском доме ученых. Слушал выступления маститых и начинающих исследователей, академиков и студентов, министра и преподавателей истории, геологов и минералогов-практиков. «Идеи Федоровского о комплексном использовании минеральных богатств лежат в основе современной безотходной технологии» (главный геолог Норильской КГРЭ, лауреат Государственной премии СССР В.А. Люлько). «Разработанная Федоровским классификация минералов по энергетическим признакам может быть приравнена в минералогии к таблице Менделеева в химии» (вице-президент Академии наук СССР А.Л. Яншин). «Одно только перечисление сделанного Федоровским в организации советской минералогической и геологической науки занимает немало страниц» (министр геологии СССР

профессор Е.А. Козловский). Это только о научном наследии Н.М. Федоровского. А сколько написано о его общественной работе, его необычайно активной, весьма заметной организаторской роли в трех революциях. А ведь еще есть стихи Федоровского. Они тоже звучат в каждый его юбилейный день и в Москве, и в Горьком, и в Норильске. Они тоже живут, занимают свое место.

«Ученый видит дальше, чем другие,
Работает над будущим страны.
И мысли, его сердцу дорогие,
Спустя десятки лет оценены».

Это строки Федоровского о его учителе и друге академике Вернадском. Но их можно отнести и к самому Федоровскому.

В большевистскую партию Николай Федоровский вступил гимназистом в Курске (это его родина) в 1904 году. А в следующем году за участие в антиправительственных выступлениях его уже исключили из гимназии. Боевое революционное крещение девятнадцатилетний Николай получил на баррикадах Красной Пресни в Москве в декабре 1905 года. В апреле 1906-го партия направила его в Свеаборгскую крепость, в Гельсингфорс (ныне

*Юный Коля Федоровский, 1905 год.
Из архива С.Л. Щеглова.*

Хельсинки). Там он под партийным псевдонимом Степан готовил вместе с другими революционерами восстание военных моряков. Чудом избежав расправы после подавления восстания, Николай возвратился в Москву, где поступил в университет. Еще в гимназии он мечтал посвятить себя науке. Профессор минералогии и кристаллографии, академик В.И. Вернадский вскоре признал, что в науке жизненное призвание талантливого и энергичного юноши. Он закончил университет в 1914 году и стал преподавать в Нижнем Новгороде минералогия в политехническом институте. Здесь он опубликовал первые научные труды, основал минералогический музей-кабинет. И тут мощный революционный подъем снова призвал начинающего ученого на баррикады. 24 мая 1917 года на совещании большевиков Федоровского ввели в состав Временного Нижегородского окружного комитета РСДРП(б). Вместе с А. Писаревым, Ю. Флаксерманом, Я. Воробьевым, К. Козиным и А. Савельевой он основал первую большевистскую газету Нижнего – «Интернационал». Александр Безыменский, принимавший летом 1917 года участие в издании этой газеты и печатавший там свои стихи под псевдонимом Мацедо, вспоминал много лет спустя:

«Особенно большое внимание уделял моей учебе Николай Михайлович Федоровский (...) Мы вместе бывали на митингах и собраниях, о которых я должен был писать отчеты. Федоровский прочитывал написанное и давал практический урок – что упущено важного, о чем написано неточно и т.д.».

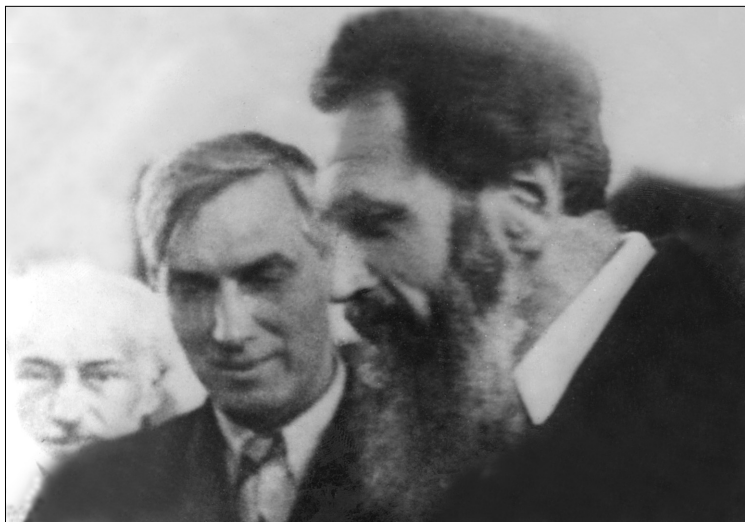
Николай Михайлович выступал в органе окружка чаще всех. Его любовь к писательскому и журналистскому труду, пристрастие к политической публицистике, опыт редактирования революционной газеты моряков Свеаборга «Вестник казармы» в 1906 году – теперь нашли плодотворное воплощение. За пять месяцев он напечатал в «Интернационале» более тридцати статей, корреспонденций, очерков, памфлетов, заметок, информации. Бывало, в одном номере

«Интернационала» печатали по два-три сочинения Федоровского.

В июле 1917 года его избрали во Временный исполнительный комитет по управлению Нижним Новгородом. 23 июля на объединенном собрании канавинских, сормовских и нижегородских организаций РСДРП(б) его избрали в состав Нижегородского окружкома, где он стал председателем. С этого дня и до 2 апреля 1918 года, когда Николай Михайлович в последний раз провел заседание губкома партии (так с октября 1917 года стал именоваться окружком), Федоровский беспрерывно возглавлял деятельность губернской организации большевиков.

Велик был авторитет Федоровского в Нижнем Новгороде. Протокол заседания губкома от 21 марта 1918 года хранит такую запись: «Заявление т. Федоровского об уходе в Высший Совет народного хозяйства по своей специальности. После долгих и горячих прений решено запросить ВСНХ вторично о том, что т. Федоровский крайне нужен для Нижнего и, может быть, ВСНХ без ущерба делу своей организации не будет настаивать на переходе тов. Федоровского в Москву». Но ВСНХ настоял. И вот еще одна запись о заседании губкома 2 апреля: «... постановлено, что тов. Федоровский отпускается в Москву только с тем, чтобы вместо него из центра был прислан товарищ, вполне могущий его заменить по работе». После отъезда Федоровского нижегородскую губернскую организацию большевиков возглавляли поочередно (1918-1934 гг): Л.М. Каганович, А.И. Микоян, В.М. Молотов, А.А. Жданов, другие видные деятели партии. А Федоровский в столице заведует горным отделом ВСНХ и является членом ВЦИК.

В 1919 году Николай Михайлович как член президиума ВСНХ Украины и президиума Комиссии ВСНХ РСФСР при Рабочем правительстве Украины занимается национализацией угольной промышленности, потом возглавил комиссию ВСНХ РСФСР по переселению немецких рабочих и колонистов в Рос-

Справа налево:

О.Ю. Шмидт, Н.М. Федоровский и Г.Р. Зборовский, 1936 год.

Из архива С.Л. Щеглова

сию. Важной страницей его творческой биографии является организация Московской горной академии, первой советской кузницы горных инженеров. Федоровский организовал геологические исследования Норильского угольно-бурого месторождения на Таймыре, отправил туда геолого-разведочную партию под научным руководством инженера Николая Урванцева, ставшего впоследствии одним из советских первопроходцев Арктики, и тех геологов, кто начал освоение богатейшего района полезных ископаемых в Сибирском Заполярье.

1921–1922 годы Николай Михайлович Федоровский в Берлине заведовал Бюро иностранной науки и техники. Здесь он встретился с Эйнштейном, другими видными учеными. Возвратившись из Германии, он все силы отдает организации минералогической базы страны. Удивляет, как много он успевает: возглавляет Институт прикладной минералогии (с 1935 года – Всесоюзный научно-

исследовательский институт минерального сырья), пишет учебники и научные труды, создает и редактирует журналы «Минеральное сырье и его переработка», «Минеральное сырье и цветные металлы», «Минеральное сырье». Являясь членом редколлегии и одним из активных авторов многотомной «Технической энциклопедии», он много сил отдает первому изданию «Большой Советской энциклопедии» (1932–1937 гг.). Пять лет как член Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) он проявляет о них и их семьях искреннюю заботу. Возглавляет он и Межведомственную метрическую комиссию. С 1927 года она называлась Центральной комиссией по введению метрической системы при Совете Труда и Обороне СССР. Как только Николай Михайлович успевал везде...

В 1929 году Федоровский участвовал в работе XV Международного геологического конгресса в Южной Африке. Два года (1930–1931 гг.) он руководил прав-

ПРИЕМ	12.11.33	г. ч. м. пор. №	Представитель 8 д.м.
от		проез. №	№ 32 кв. 4.
Принял		Пере. ал	
155, П/Д ЧЕЛЮСКИН 715 15 11 17 НРИН РАДИОМОРС БОЛЬШАЯ ОРДЫНКА			
№ с г. ч. ДЕС. ФЕДОРОВСКОМУ			
Служба			
отдела			
РИВЕТ ДОРОГИМ ДРУЗЬЯМ КОТОРЫЕ НАДЕЮСЬ МЕНЯ НЕ СОВСЕМ ЗАБЫЛИ И ШМИДТ			
Создано: 1933			
2-я стр. ЛОС. 3 к. 40			

Радиограмма О.Ю. Шмидта Н.М. Федоровскому с парохода
«Челюскин», 12 ноября 1933 года.
Из архива С.Л. Щеглова

лением Всесоюзного объединения «Минералруда». Организационные дела он совмещал с научной работой, экспериментальными и теоретическими исследованиями по минералогии. В 1933 году его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР, а два года спустя без защиты диссертации Федоровскому присвоили ученую степень доктора геолого-минералогических наук.

Казалось, его жизнь успешна, но в разгар его плодотворной деятельности на Николая Михайловича обрушилось страшное несчастье. 25 октября 1937 года его арестовали. Обвинение предъявили тяжкое, но весьма распространенное в то время: контрреволюционная работа. Унизительным, чудовищным было следствие. Федоровского обвинили в невероятных, поистине бредовых преступлениях – он совершил их с виднейшими учеными страны: И.М. Губкиным, Г.М. Кржижановским, А.Е. Ферсманом, Э.В. Брицке и другими. После этого абсурда и полутора лет тюрьмы 25 апреля 1939 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР осудила Николая Федоровского по пунктам 6, 7, 8 и 11 58-й статьи Уголовного кодекса на 15 лет исправительно-трудовых работ с последующим поражением в гражданских правах на пять лет.

После кратковременного пребывания в одной из «шарашек» — лаборатории IV отдела МВД начались мытарства пятидесятилетнего ученого по лагерям. Его этапировали в Воркуту, где его труд использовали на дорожном строительстве, в котлованах. Орудие труда — кайло, лопата и тачка. Но и в лагерных условиях он не забывает о своем призвании. «Просил прислать рюкзак и мешочки для коллекций минералов, — написала мне жена Николая Михайловича Любовь Николаевна. — Потом переписка оборвалась. Мои письма оставались без ответа. Я долго его разыскивала, прежде чем узнала, что Николай Михайлович работает в Красноярском крае».

В Норильск Федоровского привезли в конце 1945 года. Здесь ему предоставили возможность работать

по специальности. Он преподавал в горно-металлургическом техникуме. Это было счастьем для измученного этапами и «общими работами» ученого. Снова перед ним была аудитория, его слушали юноши и девушки, из которых предстояло выпестовать технических командиров – геологов, горняков, металлургов, минералогов. Опять в руках Федоровского оказались книги и тетради, которых он был лишен долгие, томительные годы. Он мог творить, делать наброски лекций, читать книги и журналы, продолжать работу над совершенствованием главной своей книги – учебника минералогии, на котором воспитано уже несколько поколений советских геологов.

«НЕ ЗНАЯ ЗА СОБОЙ НИЧЕГО ДУРНОГО, Я НЕ ПРЕДПРИНИМАЛ НИКАКИХ МЕР ЗАЩИТЫ»

В Норильлаге у ученого было, хотя и усеченное, но все-таки продолжение его научной работы.

Вместе с тем он упорно добивался оправдания в преступлениях, которых он не совершал. В мои руки попали бесценные документы, в которых раскрывается эта сторона его личности. Это письма Сталину. Читая их спустя шесть с половиной десятилетий после того, как они были написаны, поражаешься вере автора, что они принесут ему пользу. Во-первых, опытный государственный деятель Федоровский понимал, как мала вероятность, что его письма попадут в руки вождю. Самое же главное: неужели он мог верить в то, что Сталин придаст какое-то значение доводам обреченного «врага народа»? Да, всесильный спас Губкина, Ферсмана, некоторых других деятелей науки. Но то были редкие исключения. Даже всемирно известного Николая Вавилова он не пощадил. Что же касается справедливости доказательств, положенных в основу уничтожения «врагов», то никто лучше Сталина не знал, насколько они сфабрикованы и как их фабриковать. Был бы человек, а дело найдется. Есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем.

Эти девизы сталинской эпохи и родились по прямому его соизволению.

Неужели Федоровский этого не знал?

Конечно, знал. Но считал своим долгом изложить все свои доводы: пусть хоть один шанс из ста выпадет на его долю. Других возможностей оправдаться и спастись у него не было.

Итак, читаем. Все документы публикуются впервые.

*Председателю Совета Министров СССР
Сталину Иосифу Виссарионовичу.*

*От Федоровского Николая Михайловича,
доктора геолого-минералогических наук,
профессора и члена-корреспондента
Академии наук СССР.*

В последние годы мною дан целый ряд научно-промышленных предложений, имеющих большое экономическое и оборонное значение. К сожалению, по не вполне еще понятным причинам эти предложения постигла довольно странная судьба. Так, например, еще 10 лет назад мною было внесено предложение об организации производства «минеральной шерсти» синтезом минерала волластонита. Идея по тому времени совершенно новая, представляющая гораздо больший интерес, чем, скажем, столь рекламируемое нашими журналами достижение последних лет — «стеклянные ткани».

Предложение не было реализовано и пропало, а в 1943 г. мы читаем в американских журналах о постройке в США ряда крупных заводов по производству «минеральной шерсти» из волластонита.

Аналогично получилось и с моим предложением /1936-1937 гг./ по получению алюминия из обычных простых глин путем сплавления их с известняком. С 1937 г. работа приостановлена и заброшена, а в 1945 г. я читаю в американском журнале, что добыча известняка в США увеличилась на много миллионов тонн вследствие применения его в новом способе получения алюминия из глины.

Крайне обидно видеть, как плоды моей научной работы и изобретательской мысли достаются другим странам, и выношенные, выпестованные годами творческие идеи и сама работа идут на свалку.

Должен Вам сообщить, что я был в 1923-1937 гг. — 14 лет — директором Института минерального сырья /ВММС/, созданного по моей инициативе для борьбы за независимость нашей Родины от капиталистических стран в области минерального сырья. Оценка проделанной ВММСом под моим руководством работы дана в приказе НКПС от 15.3.1935 г., в котором сказано: «В течение 10 лет ВММС проделал огромную работу по освобождению СССР от иностранной зависимости» /см. журнал «Минеральное сырье», № 3, 1935 г./ . Действительно, работами коллектива ВММСа, поставленными по моей инициативе и с непосредственным участием, удалось дать нашей стране сотни миллионов экономии в валюте /см. статью «Фронт работы Института прикладной минералогии»/.

Так, например, наша Родина не имела ванадия, этого важного оборонного металла для автомобильной и пушечной промышленности. Мне с моими сотрудниками не только удалось в течение двух лет открыть мощные залежи ванадиевых руд /титаномагнетиты/ на Урале, но и проработать в ВММСе всю технологию вплоть до примусстановок. Теперь наша Родина имеет свой ванадий.

Зная, что прозрачный флюорит дает возможность конструировать приборы для снимков в темноте и тумане, я ряд лет упорно проводил поиск этого минерала, которого мало во всем мире. Наконец, удалось /34-36 гг./ найти в горах Таджикистана невиданную в мире пещеру с флюоритом, откуда 2,5 тонны этого чудесного камня было привезено для оптических заводов страны. Причем цена его по весу превышает цену золота. Теперь прозрачного флюорита у нас больше, чем в любом капиталистическом государстве.

В 1933 г. В.В. Куйбышев предлагает мне лично найти мышьяковые руды, необходимые для оборонных целей.

Я принимаю вызов и этим же летом вместе с проф. А.А. Творчеридзе ставлю поиски в Грузии. В результате этого найдено крупное месторождение мышьяка, и страна получила мышьяковое сырье. И так далее...

Все эти случаи и примеры позволяют мне заявить, что я вправе рассчитывать на большее внимание к моим заявлениям, предложениям и работам. Однако, даже готовая работа «Минералогические провинции СССР», очень важная для горно-разведочного геологического дела, была заморожена в наборе и не увидела света. Пропал и подготовленный справочник по определению 1500 минералов /два года работы/.

Но если пренебрежение к этим творческим работам можно объяснить моим арестом 25.10.1937 г., то трудно объяснить пренебрежение к предложению осенью 1945 г. о поисках урановых руд в хорошо мне известных областях Средней Азии.

К тому же мой арест и осуждение произошли по клевете и оговору врагов народа, о чем я подробно писал в жалобах на имя Предвархсуда Т о л я к о в а. Но, очевидно, вопрос пересмотра дела очень сложен и делается крайне неохотно. Что же мне делать, если энтузиазм к научно-промышленным работам у меня не погас и голова моя полна новыми интересными проблемами, которые я не в силах продвинуть в жизнь в условиях заключения? Правда, я честно и добросовестно работаю в лагере и <работал> в лаборатории IV-го спецотдела МВД, имею благодарности и крупную денежную награду за работу в IV спецотделе МВД в феврале 1945 г. Но использование меня с моей специальностью, с тридцатилетним стажем, широкими новыми идеями в условиях заключения — это все равно, что микроскопом забивать гвозди.

В частности, я хотел бы включиться в проблему урана. Я хорошо знаю Среднюю Азию и урановые руды. У меня есть

ряд соображений <о том>, каким образом поставить работы по открытию крупных запасов урановых руд. Есть и еще ряд наполовину законченных разработкой интересных тем, но я не буду загромождать свое заявление. Я оторван от любимой работы и бессилен реализовать свои творческие идеи. Помогите мне!

Н.М. Федоровский

«...» июля.

Приведенный документ передала мне москвичка М.А. Крюкова – друг и сподвижница Николая Михайловича. Машинописная копия написана, полагаю, в 1946 году. Об этом свидетельствует хотя бы подчеркнутый интерес к проблеме урана, которая, как известно, обострилась с осени 1945 г. В публикации полностью сохранен текст, исправлены лишь явные опечатки машинописи. В трех местах смысл содержания потребовал добавить слова «работал», «о том» и «там» – я поставил их в угловые скобки. Пунктуация приведена в соответствии с существующими правилами.

*Председателю Совета Министров СССР
Генералиссимусу Сталину Иосифу Виссарионовичу
От Федоровского Николая Михайловича,
Доктора геолого-минералогических наук,
Б. профессора и члена-корреспондента
Академии наук СССР, 1886 г. рожд.*

Ж А Л О Б А

Приношу жалобу на действие Предверхсуда Т о л я к о в а и Верхпрокурора СССР Т о р ш е н и н а, необоснованно отказавших исправить ошибку Военной Коллегии, осудившей меня /26.IV.39 г./ без экспертизы и справок с места работы, по лживым показаниям р а з о б л а ч е н н ы х в п о с л е д с т в и и в р а г о в н а р о д а.

Я указываю в жалобах документы и лиц, неопровержимо могущих установить мою непричастность к возведенным на меня преступлениям. Военная Коллегия Верховсуда не принимает к рассмотрению мои жалобы без представления документов и отзывов. Но получить документы и отзывы лиц, осужденному да еще находящемуся за тысячи километров от Москвы, абсолютно невозможно. Это значит до самой смерти не иметь возможности опровергнуть ложь и клевету.

Я прошу Вас дать указание Предверхсуда затребовать мое дело и проверить, ознакомившись с документами и запросив указанных лиц.

Федоровский Николай Михайлович.

Норильск, 2-ое лаготделение.

25.4.47 г.

Документ скреплен собственноручной подписью Федоровского. Это первый экземпляр машинописи. Неизвестно, был ли он отправлен адресату. Возможно, был отпечатан и отправлен еще один экземпляр. Этот документ М.А. Крюкова хранила до середины шестидесятых годов.

Маргарита! Дорогая моя, посылаю тебе сырой. Черновой матерьял. Надо посоветоваться с юристом обязательно. На что именно указать, чтобы был приговор опротестован.*

Прокурор или Предверхсуда может опротестовать приговор, если есть хотя бы незначительные процессуальные нарушения. Не имея понятия о формах судопроизводства, я не могу юридически оформить мое заявление. Может быть, две трети его не нужны. Может быть, ввиду отказа от показаний, суд должен был осудить меня только после подтверждения их экспертизой и свидетелями. И надо на этом строить

* Маргарита Александровна Крюкова.

заявление. Нужно ли опровергать доносы и клевету, послужившие основанием для ареста и имевшиеся в судебном деле только как побочный материал, или выкинуть это совсем? Заявление должно быть коротко. Что выкинуть и что, может быть, добавить?

Возвращать мне не надо. А только схему юридическую — как построить и на чем построить заявление, и ссылка на статьи, нарушенные судом или по которым приговор может быть опротестован.

1. ПРИЧИНЫ, ВЫЗВАВШИЕ НЕНАВИСТЬ КО МНЕ НАСТОЯЩИХ ВРАГОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И БЕСПРИНЦИПНЫХ ЗАВИСТНИКОВ-КАРЬЕРИСТОВ.

С 1924 г. я стал работать на освобождении СССР от иностранной зависимости в области минерального сырья, где я являюсь одним из немногих специалистов Союза. Для этой цели я организовал Институт прикладной минералогии, в дальнейшем переименованный в Институт минерального сырья /ВИМС/, где был директором и научным руководителем до дня ареста, т.е. почти 14 лет.

Под моим руководством институт организовал новые отрасли производства и сократил импорт на сотни миллионов рублей. Это объективно доказывается в приказе по Наркомтяжпрому от 15.3.35 г., § 320, индекс 301 /опубликовано в журнале «Минеральное сырье», № 3, 1935 г./ и в отчете (неразборчиво. — С.Щ.), где сказано: «Всесоюзный институт минерального сырья — бывший Институт прикладной минералогии — за 10 лет своего существования р о д е л а л о г р о м н у ю р а б о т у в деле создания промышленности минерального сырья и освобождения СССР от иностранной зависимости.

Целый ряд отраслей промышленности: графитовая, слюдяная, новых стройматериалов, фтористых солей и криолита, редких элементов, баритовая и другие — создан в результате научной, производственной и организационной работы Института.

Работы института имели также решающее значение в деле создания новых производств и в других отраслях промышленности: алюминий /Днепровский алюминиевый комбинат, Загликский алюминит, уральские и сибирские бокситы/; химическая и бумажная промышленность /серный завод на Калате, производство мышьяковистых солей, дефидрерные камни/; красочная /титановые белла/; цветная металлургия, коалиновая промышленность.

Особое значение имеет работа института по решению проблемы титано-магнетитов, на основе которой организован специальный титано-магнетитовый трест, который работает по освоению огромных запасов этих руд...».

И так далее.

Подпись: Нарком тяжелой промышленности.

Такая удача мобилизовала всех моих врагов на почве зависти и врагов укрепления советского строя. Они были предприняты ряд попыток развалить работу института. Серебровск и й пытался забрать институт в свое ведение и раздробить его на части; Лобов** /тогдашний нарком тяжелой промышленности РСФСР/ и Косиор*** провели уже постановление о разделении института и даже о переводе его в Ленинград. Но с помощью тт. Орджо-*

* Серебровский Александр Павлович (1884–1938), член партии с 1903 г., участник революции 1905–1907 гг. в Петербурге и борьбы за советскую власть в Закавказье. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г., член ЦИК СССР, с 1931 г. – зам. Наркома тяжелой промышленности. Погиб от незаконных репрессий.

** Лобов Семен Семенович (1888–1937), член партии с 1913 г., участник Октябрьской революции в Петрограде. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1922 г. и член ЦК с 1924 г., член Оргбюро ЦК ВКП(б) в 1930–1934 гг., член ВЦИК. В 1926–1930 гг. – пред. ВСНХ РСФСР и зам. пред. ВСНХ СССР, с 1936 г. – нарком пищевой промышленности. Погиб от незаконных репрессий.

*** Косиор Иосиф Викторович (1893–1937), член партии с 1908 г., участник Октябрьской революции в Москве и Гражданской войны. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г., член с 1927 г., член ЦИК СССР. С 1933 г. – уполномоченный СНК СССР по Дальневосточному краю. Погиб от незаконных репрессий.

и к и д з е и К у и б ы ш е в а м н е у д а л о с ь о т б и т ь в с е н а п а д е н и я и о т с т о я т ь и н с т и т у т ь .

Тогда удары посыпались лично на меня, по партийной линии. В открытом бою врагам не удалось дискредитировать меня перед правительством и партией. Но враги не успокоились. С этих пор, закусив губы, они стали питать свою черную злобу и возвращать запертую внутри ненависть, ища подходящего случая. Ведь в целом, что бы мы ни делали, мы всегда имеем достаточно много поводов, чтобы поскользнуться, тем более что, не зная за собой ничего дурного, я не предпринимал никаких мер защиты, не видя, что со всех сторон окружен засевшими в засаду врагами.

II. ПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ устранить меня от творческой работы над укреплением обороны и мощи своей Родины наступил в 1937 г. Партия производила очистку страны от шпионов, диверсантов, террористов, вредителей в условиях предвоенного времени. В этом массовом выкорчевывании к.р. элементов легко было погибнуть заодно и честному человеку, если выдвинуть против него страшнейшее оружие злобы, ненависти и зависти — клевету. Ведь всякая возможность защиты отнимается скрытностью обвинения. Клевета тем и ужасна, что она заранее овладевает ушами и презраждает к ним все пути, делая их совершенно недоступными для всякого последующего оправдания, поскольку уши человека, решающего вашу судьбу, уже наперед заполнены клеветой. Что же клеветники могли выдвинуть против меня?

1. Происхождение? Я являюсь сыном а р о д н о й у ч и т е л ь н и ц ы, ушедшей в 70-х годах в народ. революционерки и пенсионерки во время советской власти за ее революционные заслуги перед Родиной.

Брат мой старше меня на 10 лет, и, когда я начинал сознательную жизнь, он уже был большевиком

и до сего времени является незапятнанным членом партии. Вот мое родственное окружение.

2. Во время царского режима я был активным борцом с самодержавием. Подвергался репрессиям. Окончив университет, я увлекся наукой, и революция застала меня скромным научным работником в звании ст. ассистента при кафедре минералогии Нижегородского политехнического института.

3. С 1917 по 1937 г. я был членом партии, никогда не подвергался взысканиям по политической линии. Не участвовал ни в каких оппозициях, не имел ни родных, ни друзей, замешанных в антипартийных делах или репрессированных.

4. Основная работа моя и все усилия были связаны с наукой. Я очень много работал именно как ученый. Выпустил более 80-ти печатных трудов, и по моим учебникам училась вся горная молодежь Союза.

5. Жил я скромно — маленькая квартира, дача — в виде крестьянского домика. Вкуса к т.н. широкой жизни не имел. На зарабатываемые деньги мог бы иметь превосходную дачу и роскошную квартиру. Но деньги тратил только на книги и поездки, никаких ценностей не приобретал. В карты не играл и выпивать не любил.

Все это подтверждено в результате обыска и исследовании моей жизни на следствии, пытавшемся найти здесь какие-либо зацепки и не нашедшем.

6. Своему положению и возможности вести широкую научную работу я обязан только советской власти. В любой другой стране я был бы маленьким научным работником. Только в нашей стране я мог получить такие огромные средства, чтобы построить институт минерального сырья с его мощными лабораториями и крупными кадрами. Как человека науки — одно чувство могло наполнять и наполняло меня: чувство глубочайшей благодарности.

7. Предел моих мечтаний был — сделаться академиком и еще глубже уйти в научную работу. Я уже был избран членом-корреспондентом в 1933 г. и намечался в академики в 1938, когда арест закрыл для меня все пути.

Спрашивается, во имя чего же я должен быть контр-революционером?

Не легкое дело было врагам оклеветать меня. Надо было проявить большое искусство, немалую сообразительность. Не осилила бы клевета правду моей жизни, если бы не выдумала чего-либо сногшибательного и не превратила бы из сторонника Сталинской партии — в предателя, из ученого — в беспринципного политика и из строителя новой жизни — во вредителя.

III. ДОКУМЕНТЫ, СФАБРИКОВАННЫЕ ВРАТАМИ И КЛЕВЕТНИКАМИ, ЧТОБЫ ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ МЕНЯ.

Если нельзя придраться ни в чем к биографии человека, то клеветник ее искажает, выдумывая несуществующие факты.

Весну, лето и осень 1918 г. я провел в Москве, на официальной должности председателя горного совета ВСНХ, редактора «Известий горного совета» и членом комиссии по организации в г. Москве Горной академии. В сентябре 1918 я лично докладывал в Совнаркоме, и доклад увенчался успехом — Горная академия была организована.

Некто Н.Н. Я р о ц к и й — известный авантюрист изобретатель — представил в руки клеветников записку, где утверждал, что слышал от меня рассказ о якобы участии моем в 1918 г. в восстании левых эсеров в г. Ярославле, где я, будто бы, будучи захвачен, был приговорен к расстрелу, но бежал!!!

Таким образом, этот отрезок моей жизни, посвященный организации Московской горной академии, — делу, которым я горжусь, — был превращен клеветником в ряд сногшибательных преступлений против Советской власти.

Торный инженер Н е к р а с о в показал, что в 1927 г. в ленинском кружке я призывал слушателей «совершенно открыто высказываться по вопросам оппозиции». «А что значит высказываться открыто? — пишет Некрасов. — Это значит развивать оппозиционные идеи».

Несмотря на то, что показание говорит о выводах самого клеветника, на основании ничего, в сущности, не значащих слов десятилетней давности, — несмотря на это, этот клеветнический выпад преподнесен как важный «фактический» материал.

До чего же трудно пришлось клеветникам, <чтобы> найти какие-либо опорочивающие факты в моей жизни, что они должны были прибегнуть к таким трюкам!

Наконец, немаловажную роль сыграл донос инженера З а ч е р е с с и г а.

Выгнанный мною из института в 1933 г., о б о з - л е н н ы й л и ч н о н а м е н я и выполняя, очевидно, задание дискредитировать видных советских ученых и инженеров для подрыва Советской власти, он, уезжая в 1935 г. из СССР, оставил донос, принесший мне немало неприятностей. Но в 1935 г. этому доносу не было придано политического значения, слишком белыми нитками шита была эта провокационная стряпня. Зато в 1937 г. о н о п я т ь б ы л в ы т а щ е н н а с в е т б о ж и й как «материал».

Но всего этого было недостаточно: успехи инс- т и т у т а м и н е р а л ь н о г о с ы р ь я и м о и л и ч н о в с о з д а н и и н о в ы х о т р а с л е й п р о м ы ш л е н н о с т и и о с в о б о ж д е н и я С С С Р о т и н о с т р а н н о й з а в и с и м о с т и б ы л и с л и ш к о м о ч е в и д н ы. И вот целая банда клеветников во главе с членом партии геологом Н и к о л ь - с к о й обрушилась с «ревизией» на институт минерального сырья летом 1937 г. Группа Никольской с авторитетом специалистов и членов партии представила доклад, где квалифицировала институт минерального сырья как вредительский, а директора как вредителя, шпиона, диверсанта и т.п. Этот официальный донос переполнил чашу.

Убивающее дьявольское зелье клеветы было крепко сварено и в таком букете способно было свалить с ног любого честнейшего человека.

Момент тоже был выбран как нельзя более удачно. Крупнейших большевиков, хорошо знавших меня, — Дзержинского, Орджоникидзе, Куйбышева — не было в живых. Вся моя работа прошла на глазах этих людей. Заступиться за меня было некому, и я был арестован.

Только спустя 3 года после моего ареста клеветническая группа Никольской была разоблачена и предстала перед судом. Оказалось, что четыре года эта группа организовано топила честных научных работников и целые институты с целью, как формулировал суд: «перевести научные советские кадры». Клеветники получили по заслугам, но я уже был осужден и находился в лагере как «преступник» с насильно надетой на меня маской врага / см. «Правда» от 27 — 30.1.1940 г./.

IV. ПОЧЕМУ МАТЕРЬЯЛ СЛЕДСТВИЯ ЯВЛЯЕТСЯ НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫМ И НЕОБОСНОВАННЫМ.

Суд имел в деле:

1. Все вышеупомянутые материалы.

2. Материалы следствия, которые состояли из:

а. «Собственноручные показания» обвиняемого о вредительстве, шпионаже и участии в к.р. организации.

б. Отказ обвиняемого от этих показаний, запроотоколированный прокурора Московского военного трибунала и объяснение обвиняемым дачи этих показаний под влиянием нарушения душевного равновесия пристрастными методами следствия с применением прямого насилия.

в. Показание Баумана*, что он якобы осенью 36-го

* Бауман Карл Янович (1892–1938), член партии с 1907 г., участник борьбы за советскую власть в Киеве. Член ЦК ВКП(б) с 1925 г., член Оргбюро ЦК в 1928–1934 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК в 1929–1930 гг. С 1929 г. — первый секретарь московского комитета и секретарь ЦК ВКП(б). Погиб от незаконных репрессий.

года «завербовал» подсудимого в к.р. организацию наряду с другими 15 академиками — Ферсманом, Тубкиным и т.д.

г. Показания Т о р б у н о в а*, что он слышал, что из геологов в к.р. организации состоял подсудимый и др.

д. «Очные ставки» подсудимого с его сотрудником А.А. М а м у р о в с к и м и др., где подсудимый подтверждал и даже «уличал» Мамуровского и др. лиц во вредительстве и состоянии в к.р. организации.

е. Отказ обвиняемого от правильности его показаний на «очных ставках», объясняемый им тем же ненормальным психическим состоянием и сделанных по принуждению.

ж. Показания моих бывших сотрудников инж. П у ч е - к а и З и л ь б е р м и н ц, которые я не помню.

Количество обвинительного материала, при том самого ужасающего характера, юридически оформленного, побудило суд, не входя в рассмотрение вопроса по существу, провести судебную процедуру в 10 - 15 минут с вынесением исключительно сурового обвинительного приговора. Суд не принял во внимание мой отказ от показаний, как вынужденных, т.к. суду не было известно важное обстоятельство, выяснившееся позднее: комиссар Минаев, ведущий мое следствие, в 1939 г. был отстранен от службы, арестован и приговорен как государственный преступник. Мой «материал» для суда оформлялся преступником, делавшим на мне свою карьеру и прикрывавшим свои грязные дела «раскрытием» чудовищного врага народа в ученом, отдавшем все свои знания на строительство родной страны. Минаев вслед за мной собирался дискредитировать и уничтожить почти всех крупнейших ученых, академиков; но, к счастью, был своевременно разоблачен.

* Горбунов Николай Петрович (1892–1937), член партии с 1917 г., участник Февральской и Октябрьской революции в Петрограде, Гражданской войны. В 1917 г. — секретарь СНК, с 1920 г. — управделами СНК РСФСР, в 1922–1923 гг. — СНК СССР. Химик, с 1935 г. — академик, непреременный секретарь АН СССР. Погиб от незаконных репрессий.

«Собственноручные показания», добытые от меня Минаевым, имеют такую же цену, как показания ведьм, колдунов и чародеев об участии в шабашах и сношениях с дьяволом, т.е. безумный вздор, написанный под влиянием нервного шока. В лучшем случае они заслуживали психиатрической экспертизы, но никак не уголовного преследования. Но, поскольку суд не знал тогда, что Минаев преступник, то не принял во внимание мое заявление. Однако в дальнейшем я докажу полную нелепость и бессмыслицу по существу этих показаний.

Второе важное обстоятельство, подрывающее в корне доброкачественность показаний против меня Баумана и Торбунова, так же осталось неизвестным для суда, т.к. обнаружилось позднее. А именно, Бауман и Торбунов оговорили наряду со мной крупнейших ученых нашей Родины акад. Губкина, акад. Ферсмана, акад. Виноградова, акад. Обручева, ак. Вернадского, ак. Кржижановского. Причем, согласно этим показаниям, все эти ученые были фашистами, я лично имел к.р. связь и поручения от академика Губкина и являлся как бы подручным «фашиста» Губкина. Проведенная уже в дальнейшем тщательная проверка этих показаний установила их личность, и никто из перечисленных лиц не пострадал. Наоборот, правительство наградило их орденами и премиями за плодотворную работу для пользы Родины.

Таким образом, я был обвинен по ст. 58, пункт 11-й за к.р. связь с ак. Губкиным, к.р. поручения которого я якобы выполнял, а сам ак. Губкин являлся знатным, почетным героем труда своей Родины. Именем его назван Нефтяной институт, выдающиеся ученые сейчас получают премии его имени, установленные правительством.*

* Попытки репрессировать И.М. Губкина в конце 1937 – начале 1938 г. изложены в книге Д. Алканцева и Ж. Трошева «Авраамий Завенягин. Очерк жизни и деятельности» (Красноярское книжное издательство, 1975, с.115 – 121).

Третье важное обстоятельство, послужившее основой обвинения, это значение «очных ставок», например моей и А.А. Мамуровского, где мы оба «признавались», что входили в к.р. организацию и занимались вредительством. Суд не принял во внимание мое заявление об лживости и инсценированности этих «очных ставок», проведенных Минаевым в условиях, исключающих всякое доверие к показаниям, полученным путем репрессий и запугивания. Однако, позднее, летом 1939 г., мое заявление подтвердилось на суде Московского военного трибунала над А.А. Мамуровским. Вызванные свидетели и экспертиза установили, что данные «очной ставки» совершенно не соответствуют истинному положению дел и являются вымыслом. В результате Московский военный трибунал оправдал А.А. Мамуровского. А я на основании подобных фальшивых «очных ставок» был осужден и не имел возможности ни вызвать свидетелей, ни экспертизу, на даже сам защититься, так как ни разу не был выслушан.

Я не знаю, имеет ли какое-либо юридическое значение, что я находился в отношении своей защиты «человеком без языка».

1. За время следствия я не мог буквально раскрыть рта в свою правоту. Одни только слова «я не виновен» влекли суровые, непереносимые репрессии.

2. Неоднократные мои обращения в прокуратуру оставались без ответа.

3. При подписании обвинительного заключения я смог только формулировать свое утверждение в полной невиновности. И то Московский военный трибунал, взглянув вследствие этого более внимательно на «дело», не принял его к слушанию как неясное.

4. Без дополнительного следствия дело было взято из трибунала и с присоединением пункта 8-го 58 ст. передано в военную коллегию.

5. В ВК судебная процедура продолжалась 10 - 15 минут и я опять не смог возразить на обвинения по существу.

V. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВЗДОРОЖНОСТИ И ЛЖИВОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПО СУЩЕСТВУ.

По статье 58, пункт 7. По показаниям я, якобы, занимался вредительством в Институте Минерального сырья.

1. Скрыл хорошее месторождение талька в Шабрах близ Свердловска от промышленности, дав совместно с проф. В.В. Аршиновым ложные данные о его свойствах в период 33 - 34 г.г. Опровержение: на самом деле по имеющимся в ВМСе материалам видно, что по моему докладу в 1930 году на Шабрах стал строиться тальковый завод и в 1932 году уже начал давать продукцию. В статьях за моей подписью и подписью проф. Аршинова - см. «Минеральное сырье» за 1932 - 34 г.г. - шабровский тальк рекламируется и усиленно рекомендуется промышленности. Летом 1939 г. В.В. Аршинов, мой якобы соучастник по «сокрытию», был оправдан на суде.

2. Я, якобы, скрыл промышленное значение открытых Институтом минерального сырья соленых вод под Москвой. Опровержение: В делах Института минерального сырья имеется копия докладной записки в Совнарком СССР /лето 1937г./, где я указывал большое промышленное значение открытия соленых вод. Я прошу <там> ассигновать средства на промышленную разведку. В журнале «Разведка недр» за 36 и 37 гг. имеется ряд статей за моей подписью и подписью моих сотрудников, где освещаются промышленные большие перспективы, связанные с этим открытием.

3. Я, якобы, совместно с А.А. Мамуровским проводил вредительский проект шахтной добычи известняка под Москвой, который должен был повести к разрушению поверхности и заливку шахт водой. О п р о в е р ж е н и е: Проект А.А. Мамуровского проводился не втайне от геологов, а обсуждался на широких собраниях геологов-специалистов, где и были высказаны опасения, не повредят ли шахтной добыче подземные воды. На совещании геологов было принято решение проверить шахтный метод постройкой небольшой опытной шахты. Нельзя считать вредительством еще не осуществленное и не проверенное рационализаторское предложение.

Официально это показание было признано вздорным на суде Московского военного трибунала, оправдавшего А.А. Мамуровского.

4. Другие упоминания в показаниях о вредительских действиях по Институту минерального сырья /по графиту, слюде/. О п р о в е р ж е н и е: Все проходящее в показаниях работы, квалифицированные как вредительские, - составляют гордость Института минерального сырья и мою лично как крупнейшие достижения, давшие новые отрасли промышленности и освободившие СССР от иностранной зависимости по ряду объектов.

Это доказывается, во-первых, тем, что эти показания дисквалифицированы судом Московского военного трибунала, оправдавшего моих сотрудников и соработников проф. В.В. Аршинова и А.А. Мамуровского.

Во-вторых, они опровергнуты геологическим руководством и геологической общественностью Союза в докладе 18-му съезду партии в апреле 1939 г. Главгеология по Институту минерального сырья ни слова не упоминает о вредительстве. Наоборот, все работы за период 1933, 1934, 1935, 1936 и 1937 годов, т.е. за время моего там руководства, - Главгеология предлагает вниманию съезда как крупные достижения. Как раз те работы, которые проходили по показаниям

как вредительские, в докладе съезду указаны как блестящие работы, помогшие стране освободиться от иностранной зависимости. /См. Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР к XVIII съезду ВКП(б)/.

Наконец, в 1940 г. геологическая общественность Союза праздновала юбилей проф. В.В. Аршинова, моего ближайшего соучастника /по показаниям/ во вредительстве. Геологическая общественность приветствовала его работы, «давшие ценные результаты для промышленности». Далее перечисляются эти работы — тальк, асбест и т.д., т.е. совместные наши работы, которые по показаниям якобы укрывали от промышленности. /См. журнал «Советская геология», №5—6, 1940 г.: «Юбилей работников прикладной минералогии»/. В 1944 г. Проф. В.В. Аршинов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

На основании этих документальных данных, могущих быть подтвержденными проф. В.В. Аршиновым, инж. Койфманом, инж. Шапиро и др. научными работниками Института минерального сырья, — я прошу снять с меня пункт 7-й ст. 58-й.

По статье 58-й, пункт 6-й. Мое вынужденное показание гласит, что, якобы я сообщал за границу /в показаниях сказано: немецкой разведке/ через немецких инженеров, профессоров и т.п. данные о запасах полезных ископаемых в недрах СССР. С подробным наименованием, а именно: руд железа, цветных металлов, хромита, серного колчедана и серы, стройматериалов и минеральных красок и, кроме того, алмазов и металла индий. Суд квалифицировал это так: «передача важных государственных тайн за границу».

О п р о в е р ж е н и е: Что показание это вымышленное от начала до конца, видно из следующего.

1. Показание конкретно перечисляет объекты передачи, среди которых нет ни одного, запасы которого в недрах СССР представляли бы собой «важную государственную тайну».

Эти объекты даже не являются «тайной» вообще, а публикуются совершенно открыто в сборниках, монографиях, в периодической печати и даже в учебниках.

Какой смысл, например, передавать в порядке уголовно наказуемого шпионажа запасы руд, когда мы имеем исчерпывающую монографию в 2 томах: «Железные руды СССР», изд. 31 и 32 г., где дана не «сводка запасов», а подробное описание каждого рудника, каждого месторождения и с детальными картами и анализами. Все те данные новых разведок так же детально из года в год публикуются в специальных журналах и новых монографиях. Или запасы хромитовых руд — кому нужна сводка их запасов, когда в монографии «Хромитовые руды Урала», 1933—34 г., и в издании Академии наук «Хромитовые месторождения СССР», 1936 г., даны исчерпывающие данные по любому месторождению, с картами, диаграммами и анализами по всем инкриминируемым мне объектам.

Мало того, мы имеем обширные сводки запасов с детальным описанием даже по областям и республикам Союза — так же с картами, диаграммами, анализами; напр., «Минеральные богатства Грузии», изд. 1935 г., том свыше 1000 страниц, «Минеральные ресурсы Урала», том свыше 800 страниц, и т. д.

Наконец, ежегодно выпускаются Главгеологией подробные сводки запасов инкриминируемых мне показаний объектов. См. «Ежегодный обзор минеральных ресурсов СССР» с 25 года, «Минеральные ресурсы СССР», издание Главгеологии, с 1936 г.

Подтвердить, что вышеупомянутые объекты не были засекреченными и данные разведок публиковались для всеобщего сведения, может любая эксперт из специалистов-геологов.

2. Особенно ярко вздорность этих показаний видна из того, что в числе «объектов передачи» значатся алмазы и металлы и др.

В справочнике Академии наук «Неметаллические ископаемые СССР», т. 1-й, стр. 122, сказано: «Не имея

собственных месторождений алмаза, СССР принужден для своего народного хозяйства выписывать алмазы из-за границы». А что касается индия, то даже в 1943 г. написано: «Запасы же таких металлов, как индий, почти ни в одной стране не подсчитаны» /«Известия», 25.VII.43 г., статья «Редкие металлы»/. В СССР же индия и не искали до моего ареста, и тем более никто не считал запасов, которых не было.

Таким образом, «важной государственной тайной» на самом деле была мифическая передача с одной стороны всем известных публикуемых материалов, а с другой стороны — несуществующих в природе данных.

3. Обращаю внимание на фактологические изменения, которыми пестрит это, ставшее для меня роковым показание: Институт минерального сырья в 1935 или 36 г. посетил проф. Эйтель. Я в это время был в командировке, и институт показывал проф. Эйтелю мой заместитель. Тем не менее, в показании написано, что я лично передал проф. Эйтелю секретный прибор инж. Чернова, который определяет укрывистость минеральных красок. Значение этого прибора ничтожно и никакой «государственной тайны» он не представляет. Но не в этом дело, а в том, что прибор описан и с чертежом издан в печатных трудах института и, кроме того, стоял на выставке в музее института для обозрения экскурсий. Это есть, не находящийся в Москве директор передал в Москве тайно, в уголовном порядке, всем известный не имеющий никакого военного или крупно-промышленного значения прибор, стоящий на выставке для всеобщего обозрения.

Эти данные могут представить заведующий музеем института и лица, принимавшие проф. Эйтеля в мое от-

существование. На основании этих данных прошу снять с меня пункт 6-й ст. 58-й.

По статье 58, пункт 11-й.

1. Согласно показания, я, якобы, организовал в институте минерального сырья группу для помощи мне по вредительству, шпионажу и т.п. Детально описано, например, как я цговаривал Мамуровского и Аршинова войти в антисоветскую организацию.

Опровержение: доказательство выдуманности этих показаний от начала до конца было дано на суде Московского военного трибунала вызванными свидетелями, установившими истинное советское лицо этих двух старейших моих сотрудников. На основании чего Московский военный трибунал оправдал и В.В. Аршинова, и А.А. Мамуровского.

2. Показания Баумана, Горбунова и др. о вовлечении меня в кр. организацию.

Одни показания утверждают, что меня «вовлек» Бауман в 1936 г., другие, что меня «вовлек» Брицке в 1934 г., Третьи показания говорят, что «вовлек» меня академик Тубкин.

Опровержение: В показаниях Баумана дано перечисление фамилий - 15 человек, и в конце стоит и моя, и не указано, как мог «вовлечь» меня Бауман, с которыми я и никогда не встречался помимо официальных заседаний. Зато подробно описан процесс вовлечения ак. Тубкиным. Такое разночтение в строках и лицах уже говорит о не доброкачественности этих показаний. В момент судебной процедуры по показаниям я имел кр. связь с ак. Брицке, ак. Ферсманом, ак. Виноградовым, охарактеризованными в показаниях как махровые контрреволюционеры, террористы, диверсанты и фашисты. Лишь в последующем выяснилась абсолютная ложь и вздорность этих показаний и все означенные лица не только не

подверглись репрессиям, но были неоднократно награждены орденами и почти все являются лауреатами Сталинских премий.

Таким образом, как лица, якобы «вовлекшие» меня в к.р. организацию, так и лица, «вовлеченные» мною, якобы, в к.р. организацию, оказались в ходе последующей жизни честными советскими гражданами.

На этом основании, прошу снять с меня обвинение по ст. 58, пункт 11 и вытекающий чисто логически из него пункт 8-й, который приписан мне без всяких оснований, для формального предания меня суду Военной коллегии вследствие отказа принять дело к слушанию Московским военным трибуналом.

*** * ***

Письмо, составленное, видимо, в то же время, когда и прошение на имя Сталина, занимает большую тетрадь из толстой оберточной белой бумаги. Страницы с обеих сторон исписаны почерком Федоровского красными, черными и фиолетовыми чернилами. Оно было отправлено в Москву последнему юному другу, не побоявшемуся поддерживать с Николаем Михайловичем переписку, как только она была ему разрешена. Этим другом была Маргарита Александровна Крюкова.

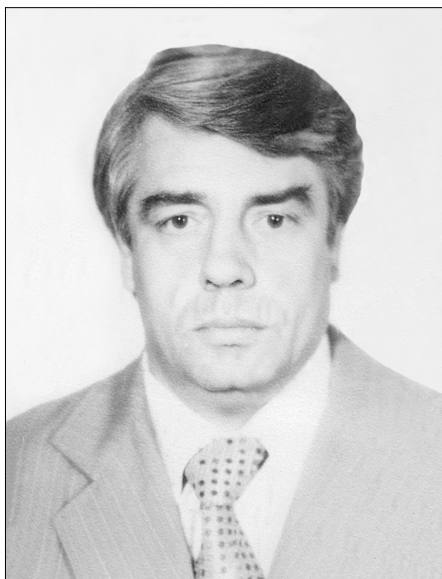
Когда изучаешь этот потрясающий документ, необходимо помнить, что он принадлежит своему времени и, следовательно, нуждается в тщательных комментариях. Ведь Федоровскому, когда он писал его, не было известно то, что выяснилось потом о событиях тридцать седьмого, предыдущих и последующих лет. Следовательно, его выводы и оценки не могли быть во всем правильными. Так, он, судя по содержанию письма, был искренне убежден, что пал жертвой врагов народа и вредителей, к которым относит таких деятелей партии и государства, как А.П. Серебровский, С.С. Лобов, И.В. Косиор,

К.Я.Бауман, Н.П.Горбунов, оказавшихся вскоре в не менее трагической ситуации, чем сам Федоровский.

Документ этот важен тем, что позволяет заглянуть вглубь того механизма репрессий, той дьявольской кухни, на которой минаевы всех мастей и рангов, в погоне за орденами и постами и материальными выгодами для себя бессовестно стряпали «врагов народа». Думаю, что документ этот важен своей типичностью для того времени.

Продолжение материала читайте в следующем томе издания «О времени, о Норильске, о себе...».

Владимир Олегович Рассадин

Музыкальная школа . Альма-матер

Владимир Рассадин:

«Норильск для меня стал тем фундаментом, на котором я смог построить свою жизнь» .

Старшее поколение и первое. Слева направо: Макарий, Леонид (мой дед), Глафира Ивановна (моя прабабушка), Александр, Николай Ильич (мой прадед), Николай, Варвара, Борис

ПРЕДЫСТОРИЯ МОЕГО РОДА

Всех желающих приглашаю заглянуть в Москву Владимира Гиляровского, в последнюю четверть XIX века. Еще нет трамваев, но есть уже конка, улицы не знают асфальта, но уже вымощены булыжником и даже кое-где торцовой мостовой. Освещение улиц еще не знает электричества, но зато тускло горят газовые фонари в сиреневых сумерках. Нам, избалованным техникой начала XXI века, картина, нарисованная только что, кажется довольно безотрадной. Но люди жили и не жаловались на недостаток комфорта и сервиса, а он в то время был довольно на высоком уровне и мог поспорить с сегодняшним днем.

Итак, давайте пройдемся неспешным шагом от Солянки по Варварке к Покровскому собору, больше известному, как храм Василия Блаженного. По левой стороне улицы, как жемчужины, нанизанные на нитку, протянулись церкви одна краше другой, а на правой стороне расположены многочисленные лавки с нехитрым товаром, столь необходимым небогатым москвичам. Здесь торгуют лоскутом и нитками, шнурками и сапожной ваксой, скобяным товаром и замками, как врезными, так и навесными, всякой прочей мелочью, которая необходима в хозяйстве. А вот и свечная лавка, попутно торгующая иконками и церковными книгами. Продавец и хозяин в одном лице крепкий, еще не старый мужчина. Он высок, худощав с негустой бородой, в приличном костюме. Хозяина лавки зовут Николай Ильич Рассадин — это мой прадед. У него немало забот, главное — обеспечить семье достаток, что при наличии семерых детей дело крайне непростое. Не меньше хлопот у его жены Глафиры Ивановны по хозяйству и по дому. Прадед при поддержке старшего сына сумел дать неплохое

*Мой прадед Николай Ильич
Рассадин*

*Мой дед Леонид Николаевич
Рассадин*

воспитание и образование своим детям. В том числе и моему деду, который окончил коммерческое училище и крепко стоял на своих ногах, пока не грянул Октябрьский переворот.

Пора познакомиться со всем семейством. Перечисляю от старшего к младшему: Александр, Николай, Борис, Мария, Макарий, Варвара, Леонид, последний — мой дед. Революция впоследствии разбросала семью. Александр эмигрировал во Францию, где и скончался в Ницце глубоким стариком в конце 50-х. Николай пошел служить в Белую гвардию и больше никто и нигде его не видел, пропал без вести. Прадед до революции не дожил и всего этого безобразия не застал. Дед до революции служил у мануфактурщика миллионера Балина и зарабатывал неплохо. Кроме того он удачно играл на бирже и сколотил неплохой капитал, который позволил ему купить два доходных дома на Арбате.

Моя Бабушка Мария Николаевна Рассадина, в девичестве Николаева,

окончила Елизаветинское училище и занималась воспитанием шестерых детей. В Октябре 1917 года дед, как и миллионы россиян, все потерял и переехал

на Божедомку от греха по-
дальше. Но грех все же слу-
чился. Вот уж воистину: не
буди лихо пока оно тихо. В
1933 году дед решил помочь
советской власти строить
социализм и сдал в НКВД
небольшую шкатулку с дра-
гоценностями. Не Бог весть
что, но все же. Благодар-
ность поступила незамед-
лительно. Деда пригласили
на Лубянку и три месяца
спрашивали, где еще у него
припрятано золотишко. И
чтобы быть уверенными,
что дед не врет, во время
допросов переломали ему

*Моя бабушка Мария Николаевна
Рассади́на (Николаева)*

обе ключицы ножкой от венского стула. Жертвователь
после этого не мог высоко поднимать руки до конца
жизни. По возвращению из узилища дед ругал само-
го себя: «Старый идиот, так тебе и надо, нашел кому
верить». Но я немного забежал вперед. Итак, шестеро
детей, называю по старшинству: Ирина (1912), Олег
(мой отец, 1914), Юрий (1917), Тамара (1919), Игорь
(1923) и Маргарита (1925). Сразу хочу заметить, что
никто высшего образования получить не смог. Но не
в силу своей неразвитости, а по причине классовой
принадлежности. Вот вам и всеобщее равенство.

Мои дядьки по складу своей натуры типичные
технари, а вот отец пошел по другой стезе. Он начал
учиться игре на фортепиано с пяти лет, и поверьте мне
на слово, из него вышел пианист с хорошей техникой и
прекрасным вкусом. Занятия шли на дому и никакого
документа о музыкальном образовании у отца не было.
В консерваторию ему путь был закрыт, а вот если бы
он родился в семье пролетария, то, пожалуйста, а
так недостойн и точка. Но ему могли позавидовать
музыканты с консерваторскими дипломами. Надо
заметить, что профессиональным музыкантом отец

становиться не предполагал. Но вышло точно по поговорке: человек предполагает, а Бог располагает.

В 1936 году отец вместе с братом Юрием был арестован и после недолгого разбирательства был осужден по знаменитой 58-й статье на восемь лет. Юрия, слава Богу, отпустили, а вот отцу пришлось сидеть от звонка до звонка. Как ни парадоксально, но именно лагерь сделал отца профессионалом в музыке. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Мои оба дядьки прошли Отечественную войну, Юрий от Москвы до Берлина, а Игорь от Ленинграда до Кенигсберга. Оба вернулись живые, и с руками, и с ногами. Как тут не скажешь: «Им сказочно повезло!».

Тетя Ирина была вынуждена уехать из Москвы на Урал из-за мужа, немца по национальности. Надо бы поставить свечку в благодарность за то, что их не посадили. А моему деду дали 101 километр, за помощь в построении социализма. Тетя Тамара после войны уехала добровольно на Север, чтобы не поехать

Второе поколение. Слева направо: Игорь, Тамара, Ирина, ее муж Анатолий, Юрий, Мария Николаевна (моя бабушка), Лева (сын Ирины), Леонид Николаевич (мой дед), Маргарита. Эта фотография была послана отцу в воркутинские лагеря в 1938 году

в принудительном порядке. Дед до 1947 года жил у старшего сына, то есть у нас, а после ареста отца уехал к дочери Ирине на Урал. Так пострадала не только моя семья, а чуть ли не треть населения нашей страны. Остальные две трети жили в постоянном страхе...

О семье моей мамы у меня сведения самые смутные, я никогда ее не расспрашивал, а только случайно слышал во время разговоров ее с папой о своих бабушке и деде. Единственное, что я знаю, бабушка по национальности была татарка, а дед был индус, он исповедовал ислам, носил чалму. В середине 1950 года мама получила письмо из Турции от брата Абдуллы, но не ответила, потому что иметь родственников за границей было опасно в то время. Так появилась разумная осторожность родителей после многих лет лагерей.

Вот, пожалуй, и вся краткая предыстория моего рода, дальше начинается моя.

Третье поколение. Слева направо в верхнем ряду: Федор Владимирович (муж тети Тамары), дядя Игорь, Ирина, Владимир (это я), Лев; сидят: Галина, Нина, тетя Тамара, Ирина, Наталья (двоюродные братья и сестры)

ДОРОГА НА ТАЙМЫР

«У-у-у-у...» Тягуче, басовито и как-то тревожно течет этот звук над водой, упруго упирается в берега и уплывает за горизонт. Мы стоим на дебаркадере с казацким названием «Атаманово», ожидая начала погрузки. Мы — это папа, мама и я, шестилетний шкет, худенький, со стриженной наголо головой под кепкой. Надо заметить, мы не одни. Весь дебаркадер загружен большой толпой с чемоданами, ящиками, тюками и прочим скарбом. Сезон летнего отдыха для пассажиров окончен и пора возвращаться домой, в Норильск. Но для нас это не возвращение, а прибытие. Теплоход гостеприимно приглашает всех подняться на борт. Мы деликатно пропускаем тех, о ком еще Гоголь сказал: «Которые почище». Нет, мы не грязные, у нас просто довольно непрезентабельный вид, все застиранное, потертое и откровенно заношенное. Папа и мама стесняются этого, а мне в силу возраста — наплевать. Почему мы находимся на берегу Енисея, кто мы и откуда? Вспоминать мне нечего, мой жизненный стаж крайне мал, поэтому я начну вспоминать рассказы папы и мамы, услышанные гораздо позже от них и не всегда сказанные для моих ушей.

Помните фразу незабвенного деда Щукаря: «Перво-наперво, родился я». С этого начинается биография любого человека, а дальше у всех по-разному. Случилось это знаменательное для меня событие 9 декабря 1944 года в северном городке Ухта в республике Коми. Как туда занесло моего отца, коренного москвича? А так же как очень многих, позаботился об этом т. Сталин, конечно не сам лично, для таких дел у него было немало помощников. Арестовали моего папу в 1936 году и осудили по серьезной 58 статье на 8 лет в истребительно-трудовые лагеря. Вообще-то правильно «исправительно», но, по сути, первое определение более точно отражает политику ВКП(б). Таким образом, и очутился отец в этом лагерном крае.

Путь моей мамы в эти благословенные места был не менее романтичен, вряд ли у романистов хватило

бы фантазии на такой сюжет. Сказали бы, что такого в жизни не бывает. Но она почище любого романа. Мама родилась в Харбине, образование актрисы получила в Шанхае с перспективой работы в Голливуде, но вышло все иначе. Не знаю, какими судьбами она встретила работника советского консульства или другого посольского учреждения, но кончились эти встречи замужеством. Мама стала Марьяной Якубовной Федоровой. В 1937 году вместе с мужем приехала в Москву. Федорова отозвали по служебным делам и через пару дней вызвали в наркомат иностранных дел. Больше мама его не видела. На другой день отправилась его искать. В наркомате ей посоветовали обратиться по поводу Федорова в НКВД. Мама отправилась на Лубянку, а оттуда на Воркуту, как член семьи изменника Родины, со сроком 5 лет лагерей.

Считая, что муж погиб, после освобождения в 1942 году она вышла замуж за моего отца неофициально. Брак они зарегистрировали уже после моего рождения в 1945 году. Таким образом я являлся незаконно рожденным сыном врага народа. А Федоров не погиб и написал маме письмо в середине пятидесятых, что жив и если она свободна, то примет даже с ребенком. На письмо мама не ответила. Судьба была милостива к отцу. В лагере он попал в привилегированную касту, которую называли коротким и довольно обидным словом — придурки. Началось все с переклички по прибытию. Портные,

*Олег Леонидович и Марьяна
Якубовна Рассадины. Сыктывкар,
1946 г.*

сапожники, художники, музыканты — шаг вперед. И отец шагнул, так как с пятилетнего возраста начал учиться игре на фортепиано и был весьма недурным пианистом. Но в лагере был только баян, на котором отец никогда не играл, но сказал, что играет. И в очень короткий срок этому научился. Нотную грамоту знал, пальцы бегали, а главный стимул — желание жить. Иначе лесоповал, о котором говорили: «Три недели работы и — сухой расстрел». Позднее отец достал учебник по гармонии и оркестровке Римского-Корсакова и стал аранжировщиком в местном театре, в котором играла мама. Воистину, не было бы счастья, да несчастье помогло. До лагеря папа работал шофером и играл в любительском духовом оркестре на геликоне, что впоследствии тоже пригодилось, он стал профессиональным музыкантом.

...Вернусь к воспоминаниям: дорога в Норильск. Откуда-то из глубины теплохода возник густой низкий и призывный звук, он потек неторопливо и величественно над рекой. Второй гудок поторопил стоящих на дебаркадере пассажиров. Что ж и нам пора, отец подхватывает деревянный чемодан и тюк с постельными принадлежностями: ватное одеяло, матрас и две подушки. У мамы в руках кирзовая, потертая хозяйственная сумка, жестяной чайник и, разумеется, моя рука. По сдвоенным сходням поднимаемся на теплоход «Иосиф Сталин». Наш путь лежит на корму, ко второй палубе, к местам, согласно купленным билетам. Крутая лестница ведет нас на палубу ниже, в трюм. Мы путешествуем третьим классом, двухэтажные спаренные деревянные нары чем-то напоминают лагерные...

Свет в трюме слабый, тускло-тюремный, поэтому хочется скорее выбраться на палубу. Коридор первого класса производит на меня ошеломляющее впечатление, ничего более красивого в своей жизни я не видел. А вот и выход на верхнюю палубу. Смотрю на оставленный берег...

Все здесь знакомо, уже несколько лет мы с

1947 года жили в сельской местности в Красноярском крае. В краевом центре отцу жить было нельзя, потому что здесь он находится не по своей воле, а отбывал пожизненную ссылку. Ухтинский театр в новогоднюю ночь сгорел дотла. Артисты, кто был относительно свободен, разъехались по ближайшим населенным пунктам. Наша семья оказалась в Сыктывкаре — столице Коми. Родители стали работать в местной филармонии. Жизнь налаживалась, к нам приехал дед. Помню только его большую окладистую седую бороду. Мама неоднократно давала ему деньги на парикмахерскую, но дед устраивал для меня праздник, покупая на них мороженое и сласти. Благодаря его приезду мама и папа поехали в отпуск на Рижское взморье, с краткосрочным заездом в Москву, чтобы повидать родню, которую отец не видел со дня ареста. Мой дядька Юрий привез в качестве трофея (он был офицер) приличный аккордеон, и отец, никогда до этого не бравший инструмент в руки, заиграл, да еще как! Родня вытаращила глаза. А секрет довольно прост. У фортепиано и аккордеона клавиатура одна и та же, а кнопки в левой руке одинаковы, у баяна и аккордеона. Вот когда пригодился освоенный папой в лагере баян. Вернулись мои родители очень довольные отдыхом.

Мне 3 года

Стране надо было осваивать Дальний Восток и Сибирь, но желающих туда ехать было немного. Агитация вроде фильма «Сказание о земле Сибирской» успеха не имела. На эту туфту мало кто купился. Вот и решили органы сформировать могучий отряд для строительства новой жизни добровольно-принуди-

Мои родители: Олег Леонидович и Марианна Рассадины

тельным способом. Папу арестовали и вынесли, по тем временам, мягкий приговор — пожизненная ссылка с правом выбора местожительства в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока. Отец выбрал Красноярский край. Как только папа устроился, вызвал нас в деревню Долгий мост Сухобузимского района, куда входило село Атаманово. Как мы с мамой ехали через полстраны на поезде, в моей памяти не сохранилось, а вот дорога к папе, поездка в деревню на грузовом ЗИСе (скопирован с американского студебеккера, один к одному) врезались в память на всю жизнь. Зимний лес, поздний вечер, лесная дорога, снегу по макушку... Потом с концертной бригадой мы объехали, а вернее, прошли (это я больше на подводе) весь район. Из той жизни почему-то остро запомнились подовый ржаной хлеб домашней выпечки с замечательным вкусом и молоко из подпола. Ничего вкуснее не ел! Так же в память врезались обледенелый сруб колодца, в который с трудом проходило ведро, и запах навоза в морозном воздухе. В деревне была поголовная нищета, и местные крестьяне ненавидели ссыльных, которых по разнарядке вселяли в их избы. Запом-

нилась бабка на русской печи с какой-то колодой, вставленной в нее палкой и ее стук, однообразный и ритмичный. Оказалось, что таким способом сбивают из сметаны масло. В пищу и на продажу оно не шло, а сдавалось в качестве уплаты натурального налога. Крестьяне со своего личного хозяйства были обязаны сдать социалистическому государству продукцию со всего, что мычало, хрюкало, блеяло, кудахтало или гоготало на дворе. Это мясо, сало, шерсть, яйца, молоко и молочные продукты. Ничего не забывало наше рабоче-крестьянское правительство, а и то верно, не сидеть же в Кремле голодными, им надо заботиться о нашем благополучии. Начальство получало партийные пайки, а на зоне пайки (разница не только в ударе, но и в содержании).

Но пора снова вернуться на палубу теплохода «Иосиф Сталин». Третий гудок расколол речной покой. Команда засуетилась, стали убирать сходни, берег почему-то сдвинулся и поплыл. Не сразу я сообразил, что не берег, а мы поплыли. Теплоход сделал разворот, и через две минуты я увидел, как перед нами проплывает Дом отдыха Норильского горно-металлургического комбината. Лето 1950 года мы провели здесь. Правда, отдыхал только я (и то полуполюбно), мама работала официанткой в столовой, а папа полурботал по вечерам на танцплощадке, играя на аккордеоне. Почему «полу»? Да потому, что одна ставка музыканта делилась на двоих. Вторым музыкантом был баянист Борис Машонин. Папа его хвалил за хорошую технику и поругивал за некоторую механистичность исполнения. Обычно я с отцом проводил почти все время на реке. Три раза в день появлялась на откосе мама и громко звала нас. Мы шли почему-то в пустую столовую. Только спустя много лет я понял, что ни мне, ни отцу питание не полагалось, и мы ели, как бы сказать поделикатнее, остатки. Администрация смотрела на это сквозь пальцы, иначе, конечно, мы бы голодали. Мама уставала до изнеможения. Однажды ей на руку на кухне попало кипящее масло.

Руку забинтовали и предложили ей несколько дней отдохнуть, но мама отказалась. Иначе нам всем троим пришлось бы ходить в сельскую столовую, а деньги позарез были нужны на поездку в Норильск.

Дело в том, что папа получил приглашение работать в театре от отдыхающей заведующей отделом культуры Карповой (возможно, я путаю должность?), ее муж был директором Норильского драмтеатра. Ей нравилась игра отца на танцплощадке. Папа согласился, ему надоела доля бродячего музыканта. Вот и весь секрет пребывания нас на борту теплохода, который набирал ход... Старт на марафонскую дистанцию длиной в две тысячи километров состоялся. Пока Енисей был довольно миролюбив и берега еще совсем зеленые, тайга и не думала переодеваться в краски осени.

За четыре дня плавания жизнь на теплоходе была довольно однообразна. Все эти Ворогово, Ярцево, Енисейск, Игарка были удивительно похожи. На дебаркадере местные крестьяне торговали всем, что только можно продать: творог, молоко, варенец (замечательно вкусный), вяленая и соленая речная рыба, свежеспеченный ржаной хлеб. И все это по бросовым ценам. Люди старались хоть что-то заработать. Повсюду единственная улица вдоль реки, неказистые, серые дома и домишки, съезжающие к берегу. Все строения деревянные, многие построены до лампочки Ильича, которая за тридцать лет советской власти во многие поселки так и не добралась. Керосин — вот светоч, ведущий к коммунизму. Лодка в здешних местах — кормилица...

Вот и Казачинский порог! Даже не верится, что плавное движение воды может на глазах перемениться в бурление и белое кипение. Теплоход останавливается в нерешительности и ждет подхода лоцманского буксира. С того конца порога движется неказистое суденышко, но с наглым и уверенным видом. Боцман и два матроса крепят буксирный конец на носу, и мы отправляемся в путь. Все пассажиры высыпали на палубу, и я со страхом и восторгом наблюдаю противо-

стояние между природой и человеком. Берега по ходу движения стали переливаться разными красками, от ярко-желтой, до красно-бордовой. Заметно похолодало, и мне пришлось надеть мое семисезонное пальто, у него до меня было немало хозяев, его дарили, продавали, отдавали, и наконец, оно досталось мне. Лес постепенно редел... Где-то в районе Потапово лес окончательно исчез, берега стали безлико-серыми. Небо помрачнело, вода стала свинцовой и даже на взгляд холодной. До Дудинки оставались считанные часы, и мама с папой укладывали и увязывали наши вещи. Теплоход опшвартовался у дебаркадера, и мы одни из первых его покинули. На берегу нас ожидал сюрприз: все вокруг было белым от недавно выпавшего снега.

Железная дорога поразила меня! Это была узкоколейка с игрушечными вагончиками и платформами. На такой открытой платформе мы и устроились. Через некоторое время к составу подошел такой же игрушечный паровозик, страдающий одышкой то ли в силу возраста, то ли от предвкушения непосильной ноши. Раздался лязг всего железного, сцепка паровозика с составом совершилась, и он, отдуваясь и пыхтя, потащил свой нелегкий крест. Пошел снежок, мы сидели, закутавшись в одеяло на своем безразмерном чемодане. На полустанке нас разыскала Карпова и предложила мне и маме ехать в ее купе. Маме очень не хотелось оставлять нашего бедного папу, но отец настоял, и мы пошли отогреться. Купе было таким же игрушечным, как и весь поезд. Спальные полки были не поперек, а вдоль вагона. Из окна открывался однообразный, унылый вид, глазу буквально не за что было зацепиться. Белая равнина дополнялась бредущими за окном телеграфными столбами, иногда щитами против снежных заносов. Вечерело, и снег приобретал сначала синеватый, а затем и фиолетовый оттенок. От такой безрадостной картины я стал задремывать и незаметно уснул. Спустя половину суток наш поезд подошел к вокзалу Норильска, такому же барaku, как и в Дудинке. Наш окоченевший отец побе-

жал в буфет. Там он выпил полстакана спирта, других крепких напитков на севере в то время не знали. Так он отметил наше прибытие.

ПРОГУЛКИ НА МОРОЗЕ

Наконец-то меня отпустили погулять с дежурными напутствиями, что просто нельзя делать, а что категорически нельзя. Вылетаю на крыльцо и упираюсь взглядом в гору Шмидта или попросту Шмидтиху. Ее вершина будто срезана ножом и плоская как стол. Это придает горе какой-то зловещий сказочный вид. Первая прогулка по ближайшим окрестностям сулит открытия. Наша улица Заводская одним концом утыкается в никелевый завод, а другим в клуб профсоюзов. Именно он дает начало всей улице. Дома двухэтажные, деревянные, но отштукатуренные снаружи. Есть просто бревенчатые, без претензий. За нашим домом, примерно в метрах пятидесяти, Норильский заполярный драматический театр, так он называется официально. Это одноэтажное здание производит впечатление каменной постройки, но это не так. Он тоже деревянный и отштукатуренный. Здание, огромное для меня, место работы моего отца. Он принят на службу суфлером с окладом аж в шестьсот рублей. За домом маленькое строение — туалет. Посещение его зимой сулит мало удовольствия. Неподалеку деревянный ящик для бытовых отходов. А так как в домах канализации нет, то все жидкое выливается туда же. Когда ящик заполняется, приезжают сани, все четыре борта отбивают и грузят этот айсберг. Пишу это для тех, кто сегодня живет в домах с мусоропроводами, канализацией и прочими благами цивилизации.

Через дорогу, на улице Горной, находится столовая. Там для меня главным лакомством было песочное пирожное с прослойкой из повидла, сверху посыпанное крошкой. Это предел моих мечтаний... Родители, конечно, старались порадовать меня, но обычно это были карамельки или ириски, пряники или печенье. Зефир, вафли, мандарины мы видели только в но-

вогодних подарках, да и то не всегда. На всю жизнь остался в памяти шоколад «Золотой якорь». Конфеты вроде «Ласточки» или «Весны» полагались по большим праздникам.

Дальше находился Нулевой пикет. Это означает, что пересечь его можно только по пропускам. Вечереет, пора домой. Наша квартира на первом этаже свободно умещается на площади в 10 квадратных метров. В нашей комнатке уместились: кровать родителей, мой топчан, два стареньких стула с крохотным столом, и даже осталось место для вешалки и для плиты, которой мы не пользовались. Мама готовила на электроплитке, как и большинство норильчан. Откуда взялась обстановка? Из театра — все бутафорское, кроме стульев. Но самое главное достоинство жилища — паровое отопление. Так мы прожили два месяца. А потом случилось чудо. В театр пришла по почте пьеса, по-моему, Лопе де Вега, а клavier к ней не пришел, где-то, на наше счастье, затерялся. Клавир — это музыкальное оформление спектакля, а так как постановка комедии из жизни средневековой Испании без музыки невоз-

*Наш первый дом в Норильске на ул. Заводская, д. 2.
Окна за лесами на первом этаже наша квартира*

можно, а пьеса уже включена в репертуарный план, дирекция театра призадумалась в поисках выхода из создавшегося положения. Вот тут-то отец и предложил написать свою музыку к спектаклю. К предложению суфлера отнеслись довольно скептически, но больше никто ничего разумного не предложил. Дирекция решила — пусть пишет. Папа всю неделю пропадал в театре, потому что дома работать было совершенно невозможно. Он понимал, что этот шанс он упустить не имеет права. На карту было поставлено будущее семьи. Через неделю для прослушивания собрался худсовет. Папа очень волновался, но сел к роялю и проиграл написанное. Директор театра Горин так выразил свое впечатление от прослушанной музыки: «Оформляйте заведующим музыкальной частью театра». Это была победа! Отец проработал в этой должности с небольшими перерывами двадцать два года.

Очень скоро, почти сразу, после сдачи музыки худсовету, мы переехали в новую квартиру. Это было жилье в том же доме и на том же этаже, но комната больше и с нишей, отделенной легкой занавеской, в которой спальня и маленький столик с лампой. Тут была еще кухня и маленькая комнатка, в которой жил актер театра Толмачев. В доме живут только работники театра, кто увольняется с работы, обязан освободить жилье. Таким образом, укреплялось крепостное положение работников во всех сферах. У папы теперь оклад 1500 рублей и нам стало жить гораздо легче в материальном отношении, но не в моральном. Папа, как ссыльный, каждый месяц ходил в милицию отмечаться. Я часто хожу в театр — крутиться под ногами и мешать людям работать. Актеры относятся ко мне благожелательно, как и весь персонал театра. На сцене с утра обычно идет репетиция, но она мне мало интересна. Другое дело бутафорский цех! Там я могу торчать часами, разглядывая собранное здесь великолепие: шпаги и алебарды, пистолеты и автоматы, кирасы и доспехи, и многое другое, сделанное из дерева, веревок, папье-маше и бутылочного стекла.

Все это богатство замечательно сделано умелыми руками бывшего актера И. Асанова. Из зрительного зала отчетливо видна багетовая рама картины, но стоит подняться на сцену и подойти поближе, видишь мятую мешковину, окрашенную бронзой и черной краской. Как говорил незабвенный А. Райкин: «Ой, дурят нашего брата». А запах кулис? Это буквальный запах клеевой краски, без клея она осыплется. А в высоком смысле это душа театра, его аура, без которой никакое искусство невозможно. Смотрю на техническое оснащение сцены: вот хитрое приспособление для имитации завывания ветра, а это лист железа издает раскаты грома, вот две дощечки звучат, как цокот копыт. Сегодня в век компьютеров все это можно воссоздать одним щелчком «мышки». Машинерия сцены — это сложная система противовесов, при их помощи поднимают и опускают штанкеты (это длинные трубы), к которым привязывают мягкие декорации. Однажды я чуть не наделал беды, совершенно не желая этого. Обычно вся система закрыта проволочными сетками, а в этот раз рабочие сцены почему-то их не закрыли. Я всегда заворуженно смотрел, как проти-

Здание театра на Севастопольской улице

вовес стремительно уезжает наверх. И однажды, когда на сцене шла репетиция, я потянул канат и противовес уехал вверх. Раздался какой-то грохот, я со страху убежал и спрятался. Оказывается, я своим любопытством чуть не убил штанкетом группу актеров. Тогда меня даже не наказали, хотя и строго пожурили, а рабочим сцены досталось за халатность. Они ограждающие сетки не закрыли.

Мне нравилось бродить по костюмерной театра. Я разглядывал костюмы королей, расшитые фальшивым золотом камзолы, бальные платья на кринолинах, роскошные кружева и жабо. Не меньшее любопытство вызывала парикмахерская. Здесь не стригли, а только делали прически. На деревянных безликих болванах красовались парики, лохматые, стриженные и даже лысые. С буклями и косицами, и длинными косами. Всем этим волшебством заведовал Геннадий Пыпин, гример и парикмахер, настоящий профессионал своего дела. Мир театра, мир доброго обмана, — это мои университеты искусства.

После репетиции папа и я отправляемся домой обедать. У мамы готовы щи со свиной, которую я терпеть не могу. Зато хлеб ем с удовольствием, сам за ним ходил рано утром. Хлебный магазин от нас недалеко, и перед ним всегда толпится народ в ожидании привоза. Наконец появляются сани с большим закрытым ящиком с дверями. Лошадка стоит смирно, ее красивые глаза с большими ресницами, как у актрисы Орловой в «Цирке», подернуты инеем. Лошадка покорно-печальная, и мне ее очень жаль. Белый хлеб очень быстро заканчивается. Тетка за прилавком ловко орудует гильотиной, вделанной в прилавок, и булка взвешивается, к ней нередко добавляется довесок. Я их люблю, пока иду до дома, с удовольствием съедаю. Вкусно!

После обеда папа отправляется на работу в клуб профсоюзов, это его работа по совместительству. Она мне нравилась не меньше первой, потому что давала возможность бесплатно смотреть кино. Помню фильмы «Падение Берлина», «Смелые люди», «Ста-

линградская битва». «Застава в горах», «Сказание о земле Сибирской»... После сеанса возвращаюсь домой. Мама затеяла стирку, а это довольно долгая процедура. Надо было налить воды в большой оцинкованный бак, настругать туда хозяйственного мыла, положить белье и поставить бак на электроплитку. Когда это варево закипит, она ворошила его палкой. После белье из бака она помещала в такое же оцинкованное корыто и стирала его на специальной доске. Гофрированный лист железа в деревянной раме давно забыт, а тогда мама захватывала в пригоршню кусок простыни и шаркала его о гофр доски. Эта операция требует немало усилий, не говоря об отжиме руками белья... Глажка тоже дело непростое... На электроплитку ставился утюг. Им можно гладить, пока он не остынет. Потом все сначала...

После того, как отец стал заведующим музыкальной частью в театре и подрабатывал в клубе, мы стали жить гораздо лучше во всех отношениях. Заменили бутафорские постели на настоящие, комната приобрела более благоустроенный вид. Мама вышивала болгарским крестом и гладью салфетки, накидки и

Мой родной двор, ул. Б. Хмельницкого, д. 15–17

Клуб профсоюзов на Заводской улице. 1953 г.

занавески. На маму в магазине перестали смотреть как на ненормальную, когда она заказывала двести граммов гречки, четыреста пшена, полкило макарон и так далее. Помню, что черной и красной икрой торговали прямо из бочек. Были и другие дефицитные продукты, о которых в России могли только мечтать, кроме москвичей, разумеется.

Расскажу о балке. Это шедевр лагерной архитектуры, нечто среднее между сараем и землянкой, собственного проектирования и возведенный из подручных материалов. Балки ютятся все вместе, сиротливо прижимаясь друг к другу. Зимой к каждому балку ведет туннель, а все вместе это образует лабиринт. Весь этот «микрорайон» носит негласное, но очень точное название «шанхай». Я уже неплохо ориентируюсь в хитросплетении балков, и стучу в знакомую дверь друга. Вовка открывает дверь, предварительно спросив, кого принесло. В нос ударяет кислый и сырой запах никогда не проветриваемого жилья. Окно в балке — большая роскошь, во-первых, без него теплее, а во-вторых, грабители не залезут. Хотя по большому счету грабить тут нечего. Через несколько минут мы с Вовкой уже на горке с санками. Хуже, когда пурга,

на улице дальше десяти шагов ничего не видно и нам запрещают выходить из дома. Игрушек у нас почти нет, но нас это мало огорчает, достаточно дать мальчишке пустую коробку, пару щепок и он разыграет драму космического масштаба.

Однажды нас с Вовкой нелегкая занесла на базар. Здесь много самодельной мебели: табуретки, стулья, столы круглые и кухонные, этажерки, тумбочки и матрасы. Все сделано профессионально и хорошего качества. В магазинах мебели практически нет, надежда только на народную самодеятельность. В нашей бывшей десятиметровой комнате живет столяр театральных мастерских. Он дома делал пружинные матрасы и потом их продавал. Я видел, как он крутил пружины специальным приспособлением, прибавал их к деревянному основанию, потом сверху всю конструкцию перевязывал бечевкой. Поверх он стелил старое ватное одеяло или изношенные телогрейки, наконец, все обтягивалось веселеньким ситцем с цветочками. Потом прибавались ножки, и топчан готов на продажу. Именно ему заказали топчан для меня, на котором я благополучно проспал несколько лет.

Чего только не было на базаре, были даже деревянные игрушки, глиняные свистульки, целлулоидные головки красивых кукол, пришитые на матерчатые туловища. Продавали сахарные разноцветные петушки на палочках и жевательную серу.

Музыкант-калека правой рукой играл на кнопках, а левой рукой-культей растягивал меха. Инвалид при этом пел довольно скабрезные частушки. Вокруг мужики весело ржут, при этом суют ему милостыню в прибитую к баяну консервную банку. Инвалид между опусами опустошает содержимое банки, чтобы вновь прибывшим было куда класть смятые рубли и иногда даже трешки. Здесь же работает предсказатель, тоже калека, у него одна нога, а вместо второй протез. Это деревянная тумба, которая крепится ремнями к ноге, где-то в районе колена, и идет книзу на конус, который оканчивается окованной железом деревяшкой.

На груди у инвалида лоток с билетиками и морская свинка. За рубль вы можете узнать свое ближайшее будущее, как правило, хорошее, иначе клиентура иссякнет. Заплатив предсказателю, вы ждете, когда по его команде свинка мордочкой ткнется в билетик. Разворачиваете бумажку и узнаете, например, что вы получите премию или встретите свою любовь.

Мы с Вовкой с сожалением всегда покидали это шумное торжище. Однажды из-за него я чуть не пропустил интересное событие в театре. Отец ушел выбирать рояль из полученной партии инструментов. Я прибежал в театр, когда рояли стояли уже распакованными и поставленными на ножки. Отец с настроечным ключом переходил от одного рояля к другому, что-то наигрывал и прислушивался. Один, фирмы Блютнер, понравился папе больше всего. Инструменты были получены из Германии в счет военных репараций. В этот момент на роскошном лимузине ЗИС (завод им. Сталина), подъехал директор Норильского комбината Зверев. Отец знал, что один инструмент Зверев намерен забрать домой, несмотря на то, что никто в семье директора комбината играть на нем не умеет. В своей грубовато-барственной манере он спросил отца, какой рояль он советует взять. Отец выбор уже сделал, ему очень нравится «Блютнер», он хотел бы оставить его в театре. Поэтому расписал в превосходной степени достоинство рояля «Бехштейн». Но Звереву нравится «Блютнер», отделанный под красное дерево, он, видимо, благороднее впишется в интерьер обстановки его двухэтажного особняка. Зверев пригласил отца настроить его. Отец прибыл в особняк в точно назначенное время. Хозяин был еще на работе, и настройщика встретила хозяйка дома. Отец прошел в комнату, где стоял инструмент. Папа заканчивал настройку, когда приехал на обед хозяин. Он пригласил работника отобедать. На столе были свежие помидоры и огурцы, другие невиданные для севера деликатесы, угостили его и коньячком. Хочу заметить, что через лет этак 10–11, когда я работал в ДК металлургов, я

увидел рояль «Блютнер» в хореографическом классе. Значит Зверев, уезжая из Норильска, казенный рояль не прихватил, что делает ему честь...

Хочу еще об одном детском впечатлении рассказать. Это экскурсия на кладбище у подножия Шмидтихи. Пришла долгожданная весна. Было еще грязно и сыро. Мы пробирались между могил с покосившимися крестами и редкими пирамидками. Все имело неухоженный, запущенный и неряшливый вид. На иных могилах таблички с буквами, которые проступают как водяные знаки, на некоторых и этого нет. Кладбище кажется бесконечным, бескрайним. Нам здесь категорически не нравится, хочется скорее уйти, что мы и делаем. Нам было тогда невдомек, что тут похоронены не только жители города, но и заключенные. А смотреть за их могилами, в сущности, было некому. Сегодня тут мемориал Норильская Голгофа. Стоит один-единственный крест, один на всех. И сразу вспоминаются строки Высоцкого, написанные, правда, по другому, но похожему поводу:

**Здесь нет ни одной персональной судьбы,
Все судьбы в единую слиты!**

Однажды моим безалаберным скитаниям по улице пришел конец. Осенью 1952 года я стал школьником. На мне новенькие ботинки, черные брюки и такого же цвета мундирчик с металлическими гладкими пуговицами, а-ля гимназист. Весь вид портит только цивильная кепка. У меня новый портфель с пеналом, тетрадями и чернильницей-непроливайкой в рукодельном мешочке вроде кисета. В пенале целое богатство из ластика, ручки-вставочки, несколько перьев и два простых карандаша. Позже добавится Букварь с черным профилем солдата в каске и с винтовкой (дань недавно прошедшей войне) и матерчатая касса с нарезанными буквами, для составления слов. Моя первая учительница Ираида Викторовна была немолода, ей было за пятьдесят, и мне она казалась не старой, а просто древней. Оказалось, что она была человеком высокой культуры, необыкновенного такта и педагогического

дарования. Учитель с большой буквы. Я потом забыл большинство своих учителей, но Ираиду Викторовну храню в памяти. Именно она привила мне любовь к учебе, жаль, что эту любовь напрочь отбили в старших классах. Но я здорово забежал вперед.

В школе № 3 учиться мне нравилось, единственный предмет, который я ненавидел, это чистописание. Выводить каждую букву с бесконечными завитушками, соблюдая нажим и волосяные линии, было просто божьим наказанием. Больше тройки мне никогда не ставили. Остальные предметы мне давались довольно легко. Первый класс я окончил с одной тройкой по чистописанию. И сегодня у меня такой почерк, что порой я сам не могу прочесть, что когда-то написал. По дороге в школу надо было пересечь Горную улицу. Каждое утро я переживал, когда от Нулевого пикета пройдет густая колонна экзов. Заключение шли по пять в линию, одетые в бушлаты и ватные штаны, которые были заправлены в огромные серые валенки. На их голове были шапки из «рыбьего» меха,

*Георгий Владимирович Черняховский —
директор школы № 5*

завязанные под подбородком. Лица во время мороза были замотаны тряпками. Руки они держали сцепленными сзади, им не разрешалось ими размахивать, отсюда и замотанные лица, иначе обморозишься. На шапках, на спинах были видны на белых тряпках номера. Колонна шла неторопливо и от множества ступающих ног, казалось, вздрагивает дорога. Слышалось мерное, неспешное хруп-туп, хруп-туп. По бокам ко-

лонны шагали в овчинных полушубках конвоиры, держа автоматы ППП наперевес и с овчарками на поводках. Все это производило тяжелое впечатление, но мы были твердо убеждены, что так и надо поступать с преступниками. Тогда мы не подозревали, что подавляющее большинство из них таковыми не являлись.

Во втором классе вторую четверть я начал в новой пятой школе. Многие ребята не захотели менять прежнее место учебы на пятую школу, которая была буквально через дорогу. Например, Борька Щербаков остался в первой школе, Валерка Черепанов в четвертой, Вовка Ходес в шестой, а мы, Витька Король, Юрка Блинов, Витька Маслаков и я стали учиться в пятой, причем в одном классе. Были и другие ребята нашего возраста, которые держались несколько обособленно. Хочу назвать их в надежде, что хоть кто-нибудь прочтет эти строки и откликнется. Это Валера Кобыленко, Саша Гончаренко. Расскажу, в какие игры мы играли во дворе. Весна — это лапта и прятки, летом предпочитали футбол, зимой — лыжи, коньки и сопку. В октябре–ноябре во двор приезжал бульдозер и сгребал весь снег в большую кучу — так появлялась сопка. Теперь дело было за нами, мы де-

Школа № 5. Учился с 1953 по 1961 гг.

лились на две команды, и начиналась борьба за сопку, одна группа была наверху, другая старалась ее оттуда спихнуть. Вся эта катавасия длилась часами. Но если было очень холодно, то в подъезде, обычно в моем, мы затевали игру в жмурки. Оговаривали площадь игры, за которую никто не имел права заступать. Игра шла в полной тишине, что для водящего представляло дополнительную трудность, а для жильцов подъезда — покой. Когда мороз слабел, на валенки мы прикручивали снегурки. Ближе к весне надевали лыжи и уходили в тундру кататься с пологих горок. В наших играх главенствовал спортивный принцип, хотя были и походы в кино в кинотеатры «Родина» или «Победа» (позднее имени Ленина), в Дом пионеров. Многие из нас ходили в спортивные секции и кружки.

Возле нашего дома началось строительство музыкальной школы, естественно, ее строили заключенные. Стройплощадка была обнесена дощатым забором с колючкой поверху и с вышками по углам. У нас завязались дружественно-бартерные отношения с невольниками. Мы забирались на крышу дома и швыряли через забор батон, пачку чая, граммов сто масла, и в обмен нам бросали замечательно сделанные пистолеты и сабли из дерева. Мы недоумевали, как можно отдавать такие вещи в обмен на такую ерунду, как чай, масло и тому подобное. Через некоторое время стройка замерла, и нам было непонятно почему. О реабилитации мы ничего не слышали, что было вполне естественно для нашего возраста. И только в 1955 году, когда папа получил из Москвы большой серый пакет, и прочитав его содержимое, заплакал, во мне что-то шевельнулось. Мне было безумно жалко папу. Потом, крепко выпив, он часто повторял: «А молодость кто мне вернет?». Мне было неполных одиннадцать лет, я еще мало что понимал, но на этом мое детство закончилось...

ПИОНЕРСКИЙ КОСТЕР

Каждое лето дети уезжали в пионерские лагеря. В городе наступал шароварный бум. Шаровары не

продавались, их шили из черного сатина, кто сам, кто у подпольной портнихи, а кто в ателье. Покупали так же сандалии, спортивные тапочки (кеды были роскошью). На всех вещах матери вышивали инициалы своего ребенка. На вокзале чадо сдавали на руки вожатой. В дорогу родители давали сухой паек. Колбаса, сыр, батон, вареную сгущенку, конфеты, печенье, — дежурный набор туриста. Кое у кого была домашняя выпечка и котлеты. Едва поезд трогался, снедь выкладывали на стол, и начиналось всеобщее объедение. Ничто так не сближает людей, как совместное застолье. К прибытию в Дудинку все становились друзьями, как будто знали друг друга много лет. У причала начиналась посадка на пароход. Судно отчаливает в «Таежный».

По прибытию отряды распределяются по корпусам. Начинается довольно спартанская лагерная жизнь. Ежедневные купания, игры на свежем воздухе, спортивные соревнования. Питание четыре раза в день. Три раза в неделю крутят кино. Раз в неделю баня и смена постельного белья. За смену проходило немало различных праздников и соревнований, спартакиада между лагерями. Так проходило лето, и наступал день отъезда домой... Кроме лагерей в «Таежном» были пионерские лагеря и в другом месте — в Курейке. Мои родители уезжали сюда работать, папа музыкантом, а мама воспитателем. Лагерь «Курейка» находился рядом с деревней под тем же названием. Это был новострой, мы стали его новоселами в 1951 году. Я был определен в самый младший отряд. Папа хотел, чтобы привыкал к жизни в коллективе.

Какое событие запомнилось мне более всего? Это экскурсия в деревню, где каким-то чудом уцелел домик, в котором жил в Туруханской ссылке лучший друг детей и всего человечества. Идем строем с наглаженными галстуками, под горны и барабаны шагаем в деревню старая Курейка. Становимся в каре вокруг неказистого маленького домика. Начинаются речи, присяга на верность и прочие заклинания. Экскурсовод, местная учительница, подробно и нудно рас-

*Пионерский лагерь «Курейка». Слева
направо: А. Филипов, О. Рассадин. 1960 г.*

сказывала о героической жизни Сталина. «Молебен» закончился, и мы группами заходим в домик. Захожу, волнуясь, а выхожу в недоумении. Что необычного в обычном крестьянском доме? Я в таком же жил в деревне Долгий мост. Наконец до меня доходит, что необычное в том, что вся обстановка и утварь, какая была в начале XX века, такой и осталась... Испытал разочарование, а потом и равнодушие к этому месту...

На следующий год в Курейке нас ждал сюрприз. Легендарный домик вождя теперь заботливо укрыт огромным павильоном, с голубым под цвет неба сводом. Стены павильона — это одно сплошное окно, только четыре угла заполнены документами и фотографиями славного революционного пути генералиссимуса. В метрах десяти перед павильоном высится монумент вождя из белого камня, простой и величавый. Все остальное — речи и панегирики — как и в прошлом году. Спустя несколько лет, после смерти Сталина, посещения сюда прекратились, а еще через несколько лет из павильона, в котором выбили все окна, исчез и легендарный домик. Белоснежный монумент утопили в проруби. Остался обшарпанный, заброшенный павильон и сиротливый пьедестал. Вернусь к прозе жизни. Курейка богата грибами и ягодами, и родители запа-

Курейка. Павильон с домиком Сталина. 1952 г.

сают к отъезду сушеные, соленые и маринованные грибы. Мама варит варенье из черники, брусники и княженики. В рыбосовхозе отец приобретает соленую стерлядь. Мама собирает черную икру из потрошенных осетров и солит ее. Родители намариновали капусту с брусникой. Все это богатство мы привозим домой. Оно как ни странно, сыграло очень скоро роковую роль. По возвращению в Норильск актеры, узнав, что у Рассадина прекрасный «закусон», стали частенько заходить в гости с обязательной бутылкой спирта. К Новому году вся закуска была съедена. Не закуску жаль, а отца, который после этого пристрастился к алкоголю. И хотя отец пить, как говорится, умел, не сорвал никогда ни одного спектакля или мероприятия, для мамы это было слабым утешением...

Каждое лето наша семья ездила в пионерские лагеря то в «Курейку», то в «Таежный», родители — работать, я — отдыхать. Последний раз в пионерском лагере я был в 1960 году, но уже в качестве помощника музыканта и вожатого. Мои обязанности были до примитивности просты, я дежурил в отряде во

*Пионерский лагерь «Курейка».
Мне 10 лет. 1954 г.*

время тихого часа, по вечерам после ужина играл на аккордеоне танцы. Пионерское лето, а с ним и мое отрочество кончилось.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА

Слышу над ухом шепот: «Давай!». Ору во все горло: «Ма-а-ма!». И получаю легкий посыл в плечо. Широко раскинув руки, вылетаю из-за кулис, и опять с тем же радостным воплем несусь к центру сцены к актрисе, которая подхватив меня, прижимает к себе и радостно смеется.

Присаживается к круглому столу, за которым сидят еще два актера, а я устраиваюсь у своей сценической мамы на коленях. Далее наступает самый важный момент: меня угощают конфетой, всегда шоколадной, и я с удовольствием засовываю ее в рот. Спустя какое-то время актриса тихонько шепчет мне на ухо: «Засыпай». И я, зевая и потягиваясь, кладу голову ей на плечо и закрываю глаза. Через некоторое время моя сценическая мама уносит меня за кулисы. Потом я бегу в костюмерную, снимаю желтую шелковую рубашку, штанишки на лямках, носки и нарядные туфельки. Переодеваюсь в свою одежду и отправляюсь домой. Мой дебют на сцене профессионального Норильского Заполярного театра состоялся. Почему дебют? Да потому, что он был не единственный. Пьеса называлась, если мне не изменяет память, «Рассвет над Москвой».

Почему выбор пал на меня? Надо признаться, что я вырос за кулисами театра, начиная чуть ли не с Ухты. Когда мы приехали в Норильск, мама несколько месяцев работала, как и отец, в театре. Оставлять

меня было не с кем, поэтому родители брали свое чадо с собой. Но у мамы как-то с театром не сложилось, и она оставила сцену, практически навсегда. Сегодня я думаю, что все дело было в амплуа мамы, для артистки опереточного жанра просто не было подходящих ролей. Года через два я еще раз появился на сцене. На этот раз у меня был сценический отец, Всеволод Константинович Лукьянов, талантливый человек и ведущий актер театра, для меня просто дядя Сева. Как назывался спектакль, не помню, что-то на производственную тему. Во втором акте вся бригада выезжает на пикник или, как тогда называлось, на массовку. Я рыбачил на берегу речки вместе с отцом, дядей Севой, и говорил свой отрывок текста по его команде. До сих пор в памяти первая фраза: «Никогда я больше на вашу массовку не поеду, всю рыбу распугали!». Больше ничего память не сохранила. Это была моя вторая и, как оказалось, последняя роль на профессиональной сцене, но на всю жизнь у меня сохранилась любовь к театру, к этому чуду лицедейства. Через много лет, уже будучи взрослым человеком, я вернулся на сцену, но, разумеется, любительского театра.

Рассадины. Норильск, 1954 г.

Репертуар театра начала 50-х годов, по понятным причинам в детской памяти сохранил сказки и комедийные спектакли. «Аленький цветочек» прошел на сцене более 80 раз. Постановка была великолепно оформлена. Сказочный лес производил жутковато-восторженное впечатление, а актер в роли лешего Эверт наводил настоящий страх на ребятню. Он так цокал языком, что звенело в ушах. Вылезал он из огромного дупла дерева и пел под музыку, написанную папой: «Как во темном бору, знаю каждую нору. Ночью по лесу брожу, все тропинки сторожу». Надо сказать, музыка оказалась очень удачной. Загадочно-прекрасным казался сказочный дворец, по его колоннам бежали разноцветные огни. Занавес складывался как веер, как павлиний хвост. Художник-постановщик проявил потрясающую фантазию. Появлялись, казалось бы, из ничего хлеб-соль, кувшин с чашей, алебарда и лук с натянутой тетивой. Для детей это было загадкой, в том числе и для меня. Мои дружки спрашивали меня, как все это происходит, я напускал туману, что это на специальных веревочках и тому подобное. Казаться профаном в их глазах мне не хотелось. За кулисы ни мне, ни детям других актеров заходить не разрешалось, все держалось в строгом секрете. Лишь спустя много лет я разгадал эту загадку. Придя в театр со служебного входа, я увидел на перекуре двух рабочих сцены в черных бархатных комбинезонах с капюшонами. На фоне такого же черного бархата с закрытыми черным тюлем глазами фигуры рабочих были совершенно не видны, а ко всем «исчезающим» предметам были приделаны черные ручки, за которые брались рабочие. Таким же образом раскачивалась под колыбельную песню лежанка с засыпающей Аленушкой.

Отрывочно сохранился в памяти спектакль «Богатырский сказ». Художественное оформление спектакля заслуживает самой высокой оценки, как и музыкальное. Запомнился Жженов в роли Алеши Поповича и артист Юдаев в роли Ильи Муромца. Помню знаме-

ниту оговорку Юдаева в «Аленьком цветочке», где он играл роль купца, отца трех дочерей. Попадая в сказочный дворец, он говорил: «И хорош дровец, и прекрасен дровец...». Хорош был Смоктуновский в пьесе «Шутники» в роли Недоноскова, а также в пьесе «Женихи». Иннокентий Михайлович Смоктуновский и Георгий Степанович Жженов бывали у нас в гостях. Если память мне не изменяет, Смоктуновский жил в нашем же доме, на втором этаже. Жженов был в театре ведущим актером, а Смоктуновского «затирали». Мир театра, сложный мир. Не зря Александр Ширвиндт назвал его террариум единомышленников. Отец не раз говорил Смоктуновскому: «Кеша, уезжай, тут тебе ходу не дадут...». Смоктуновский уехал в 1951 году, а через шесть лет он уже блистал у Товстоногова в «Идиоте». Я вспомнил этих замечательных артистов, которые были для меня дядя Жора и дядя Кеша, чтобы подчеркнуть, что они и тогда создавали славу Норильского театра.

Старый театр на ул. Горной по виду был похож на что-то среднее между овощной базой и производственным складом. Ни привычных колонн, ни фронтона, ни порталов, кои были так характерны для сталинского ампира. Внешний вид театра был так аскетичен и прост, что только с десятого раза можно было предположить, что это неказистое здание и есть драматический театр. Зато внутри поражал нарядностью интерьер с конусными колоннами, вокруг которых располагались мягкие сидения, очень удобные для переобувания валенок. Тогда в театр обязателен был вечерний наряд. На-

*И.М. Смоктуновский в пьесе
«Шутники» в роли Недоноскова.
1951 г.*

строение зрителей создавало праздничную атмосферу. Зрительный зал состоял из партера и амфитеатра, по моему, был и балкон. Слева и справа от сцены были ложи-близнецы, которые имели округло-пузатые конфигурации. Парапеты отделали темно-вишневым панбархатом, им же они были задрапированы. Поверх каждой ложи было жесткое покрытие, на котором располагалась осветительная аппаратура. Левая ложа носила название директорской, в ней сидели привилегированные зрители, личные гости директора или главного режиссера, а правая была только для Зверева, или для зрителей, которые смотрели спектакль по благоволению хозяина комбината. Вход в ложу был не из фойе, а из комнаты отдыха, в которой VIP персоны отдыхали в антрактах. Остальная публика коротала перерывы в фойе и в буфете, где были и горячительные напитки. Театр тогда был культурным центром Норильска.

Как в любом театре, в нашем тоже были популярны розыгрыши и подначки. В пьесе «Женихи», в которой играла почти вся мужская труппа театра, попросили сыграть роль аксакала бутафора И. Ассанова, который в прошлом был неплохим актером. Роль была небольшая, весь текст уместился в кавказский витиеватый тост за свадебным столом. Ассанов отпечатал текст на листке и клал его перед собой. В нужный момент он вставал и произносил тост, практически не заглядывая в бумажку, которая лежала для подстраховки. В обычной обстановке, Ассанов говорил с легким заиканием, но на сцене его заикание пропадало. Однажды артист театра Ю. Клавдиев отпечатал буквенную абракадабру и подменил листок перед окончанием антракта. Занавес пошел, свадьба началась. Крики, шум, мелодия лезгинки, которую на аккордеоне играл отец, одетый в черкеску и папаху. Гости требуют сказать тост. Ассанов встал, поднял рог, который сделал, разумеется, сам. Опустил глаза, наступила маленькая пауза, затем фраза: «Дети мои!..» (громко), «Отдайте текст, сволочи» (значи-

тельно тише). Актеры начинают пофыркивать. Дальше, от волнения забыв все и вся, к тому же заикаясь, прозвучала абсолютная ахинея. Актеры медленно сползают под стол, не в силах справиться с хохотом.

На другой день было срочно назначено производственное собрание, на котором администрация и ведущие актеры говорили о недопустимости подобного отношения к святому искусству. Виновного, конечно, не нашли. Другой розыгрыш носил локальный характер и не касался игры на сцене. Отец с 1951 года собирал марки, и долгие годы оставался фанатичным филателистом. Человек он был аккуратный, даже немного педантичный, каждую марку он приклеивал специальной сложенной пополам бумажкой, и чтобы выглядело все оригинально, он клеил сначала марку к черному квадратику, а потом в альбом. Черную бумагу он доставал у фотографов, в том числе и у Жженова. Однажды отец получил письмо из Красноярска. Старый филателист предложил купить ему редкие марки, так как он распродал свою коллекцию: «Посылаю вам некоторые образцы редких марок, надеюсь на вашу порядочность...». У отца буквально задрожали руки. Он вскрыл маленький конверт и пинцетом достал первый образец, на котором было напечатано «стрептоцид», следующей была этикетка от спичечной коробки. Короче, конвертик был набит всякой чепухой, вплоть до круглой наклейки на катушку ниток. Можете представить разочарование и негодование папы... Оказалось, что это дело рук Жженова. Кому-то он проговорился, что ловко разыграл Рассадина. Надо сказать, что многие актеры часто приходили в театр по вечерам, будучи даже не занятыми в спектакле. Читали свежую прессу, играли в шахматы, беседовали. Жженов довольно часто в театре сидел в красном уголке. И вот в такой вечер Георгий Степанович здесь с актером играл в шахматы. Вдруг дверь распахнулась, на пороге запыхавшийся отец полупшепотом кричит: «Жженов на выход!» Рефлекс сработал безотказно: Жженов

срывается и буквально вылетает из красного уголка. Жженова у кулисы чуть ли не за полы пиджака поймал помощник режиссера и шипит: «Георгий, вы куда?» Тот тоже шепотом: «На выход!» Помреж ему: «Вы же не заняты в спектакле!» Через три секунды Жженов среагировал словами: «Где Рассадин, убью!» Но отца не нашел. Только через полчаса отец появился в красном уголке. Жженов уже остыл: «Ну и шутки у тебя дурацкие!» Отец парировал: «Такие же, как у тебя. Привет из Красноярска!» Ладно, решили, один — один. Вот так шутили в норильском театре.

Сезон 1953–1954 годов артисты открывали в новом здании театра на Севастопольской улице. Переезд произошел незапланировано, дело в том, что старое здание театра оказалось непригодным для работы. Летом 1953 года в старом здании провалилась сцена, поворотный круг оказался разрушенным, вот и пришлось переезжать в новое. Все артисты жили в старом городе, и на работу приходилось ездить в новый город, практически на весь день. Мотаться туда-сюда выходило себе дороже, поэтому городские власти в срочном порядке решили квартирный вопрос. Не было счастья, да несчастье помогло! Мы получили новое жилье по улице Пионерской, 17 в ноябре, а через полгода ее переименовали в Б. Хмельницкого в честь 300-летия присоединения Украины к России, так она называется и по сей день. В трехкомнатной квартире жили три семьи, что было обычным делом для того времени. Главное отличие новой квартиры заключалось в наличии всех удобств, которые отсутствовали в старом жилье. Потеря в квадратных метрах компенсировалась комфортом.

В новом театре я побывал через несколько дней. Он отличался от старого тем, что был двухэтажным. Имел вестибюль и одно фойе. Второе отсутствовало изначально, где оно должно было быть, проходила железнодорожная ветка. По ней иногда проходил состав, и здание театра слегка вздрагивало. Из вестибюля на второй этаж вели два марша лестницы, в верхнем фойе

был буфет со столиками, и из него вел вход на балкон. Зал был небольшой, но уютный, состоял из партера и невысокого амфитеатра, и по периметру располагался балкон, декорированный орнаментом в стиле барокко. Сцена была оборудована по последнему слову техники того времени. Гримуборные находились на втором этаже служебного помещения, там же находилась костюмерная и парикмахерская. Все артисты были довольны переездом, потому что получили жилье со всеми удобствами. Надо заметить, что в новом театре я стал бывать значительно реже, чем в старом: он был намного дальше от дома, примерно в километре.

Репертуар театра постоянно пополнялся новыми спектаклями. Отношение к ним было разным, от восторга до неприятия. Пользовались успехом прежде всего комедии, классика, как наша, так и зарубежная. Непопулярными были пьесы на производственную тему. Людей мало волновало выполнение плана, передовое производство и трудовая дисциплина — всего этого им хватало на работе. Да и, как правило, драматургия была бездарной, текст — дежурный. Хотя труп

Актеры театра Б. Балякин, О.Л. Рассадин (папа в центре) и Пырьков у музыкальной школы. Норильск, 1960 г.

па театра была очень приличной и часто вытягивала откровенно слабое содержание, но глупость никакой талант спасти был не в силах...

К концу 50-х на норильской сцене появился свой Ленин. Надо сказать, что немногие провинциальные театры могли похвастаться таким достижением. Помню на премьере «Кремлевских курантов», когда на сцену вышел В. Лукьянов в роли Ленина, зал поднялся и зааплодировал, хотя артист не успел даже сказать первую реплику — пришлось переждать реакцию публики. На первые спектакли был сплошной аншлаг, и реакция зала повторялась из спектакля в спектакль. Норильчане по достоинству оценили работу артиста и всего коллектива. Запомнилась пьеса Маяковского «Клоп». Сейчас не вспомню, была она поставлена до присвоения или в честь присвоения театру имени Маяковского, которое он носит до сих пор. Но поставлена пьеса была замечательно, игра актеров была на высоком художественном уровне. Как сейчас стоит перед глазами начало спектакля. Тромбон, приквакивая тягучим глissандо, выводит: «БЕ-РИ-ТЕ», и подхватывает весь оркестр, уже в темпе ускоряясь: «Бублики, горячи бублики, берите бублики, да поскорей». Занавес пошел, и стена во весь задник вдруг раскрылась как жалюзи. Торговцы, каждый со своим товаром, двигаются из глубины сцены к рампе, рекламируя товар от шипения до громкого: «Абажуры, любой расцветки и масти, голубые для уюта, красные для сладострастья», «Немецкий точильный брусок, двадцать копеек любой кусок, точит в любом направлении и вкусе, бритвы, ножи и языки для дискуссий», «Республиканские селедки незаменимы к вину и водке», «Бюстгальтеры на меху». Торговцы по одному исчезают и появляются главные исполнители, Присыпкин, он же Пьер Скрипкин — Лукьянов, Олег Баян — Артемов (Артемьев?), Розалия Павловна Ренессанс — Кутасина. Реплики Маяковского норильская публика растащила на цитаты: «Не крутите нижним бюстом», «Я за что боролся, я за хорошую жизнь боролся», «Я человек с крупными

запросами, я зеркальным шкафом интересуюсь»... Столько лет прошло, а сидит в памяти. Этот спектакль стал вехой нового театра.

Блистала в «Барабанщице» Мокиенко в роли Нилы Снежки. Этот спектакль тоже полюбили зрители. Пьеса «Остров Афродиты» шел с неизменным успехом. Актеры Мокиенко, Кутасина, Бойцов своей игрой украшали спектакль. Хороша была и музыка, написанная папой. В 60-е годы в театре появились молодые талантливые актеры: И. Пушкарев, В. Толубеев, В. Мишина, все трое были ослепительно хороши в пьесе «Мой бедный Марат». А. Амелин и З. Терскова покоряли зрителей искренностью чувств в спектакле «Жизнь и преступление Антона Шелестова», забываем был в роли Витьки Крысы Г. Александров. Блистательны были в «Павлине» Н. Надеждина и А. Щеголев. Темпераментом, бьющим через край, запомнилась А. Свистунова и лиричностью исполнения М. Слепова. Конечно, это все мои личные впечатления... Я не театральный критик, тогда был молодым, наверняка что-то забыл, кого-то пропустил...

В 1962 году я начал работать в ДК металлургов. Здесь кроме обычных кружков и студий художественной самодеятельности существовал Народный театр музыкальной комедии. Жанр необычайно трудный и для исполнителей, и для постановщика. Артист оперетты должен уметь петь, танцевать и иметь талант драматического актера. Все эти ипостаси редко сочетаются в одном лице, тем более самодеятельного артиста. Но режиссеру А.В. Колесникову удалось найти таких людей. Сам Колесников был человеком неординарным. Подростком он удрал на фронт, смело воевал, имел контузию и ранения. Я видел, когда он переодевался в гримерной, шрамы, без слез на которые нельзя смотреть. Он обладал литературным талантом, писал сценарии для различных праздников и постановок. Спектакли шли в сопровождении полупрофессионального оркестра. Почему полу? Потому что некоторые из музыкантов работали на производстве, а по вечерам играли в оркес-

тре, правда, за плату. Каждый год выпускали премьеру, что для самодеятельного театра было неплохо. Три оперетты шли на сцене ДК: «Поцелуй Чаниты» Ю. Милютина, «Вас ждут друзья» В. Белица, «Сорочинская ярмарка» А. Рябова. Дирижером и аранжировщиком был А. Алешин. Спектакли шли с большим успехом и тепло принимались зрителем. С ним даже ездили на гастроли в Красноярск. Некоторые фамилии самодеятельных артистов и сегодня помню, только имена забыл. Это Бурдалева, Поляничко, Пакулев, Бочков, Ляшкевич, Купцов...

В те годы сам я тоже был не чужд театральному искусству. В 5-й школе существовал драматический кружок, которым руководил артист театра Борис Балякин. Он создал довольно приличный коллектив, особенно парни подобрались в нем как на подбор и составляли подавляющее большинство в кружке. У нас были только две девочки. Это определяло и репертуар. Мы ставили миниатюры по рассказам А.П. Чехова: «Толстый и тонкий», «Хирургия», «Пересолил», «Злоумышленник». Мы выступали на школьных вечерах, публика каталась от хохота. Мне

*Юный пионер Вова
Рассадин. 1954 г.*

довелось играть Тонкого и землемера в «Пересолил». Мы поставили первую картину из пьесы «Именем революции». Ее позже поставили в профессиональном театре. Сыграл я и две роли на норильском телевидении. «Приключения Вовки на Луне» мне мало запомнились. Вторая роль пионера-героя В. Дубинина понравилась больше. Я с младшим напарником спасал раненого русского моряка. Роль русского моряка играл сам режиссер телевидения Ганс Мюнценмайер. Потом в

И. КАРНАУХОВА,
Л. БРАУСЕВИЧ

Аленький цветочек

(сказочное представление в 3-х действиях)

Режиссер — С. Г. Берлин
Режиссер по превращениям — Б. М. Гольман
Художник — Ю. П. Беляков
Композитор — О. Л. Рассадин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Купец	— арт. В. Д. Зайцев
Нянька	— засл. арт. РСФСР Н. Н. Бернадская
Аленушка	— арт. В. С. Мишина арт. С. Б. Слабожанинова
Капа	— арт. Р. С. Хабарова арт. Е. А. Молодченко
Фиса	— арт. З. Ф. Терскова
Антон	— арт. П. К. Бойцов
Баба Яга	— засл. арт. КАССР Г. И. Годарев
Леший	— арт. В. А. Александров арт. Б. В. Балякин
Кикимора	— арт. А. И. Евтеева арт. М. Я. Слепова
Иванушка	— арт. В. И. Григорьев арт. В. Л. Толубеев

Ведет спектакль — К. Л. Куницкая

6 ноября 1945 года

ПРОГРАММА

I.

Торжественная часть, посвященная XXVIII годовщине
Великой Октябрьской Социалистической Революции

II.

ТЕАТРАЛИЗОВАННОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

исполняют коллектив детокой самодеятельности при ЦДК

Монтаж составлен Л. А. ЗВЯГИНОЙ.
Сценарий и постановка Э. А. ХОЛЫТ.
Танцы поставлены В. Н. НЕМЧИНОВОЙ.
Худож. оформление и костюмы Е. Н. ТЕРЛЕНКОЙ.

III.

КОНЦЕРТ—1-е отделение:

1. Увертюра *Эгмонт*—музыка *Бетховена*—
исп. оркестр, дирижер В. М. КАПЛАН-ВЛАДИМИРСКИЙ.
2. *Народ герой*—муз. *Миньдаль*,
Матиско—обработка *Полтерин*—исп. С. В. КРАВЕЦ.
3. *Чайковский*—*Романс*—исп. Б. Д. КРЕЙН на виолончели
4. *Гоголь Н. В.*—отрывок из поэмы *Мертвые души*—
читает КОНСТАНТИН ЭГЕРТ.
5. *Мать*—муз. *Парунакья*,
Ничего не говорила—муз. *Соловьева-Седова*—
исполняет П. К. РЯБОВСКИЙ.
6. *Сам. Котляр*—*Как я учился плавать*—чит. В. С. ГРОЗДОВ.
7. Дуэт из оперетты *Цыганский барон*—муз. *И. Штрауса*—
Дуэт из оперы *Травиата*—муз. *Д. Верди*—
исп. З. Н. РАДЕЕВА и А. А. КРАВЦОВ.

2-е отделение:

8. Сцена из оперетты *Граф Люксембург*—муз. *Легара*—
исп. З. Н. КОРНЕВА и В. Я. АРМФЕЛЬТ.
9. Вариация—муз. *Дриго*—исп. В. Н. НЕМЧИНОВА.
10. *Дауэриный погубил*—Сценка *Л. Ленча*—
исп. Л. М. КОНЮШКО и Д. М. ВОЙТОНОВСКИЙ.
11. *Наша*—Цыганская мелодия и танец
соло на скрипке исп. Г. М. ЧАПЛИНСКИЙ
у рояля ОЛЕГ РАССАДИН.
12. *Песенка о неизвестном любимом*
На мосту.
Сложной наче—исп. З. Н. КОРНЕВА и джаз-гош.
13. Акробатический этюд—
исп. П. В. ПУШИНА и Вл. ИВАНОВСКИЙ.

Начальник и художественный руководитель
Дома Культуры Н. П. АНИНСКИЙ

своей жизни я сыграл немало ролей, но это было уже не в Норильске...

МУЗЫКА — ДУША МОЯ

— Олег, ты почему Вовку не учишь музыке? — спросил товарищ отца.

— У него нет слуха.

— Не может быть! Вовка, иди сюда!

Подхожу. Дядя Витя открывает крышку пианино и нажимает на клавишу. По комнате плывет мелодичный звук.

— А ну-ка, спой.

— Ля-а-а...

— Я нажал ля, и он спел ля!

Дальнейший спор я не помню, у меня — свои дела... Это было в начале 50-х, когда мы жили еще на Заводской улице. Музыка в нашем доме звучала очень часто: папа наигрывал какие-то мелодии на пианино, иногда играл для собственного удовольствия и для нашего с мамой. Часто я смотрел спектакли из оркестровой ямы и сидел рядом с отцом у рояля, музыка была частью моей жизни. В театре музыкальное сопровождение исполняло трио. Рояль — папа, скрипка — Риха Ярви, эстонец, и виолончель — Виктор Цитцер, тот самый дядя Витя, который проверял у меня слух. В то время в Норильске было много музыкантов из Прибалтики, которые оказались на Крайнем Севере по «приглашению» Сталина-Берии. Многие после смерти «благодетеля» вернулись на родину, но многие и остались в Заполярье. Мне впоследствии довелось работать в одном оркестре с Пормалисом, Контом, Кютом. Но пока я был только благодарным слушателем.

Пианино в нашем доме то появлялось, то исчезало, и я никак не мог взять в толк, отчего это происходит. И только через много лет я услышал от отца откровения, сказанные не для моих ушей, а собеседнику папы. Ларчик просто открывался. Однажды в голове Виктора Цитцера возник коммерческий проект, как сказали бы сегодня. Покупается разбитое пианино,

приводится в полный порядок и продается. Понятно, что покупается оно как можно дешевле и продается, как можно дороже. Папа должен был отладить всю механику и настройку, а Цитцер приводил в идеальный порядок внешний вид инструмента, он был неплохим краснодеревщиком. Единственным условием отца в этом предприятии был отказ торговаться при покупке. Это брал на себя Цитцер и делал это довольно оригинально. Только они входили в квартиру, где продавали инструмент, Цитцер, не давая хозяевам открыть рот, сразу задавал два вопроса, где инструмент и сколько он стоит. Услышав ответ, он говорил: «Олег, пошли отсюда!» Робкие хозяева просили назвать свою цену. Тогда Цитцер предлагал папе посмотреть инструмент и дать свое резюме. Отец осматривал механику, пробовал клавиатуру, слушал звучание, и высказывал свое мнение. Цитцер называл цену и начинался торг, в котором папа участия не принимал, но его заключение, как эксперта, имело решающее значение. Наконец стороны приходили к согласию и сделка совершалась. Покупка, как правило, обходилась в 3,5–4 тысячи рублей, а после ремонта, настройки, полировки продавалась за 6,5–7 тысяч. Разделите доход на двоих, вспомните норильские заработки, и решайте сами, равна ли была прибыль затраченному труду и материалу. Здесь не лишне напомнить, что труд музыканта, как впрочем, и учителя ценился и сегодня ценится государством не очень-то высоко... При переезде в новую квартиру этот бизнес приказал долго жить, по вполне прозаической причине. Мы получили жилье на пятом этаже, и каждый раз заносить и выносить пианино — удовольствие сомнительного свойства.

В 1955 году в Норильске появилась музыкальная школа на улице Кирова недалеко от пересечения с Севастопольской. Первые два года ученикам по классу аккордеона и баяна приходилось приносить на урок свои инструменты. Как говорил персонаж популярного тогда фильма «Лично известен», преклоняюсь, но не завидую. Особенно трудной была ноша при

сорокаградусном морозе. Так что выражение «искусство требует жертв» приобретало конкретный характер. Спустя два года у нас с папой состоялся такой разговор.

— Хочешь учиться игре на аккордеоне?

— Очень хочу!

— Но учти, для этого потребуется много сил, времени и характера. Дашь слово?

— Даю!

— Ну, смотри, назад хода не будет. Это серьезно!

— Понял.

Я действительно это понял, но не до конца. Я просто не предполагал, какие испытания меня ждут впереди, физического, а главное — морального порядка. Начало моей учебы в музыкальной школе было обескураживающим: 1 сентября я умудрился сломать левую руку! Теорию музыки и сольфеджио я посещал, а вот занятия на инструменте начались только через месяц. Я занимался у своего родителя, чему не позавидуешь. У чужого дяди можно схалтурить, пропустить урок, а тут я был вынужден соблюдать дисциплину. Начал я довольно лихо, догнал ушедших вперед и даже кое-кого перегнал. Так продолжалось два года. А потом я «задурил» не на шутку. Третий год обучения оказался самым трудным по причине моего возраста. Хотелось на все плюнуть и колбасить по улицам вместе со своими сверстниками, а не горбатиться за аккордеоном. Отец жестко напомнил мне наш разговор перед началом учения, и я был вынужден с ним согласиться. Тихо глотая злые слезы, я готовился к предстоящему уроку и на него шел как на каторгу. Ну как тут не вспомнить строчки Пастернака: с кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой... Я до конца жизни буду благодарен отцу за то, что он сделал из меня не только музыканта, но и человека, отвечающего за свои слова и поступки. А в четвертом классе я уже сам сидел за инструментом по три часа. Секрет прост: пальцы сами побежали... Первые три года инструмент играет на ученике, потом уже он иг-

На уроке музыки у папы. 1958 г.

— Володя Зырянов.

— Я тоже Володя, проходи...

— У меня к тебе предложение. Я знаю, ты играешь на аккордеоне, а я учусь на баяне у Стегния (это преподаватель в музыкальной школе). Может, мы попробуем создать свой школьный оркестр? Если ты согласен, то нас уже двое.

Идея мне показалась интересной, и я согласился. Мы тут же стали намечать кандидатуры будущих участников оркестра, спорили, сомневались и соглашались, пока не пришли к решению. Определили первый состав из аккордеона, баяна, гитары, контрабаса и ударника. Но это легко сказать, надо было где-то доставать инструменты. Школа купила несколько пионерских барабанов, из которых мы стали сочинять ударную установку. Появился балалаечный контрабас вместо нужного смычкового. О настоящем контрабасе мы могли только мечтать. Через некоторое время

рает на инструменте. Меня поймут те, кто сам прошел через это в своей профессии, но, правда, при условии, если ты действительно любишь ее.

Начало учебы в 4-м классе музыкальной школы было отмечено еще одним важным для меня событием. Где-то примерно в октябре-ноябре раздался в квартире звонок. На пороге стоял высокий чернявый незнакомый парень. Пригласился к нему — было в нем что-то симпатичное.

состоялся дебют новоиспеченного оркестра, который был встречен довольно доброжелательно. Но тут же наступил кризис. Я заявил Володе, что два почти одинаковых по звучанию инструмента не дают разнообразия, надо кому-то из нас осваивать другой инструмент. Володя выразил согласие выучиться играть на трубе. Но одного согласия было маловато, нужна была труба. Поехали к нашим шефам, в профкоме Большой обогатительной фабрики нам пообещали содействие. И буквально тут же пригласили руководителя фабричного духового оркестра. Он дал согласие выделить безвозмездно трубу, чему мы несказанно обрадовались. Но радость оказалась преждевременной... Сколько мы с ней провозились! Выпрямляли, паяли, чистили зубным порошком... В конце концов она приобрела вполне респектабельный вид, осталась сушая ерунда — выучиться на ней играть. Володька взялся за дело всерьез, и через короткое время заиграл! Звук оставлял желать лучшего, но это было дело наживное. Музыкальную грамоту он знал, трудолюбия и желания у Володи было с избытком.

Школьный оркестр. Слева направо: Володя Зырянов (труба), Костя Янковский (труба), Володя Ходес (ударные), Валера Кобыленко (гитара), Саша Милешкин (контрабас) и Володя Рассадин (аккордеон). Норильск, декабрь 1960 г.

Ближе к Новому году нас пригласили играть в медицинском училище. Что с нами творилось, трудно передать! Вокруг одни девчонки, чуть постарше нас, юные, симпатичные... Мы из себя корчили черти кого... За вечер нам заплатили 250 рублей! Как же я был горд первой полусотней, заработанной своими руками и головой. Потом было немало вечеров в разных школах, но тот, первый, в памяти остался на всю жизнь. Репертуар оркестрика был простой, в основном это были мелодии популярных тогда песен «Ландыши», «Поезда», «Сероглазая», «Снег идет»...

Первая половина 1961 года оказалась печальной — папа сломал ключицу и попал в хирургию, где уже лежала мама, ее готовили к операции. Я остался один под надзором соседей, естественно, загулял. Забросил учебу, да и до этого учился спустя рукава. Вспоминаю, как в конце 1960 года нахватав двоек и классный руководитель Надежда Ивановна Башук,

Преподаватели музыкальной школы.

Верхний ряд (слева направо): Дашевский, Марголина, ???, Ростовых, Колковский. Средний ряд: Кирьянов, ???, Стегний, Рассадин, Таринов. Сидят: Стужиков, ???, Божко, ???

впоследствии директор 5-й школы, отправилась ко мне домой, чтобы с моими родителями посоветоваться, что ей делать с таким учеником, как я. По дороге она спросила меня, кем я стану без знаний по геометрии и физике. На что я резонно ответил: «Музыкантом». «На своей балалайке ты далеко не уедешь», — заметила она. Самое забавное, что несколько лет спустя я работал в 5-й школе музыкантом и об этом я напомнил Надежде Ивановне. Она смутилась и сделала вид, что не помнит этих слов... Короче говоря, когда папа выписался из больницы, он задал мне прямой вопрос, хочу ли я учиться. Я ответил: «Не хочу!» Отец спокойно заметил: «Тогда пойдешь работать».

В мае 1961 года началась моя трудовая деятельность, которая длится уже без малого 50 лет. Начал я трудиться в городском духовом оркестре, хотя ни на каком духовом инструменте не играл. Буквально через неделю я выучил большинство партий альты. Дело в том, что тогда в оркестр требовался аккордеонист. Со своими обязанностями я справлялся неплохо. В на-

Преподаватели с выпускниками.

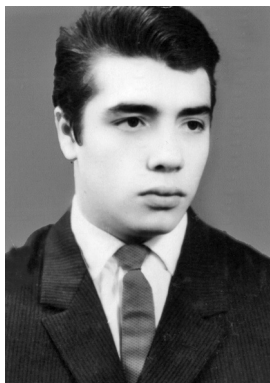
Стоят (слева направо): М. Толоконников, С. Кисилев, ???, Ю. Шереметев, ??? Сидят: В. Кирьянов — аккордеон, В. Ростовых — баян, Васильев — директор школы, О. Рассадин — аккардеон, Эллерберг — фортепьяно

чале июня не стало моей мамы, послеоперационные осложнения она перенести не смогла. Это был жестокий для меня удар. Несколько дней я был не в себе, но надо было жить дальше. В коллективе работали музыканты высокого уровня и хорошие люди, доброжелательные и отзывчивые. Несмотря на заметную разницу в возрасте, они относились ко мне без всякого высокомерия. Я был на положении сына полка.

Руководил духовым оркестром И.Д. Осипенко, человек по характеру сдержанный, суховатый, вежливый и немного отстраненный. Он был со всеми одинаково ровен и ко всем обращался на вы, в том числе и ко мне, хотя я ему в сыновья годился. Это был профессионал, грамотный музыкант и аранжировщик, очень приличный кларнетист — саксофонист. Эстрадным коллективом руководил Анатолий Алешин, но командовал всем Осипенко. В течение года, который я проработал в оркестре, было гораздо больше репетиций с эстрадным репертуаром, чем духовым. Что вполне объяснимо. Все музыканты были хорошего уровня как духовики, но им не хватало, как сегодня бы сказали, драйва. Все чистенько, правильно, грамотно, но скучненько. Работа в этом оркестре дала мне хорошую практику, но это было не мое. Через год я успешно

окончил музыкальную школу, моя выпускная программа тянула по сложности на второй курс училища. В конце мая уехал на гастроли с театром в Красноярск, где мне предстояло играть за сценой на аккордеоне, а на сцене артист лишь растягивал меха аккордеона, из которого вынули голосовые планки. Спектакль был в те времена очень популярный «Стряпуха замужем».

После гастролей я вернулся в Норильск, и передо мной встал вопрос, где работать. И тут мне

*Как молоды мы были.
В. Рассадин в 20 лет*

здорово повезло. А. Алешин, который к тому времени уволился из городского оркестра, собирал свой и предложил работать в ДК металлургов. Я с радостью согласился, потому что он мне нравился, как аранжировщик и высококлассный тромбонист. Под его «знамена» собрались музыканты экстра-класса: Валя Дорофеев — труба, Толя Богославцев — кларнет, саксофон-тенор. Вахтанг Гвиашвили — кларнет, саксофон-альт, Коля Денисов — электрогитара, Володя Рассадин — аккордеон, Саша Индриков — контрабас, Витя Олющак — ударные и руководитель, аранжировщик Толя Алешин — тромбон. Может быть, кого-то покоробит моя фамильярность, что это за Вали-Толи, но этим я хотел только подчеркнуть, что все мы были молоды и были единомышленниками. Поверьте, мы работали не только за кусок хлеба, но и получали удовольствие от игры и от общения. Для солирующей группы не существовало технических трудностей. Мы играли произведения высокой сложности. Никто в то время не играл традиционный джаз, диксиленд, а мы играли, да еще как!

Здание ДИТра, позднее ДК металлургов и шахтеров. Проработал аккордеонистом с 1962 по 1965 гг.

Наш малый концертный состав при необходимости вливался в большой, для сопровождения оперетты. Мы принимали участие во всех общегородских культурных мероприятиях. Для меня это был — «золотой век», жаль, что он длился недолго. В этом нет ничьей вины, кроме моей собственной. С удовольствием и теплотой вспоминаю и то время, и тех людей, которые меня окружали. В оркестре я проработал три года с небольшими перерывами, ведь мне не было еще и двадцати лет. Это было время исканий. То я ездил «за туманом и за запахом тайги», и чего скрывать, за «длинным рублем» тоже. Хотелось купить приличный инструмент, но на него я не заработал, зато получил опыт. Я понял, что не зря столько лет учился, и отец за мое обучение заплатил кучу денег. Я полюбил мою профессию, она нравится мне до сих пор.

Лето 1965 года я проработал в пионерлагере «Таежный». Возвратившись в Норильск, стал работать в музыкальной школе преподавателем по классу аккордеона. Должен сразу сказать, что этой работой я откровенно тяготился. В дальнейшей жизни я никогда не

Пионерский лагерь «Таежный». Военная игра. 1953 г.

возвращался к этому занятию. Музыка стала делом всей жизни, не только профессией.

У меня довольно приличная фонотека с произведениями русских и зарубежных композиторов. Мой кумир Рахманинов, чью музыку я впервые услышал в исполнении папы, до сих пор не могу эту музыку слушать спокойно. Чайковский, Бородин, Римский-Корсаков, Скрябин — для меня они на первом месте, люблю Бетховена, Моцарта, Шопена... Больше всего меня волнует русская музыка, ведь я вырос на русской культуре и литературе.

Наступил 1966 год. Возникли сложности с жильем, появилась возможность уехать в Игарку. К тому

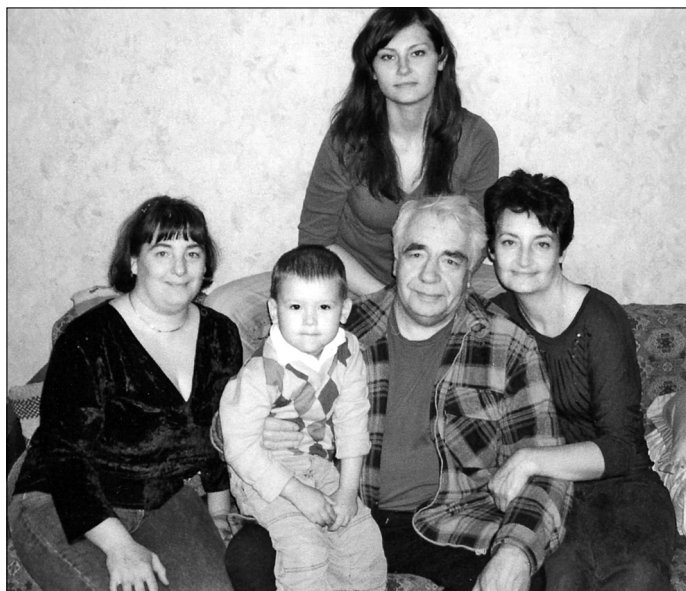
*Подруга верная моя
Людмила*

*Четвертое поколение. Слева направо: Людмила Александровна
(моя жена), Алексей, я, Алеша, Ирина, Марианна*

Пятое поколение. Слева направо: Людмила, Алеша, Марианна, я, Надежда (дочь Марианны, внучка)

Шестое поколение. Дочь Ирина, Левушка (сын Надежды и правнук), внучка Надежда, дочь Марианна

времени я был уже женат, мы ждали первого ребенка. Пришлось уезжать из Норильска, хотя и не хотелось его покидать. Но обстоятельства вынуждали к этому. И вот мы в Алыкеле ждем посадку на самолет. На легком апрельском морозце какая-то тоскливая нота зазвучала во мне... Я иду к самолету, и про себя разговариваю с городом, как живым человеком. Спасибо тебе, Норильск, за все, что здесь пережито, за мое взросление, за верных друзей, за первую любовь, за начало жизни, которая вся еще впереди. Я думал, что покинул тебя навсегда, но сегодня на закате жизни я опять к тебе вернулся. Хочу перефразировать строку замечательного поэта, потому что сам лучше сказать не смогу:

**Ах, Норильск, мой Норильск, ты — мое Отечество,
Никогда до конца не пройти тебя...**

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот мы и подошли к заключительной и короткой главе. После полутораговой работы в ДК игарского лесоперевалочного комбината я уехал далеко на запад, в Калининградскую область, в небольшой патриархальный городок Неман, где и проживаю до сегодняшнего дня. Продолжаю, несмотря на возраст, работать музыкантом в местном ДК и это после тридцати лет работы в общеобразовательной школе. Вырастил четверых детей, это Алексей, Марианна, Алеша, Ирина. Имею внуков и праправнука. Таким образом, я нахожусь как раз посередине от моего прадеда до моего правнука. Не рвется нить родства и времени и в этом, по моему убеждению, сила семьи и государства! У человека самая памятная часть жизни — это детство, отрочество и юность. Именно в это время мы становимся гражданами и настоящими людьми и это, поверьте, не так уж мало. Норильск для меня стал тем фундаментом, на котором я смог построить свою жизнь.

Валентина Петровна Вачаева

*Первое здание норильского театра
в «старом городе»*

*Норильский Заполярный театр драмы
им. Вл. Маяковского сегодня*

Валентина Вачаева:

*«Уверена, что Норильский
Заполярный театр сыграл не
последнюю роль в судьбе его
зрителей...»*

Валентина Петровна Вачаева — собиратель норильской истории и по должности, и по духу. 20 лет она проработала в Музее истории освоения и развития Норильска, теперь продолжает исторические темы как корреспондент газеты комбината «Заполярный вестник». Уже около 40 лет история театра — одна из ее любимых тем. Это она нашла в архивах комбината личные дела И. Смоктуновского, делала интересные передачи с режиссером Л. Белявским. Она и сегодня не пропускает ни одной премьеры Заполярного театра драмы имени Вл. Маяковского.

*Автор публикации с профессором Стефаном Ангельским
из Гданьска после открытия памятника полякам — жертвам
Норильлага под Шмидтихой, 1996 год*

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ 1941-2011

Последним рейсом

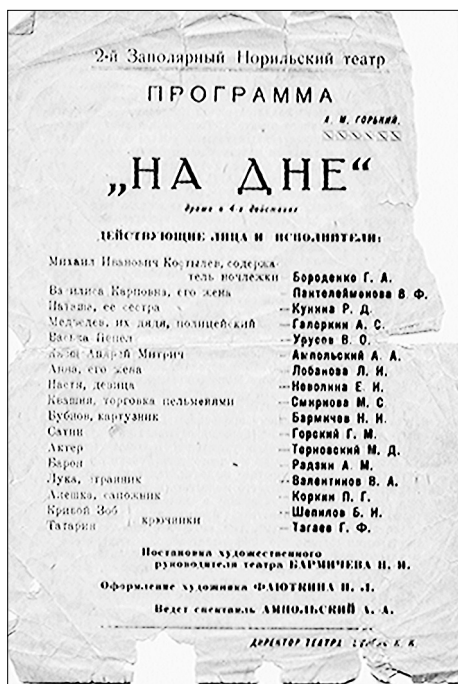
1941 – 25 сентября на пароходе «Спартак» из Красноярска в Дудинку отправилась первая труппа норильского театра. По воспоминаниям первого директора театра Григория Бороденко, она была набрана краевым отделом искусств из артистов, «забраккованных военкоматом». Театр в Норильске создавался по инициативе начальника комбината и лагеря Александра Панюкова как частная антреприза, без дотации на организацию и содержание.

...Антрепренер Делюков на пароход опоздал, а с ним в Красноярске остались деньги и теплые вещи... Чтобы прокормить артистов, Бороденко стал играть с пассажирами-норильчанами в преферанс.

— Собрал артистов, наскребли кое-какие деньги... Мои партнеры играли

*Первый директор, режиссер и актер
Заполярного театра в Норильске
Георгий Бороденко*

Самая ранняя из сохранившихся программ театра

средне, с деньгами не слишком острожножничали, к тому же поддавали все время. А я ни-ни. Вот так мы и прокормились семь дней до Дудинки.

Антрепренер появился в Норильске лишь в ноябре, прилетевсамолетом вместе с художественным руководителем Вунгисом, двумя художниками и еще одной актрисой.

Помещение под театр комбинат оборудовал в бывшей столовой 2-го лаготделения. К столовой были

пристроены сцена, гримуборные, служебные помещения. По словам Бороденко, открытие театра состоялось 31 декабря 1941 года. Давали или «Хозяйку гостиницы» Гольдони или «Сады цветут» Массе и Куличенко.

И от «Шеера» ушли

1942 — 9 марта, если верить газете «Сталинец» за 26 февраля 1952 года, состоялось официальное открытие театра в Норильске. В газете также сообщалось, что в труппе театра 13 человек, а «своего здания, костюмерной, реквизита еще не было».

В этом же году состоялись первые гастроли театра в Дудинке и на Диксоне. По воспоминаниям теат-

На снимке Григория Бороденко труппа Второго Заполярного (Норильского театра) после репетиции сезона 1942/1943.

Кроме вольнонаемных в первой труппе был один заключенный Норильлага — Геннадий Тагаев (крайний слева). Рядом в первом ряду: Валентин Валентинов, Елена Неволлина, Семен Галеркин.

Во втором — Павел Коркин (парикмахер)

рального парикмахера Павла Коркина, на Диксоне у артистов состоялась встреча за «круглым столом» на ледоколе. На обратном пути по чистой случайности лихтер, на котором находились гастролеры, не попал под обстрел охотившегося за караваном судов немецкого линкора «Адмирал Шеер».

«Счастье и сладкая боль»

1944 — После гастролей по госпиталям Красноярского края театр переформировался. Вместо артистов, переведенных в краевой драматический театр, труппа пополнилась игарчанами Еленой Юровской, Михаилом Шелагиным и другими. Игарское пополнение сразу же приступило к репетициям премьеры о Сталинграде (по пьесе Погодина) «Лодочница».

О том, чем был театр для первых норильчан, нетрудно догадаться. «Если театр — гордость и достоинство любого города, если он — украшение столиц,

Театр на послевоенном физкультурном параде

то, что же он значил для утонувшего в снегах поселка? Счастье и сладкая боль сердечная, и восторг до слез — вот что такое был Норильский театр в то далекое время», — так позднее сформулировал свое отношение к Норильскому Заполярному бывший норильлаговец журналист и писатель Сергей Щеглов.

Когда окончилась война

1945 — Вскоре после празднования Дня Победы начальник Норильского комбината Александр Панюков подписал документ об организации в Норильске смешанного театра драмы и музыкальной комедии. 9 июня директор театра Григорий Бороденко из рук начальника комбината получил почетную грамоту за то, что в театральных постановках отражалась «героика советского народа и его Красной армии в борьбе с гитлеровской Германией». Григорий Бороденко и художник Игорь Фауткин получили еще и денежные премии, а девять актеров были премированы бесплатной путевкой в Дом отдыха «Таежный».

*Сцена из спектакля «Дама-невидимка» Кальдерона
Норильского Заполярного театра драмы с Анастасией Галаховой
в главной роли*

Через 45 лет актриса Анастасия Галахова в Ленинградском Доме ветеранов сцены вспоминала, что в военном Норильске после спектаклей ей случалось получать живые цветы...

Инопланетянин

1946 — согласно записи в личном деле Иннокентия Смоктуновского, хранящемся в архиве Норильского комбината, студент театральной студии из Красноярска Иннокентий Смоктуновский становится артистом Второго Заполярного театра драмы и музыкальной комедии. Имя нового артиста появилось на театральной афише в измененном виде и с опечаткой. По версии самого Иннокентия Михайловича, директор театра предложил ему поменять настоящую фамилию Смоктунович на Смоктуновский, а в типографии ее набрали как «СмоТКуновский».

*Сцена из спектакля по пьесе Малюгина «Старые друзья»
с Иннокентием Смоктуновским в роли Семена Горина*

В конце первого же сезона молодой артист был отмечен благодарностью с занесением в личное дело и выдачей почетной грамоты «за большую работу по художественному обслуживанию предприятий комбината». За год он сыграл шесть ролей в премьерных спектаклях: «Чужой ребенок» Шкваркина (Костя), «Машенька» Афиногенова (Виктор), «Старые друзья» Малюгина (Семен), «В окнах горит свет» Аграновича (инженер Вилков), «Доходное место» Островского (Мыкин) и «Последние» Горького (Петр). (Репертуар, между прочим, не хуже, чем в центральных театрах в то же самое время.)

В начале третьего сезона он ушел из театра и устроился на работу в мерзлотную станцию, где

*Иннокентий
Смоктуновский
в Норильске, 1949 год*

продержался всего две недели. Окончательно уволился Смоктуновский из Норильского театра весной 1951-го. Известно, что он делал попытку устроиться в театр Ленинского комсомола, но безуспешно. Повезло артисту в Ленинграде. На вершину театрального Олимпа будущего народного артиста вознес товстоноговский «Идиот» 1957 года. Потом будет Гамлет в фильме Козинцева (и Ленинская премия) и много других фильмов и ... театров. Спокойствие великий актер найдет, по свидетельству театрального критика Анастасии Ефремовой, во МХАТе: «Здесь он был обожаем, уважаем, обласкан. Ему уже ничего не надо было доказывать. Хотя до конца своих дней он оставался для окружающих таким ...инопланетянином».

Мы из Игарки

1948 — 24 апреля в театре отметили тридцатилетний юбилей сценической и общественной деятельности Елены Юровской, переведенной в Норильск из Игарки вместе с Михаилом Шелаги-

Юровская в спектакле «Не все коту масленица», 1948 год

ным в годы войны. В состав юбилейной комиссии входила и народная артистка СССР Вера Пашенная, организовавшая Игарский театр, названный впоследствии ее именем. Елена Юровская первой из норильчан получила звание заслуженной артистки РСФСР.

Начинала играть Юровская еще до революции, совмещая преподавательскую деятельность в Чебоксарской гимназии с актерской в городском театре. В Игарском и Норильском театрах коньком актрисы были роли в пьесах Островского и Горького. Катерина и Кабаниха в «Грозе», Кручинина – в «Без вины виноватых», Огудалова в «Бесприданнице», Гурмыжская в «Лесе», Настя в «На дне», Меланья в «Егоре Булычеве» и так далее. Когда Юровская оставила сцену, в ее послужном списке значилось три сотни ролей.

Русский «крестоносец»

1949 — В Норильск в ссылку отправлен Георгий Жженов. Артист Норильского Заполярного театра драмы в 1949 – 1954 годах в одном из интервью сказал, что не считает годы, проведенные в лагерях и ссылках, отнятыми у него без остатка. Именно в эти годы он уяснил для себя, что главное для человека – свобода, но она – состояние духа, а не тела.

В театре на Нулевом пикете артист Георгий Жженов работал, по его словам, много активнее, чем в последнем своем театре – имени Моссовета – по 12 ролей за сезон. «Одну начал играть, а уж репетирую следующую... В кинематографе это сослужило мне добрую службу». Добавим, и принесло всенародную любовь. В эти дни один из телевизионных каналов показывает эпопею про «Резидента». Первый фильм трилогии был снят еще в 1968 году, но образ, созданный Жженовым, и сегодня не потерял своего обаяния. Народный артист СССР Георгий Жженов прожил долгую жизнь – его не стало в конце

2005-го. Незадолго до смерти он успел сняться в биографической трилогии «Русский крест» и даже приезжал для съемок в Норильск. У гроба артиста министр культуры Михаил Швыдкой сказал, что «Русский крест» — правильное название для фильма о Жженове: «Он всю жизнь нес свой русский крест».

«За невозможностью дальнейшего использования»

1952 — директор Норильского театра драмы Евгений Горин подписал приказ № 140: «С 30. 12. сего года освободить от работы за невозможностью дальнейшего использования следующих артистов драмы: Головина В.Д., Рытькова Н.Н., Урусову Э.Ю., Клавдиева Ю.М.». Был в этом списке и будущий народный артист СССР Георгий Жженов.

Георгий Жженов в спектакле «Поднятые паруса», 1953 год

В своих воспоминаниях Георгий Степанович прокомментировал это событие так: «Однажды дирекция театра сдуру поувольняла всех ссыльных артистов из театра как неблагонадежных... Полковник вступился за нас, своих подопечных, и заставил восстановить всех». Потом его попытаются уволить еще раз, в 1953-м, по «окончании трудового договора». Через год артист уйдет из театра уже по собственному желанию: его, наконец, освободят из ссылки. Впереди — полвека работы в театре и кино, всеобщее признание и статус «совести эпохи» от президента России. Трижды за эти годы артист будет возвращаться в Норильск. В последний раз в 2000-м, за пять лет до смерти, со съемочной группой фильма «Русский крест».

К нам приехал, к нам приехал...

1953 — В Норильск приехал Борис Гольман.

Будущий директор театра застал его первое здание на Нулевом пикете. По воспоминаниям Гольмана, «здание на Нулевом пикете было прекрасное. Деревянное, но с настоящим театральным вестибюлем, правым и левым фойе, зрительным залом на 550 мест, балконом, четырьмя ложами бенуар». Кроме того, в зале была отличная акустика и великолепная сценическая площадка. Жили актеры рядом, в деревянном двухэтажном доме.

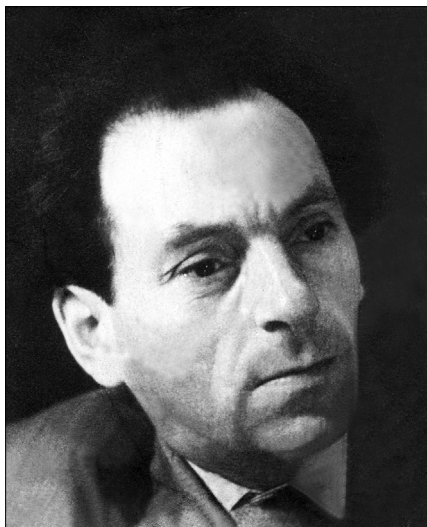
*Борис Гольман и Георгий Жженов
на сцене театра на улице Горной,
1953 год*

Стала оседать сцена

1954 — 6 ноября спектаклем «Песнь о черноморцах» открылся сезон в здании театра на улице Севастопольской, 20, переделанном в срочном порядке из кинозала.

В старом театре на Нулевом пикете стала оседать сцена из-за подтаявшей под фундаментом линзы, поэтому за считанные недели в здании, еще раньше бывшем обыкновенным жилым домом, пристроили сцену, балкон, фойе, гримуборные. В зрительном зале было 550 мест вместо 372 в бывшем здании, которое через год станет кинотеатром «Луч».

В том же, 1954-м, главным режиссером театра назначен Ефим Гельфанд.

*Ефим Гельфанд
звание заслуженного артиста РСФСР
получил еще до Норильска, в 1945 году*

Заслужили!

22 сентября 1956 года вышел указ о присвоении звания «Заслуженный артист РСФСР» актерам Норильского Заполярного театра драмы Елизавете Евстратовой, Всеволоду Лукьянову и Михаилу Шелагину.

Из трех имен не театралам могут быть знакомы как минимум два. Елизавету Евстратову старшее поколение видело в фильме Льва Кулиджанова «Преступление и наказание», в котором бывшая актриса норильского театра (а до этого Моссовета

Всеволод Лукьянов (с указкой) часто совмещал актерскую работу с режиссерской

и других) сыграла старуху-процентщицу. Надо сказать, что и в Норильском Заполярном, где актриса проработала почти десять лет, до 1958-го, Евстратова имела амплу характерных старух с комедийным уклоном.

Всеволод Лукьянов отдал театру в Заполярье четверть века и вошел в его историю как исполнитель роли Ленина. Надо заметить, что впервые это произошло в 1957 году, то есть после присвоения ему звания заслуженного артиста. Перед отъездом из Норильска Всеволод Лукьянов был назван почетным гражданином Норильска.

Михаил Шелагин приехал во Второй Заполярный театр из Первого, Игарского, в 1944-м вместе женой, Еленой Юровской. Соратники основательницы Игарского театра Веры Пашенной прослужили в Норильске почти два десятилетия.

На смену белому медведю

1961 – На сцене Норильского Заполярного театра драмы с большим успехом прошла премьера

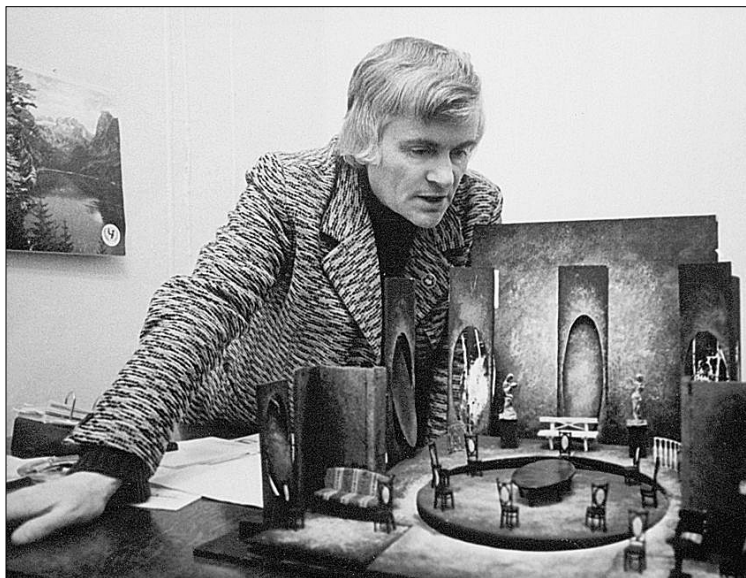

На улице Севастопольской

спектакля «Клоп» в постановке Ефима Гельфанда с Всеволодом Лукьяновым в роли Присыпкина. После спектакля по пьесе Владимира Маяковского театру присвоили имя поэта. Изменилась и эмблема театра: вместо белого медведя появился профиль «агитатора, горлана, главаря».

Семилетка Бежавского

1975 — Главным режиссером Норильского Заполярного театра драмы имени Владимира Маяковского был назначен режиссер из Риги Леонид Бежавский. «Семилетка» Бежавского стала одним из лучших периодов в биографии театра. Для этого были все предпосылки. Поставленные режиссером в Рижском театре русской драмы спектакли «Разорванный рубль» Антонова и «Хочу быть честным» Войновича стали событием в Риге, а после «Кавказского мелового круга» (совместно с Аркадием Кацем) в театре забыли, что такое неполные залы. То же произошло и в Норильске. Европейский уровень театральных постановок в городе на 69 параллели поражал не только столичных, но и зарубежных гостей города, не

Леонид Белявский с макетом «Трех сестер»

говоря уже о норильчанах. Не обошлось, конечно, и без спектакля о вожде мирового пролетариата, но это была пьеса Шатрова. «Синие кони на красной траве» шли на сцене захаровского Ленкома и в Норильске. На московских гастролях в 1979-м, в том самом театре Ленинского комсомола, о спектакле Белявского с Юрием Гребнем в роли Ленина в кулуарах говорили как о более успешном, чем одноименный с Олегом Янковским. А было еще «Девятый праведник» Юрандота, «Святая святых» Друцэ, чеховские «Три сестры». В 1988-м Белявский после работы в Норильске и краевой драме вернулся в Ригу заслуженным деятелем искусств РСФСР.

Первые столичные

1979 — 10 сентября спектаклем «Темп-29» по пьесе Н. Погодина на сцене Московского театра им. Ленинского комсомола открылись гастроли нориль-

Окончания строительства с нетерпением ждали и артисты, и строители

ского театра. «Московская правда» писала, что это динамичный, темпераментный рассказ о людях первых советских пятилеток. Во время гастролей москвичи и гости столицы познакомились со спектаклями, поставленными в разные годы: «Случай в метро», «Мистерия-Буфф», «Золотая труба на двоих», «Синие кони на красной траве», «Девятый праведник».

За постановку пьесы «Три сестры» театр получил диплом Министерства культуры. Во многих столичных газетах появились весьма хвалебные рецензии.

На своей площади

1983 — На будущей Театральной площади вбита первая свая на строительстве здания театра. Начальник управления строительства комбината Валерий Караваев положил под сваю памятную медаль. Строительство предполагалось закончить через два года, к 50-летию НГМК, но открытие театра состоялось не в 1985-м, а в 1987 году. Кстати, за два десятилетия до этого в конце Ленинского проспекта уже шла закладка фундамента под театр. По проекту здание на 800 мест с зимним садом должно было появиться в городе к 30-летию Норильского Заполярного. Для проведения массовых мероприятий в нем предус-

«Особое назначение» с Юрием Цурило в роли Завенягина

матривалась трансформация зрительного зала до 1400 мест, для чего перегородки между местами для зрительного зала и кулисными карманами должны были сдвигаться. Не случилось...

1987 — открыто новое здание театра на Ленинском проспекте, 34. После церемонии перерезания красной ленточки начальник ПСМО «Норильскстрой» Валерий Латышев и главный архитектор проекта театра Анатолий Чернышев на сцене вручили труппе символический ключ от театра.

Первый праздничный концерт в новом театре на 550 мест был дан для его строителей. Через месяц состоялась премьера спектакля «Особое назначение»

Юбилейный снимок

по пьесе Виктора Левашова, поставленного главным режиссером театра Анатолием Кошелевым.

Юбилей по расписанию

1991 — 3 ноября на Ленинском, 34, прошел торжественный вечер, посвященный полувековому юбилею самого северного в мире театра. Труппа во главе с главным режиссером Александром Зыковым принимала гостей-предшественников.

Из столицы Латвии прилетел главный режиссер Рижского театра русской драмы легендарный Леонид Белявский, с именем которого связаны яркие премьеры и первые столичные гастролы норильчан.

Поздравить коллег и город с красивой датой приехал бывший актер и бывший директор театра Борис Гольман, норильские сезоны которого начались в сентябре 1953-го, когда театр перебрался из Старого города в здание на улице Севастопольской. Несмотря на сложные времена (чего стоит августовское ГКЧП!), гостей на праздновании было много. Церемония растянулась на пять часов. Лучшие творческие силы города и его «окрестностей», то есть Дудинки и даже Красноярска, а также именинники внесли свою лепту в безразмерную праздничную программу. Виновники торжества с присущим им юмором поведали со сцены о своем житье-бытье в период тотального дефицита и массовых забастовок, покритиковав комбинат, городской совет и родную культуру, но никто на них не обиделся...

Театр Горина. Начало

1993 — Постановкой «Поминальной молитвы» начался «театр Горина» в Норильске. На октябрьской премьере роль Тевье сыграл заслуженный артист России Юрий Гребень. Этот и последующие горинские спектакли шли с неизменным успехом не только в Норильске, но и во время гастролей, выделяясь своей оригинальностью на фестивалях.

Снимок на память с Владимиром Войновичем

И «Золотой Остап»

1995 — Премьера музыкальной комедии Юлия Кима по роману Войновича «Как солдат Иван Чонкин самолет сторожил». Норильский «Чонкин» был признан лучшим спектаклем сезона на краевом фестивале «Театральная весна–1996». Александра Зыкова отметили за лучшую режиссуру, а Михаила Мокрова – за лучшую сценографию и костюмы. Роли Сергея Ребрия, Лаврентия Сорокина и Василия Решетникова были названы лучшими актерскими работами. На какое-то время спектакль стал визитной карточкой Норильского Заполярного. Норильчане показывали его на сцене МХАТа имени Чехова и на Всероссийском фестивале сатиры и юмора (сезон 1997–1998), в Питере, где спектакль получил диплом и малую статуэтку «Золотой Остап».

Мюзикл Кима–Дашкевича подружил с театром великолепного питерского художника Михаила Мокрова, ставшего вскоре главным художником нашего театра. Выдвинул в когорту ведущих артистов Сергея Ребрия и вообще сослужил Норильскому Заполярному великую службу, подняв его планку на уровень столичных театров.

Под знаком Апполона

1996 — 55-летний юбилей театр отметил появлением новой эмблемы. Тему Апполона на коньках предложил и изобразил художник из Санкт-Петербурга Михаил Мокров. Участие художника в работе над мюзиклом Кима — Дашкевича «Как солдат Иван Чонкин самолет сторожил» закрепило за театром Мокрова, вскоре ставшего главным художником Норильского Заполярного.

*Заслуженная артистка РФ
Нина Валенская*

В начале юбилейного года артистам Норильского Заполярного театра Нине Валенской и Василию Решетникову было присвоено звание заслуженных артистов России.

Василий Решетников в 2007-м уже со званием народного артиста после 30 лет работы в норильском театре вернулся в краевую драму, откуда его в 1978-м пригласил в Норильск Леонид Белявский.

Нина Валенская почти четверть века (после очень короткого перерыва) продолжает служить в нашем театре, оставаясь все эти годы ведущей актрисой. Гениальный Феликс Берман, поставивший в 1988-м в Норильске «Пока она умирала» Птушкиной с Валенской, называл ее изумительной актрисой, которой нужно все время заниматься. Валенской везло в профессии с самого начала. Начинала актриса с главной

*Народный артист РФ Василий Решетников в прощальном спектакле
Александра Зыкова «А этот выпал из гнезда»*

роли в вампиловском «Старшем сыне» в первом своем театре в Пензе. Переиграла много классики, русской и зарубежной. Играла чеховскую Елену в «Дяде Ване» в Оренбурге. Одна из ее последних ролей в Норильском Заполярном – Раневская в «Вишневом саде» в постановке Линаса Зайкаускаса.

Чума» - победительница

1997 – на краевом фестивале «Театральная весна» спектакль по пьесе Григория Горина «Чума на оба ваши дома» получил награды в пяти высших номинациях. Лучшая мужская роль – Василий Решетников. Лучшая женская роль – Нина Валенская. Лучшая роль второго плана – Ирина Афанасьева. К тому же – «Чума» была названа лучшим спектаклем сезона с лучшей сценографией Татьяны Ногиновой.

Это был второй горинский спектакль в постановке художественного руководителя театра, венчавший первое (из почти двух) десятилетие Александра Зыко-

ва в Норильском Заполярном. Спектакли по Горину стали фирменным знаком театра, режиссера и его команды вплоть до отъезда Зыкова из Норильска в 2006-м. Вместе с ним ушли и спектакли по Горину, так как в это же время перебрались на материк несколько ведущих артистов – Анна Титова, Лаврентий Сорокин, Василий Решетников, Владимир Тягичев.

Профессионалы

2000 – На «Театральной весне – 2000» лучшими ролями сезона были названы работы Сергея Ребрия в роли лорда Дарлингтона и Анны Титовой – леди Уиндермир из «Веера леди Уиндермир». За ту же роль молодая актриса из Норильска получила премию Виктора Астафьева из рук писателя, по достоинству оценившего элегантную и динамичную постановку Александра Зыкова и талант исполнительницы главной роли.

С успехом прошли и гастроли норильчан в краевой столице. Местная пресса писала о том, театр «умеет удивлять тем, что на драматической сцене собирает практически все направления театрального искусства. Все говорит об огромном профессионализме постановщика и труппы».

«Школа» губернаторских симпатий

2001 – На сцене Норильского Заполярного театра состоялась премьера спектакля «Школа с театральным уклоном».

После того, как известный писатель Дмитрий Липскеров написал эту пьесу в двух действиях, его стали сравнивать с Антоном Чеховым - за умение изображать человеческие характеры. «Школа с театральным уклоном» множество раз ставилась в различных театрах. В норильской постановке главные роли сыграли любимцы публики Лаврентий Сорокин (Трубецкой, учитель физкультуры) и Сергей Ребрий (Серж, учитель географии). Все действие в спектакле

разворачивается в пустом спортивном зале средней школы, который оказывается то городком в Испании, то тайгой, а главные герои под музыку Петра Ильича Чайковского переживают «настоящие» страсти.

На краевом фестивале «Театральная весна-2001» постановщик спектакля Александр Зыков был отмечен за лучшую режиссуру. Сергей Ребрий и Лаврентий Сорокин победили в номинации «Лучшая мужская роль». Александр Лебедь вручил спектаклю именную губернаторскую премию. Через два года история повторилась в Новосибирске на межрегиональном театральном фестивале «Сибирский транзит-2003». Сорокин и Ребрий заслужили премию имени Веры Редлих «за высокое мастерство и глубокое психологическое раскрытие образов». Спектакль получил еще одну губернаторскую премию – от Леонида Полежаева, главы Омской области. А когда Александр Зыков переехал из Норильска в Новосибирск, он поставил «Школу» с Лаврентием Сорокиным в роли Трубецкого.

Не забыть «Герострата»

2003 – Спектакль «Забыть Герострата», поставленный художественным руководителем театра Александром Зыковым, вошел в историю не только тем, что актерские работы Ребрия и Сорокина были отмечены на очередной «Театральной весне». Главное событие случилось за девять месяцев до премьеры, в марте 2002 года. За 5 минут до начала первой репетиции спектакля и за два дня до приезда в Норильск президента России Владимира Путина загорелся зрительный зал театра. Сгорело оборудование, сцена, почти весь зал. По словам Любови Березиной, тогдашнего директора театра, в итоге выяснилось, что это был поджог, и местный Герострат был найден. На восстановление театра ушло девять месяцев...

В этом же году художественному руководителю театра Александру Зыкову и артисту Василию

*В это время должна была идти репетиция спектакля
«Забывать Герострата»*

Решетникову присвоено звание «Народный артист России». Заслуженным артистом России стал Владимир Тягичев.

Успешный «Татарин»

2004 — премьера спектакля, поставленного по выбору актеров, сыгравших в нем главные роли. «Татарин маленький» по пьесе Алексея Пояркова получился, по мнению критиков и зрителей, очень стильным и гармоничным. Режиссер Александр Зыков, художник Михаил Мокров, балетмейстер Николай Реутов в команде с Лаврентием Сорокиным, Сергеем Ребрием, Анной Титовой и Владимиром Тягичевым создали один из самых успешных спектаклей сезона 2003/2004. Наряду с актерской игрой потрясающее впечатление производило сценическое оформление. Объемная полупрозрачная конструкция, где некуда спрятаться маленькому человеку. Да и куда можно спрятаться от самого себя...

Спектакль был назван лучшим спектаклем в Сибири на межрегиональном театральном фестивале «Сибирский транзит», а Лаврентий Сорокин, исполнитель роли маленького человека Коляй Коляича, получил специальную премию «за глубокое психологическое раскрытие образа».

Летом Норильский Заполярный впервые отправился на гастроли с новым директором. После отъезда Любови Березиной ее должность получила Светлана Гергарт, работающая в театре с 1991 года. В Красноярск норильчане привезли спектакли в постановке художественного руководителя театра Александра Зыкова и Анатолия Кошелева. Гастрольная афиша состояла практически из спектаклей-победителей: на краевом фестивале «Театральная весна», межрегиональном «Сибирском транзите», международном Волковском.

Укрощение Шекспира

2005 — преддверии 65-летия театра состоялась премьера спектакля «Укрощение строптивой». Это была третья постановка шекспировской пьесы за всю его историю и первая шекспировская пьеса в но-

Сергей Ребрий и Анна Титова в «Укрощении строптивой»

рильской биографии режиссера Александра Зыкова. Главные роли в спектакле достались заслуженному артисту России Сергею Ребрику и Анне Титовой. Как сказал режиссер-постановщик, он выбирал актеров, которые умеют иронизировать над собой.

В юбилейный год звания заслуженных артистов России удостоились Лаврентий Сорокин и Галина Баканова. Через год заслуженной станет коренная норильчанка Лариса Потехина, вместе с театром отметившая и его 70-летие.

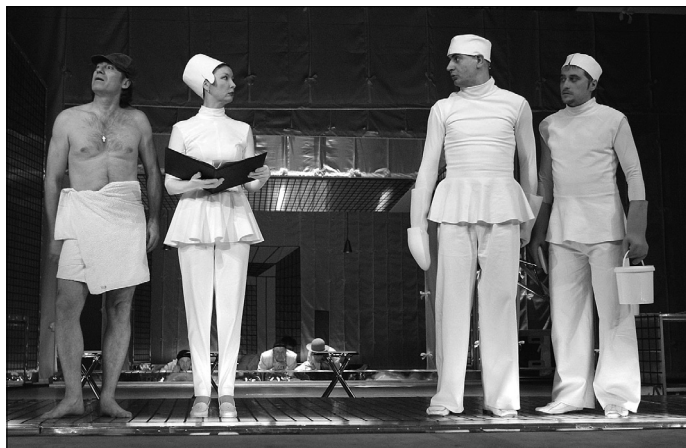
И этот выпал из гнезда

2006 — Норильск покидает художественный руководитель театра Александр Зыков, поставивший на прощание спектакль «А этот выпал из гнезда» по Дейлу Вассерману.

Зыков руководил театром с 1987-го по 2006 годы. Под его руководством Норильский Заполярный был удостоен многочисленных наград, в том числе и зарубежных (европейская «Золотая пальма» в 1998-м). «Когда я стал главным режиссером театра в Норильске, — вспоминает сегодняшний главреж новосибирского «Красного факела», — там были разброд и шатания: бухгалтерия жаловалась, что актеры больше зарабатывают, кто-то еще жаловался, что актеры во время гастролей живут в лучших условиях. Я вынужден был тогда

*Народный артист РФ
Александр Зыков*

*Сцена из прощального спектакля Александра Зыкова
«А этот выпал из гнезда»*

сказать, что я как главный режиссер хотел бы себя ощущать самым главным в театре. А на самом деле все это не так. Не будет меня — актеры сами соберутся, порепетируют, и театр будет. Это банальная аксиома — нет театра без артистов... Станиславский говорил, что нужно умереть в артисте, и до сих пор умнее никто ничего не придумал. Обидно умирать. Но нужно».

Уезжают из Норильска заслуженные артисты России Лаврентий Сорокин, Владимир Тягичев, ведущая актриса театра Анна Титова и другие.

Особое назначение

2007 — Главным режиссером театра назначен Анатолий Кошелев, впервые возглавивший Норильский Заполярный в 1984 году. Именно он открывал первый сезон в новом здании театра на одноименной площади. Это был спектакль «Особое назначение» по пьесе бывшего норильчанина Виктора Левашова в постановке Анатолия Кошелева. В 1987-м он передал театр очередному режиссеру Александру Зыкову, к которому вновь вернулся в 2001 году, чтобы через

*Анатолий Кошелев (справа) на репетиции
чеховских «Пестрых рассказов»*

пятилетку занять свое кресло в кабинете главного.

Как написала побывавшая в театре и на его красноярских гастролях столичный критик Анастасия Ефремова, «главный режиссер – человек интеллигентный, тонкий, добрый. Может быть, недостаточно жесткий для такой должности, но не довольно ли жестокости в этом мире?».

Фантастический Чехов

2009 — В газете «Культура» вышла статья с подзаголовком «Фантастический Чехов в Заполярье». В ней московский критик Дмитрий Минченко восторженно сообщал, что в Норильском Заполярном театре драмы имени Вл. Маяковского идет фантастическая интерпретация «Вишневого сада» Чехова в постановке самого загадочного российского режиссера с литовскими корнями Линаса Зайкаускаса: «Получилось неожиданно, шокирующе и... очень по-русски. В точном соответствии с хрестоматийной

*Заслуженная артистка РФ Нина Валенская в роли Раневской в
«Вишневом саде» Линаса Зайкаускаса*

фразой «энциклопедия русской жизни». Оказывается, что Чехов – действительно энциклопедия, причем остроактуальная, особенно в том месте, которое издавна звалось «зоной». Попытка обновить Чехова в постановке на краю мира наделала много шума в театральной среде. Спектакль полюбили актеры, но нашлись и противники норильской трактовки. Заполярный «Вишневый сад» с трудом пробился на краевой театральный фестиваль, где норильчане, как правило, побеждали в главных номинациях, и не остался без наград.

На двоих

2010 — Творческий и семейный дуэт заслуженного артиста России Валерия Оники и Алевтины Александровой получил специальный диплом председателя жюри «За лучший актерский дуэт» на фестивале «Ново-Сибирский транзит-2010» и спецприз «Театральной весны-2010» – «За верность и многолетнее служение сцене». В предыдущем сезоне Оника отме-

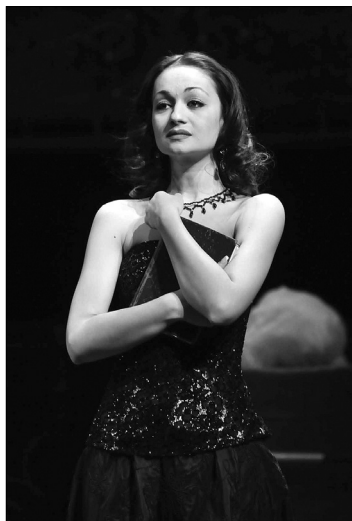
*«Старомодная комедия».
Валерий Оника и Алевтина Александрова*

тил четвертьвековой юбилей на сцене самого северного театра постановкой арбузовской «Старомодной комедии». В спектакле на двоих режиссер-дебютант сыграл в паре с Алевтиной Александровой.

Актриса из «Замка»

2011 — Открытие юбилейного 70-го сезона принесло актрисе театра Варваре Бабаянц сразу две главные, словно написанные для нее роли – в «Шикарной свадьбе», поставленной Сергеем Щипициным, и «Замке в Швеции» Максима Кальсина.

Многообещающее начало второго десятилетия

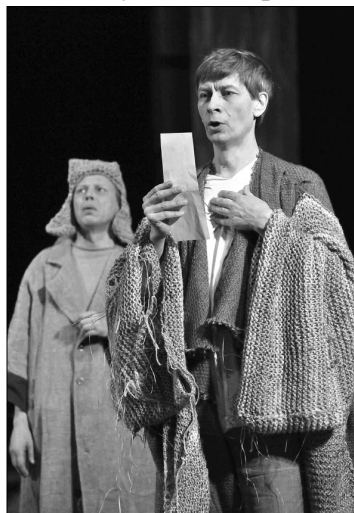

*Варвара Бабаянц в роли Элеоноры
в спектакле Максима Кальсина
«Замок в Швеции» по Франсуазе
Саган*

по логике вещей должно повлечь за собой признание не только норильских зрителей. Как это произошло с ролями второго плана, достававшимися актрисе чаще главных в первое театральное десятилетие. На краевом фестивале «Театральная весна-2009» Варвара Бабаянц – Шарлотта в «Вишневом саде» Зайкаускаса была названа лучшей женской ролью второго плана в драматическом театре.

Полвека на норильской сцене

30 апреля 2011 года заслуженный артист России Сергей Игольников отметил свое 50-летие на сцене. В бенефисном спектакле «Обломов OFF» в постановке Владимира Гурфинкеля юбиляр сыграл роль Ильи Ильича Обломова. Режиссеру и актеру хотелось, чтобы новая роль стала этапной как для юбиляра, так и для театра, поэтому из множества других, более доступных и предсказуемых была выбрана пьеса Михаила Угарова.

Сергей Игольников уверен, что такие спектакли обязательно должны быть в репертуаре его родного театра

Впервые на норильскую сцену артист вышел в день своего 19-летия. Это был спектакль Леонида Белявского «Гостиница «Астория» по пьесе Штейна, посвященный 35-й годовщине Победы. Начинающему артисту досталась эпизодическая роль мальчишки-ополченца, с улыбкой идущего на верную смерть. В короткой, не по росту шинели, в волочащихся по полу обмотках, с ружьем, неловко зажатом под мышкой, - таким впервые увидел и полюбил артиста норильский зритель.

*«Продавец дождя».
Заслуженный артист РФ Сергей Ребрий в роли Старбака
и Рамиль Кагарманов – Джим*

*«Продавец дождя». Заслуженный артист РФ Сергей Ребрий в роли
Старбака. Рамиль Кагарманов – Джим. Юлия Новикова – Лизи*

Параллели

29 октября премьерой романтической комедии «Продавец дождя» по Ричарду Нэшу в постановке бывшего худрука театра Александра Зыкова открылся 71-й творческий сезон в театре и первый Международный фестиваль искусств северных городов мира «ПАРАЛЛЕЛИ», объединивший творческие усилия северян с разных стран и континентов. На фестиваль приехали гости из Карелии, Якутии, Финляндии, Норвегии, Исландии, Канады.

По словам Александра Зыкова, он выбрал пьесу «Продавец дождя» для Норильска, потому что знал, кто будет играть Старбака. Рисковать я не мог, так как времени у меня было мало, а из сегодняшних артистов театра я лучше всех знаю Сергея Реброя.

* * *

Давно известно, что качество жизни в городе определяется в том числе и тем, есть в нем театр или нет. Норильску сказочно повезло: его театр даже старше города на целых 12 лет. За семь десятилетий Норильский Заполярный бывал очень разным, но всегда одинаково любимым.

6 ноября 2011 года самая северная в мире драма отметила свое 70-летие, хотя датой открытия театра в Норильске следовало бы считать 31 декабря. Вероятнее всего, после переезда на улицу Севастопольскую в 1954-м начался и новый отсчет, с 6 ноября. Тем более что при Советской власти самым главным праздником считалась годовщина Октябрьской революции, отмечавшаяся 7 ноября. Впрочем, теперь это уже не так важно...

Любимые артисты театра... и кино

В юбилейной импровизации на тему нашумевших спектаклей под названием «Много шума и ...ничего» театр вспомнил не только творческие удачи последних главных режиссеров театра, Кошелева и Зыкова, но

и эпохальные постановки приглашенных – Феликса Бермана, Семена Сапгира, Линаса Зайкаускаса. Объединенные темой дня рождения «спектакли-пенсионеры», по выражению ведущего первой части вечера и одного из авторов сценария Сергея Ребрия, стали основой капустного дайджеста.

Последний парад

Артисты нескучно пародировали самих себя или коллег в ролях многолетней давности. Особенно удалась роль Нины Валенской – Танечки из премьеры 1997 года «Пока она умирала» – самой заслуженной артистке Нине Валенской. В паре с Ларисой Ребрий они смело прошли по творению Феликса Бермана, наделив главных героинь спектакля клоунскими функциями. (В свое время московский режиссер специально ввел в ткань постановки образы добродушных клоунов.) «Заслуженный герцог Вероны» Сергей Игольников из зыковской «Чумы на оба ваши дома» пятнадцатилетней давности был окончательно сбит с мысли ищущим самый северный театр Денисом Гончаровым, прохожим из «Вишневого сада» Зайкаускаса 2008 года. Варвара Бабаянц и Роман Лесик от лица чеховских героев поведали, чему их научил юбилар за годы работы в норильской драме.

Кимовскую «Сказку Арденнского леса» представили Денис Ганин и Павел Авдеев, «Конкурс» Галина – Андрей Ксенюк, Елена Кузьменко и заслуженная артистка России Лариса Потехина, изобразившая в отрывке еще и женщину-змею.

За роستانовского Сирано, сыгранного в 2005-м Лаврентием Сорокиным в паре с Сергеем Ребрием, в юбилейном представлении дебютировал Николай Каверин. Артист только что приехал в Норильск вместе с женой, актрисой Маргаритой Ильичевой, вернувшейся в труппу театра после недолгого отсутствия и напомнившей о себе ролью Олимпиады Самсоновны из спектакля Анатолия Кошелева «Свои люди – сочтемся!».

Самым ранним и самым именитым из спектаклей гостей вечера стал, конечно, кимовский «Иван Чонкин» (авторское название «Как солдат Иван Чонкин самолет сторожил»). Спектакль-притча, обладатель приза «Золотой Остап» и многих других наград, получился своего рода бенефисом заслуженного артиста России Валерия Оники, он же Сталин, он же Фирс, и Алевтины Александровой в роли Председательши. За главного героя на сцену вышел Рамиль Кагарманов вместе с Александром Глушковым – Мойшей.

Поэт и блокбастер

Постановочная группа «Сна в осеннюю ночь» (второе название представления) не забыла еще об одной круглой дате. Ровно полвека назад, в год своего 20-летия, Норильский Заполярный театр драмы получил имя Владимира Маяковского. Были времена, когда театр отрекался от поэта и даже сменил эмблему, но в этот юбилей на его сцене вновь зазвучал (и очень убедительно) голос поэта. За Владимира Маяковского его стихи в капустной интерпретации читал артист Степан Мамошкин, чьи интонации «агитатора, горлана, бунтаря» микшировал человек-театр – заслуженный артист России Сергей Ребрий.

В конце первого действия авторы дошутились до большого кино. Блокбастер «Белое солнце ...тундры» продемонстрировал возможный финал юбилейного торжества. На экране Сергей Ребрий, перевоплотившийся в красноармейца Сухова, откопал в снежной пустыне кое-кого из наотмечавшихся коллег, органично изображенного Иваном Розинкиным, только что блиставшим на сцене в «Шуте Балакиреве»...

70-летие по каким-то канонам не считается официальным юбилеем (только каждые пять лет после 70-ти), но без иногородних гостей виновники торжества, конечно, не обошлись. На день рождения театра прилетели заслуженные артисты России Владимир Тягичев и Галина Баканова, артисты Олег Федоров и Анна Титова, бывший директор Вадим Ельчищев,

бывший ответсек Норильского отделения ВТО Лариса Пронникова. На международном фестивале искусств северных городов мира, организованном юбилярами в канун круглой даты, была замечена и Любовь Березина, недавно возглавившая Барнаульскую, вернее, Алтайскую драму.

Поздравление прислал еще один бывший земляк – Олег Бударгин, назвавший в свое время театр градообразующим... Со сцены труппу поздравили глава города Сергей Шмаков и исполняющая обязанности заместителя директора ЗФ по персоналу и социальной политике Людмила Ахметчина от «Норильского никеля». Губернаторское поздравление озвучил полпред Владимир Козловский.

Все родное

Вторая часть торжества традиционно перемежала слова благодарности театру выступлениями лучших творческих сил города. Особенно театрально прозвучала восхитительная *Casta Diva* в исполнении Елены Пивоваровой, играющей alter ego главной героини в премьер-2011 «Обломов OFF».

Из бывших актеров на сцену вышла только Анна Титова с барабаном и речевкой. Текст выступления писался на двоих Лаврентием Сорокиным. В последний момент в новосибирском «Глобусе» решили, что не смогут обойтись без своего премьера. Анне пришлось выступить без партнера. Бывшие коллеги и зрители встретили и проводили свою любимицу продолжительными аплодисментами.

«Безумно рада вновь оказаться на родной сцене, – сказала актриса после официальной части, – но мне одновременно грустно, что все уже в прошлом».

Три года Анна Титова выходит в спектакле «Сплошные неприятности» в питерском Театре комедии имени Акимова. Вместе с бывшим норильчанином Александром Черкашиным приняла участие в проекте «Классные классики» продюсерского центра «Арт-Питер».

Есть и другие предложения, о которых актриса предпочитает не говорить до поры до времени.

Ровесник Норильского Заполярного Олег Федоров уехал из города 12 лет назад, проработав на сцене самого северного три десятилетия. Начинал при Ефиме Гельфанде, лучшими годами считает годы работы с Леонидом Белявским.

«За 12 лет жизни на материке я третий раз приезжаю на театральные юбилеи. Здесь все родное: и стены, и люди. Только сейчас по прошествии стольких лет я начал понимать, что такое режиссер. В Кондрово под Калугой я организовал театр. Мы ставим хорошие спектакли. Недавно с детской труппой выпустили пушкинскую «Пиковую даму». Многому я научился именно у Леонида Савельевича Белявского, которого в этом году не стало».

Р. С. Даже короткая история Заполярного театра драмы имени Вл. Маяковского – в датах и репертуарных планах, фотографиях и биографиях тех, кто долгие годы был связан с этим творческим коллективом, – убеждает, что театр на 69 параллели всегда был культурным центром, притягивающим людей. Он заставлял задуматься о многом, погрузить и порадоваться вместе с героями пьес, поддерживал веру в добро и добавлял надежды людям, которые очень часто не благодаря, а вопреки природе-погоде, обстоятельствам трудились в Заполярье на благо Отчизне.

Я не удивляюсь, что люди, служащие Театру, не теряют с ним связи и после отъезда из Норильска. Так случается со всеми поколениями, жившими на Таймыре. Никакие времена здесь не бывают легкими, но театр, разделяя трудности с северянами, всегда высоко держал духовную планку: и когда он трудился в поселке-лагере, и когда он стал городом. Если бы в Норильске не было нашего замечательного театра, мне не так интересно было бы жить в этом городе.

Валентина Вачаева

*Из семейных архивов
норильчан*

*Отчий дом сибиряка Юрия Трушкина.
Он любил бывать на станции Тинская у мамы Прасковьи Аврамовны*

Семья Трушкиных, 1965 год

Сегодня мы заглянем в семейные фотоальбомы Ирины Ивановны Мартовой и Юрия Александровича Трушкина. Такими они приехали в Норильск.

*Юрий Трушкин начал трудовой
путь в Дудинке*

*Ирина Мартова,
тогда еще Буркова*

В 1949 году Ю.А. Трушкин по направлению стал работать в Дудинке сначала товароведом окрыболовпотребсоюза, потом начальником отделов продтоваров Норильскснаба, далее замом начальника Дудинского порта и наконец заместителем начальника управления торговли Норильского комбината. Семь лет опыта работы в суровых условиях Заполярья – это солидный стаж.

За эти годы Ирина, тогда еще Буркова, закончила семилетку и сразу стала работать – в семье было семеро детей. Летом 1956 года

она трудилась в пионерлагере «Таежный», где на свое счастье Ирина познакомилась с Верой Александровной Бедновой, которая занималась старшими ребятами. А в Норильске, куда она приехала к мужу-лагернику, Вера Александровна была инженером ЖЭКа. Она помогла девушке перебраться на Таймыр, как говорит Ирина, на сытую жизнь. Мало того, она еще поселила ее у себя, не говоря уже про непростое оформление пропуска в закрытый город. Ирина съехала с квартиры Бедновых только тогда, когда ей дали место в общежитии.

Ирина стала парикмахером. Работа ей нравилась. Вскоре она вышла замуж за высокого экскаваторщика Герольда Мартова, через год у них родилась дочь Геля. Ирина стала мастером широкого профиля, освоила профессию маникюрши и педикюрши. Как повышение она тогда воспри-

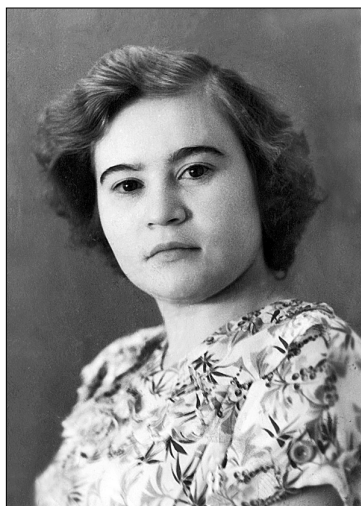
С этим коллективом Ирина Мартова начала работать в парикмахерской ДИТРа.

На фото слева направо нижний ряд:

Мира; В.И. Стаценко; мастер из Тихорецка.

Верхний ряд:

Володя (сидел и умер в Норильске); мастер, чье имя память не сохранила; Зоя; И. Буркова (позже Мартова); кассир парикмахерской; Коля (хотя давно освободился, но из Норильска не уехал).

*Ирина Мартова
перед замужеством*

няла работу в салоне «Локон» – здесь Ирина трудилась до отъезда из Норильска.

Еще А.П. Завенягин с 1938 года стал строить не лагерный поселок, а город, в чем-то напоминающий Ленинград, чтобы хотя бы так изменить угнетающие пейзажи бараков. Интеллигентный состав самих заключенных позволял осуществлять замысел начальника комбината и лагеря – с их помощью заработали не только научные, проектные конторы, повысилась эффективность

Вера Андреевна Грачева и Ирина Ивановна Мартова

физического труда ээков, но были созданы и оркестры, театр и пр. Здесь было много мастеров любого профиля, например, в Норильске шили всё – платья, туфли, пальто, шляпы... Как бы то ни было, все это и многое другое, что тогда отличало Норильск от таких же построенных ээками городов, создавало и особый научно-технический, культурный и бытовой уровень жизни. Уже в лагерные времена в Норильске дома, магазины, театр, клуб, ДИТР украшали лепниной, колоннами и прочими элементами оформления... Что уж говорить о временах после смерти Сталина... Знаю не понаслышке, что каждый норильчанин хранит фотографии красивых мест Норильска.

Юрий Александрович Трушкин как руководитель управления торговли, ставший с 1993 года и заместителем директора Норильского комбината, был одним из создателей новых баз хранения, пищевой промышленности, системы торговли, общественного и рабочего питания в промышленном районе. В Норильске покупали свое молоко, кефир, сметану, майонез, сами пекли хлеб и многочисленную кондитерскую снедь, варили пиво, делали колбасы... Во всех сферах обслуживания внедрялись новые технологии... Появились прекрасные рабочие столовые практически на всех предприятиях комбината.

Парикмахерское искусство тоже не стояло на месте. Ирина Ивановна помнит времена, когда ди-

*Ю.А. Трушкин.
Норильск, 1970 год*

Гастрономы с традиционной формой обслуживания быстро вытесняли магазины самообслуживания. Первый был с полной сменой интерьера переоборудован в гастроном «Москва», вторым стал «Енисей» (на фото)

ректор комбината В.В. Дроздов ездил по предприятиям в кошевке (это такие крытые сани) на лошади, но и тогда уже делали красивые прически, в ДИТР и ресторан обязательно ходили в вечерних платьях (т.е. нарядных). Их шили замечательные мастера, чаще всего из заключенных. Среди тех, у кого училась Ирина Ивановна, были такие, кто прошел лагеря и остался в Норильске без права выезда. Фамилию замечательного Коли она никак не могла вспомнить... Его привезли на Крайний Север в 1937 году, после освобождения он остался жить в Норильске. Его уважали за душевность и старательность, в отличие от другого мастера с Украины, во время войны тот служил полицаем. Когда мужикам приходилось с ним выпивать, все проявляли настороженность – о чем говорили, он обязательно доложит кому надо: стукач!

С 1964 года в Норильске ежегодно стали проходить городские состязания парикмахеров. К ним проявляли живой интерес и мастера, и зрители.

*В рабочей столовой никелевого завода.
На переднем плане А.Н. Косыгин, за ним Ю.А. Трушкин*

*Пионерский лагерь в Таежном. Слева направо:
Ю.А. Трушкин, Н.П. Машьянов, В.М. Мельников*

Очень быстро сдружились парикмахеры, их модели, фотографы. Благодаря, например, Шурочке в семейных архивах норильчан сохранилось много снимков, которые публикуем сегодня. Они вместе ходили в ресторан при полном параде, ходили на концерты, в театр. За прическу «Лотос» Римма Джуманозарова заняла в конкурсе первое место.

К сожалению, имя и фамилию этой красавицы вспомнить не удалось. Она работала официанткой в ресторане «Таймыр». Эта прическа «Лотос» заняла первое место

Еще одна участница конкурса парикмахеров, и тоже из ресторана «Таймыр». Ее зовут Таисия

Отъезд из Норильска всегда для всех бывает и хлопотным, и волнующим. Вспоминается первая встреча с городом, который для многих стал судьбой. С ним связано становление в профессии, обретение друзей на всю оставшуюся жизнь, рождение семьи, детей. Ирина Ивановна в мае 1976 года перед отъездом сделала памятные снимки, два из которых можно увидеть.

С большой теплотой Ирина Ивановна Мартова вспоминает директора комбината Н.П. Машья-

Вера из управления связи комбината демонстрирует очень сложную прическу

Снимок на память с клиентами. В середине И.И. Мартова

Коллектив парикмахерской «Локон»

*На рабочем месте в
парикмахерской «Локон»*

нова, который помог ей обменять квартиру на Новомосковск. Когда умер муж, она перебралась к сестре в Подмоскowie. Как очень многие, Ирина Ивановна считает Норильск главным городом своей жизни. До сих пор в ее памяти живы легендарные норильчане, с которыми ее сводила жизнь. Прославленный хирург В.А. Кузнецов садился в ее кресло со словами: «Ирочка, у меня операция сегодня, все по полной программе...». Она брила его голову, делала массаж, компресс.

Доктор И.З. Шишкин тоже брил голову... Какая бы очередь ни была, Ирина всегда принимала столь занятых людей без промедления. Очередь воспринимала это как должное – таков был авторитет у докторов. А ее подруга Лида Якубович так принимала И. Смоктуновского, они были знакомы еще с Красноярска, позже она бывала у него дома в Ленинграде. А с каким волнением Ирина Мартова смотрела фильм с участием актера театра Бойцова! Все знали, что в свое время в Норильске он тайно, с риском для жизни через проволоку лазил к заклю-

*9 мая в Норильске по-зимнему
холодно*

ченному – тот учил его танцам, бить чечетку. Первая реакция у всех была – неужели это наш? А потом сожаление, что тогда не расспросили ни о его учителе, ни о нем... Хотя в те годы любые расспросы могли вызвать опасения и подозрения людей...

В семейном фото-архиве Ю.А. Трушкина можно увидеть исторических деятелей, например, А.Н. Косыгина, В.И. Долгих, М.С. Горбачева, других. Когда-нибудь о советской эпохе, в которой он жил, будут судить его внуки, правнуки. Я не знаю, что рассказывал им Юрий Александрович Труш-

Прощание с тундрой на турбазе

Слева направо: Ю.А. Трушкин, проректор института в г. Красноярске, П.А. Соловьев, зам. начальника Дудинского порта, и В.И. Полищук, зам. генерального директора РАО «Норильский никель» в музее порта. Дудинка, 1995 год

*Ю.А. Трушкин прощается с коллегами по управлению торговли НГМК.
Снимок на память, 1974 год*

кин (царство ему небесное!), но, думаю, что его документы с официальными формулировками, грамоты, награды, пожелтевшие газеты, его стихи помогут лучше понять самого Трушкина и его поколение. Сам Юрий Александрович, когда через много лет снова побывал в Дудинке, где

*На краевой партконференции. Слева направо: А.Н. Закопырин,
Ф.А. Алфименко, А.Д. Горр, Ю.А. Трушкин, Ю.М. Смолов.
Красноярск, 1981 год*

сделали первую запись в его трудовой книжке, не мог обойти своим вниманием музей порта.

По фотографиям, которые хранятся в семье Трушкиных, можно проследить биографию Юрия Александровича. Вот коллективный снимок с коллегами-норильчанами, когда он покидал Таймыр.

Еще один снимок на память с теми, с кем трудился в Норильске. Они встретились в 1981 году в Красноярске на краевой партийной конференции. Слева направо: А.Н. Закопырин, чья фамилия навечно вписана в историю Надеждинского металлургического завода, Ф.А. Алфименко, главный в окружкоме Таймырских профсоюзов, А.Д. Горр, который после отъезда Ю.А. Трушкина возглавил норильскую торговлю, Ю.А. Трушкин, Ю.М. Смолов, его бы сегодня называли мэром Норильска.

Руководители г. Красноярска и Красноярского края встречают в аэропорту М.С. Горбачева. На фото запечатлен момент, когда он пожимает руку Ю.А. Трушкину, 1988 год

В 1988 году Ю.А. Трушкин в числе руководителей города и Красноярского края встречал в аэропорту М.С. Горбачева. Фотография запечатлела их крепкое рукопожатие.

Еще одна встреча «высоких гостей», причем неофициальная, состоялась в живописном лесу Сибири благодаря губернатору Красноярского края Валерию Михайловичу Зубову. Слева направо сидят Ю.А. Трушкин, бывший замдиректора НГМК, бывший зампреда крайисполкома; В.М. Зубов, его и сегодня можно увидеть на телеэкранах; В.И. Долгих, бывший директор комбината. Это при нем состоялось второе рождение Норильска и комбината. Впоследствии он — секретарь ЦК КПСС, 24 года был депутатом Верховного Совета СССР, на 87-м году жизни В.И. Долгих в 2012 году открыл первое заседание новой Государственной Думы; В.Н. Ксинтарис, бывший начальник Дудинского порта, Норильскснаба, впоследствии председатель Красноярского совнаркома, зам. министра цветной металлургии СССР, первый зам. председателя Госснаба СССР; стоят В.И. Егоров, директор Красноярской конторы Норильскснаба; фамилию красноярца из аппарата губернатора память не сохранила; Б.И. Колесников, бывший директор Норильского комбината, стоявший у его руля

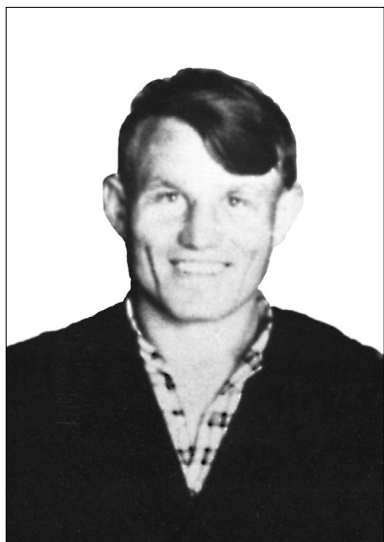
дольше всех – 15 лет. И каких! И победных, и очень трудных...

Норильск и норильчане среди городов и предприятий Красноярского края всегда стояли и до сих пор стоят на особом месте и по вкладу в краевую бюджет, и по различным начинаниям в разных областях жизни. Руководители Норильского комбината всегда были людьми неординарными и смелыми. Поэтому, наверное, Валерию Михайловичу Зубову как губернатору и в 2000 году было интересно пообщаться с отставниками-норильчанами. Им есть о чем вспомнить, чем поделиться, ведь история Норильского промышленного района во все времена ставила его руководителей самого разного уровня в экстремальные условия работы и жизни... Они умели побороть трудности, из любой тяжелой ситуации выйти достойно.

Давно замечено не только норильчанами: те, кто прошел жизненную школу Норильска, состоялись как профессионалы. И неважно, был человек рабочим, парикмахером или руководителем, он сумел создать и благополучный семейный очаг, и не потерять интереса к жизни. Своим примером они учили и учат детей, внуков и правнуков.

Галина Касабова

Василий Павлов

«Василий Андреевич Павлов (справа) в остроте языка и юмора даст фору шолоховскому деду Щукарю», — так говорил об отце своему другу Василию Васильевичу Павлову (слева) В.В. Полищук (в центре)

Владимир Полищук:

«Вспоминая Василия Васильевича Павлова...»

*Родители Ксения Тарасовна и Василий Андреевич и их взрослые дети
Василий и Ольга*

Семья Павловых на отдыхе на озере Лама

Биография у В.В. Павлова – как у многих в нашей стране: рос в крестьянской семье, которая не знала достатка. Родился на юге Красноярского края в селе Большой Арбай Саянского района. С детства Василию пришлось много трудиться, чтобы заработать для семьи хоть небольшие деньги. Потому и среднюю школу не закончил – пошел работать шофером. С 1955-го служил в армии, опять же шофером. Его рота обслуживала военный аэродром в г. Тикси на берегу моря Лаптевых. К сожалению, на Крайнем Севере Василий сильно застудил ноги и почки, что впоследствии сказалось на его здоровье.

После армии он пять лет шоферил, но тяга к знаниям заставила его закончить школу рабочей молодежи, а потом и механическое отделение политехникума. Рабочая основательность, природная смекалка, инициативность обратили на себя внимание руководства Каратузского автохозяйства. В 1965 году В.В. Павлова назначили начальником эксплуатации Абаканского транспортного треста.

А три года спустя началась норильская биография Василия на горно-металлургическом комбинате имени А.П. Завенягина. Он стал работать начальником службы, а вскоре и начальником конторы механизации и благо-

Василий Павлов на службе в армии

Слева направо: глава администрации г. Дудинка А.П. Кузнецов, заместитель директора Норильского комбината В.В. Павлов, губернатор Таймырского административного округа Г.Н. Неделин

устройства жилищно-коммунального управления. На этой работе проявились его лучшие качества: творческий подход к делу, организаторские способности. Благоустройство начал... с себя. Поговорил с водителями, они тоже хотели видеть улицы зелеными... Потом нашел единомышленников и среди административного персонала: никто не отказался сажать деревья на улицах в выходные дни! Начали с Ленинского проспекта, потом на другие улицы перешли... И это было только начало.

В.В. Павлова заметили не только руководители комбината, но и сами норильчане, оценившие добрые перемены в жилищно-бытовом обслуживании, потому что вскоре Василий Васильевич стал главным инженером, а через год и руководителем ЖКУ. Груз этой службы был тяжелым, жалобоопасным, зависимым от многих объективных и не очень трудностей. Он нес его 16 лет. К 1990 году жилой фонд комбината составлял более пяти миллионов квадратных метров. На балансе УЖКХ в 80-х годах уже было 110 детских

*Перед заседанием правления РАО «Норильский Никель».
Снимок на память, 1995 год*

*Комиссия Норильского комбината перед открытием оздоровительного
сезона принимает пионерские лагеря*

садов, около 70 общежитий, Дворец культуры, Дома пионеров, политпросвещения, техники, все спортивные сооружения, стадион, профилакторий – все перечислить просто невозможно... Весь Большой Норильск с городами-спутниками Талнахом и Кайерканом находится в ведении УЖКХ. К нему нужно добавить и управление «Дудинкабыт» с жилым фондом, принадлежащим комбинату. При этом нельзя сбросить со счетов и многие риски Крайнего Севера. Это всегда экстремальные условия эксплуатации и работы: свайное строительство на вечной мерзлоте, морозы, ветры, полярные ночи, когда 45 суток не показывается солнце, а потом появляется на минуты, на полчаса, час, другой... Возникают нестандартные ситуации, требующие таких же нестандартных решений...

Население Большого Норильска к 1990 году составляло около 270 тысяч человек. В 80-е годы вводили в эксплуатацию до 200 тысяч квадратных метров жилья. Ежегодно на свет появлялось до четырех

*Коллектив УЖКХ отмечает свое 50-летие.
На юбилейном вечере, 1990 год*

Василию Васильевичу Павлову 50 лет

По случаю ввода в эксплуатацию мясоперерабатывающего завода австрийской фирмой. На переднем плане слева второй директор АСК «Тесь» В.В. Павлов, рядом председатель правления РАО «Норильский никель» А.В. Филатов. Минусинск, 1993 год

В.В. Павлов с руководством турецкой строительной фирмы в селе Тесь на строительстве оздоровительного комплекса

тысяч детей, что требовало ускоренного строительства детских садов. Такое сложное и многоплановое хозяйство требовало квалифицированных кадров. Дома в Норильске стоят на вечной мерзлоте на сваях. Для их обслуживания пришлось создать специализированный трест. Немало забот коллективу УЖКХ доставлял и летний отдых детей в лагерях в поселке Атаманово на реке Енисей. Это был настоящий детский город, где ежегодно отдыхали до девяти тысяч детей. Каждый год в «Таежном» реконструировали и благоустраивали лагерь, в Красноярском крае они считались одними из лучших.

Одно только перечисление объектов личной ответственности руководителя УЖКХ Василия Васильевича Павлова и успешный шестнадцатилетний стаж в этой должности характеризуют его как достойного начальника. Ему всегда помогал крестьянский здравый смысл и духовное здоровье. Мне как руководителю* часто приходилось помогать коллегам из разных

* В.И. Полищук долгие годы был заместителем директора Норильского комбината. — *Ред.*

служб и в обычных, и в экстремальных ситуациях, но Василия Васильевича я выделял из многих. Он умел как хороший хозяин умножить достижения, его инициатива всегда воплощалась в конкретные дела. В.В. Павлов как никто другой знал причины жалоб на коммунальщиков и был справедливым и требовательным прежде всего к своим. В семье Василия Васильевича всегда считали особым днем четверг. Допоздна он вел прием по личным вопросам, к которым относился с большим вниманием. Этот день был самым тихим в семье, даже дети не приставали к нему вечером ни с просьбами, ни с вопросами... Видели, как отец устал после долгого и трудного дня.

В 1991 году в жизни В.В. Павлова произошел новый поворот – он поменял место работы и жительства. Из-за повышения уровня радиации в поселке Атаманово оздоровительные детские лагеря с берега Енисея* пришлось перенести в Минусинский район недалеко от села Тесь. Заповедные места! Но все здесь надо было начинать с начала...

Административный центр агростроительного комплекса «Тесь» расположился в городе Минусинске. Планировали построить не просто обычный оздоровительный лагерь, а круглогодичный комплекс для отдыха. В.В. Павлову после колоссальных усилий и энергичных действий к 1993 году удалось создать многоотраслевое объединение. Оно занялось строительством жилья и самого комплекса «Тесь», для чего были привлечены сначала югославская, а затем турецкая фирмы. Сдача первой очереди состоялась в 1995 году. Были созданы предприятия электрических и тепловых сетей, автотранспортное предприятие с заправочными станциями, объединение ЖКУ в селе Тесь, торговое объединение. В его состав вошли совхозы «Минусинский», «Заполярный», «Таежный», «Сибирь». Начали работать мясоперерабатывающий и молокозавод, кирпичный завод и Шушенская пти-

* На другом берегу развивалось секретное производство по получению плутония для атомных бомб.

Семья Павловых на отдыхе на озере Лама

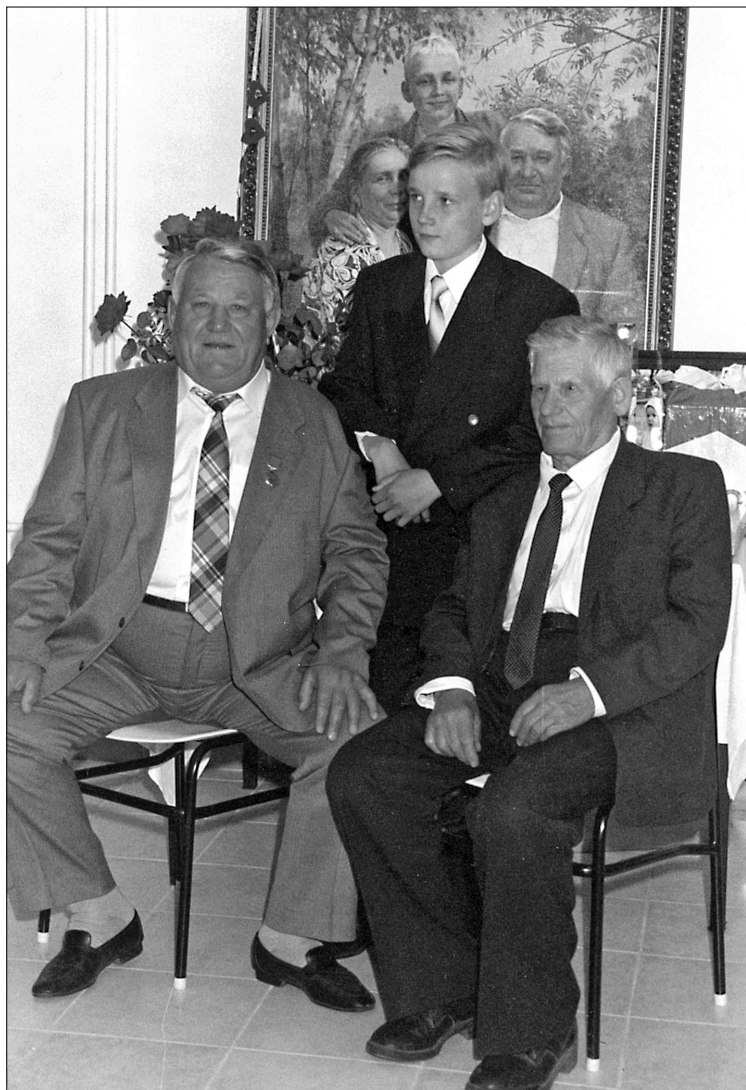
*Любовь Петровна Павлова с сыном Василием и внучкой Вероникой,
2005 год*

цефабрика и другие предприятия, необходимые для жизни и работы комплекса «Тесь». Открылись лагеря для отдыха детей.

Сфера деятельности администрации объединения распространилась на южные районы Красноярского края, Кемеровскую область, республики Хакасия и Тыва. Новые рабочие места заняли местные жители и норильчане. Норильский комбинат существенно стал влиять на экономику и развитие юга Красноярского края. Сельскохозяйственная продукция стала поступать и в Норильск. Василий Васильевич Павлов в той непростой экономической и политической ситуации сделал все возможное, чтобы намеченные планы развития этих мест свершились. К сожалению, после смены собственника РАО «Норильский никель» положение комплекса «Тесь» (а это непрофильный актив «Норильского никеля») изменилось к худшему... Василий Васильевич, насколько это было возможно, сопротивлялся... Он не смог довести задуманное до конца – отпраздновав свое 60-летие в 1996 году, в следующем он скончался.

С тех пор прошло немало лет. В отцовском доме в Минусинске живет дочь Светлана с семьей. Она преподает в вузе, закончила аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию. После окончания в Оксфорде экономического университета (этого так хотел отец!), сын Василий работает в английской фирме в Испании. С ним живут мать, Любовь Петровна, и дочь Светланы. Добрую память о муже, отце, дедушке хранят все.

В наших семейных архивах сохранилось немало коллективных фотографий. Мы все вспоминаем норильские годы как плодотворные. Знаю, когда Василий Васильевич видел результаты труда своего многотысячного коллектива, он был счастлив. Он знал цену этих успехов и всегда с уважением относился к настоящим профессионалам: С.П. Рохимову, который после него заступил на должность руководителя УЖКХ, В.М. Шрамову, С.А. Лесиной,

*Три поколения Павловых:
Василий Андреевич (справа), Василий Васильевич (слева).
Самый младший Василий стоит за их спинами*

А.И. Акантьеву, А.А. Меньшикову, О.М. Журавлевой, Г.И. Павловой, В.А. Зобниной, Н.М. Филатовой, В.И. Ключиной, В.А. Чунтоновой, А.Г. Измestьеву, Е.А. Романенко, В.В. Сергееву, Р.Д. Козыреву, З.К. Мсоевой, Н.К. Полищук... Разве всех перечислишь... Но все, кто в разные годы по самым разным делам сталкивался с Василием Васильевичем, тепло вспоминают его и пережитые вместе с ним успехи и неудачи, поддержку товарищей и коллег, общие праздники... Все это составляло жизнь норильчан долгие годы.

Владимир Федорович Веревкин — выпускник норильской школы № 1 1954 года. В настоящее время заведующий кафедрой «Электрооборудование судов» Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (Владивосток), профессор, доктор технических наук, доктор транспорта, академик Российской академии транспорта, академик Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, действительный член Британского института морских инженеров, ученых и технологов, отличник высшей школы СССР, почетный работник Морского флота СССР, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, действительный член Русского географического общества, член морского собрания города Владивостока, член Профессорского клуба ЮНЕСКО Владивостока

Мама с папой на скамеечке возле нашего дома во Владивостоке

Моим родителям
Харитине Яковлевне Веревкиной
и Федору Павловичу Веревкину
посвящается

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Я продолжаю жизнеописание семьи Веревкиных, начатое в книге одиннадцатой издания «О времени, о Норильске, о себе...». Перенестись в 1950-е годы помогают обычные для того времени справки, без которых человек не имел права выехать из Норильска, а вернуться обратно было нельзя без документа, удостоверяющего, где вы были и с какого по какое число. Ранее я писал, что в Заполярье мама часто болела и ей было необходимо серьезное лечение. В 1949 году она двадцать дней пролежала в больнице и пробыла на бюллетене почти три месяца.

На курорт тогда попасть было довольно сложно, для этого мама обратилась с просьбой к начальнику Норильского комбината В.С. Звереву. Путевку ей выделили, и она ездила лечиться в Кисловодск. Чтобы купить билет на самолет, нужно было иметь отпускное удостоверение или какое-либо официальное письмо с места работы. На обратной стороне отпускного удостоверения позже было написано: «Пробыла в доме отдыха с 3/VII по 26/VII. Нач. Дома отд. Лебедев». А авиабилет она получила, только предъявив просьбу директора школы № 1 О.М. Луговой о выделении маме билета на самолет.

Я уже описал жизнь нашей семьи и работу мамы в Норильске, теперь хочу, насколько возможно, подробнее описать папину жизнь. В семейном архиве сохранились документы, письма и воспоминания о нем.

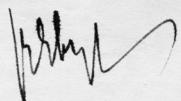
НАЧАЛЬНИК
Норильского комбината

Норильск 1950г.
№ 16-11

Тов. ВЕРЕВКИНОЙ
Здесь: Горстрой, Севастополь-
ская № 2 кв. 16

Ваше письмо о предоставлении Вам путевки на курорт направлено мною председателю Окружного Профсоюза тов. ЕРЕМЕНКО М.Ф. с просьбой выдать Вам путевку.

/Возверев/

ОТПУСНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Р.С.Ф.С.Р.
НОРИЛЬСКИЙ РАЙОН
СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 1
Дана Веревкиной Харитине Яковлевне
в том, что она работает учителем Норильской средней школы № 1 и находится в очередном трудовом отпуске с 24 июня по 31 августа
Обязана явиться по месту работы 25 августа.

№ 121
1950г.

(Печать: Р.С.Ф.С.Р. Норильский район, Директор школы № 1)

/Шадрин./ /Сухомлинов/

Р.С.Ф.С.Р.
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
НОРИЛЬСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 1
7 июня 1953г.
№ 600
п. Норильск
Дудинского р-на
Красноярского края

В БУРО ОБСЛУЖИВАНИЯ
тов. СОЛЕНКОВУ

Просим включить в список на получение билета на самолет учительницу Норильской средней школы № 1 Веревкину Харитину Яковлевну.

директор: А.И. ДУГОВАЯ

Документы, удостоверяющие жесткий режим
закрытого города на Таймыре

ПАПА В НОРИЛЬСКЕ

В новой гражданской жизни папа освоил профессии горного и железнодорожного мастера. Его трудовой путь уже не заключенного, но уже вольнонаемного (но пока без права выезда из Норильска) после досрочного освобождения можно проследить по записям в трудовой книжке, которую мы сохранили в семейном архиве.

Трудовая книжка отцу была выдана 18 августа 1951 года. В графе «профессия» было записано: «Горный мастер», хотя у него была и вторая гражданская профессия — железнодорожный мастер.

Как следует из последней записи, перед уходом на гражданскую пенсию папа занимал должность заместителя начальника карьера «Медвежий ручей». По трудовой книжке стаж отца на Норильском комбинате исчисляется с 25 июля 1946 года, а из отцовских писем следует, что в Норильск он попал в 1939 году. Стаж стали исчислять только после его освобождения из лагерей.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ	
№ записи	Дата			работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число		
1					
				<i>Отсут. работы по найму в Норильский комбинат</i>	
				<i>Норильский комбинат</i>	
1	1946	И	25	<i>Н.В. найм. мат. по отвалу карьера №2</i>	<i>№ 46 от 5.9.46г.</i>
2	1947	II	1	<i>Найм. малярщика по отвалу кар. №2</i>	<i>№ 24 от 26.2.47г.</i>
3	1947	III	1	<i>Начальник отвала кар. №2</i>	<i>№ 51 от 7.8.47г.</i>
4	1950	IV	1	<i>Начальник отвала кар. №2</i>	<i>пр. № III от 10.5.50г.</i>
5.	1953	IV	1	<i>Начальник отво на кар. №2</i>	<i>№ 280 от 31/07-53г.</i>
6	1953	IV	1	<i>Ведущий ереорантизации по решению Прав. изм. в сср в мера работн и</i>	<i>заказ. М.П. Перевз. и т.д.</i>
2				<i>Начальник Горного управления</i>	<i>орлов</i>

Трудовая книжка Ф.П. Веревкина

Отец не любил рассказывать нам, детям, об аресте, о лагерной жизни. Но иногда он говорил кое-что, но не делая упор на пережитых ужасах. Драматичные подробности мне пришлось узнать не от него, а от старших родственников, от его товарищей по Норильску. Сохранилась выдержка из обращения отца к председателю Президиума Верховного совета СССР в 1953 году (сохранился черновик этого обращения, написанный мамой, так как у отца с годами почерк стал не очень разборчивым).

«Я был арестован 4 октября 1937 года в городе Владивостоке. Работал в штабе 39-й стрелковой дивизии в звании майора..., членом ВКП(б) был с июля 1921 года. Мне предъявили обвинение в контрреволюционной агитации среди командного состава, когда я находился на курсах в городе Хабаровске в мае 1937 года. Суть дела состояла в том, что на политических занятиях я не согласился с выводами комиссара курсов Лось по вопросу государства при коммунизме в условиях капиталистического окружения.

Следствие по моему делу было закончено в начале февраля 1938 года. С делом я был ознакомлен и подписал его, ожидая суда. Виновым себя в проведении контрреволюционной деятельности я не признавал, так как не проводил ее, а только высказал свое мнение на политзанятии. В феврале 1938 года был опубликован ответ И.В. Сталина на письмо т. Иванова.

Это подтвердило правильность моей точки зрения. Я ожидал освобождения, но 25 апреля 1938 года следователь особого отдела 39 Тихоокеанской дивизии Фельдшеров, который вел мое дело, предъявил мне новое обвинение, мотивируя тем, что если я проводил контрреволюционную агитацию, то и вредил в частях дивизии. Тут же зачитал заранее написанный протокол и предложил подписать... Я протокол отказался подписать, несмотря ни на какие меры, применявшиеся ко мне следователем Фельдшеровым.

(Один раз, со слов отца, после жестоких мер физического воздействия, отец схватил табуретку и заявил, что если следователь еще раз тронет его, то он приберет его. После этого к отцу следователь использовал другие «методы».)

25 июля 1938 года меня снова вызвали на допрос и предъявили новое обвинение в том, что я состоял членом военно-фашистской организации в частях дивизии. Я отрицал это обвинение. Вызвали на очную ставку сослуживца по дивизии майора Луху О.М., который тоже был арестован и якобы показал на допросе, что имел задание от командира и комиссара дивизии Фирсова завербовать меня в военно-фашистский заговор, и я якобы дал ему согласие. При этом Луха подчеркнул, что вредительских заданий я никаких не выполнял. Так был составлен протокол очной ставки. Предъявленное обвинение и показания свидетеля Лухи я считал выдумкой. Следствие на этом было закончено. С содержанием дела меня не знакомили, и я его не подписывал.

27 августа 1938 года мне вручили заключительное обвинение, в котором я обвинялся в измене Родине и вредительстве в частях дивизии. Свидетелями значились Луха, Ипатов, которого я не видел с сентября 1937 года с момента его ареста, и Федоров, которого я никогда не знал и не знаком был до ареста, а перед судом мы с ним оказались в одной камере. На мой вопрос о том, что он обо мне знает, Федоров ответил, что он меня не знает, а показания дал по принуждению следователя Фельдшера.

27 августа 1938 года меня судила выездная сессия военной коллегии Верховного суда. Суд проходил при закрытых дверях. На суде я был ровно одну минуту. Мне было задано только два вопроса:

1-й вопрос: «Обвинительное заключение получил?»

Ответ: «Получил».

2-й вопрос: «Виновным себя признаешь?»

Ответ: «Не признаю».

Председатель суда заявил, что суду все ясно, и меня вывели из зала суда, а через три часа меня привели снова в зал суда и зачитали приговор. Я получил 10 лет строгой тюремной изоляции и 5 лет поражения в правах с конфискацией личного имущества (статья 38.10).

Наказание я отбыл полностью за несовершеннонное преступление. Получил паспорт с 39 статьей паспортного режима, а 5 мая 1951 года его у меня отобрали и приписали к поселку Норильск Красноярского края на неизвестный срок. Работаю в горнорудном предприятии...

Жена моя является преподавателем средней школы... Старшая дочь работает преподавателем средней школы в городе Владивостоке. Вторая дочь учится на 4-м курсе Новосибирского сельскохозяйственного института. Там же учится на первом курсе и сын. Второй сын учится в 9 классе Норильской средней школы № 1. Младшему сыну пять лет. Старшие четверо детей являются комсомольцами.

И всем им я являюсь препятствием стать полноправными членами нашего советского общества. Везде их упрекают в том, что они имеют преступного отца, но я не виновен. Работал в заключении честно и добросовестно, за что имел скидку на 1 год и шесть месяцев. Получил грамоту лучшего производственника в своей профессии по Норильскому комбинату.

С момента суда и до 1945 года мною написано и послано в высшие органы нашей власти 16 заявлений, но ответ я получил только один в 1941 году, в котором сообщалось, что моя виновность подтверждается свидетельскими показаниями, а посему мое дело пересмотру не подлежит.

Сообщаю, что показания свидетеля Игнатова я не знаю, так как мне его никогда не зачитывали, а свидетель Федоров сообщил мне в тюрьме, что показания дал по принуждению следователя. Сообщение Лухи на очной ставке явилось ложью. Луха показывал, что в начале 1935 года получил задание

от командира дивизии Фирсова завербовать меня в заговор, и я якобы дал согласие летом 1935 года вступить в военно-фашистскую организацию. В моем послужном списке значилось, что я прибыл на службу в 39 Тихоокеанскую стрелковую дивизию только 19 сентября 1935 года. Как же Луха мог завербовать меня до прибытия в дивизию?

Из писем, полученных мной в 1940 году, я узнал, что Луха освобожден из-под ареста по неизвестным причинам еще в 1940 году. Я прошу пересмотреть мое дело и снять с меня незаслуженно приписываемое мне пятно контрреволюционера.

Я прошу также предоставить мне возможность и моей семье выехать из Заполярья, где я живу с 1939 года, а семья моя с 1947 года.

Я имею возраст 55 лет и по состоянию здоровья нуждаюсь в лечении. Жена моя имеет тяжелое заболевание сердца и нервной системы. У нас есть еще сын пяти лет, которого мы хотим воспитать и вырастить достойным человеком нашей страны».

Добавлю к этому, что практически все командование 39-й Тихоокеанской дивизии было репрессировано, многие, в том числе командир дивизии Фирсов, были расстреляны. Вот что писала Вера Филимонова в газете «Беспредел» под рубрикой «Память» в феврале 1997 года во Владивостоке: «В камерах неделями не выключали электрический свет, отбивали пальцы дверью, по 10 дней держали в «стакане» (пытка, при которой чудовищно отекали ноги, так как «стакан» — это очень узкая камера, в которой можно было только стоять). Заключение Веревкин объявлял голодовку, а однажды, выведенный из себя, не сдержался и, схватив табуретку, бросился на следователя».

Папа до конца жизни мучился болезнью ног, полученной в «стакане». Из уссурийской тюрьмы папу перевели в Мариинскую тюрьму в Красноярском крае, где его держали до отправки на север. Папа рассказывал, что в Мариинской тюрьме в летнюю жару в камерах

*Федор Павлович Веревкин
в Норильске. Пятидесятые годы.
На нем гимнастерка, которую
мама сохранила после его ареста
и привезла в Норильск*

было очень душно, но форточки не открывали, так как тогдашний секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев заявлял, что «эти враги советского народа не должны дышать нашим воздухом». Вскоре и сам Косарев был арестован, но у заключенных к нему особого сочувствия не было. О том, как папу везли в Норильск, из-за действовавшей тогда цензуры он не мог писать ничего негативного. Мы старались представить это, когда пять дней плыли к нему по Енисею на теплоходе «Серго Орджоникидзе», мы своими глазами видели условия перевозки заключенных, но это было

на теплоходе, а отца-то везли на барже значительно дольше. Нередко тогда баржи вместе с заключенными тонули. Так погиб дед моей жены П.И. Кулеш где-то возле Соловков.

В молодости до призыва еще в царскую армию отец работал укладчиком путей на строительстве Алтайской железной дороги, вероятно поэтому в Норильском лагере его вначале определили на строительство железной дороги Дудинка-Норильск. Чтобы не болеть цынгой, все заключенные пили хвойный квас — настой из еловых веток, бочка с которым стояла у входа в барак. Однако, несмотря на это, у отца, когда мы встретились в Норильске, половины зубов не было. Несколько раз он был на волосок от смерти. Однажды он шел вдоль железнодорожных путей по

снежному коридору, о чем-то задумался и не услышал предупредительных гудков паровоза, а когда услышал, то мгновенно, не оборачиваясь, буквально влип в снежную стену. Еще секунда, и он бы погиб. Второй случай был в лагерной бане. Заключение делились на врагов народа (политических) и «друзей народа» (уголовников). Когда отец зашел помыться, то увидел, что все краны открыты, и из них напрасно льется вода. Отец закрыл краны и начал мыться, но тут к нему подошел какой-то зэк и приказал открыть краны. Отец ему возразил, что, мол, это не по-хозяйски, на что, заругавшись, зэк направил ему пальцы в глаза. Отец отбил пальцы от лица. Зэк разозлился и кинул в отца деревянной шайкой. Отец поймал ее и бросил обратно. Они перебрасывались шайкой, пока зэк не поскользнулся и не упал, а шайка оказалась в руках у отца. Отец поднял шайку над головой зэка, но чтобы за убийство ему еще не добавили срок, отбросил шайку в сторону и, одевшись, ушел. Зэк пообещал, что ему больше не жить. Как позже выяснилось, это был известный в Норильске уголовник по кличке Цынга. Койка отца была недалеко от входа в барак. Друзья предлагали отцу перебраться подальше от входа, но отец отказался, хотя чувство тревоги не покидало его. Дело кончилось тем, что Цынгу вскоре убили свои же...

Отца, уже работавшего вольнонаемным, поставили бригадиром на укладке путей. Контингент в бригаде был почти весь из уголовников. Особенно матерые принципиально не желали работать. Один такой набросился на отца с киркой, а другие зэки при этом смотрели, что из этого получится. Отец сам справился с нападавшим, уложил его на снег, после чего все стали слушаться бригадира. Почему, когда отцу пришлось вступать в единоборство с другими зэками, остальные не вмешивались? Оказывается, в воровской среде существовало правило: если конфликт затеял главарь, остальные при этом только наблюдают за дракой. Дело чести для главаря было

выиграть поединок без помощи остальной уголовной братии. Судя по тому, что отец выжил, он побеждал. Лагерные власти часто использовали уголовников-блатняков («друзей народа») для давления на политических, чтобы окончательно их унижить и подавить физически и морально. Но именно политические заключенные (враги народа) своим тяжелейшим трудом (так как они надеялись на досрочное освобождение), своими жизнями создали такое северное чудо как Норильск.

Политические были интеллектуальной элитой страны, волею тирана и его приспешников обреченной на каторжный труд. Основной инженерно-технический состав (ИТР) в Норильске составляли осужденные по политическим статьям, а по бытовым (опоздания на работу, «пять колосков» и т.п.), были основной рабочей силой. По сути это тоже политические з/к. Я неоднократно слышал выражение «Горный лагерь». Сначала я думал, что это имеется в виду лагерь в горах, но папа расшифровал эти слова по-другому: ГОРный лагерь — это государственный особорежимный лагерь. От отца я слышал также, что самые страшные лагеря были на Кайеркане и Каларгоне.

На работе отца ценили, и когда в 1948 году началась новая волна репрессий по отношению к уже освободившимся из заключения, за него вступился заместитель главного инженера Норильского комбината по горным работам Игнат Васильевич Усевич, поэтому папу из Норильска не выслали еще подальше, хотя, как стало позже известно, папу в 1951 году осудили еще раз и сослали (должны были сослать) на поселение, но благодаря защите И.В. Усевича, он остался в Норильске. Привожу отзыв И.В. Усевича о работе отца:

«Федор Павлович Веревкин работал в системе Норильского горно-металлургического комбината с 1940 года по 1955 год на руководящей технической работе по строительству и эксплуатации железнодорожных путей на рудниках открытых работ.

За этот пятнадцатилетний период работы он показал себя истинно советским патриотом, посвятившим всю свою трудовую жизнь интересам порученного ему дела и честному служению Родине». Смелая характеристика по тем временам! В высшей степени положительную характеристику Ф.П. Веревкину подписал и треугольник рудника «Медвежий ручей»: «За этот период он показал себя честным, инициативным организатором трудоемких путевых и горных работ в трудных условиях горного района Заполярья.

За время работ на рудниках открытых работ ВЕРЕВКИН Ф.П. имел благодарности и премии за хорошие показатели в работе.

Всю свою деятельность Ф.П. Веревкин проводил в контакте с общественными организациями предприятия».

Отец рассказывал такой анекдотический случай: однажды на открытом партийном собрании рудника, на котором обсуждались производственные вопросы, отца выдвинули в председатели собрания. Он поблагодарил, но заметил, что председателем быть не может, так как он исключен из партии. Отец вставал очень рано. В любую погоду шел на сборный пункт, откуда «черный воронок», слегка утепленный, увозил всех на «Медвежку», так сокращенно называли рудник «Медвежий Ручей». На нем шофер установил очень громкий сигнал (наверное снял с тепловоза), поэтому мы даже дома слышали, что «транспорт» прибыл. Возвращался отец поздно вечером очень уставшим, после ужина ложился отдыхать. В определенные дни отец как ссыльный поселенец являлся в комендатуру на отметку, но об этом знала только мама. В редкие воскресные дни, когда у него не было дежурства на руднике, он отдыхал.

Иногда по воскресеньям папа с мамой, а позднее с Алешей, ходили в гости к Кублицким или к Мартьяновым. Или они приходили к нам. С Д. Мартьяновым папа сидел в лагере и после освобождения они

поддерживали хорошие отношения, хотя Мартьянов был значительно моложе папы. Об отношениях с Кублицкими следует рассказать особо. Как-то папа в городском автобусе заметил, что на него внимательно смотрит один человек. На конечной остановке на Октябрьской площади все вышли из автобуса, а мужчина подошел к нему и спросил: «Майор Веревкин?», на что папа ответил тоже вопросом: «Полковник Кублицкий?». После чего они обменялись крепким рукопожатием и стали расспрашивать друг друга о путях, приведших их в Норильск.

Перед арестом отец служил в штабе 39-й стрелковой Тихоокеанской дивизии во Владивостоке в чине майора, а Владимир Амвросиевич Кублицкий в этой же дивизии был начальником артиллерии дивизии и имел звание полковника. Все командование дивизии было репрессировано. Кублицкому повезло, ему дали всего десять лет и отправили на Колыму. Какое-то время провела в тюрьме и его жена Надежда Степановна, а где в это время была их дочь Неля (ровесница нашей Зои, они учились в одной школе), я не знаю. После десятилетнего срока заключения на Колыме, Кублицкого опять осудили, как многих других, и отправили на бессрочное поселение в Норильск, куда к нему приехала жена, а дочь где-то училась в педагогическом вузе.

От В.А. Кублицкого я впервые услышал о Сталине непривычное для того времени мнение. Как-то я о чем-то спросил Владимира Амвросиевича, мол, почему и за что мы находимся в Норильске, а он ответил: «Это все уса́тый в Москве натворил». Для меня такое высказывание о Сталине было тогда шоком. Нам-то внушали, что «отец народов» непогрешим, а если что-то делается не так, то в этом виноваты какие-то другие враги, а Сталин — святой.

После реабилитации Кублицкие сначала выехали в Сталино (Донецк), там у них побывал наш Борис, а потом они переехали в Кишинев, где я у них побывал два раза, так как по роду своей работы мне приходи-

*Надежда Степановна и Владимир Амвросиевич Кублицкие.
После реабилитации Владимиру Амвросиевичу вернули воинское звание
с правом ношения формы и наградили орденом Ленина*

лось бывать в Одессе, а там до Кишинева рукой подать. В.А. Кублицкий мне много рассказывал о Норильске. Когда наш папа умер, я сделал к его памятнику рисунок. Он настолько понравился Владимиру Амвросиевичу, что он завещал и ему изготовить такой же надгробный памятник. В.А. Кублицкий ушел из жизни в 1967 году, раньше Надежды Степановны, и сейчас в Кишиневе живет его дочь с внучкой.

Как-то Кублицкий пришел к нам с несколькими мужчинами. Они с родителями о чем-то так оживленно беседовали, что я прислушался к их разговорам. Высокий, худощавый и седой с военной выправкой человек оказался генералом. Звали его Николай Иванович, он до ареста был военным атташе в Канаде. Посадили его за то, что из посольства перебежал к американцам его подчиненный офицер-шифровальщик. Знаю, что после окончания срока заключения Николаю Ивановичу разрешили вернуться в Москву. Странно, но его официально не лишили ни звания, ни наград, и в 1952–1953 годах все ему вернули.

Второй мужчина средних лет оказался бывшим торговым моряком, за что его упекли в Норильск, не знаю. Он мне рассказал, что неоднократно бывал в

Америке, называл порты, которые он посещал (Нью-Орлеан, Сан-Франциско и др.). От этих названий и от присутствия человека, который там побывал, у меня захватывало дух. Мне казалось тогда невероятным, что наши люди могут там бывать, и я удивлялся, как этот человек еще находится на свободе (если жизнь на поселении в Норильске для моряка считать свободой). Я не предполагал тогда, что пройдет каких-то десять лет, и я побываю во всех океанах и многих морях, буду ходить по улицам самых известных городов мира. Но все это будет потом...

Папа несколько раз брал меня во время каникул на работу, так что я знаю, что такое путеукладчик, рихтовочная машина, как она работает, почему опасно работать подвижному составу на железнодорожных путях, проложенных на рудничных отвалах. Техника на рудниках была почти вся американская. Помню, что узкоколейные паровозики называли «Германами» и «Тамарками», а ширококолейные «Еленами». Как-то я приехал к отцу на рудник. Он был занят, и меня провел по территории Эммануил Аронович Левин. До ареста он работал в Донбассе чуть ли не начальником шахты. Его жена, дочь Алла и сын Юра жили недалеко от нас. Я учился в одном классе с

У этого водоема, оставшегося после работы экскаватора, я и мои друзья проводили много времени. Вдали видна одна из труб медного завода, а сбоку верхушки мачт высоковольтной линии

Юрой, мы дружили. Когда мы с Левиным ходили по руднику, прозвучал сигнал о начале взрывных работ. Помню, как мы спрятались в ковше экскаватора (около четырех кубометров объема), причем стояли здесь почти не сгибаясь, а Левин был довольно крупный мужик. В Норильске мы часто пробовали американский белый и почти безвкусный жир «лярд», сухой томатный суп Липтона в больших жестяных банках, американскую тушенку, а иногда нам перепадал и шоколад в круглых картонных коробочках. Пока была карточная система, в магазинах особенно купить было нечего, но на полках продуктовых магазинов всегда были консервы «Chatka» из крабов, которые норильчане почти не покупали. Для нас, дальневосточников, крабы были деликатесом, своеобразным приветом из далекого Приморья. Мама часто посылала меня купить баночку крабов. Продавщица спрашивала меня: «И что в этих пауках вы находите вкусного?».

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ НОРИЛЬСКИЕ

В сентябре 1947 года когда наша семья прибыла в Норильск, я стал учеником 4-го класса школы № 1. До этого я учился в селах Осиновка, Михайловка Приморского края. За свою десятилетнюю жизнь я только по разу был во Владивостоке и Уссурийске (тогда Ворошилове-Уссурийском). Я, деревенский мальчишка, был удивлен домами, условиями быта и самим Норильском.

Первой учительницей в 4-м классе была Мария Ефимовна Новак, спокойная и добрая. Правда, я один раз возразил, когда она сказала, что река Лена вытекает из озера Байкал. На карте истоки Лены так близко подходят к Байкалу, что можно было ошибиться при незнании точных сведений. Я высказался без всяких задних мыслей, учительница мне ничего не сказала, а дома мама порекомендовала мне замечания учителю на уроке не делать. Коллектив класса мне понравился, правда, меня первое время за японскую шапку дразнили самураем, но после новой

шапки все как-то успокоилось. Когда мы стали учить английский язык, я придумал себе кличку — Ропс. По-английски горе — веревка, ну а Rore's — соответственно Веревкин. Эта кличка сопровождала меня и после школы. Девчонки называли меня — Ропсик.

До школы добираться было довольно сложно. Сначала мы шли пешком от балка на территории лагеря, где мы жили, до места остановки поезда с открытыми вагонами. Мы с братом Борисом и мама с сестрой Леной забирались в думпкар и так ехали до места, откуда начинался удобный спуск с горы. Подъемник тогда почему-то временно не работал. Уже был снег, вниз с горы приходилось спускаться на чем придется. Внизу нужно было сесть на воронок, который довозил нас до Нулевого пикета. Оттуда на городском автобусе, в то время не более комфортабельном, чем воронок, мы ехали до Соцгорода, где тогда располагалась школа № 1. Нам повезло, довольно быстро маме выделили комнату в трехкомнатной коммунальной квартире в двухэтажном доме в самом конце улицы Севастопольской. Дальше нашего дома была, кажется, железная дорога, а за ней виднелись огороды и теплицы Иевского (по имени тогдашнего директора совхоза). И все равно путь от дома до школы и обратно был для нас довольно неприятным, особенно в холодное время. Мы с Борисом ухитрялись в пургу лицо обертывать газетой, в ней продырявливали дырки для глаз, а поверх газеты надевали шапку, крепко завязав тесемки шапкиных ушей. И так мы шли сквозь пургу.

Мы с Борисом акклиматизировались довольно быстро, вскоре нам папа принес лыжи и санки (по-моему, их папе на руднике сделали зэки), и мы, несмотря на любые морозы и пургу, катались в собственное удовольствие. 23 февраля в школе был костюмированный утренник, к нему папа привез с рудника макет пулемета «максим» — как настоящий, только из дерева и с деревянной трещоткой, имитировавшей пулеметные очереди.

От первого года учебы в Норильске остались в памяти несколько событий. Первое — пушкинский бал. Довольно удачно во многих местах школы были развешаны вырезанные из бумаги силуэты по мотивам пушкинских рисунков, а на окне вывели «заветный вензель О да Е». Школьники декламировали пушкинские стихи, разыгрывали сценки.

Второй случай. Я возвращался пешком из школы домой и шел с товарищем не по обочине дороги, а по целине метров пять правее. Снег в Норильске так быстро затвердевал, что по сугробам можно было ходить как по дороге. Вдруг я почувствовал, что меня что-то толкнуло, я упал в снег, что-то придавило ноги и отпустило. Когда я «очухался», то увидел на снегу след от автомашины, который проходил прямо через вмятину в снегу, где были мои ноги. Получается, что машина проехала по моим ногам, но так как ноги были вдавлены в снег, то особой травмы не произошло. Боль я почувствовал позже, когда пошел домой. Мой товарищ, который шел ближе к дороге, вообще не пострадал. Впереди шли девчонки из нашего класса, они видели, что со мной что-то произошло и на другой день в школе сообщили, что меня машина задавила.

Домой я дошел своим ходом. Все ужинали. Я увидел всех и заревел: «Вы тут сидите, а меня машина задавила!». На другой день меня сводили к хирургу. Рентген никаких повреждений кости на правой ноге не выявил, только было утолщение хрящевой части, которое сохранилось на долгие годы. Через день я пошел в школу. Помню, как учительница Полина Андриановна Тимофеева, увидев меня, чуть не свалилась со ступенек лестницы от удивления: ведь меня задавило машиной.

А мы с папой сходили на то злополучное место. След от колес грузовой машины делал большой крюк от трассы. Трудно представить, что шофер случайно отклонился от трассы, значит, мне повезло, что я остался практически невредимым.

Володя Веревкин, 5-й класс

С 4-го и по 10-й класс в конце учебного года мы сдавали экзамены. Таким образом, я в школе сдал не менее тридцати экзаменов. Все ученики ходили в форме. Младшеклассники носили форму серого цвета, а старшеклассники — черного с блестящими пуговицами. У девочек были коричневые платья с черными фартуками. По праздникам они надевали белые фартуки. Качество и стоимость материала для формы зависели от состоятельности родителей. Малообеспеченным ученикам форма выдавалась бесплатно. В то время

обучение в школах и в вузах было платным, суммы были незначительными, скорее, символическими, но в Норильске за все платил комбинат.

После завершения учебного года многие школьники получили путевки в пионерский лагерь «Таежный», такую путевку за очень малую плату родители купили и мне, а сестра Лена поехала в лагерь пионервожатой.

Пионерский лагерь «Таежный» располагался на берегу Енисея. Сначала нас на поезде довели до Дудинки, где мы пересели на теплоход «Иосиф Сталин», который нас довез до Атаманово. Мы жили в сосновом бору. Отряды располагались в деревянных бараках по дуге вокруг центральной площадки, на которой мы строились на подъем и опускание флага. В центре стояла столовая, в которой кормили довольно хорошо.

Плавание на теплоходе вверх по реке длилось не менее пяти-шести суток. В трюмах теплохода строили двухэтажные нары, на которых мы размещались с приличным постельным бельем. В этих же трюмах возили и заключенных. Я это видел своими глазами, когда мы плыли к папе, только условия у них были совершенно другие. А для пионеров на судне даже проводили экскурсии

У моей сестры Лены, пионервожатой, в подчинении был отряд детей моего возраста. Потому и меня потом перевели в ее отряд.

В Норильске жили две сестры Оскирко: Валя и Нина. Их отец был из репрессированных, работал

Наша столовая

Сестра Лена (справа) со своей помощницей Вале́й Оскирко

ветеринаром. Мать у девочек умерла, когда отец был в тюрьме, и сестер воспитывала тетка. Отец сумел как-то забрать их в Норильск.

На берегу Енисея сделали специальные деревянные решетчатые купальни. В них купались дети

*Пионерский отряд шагает со своим флагом и горном.
Впереди отряда — пионервожатый Слава Банашкевич*

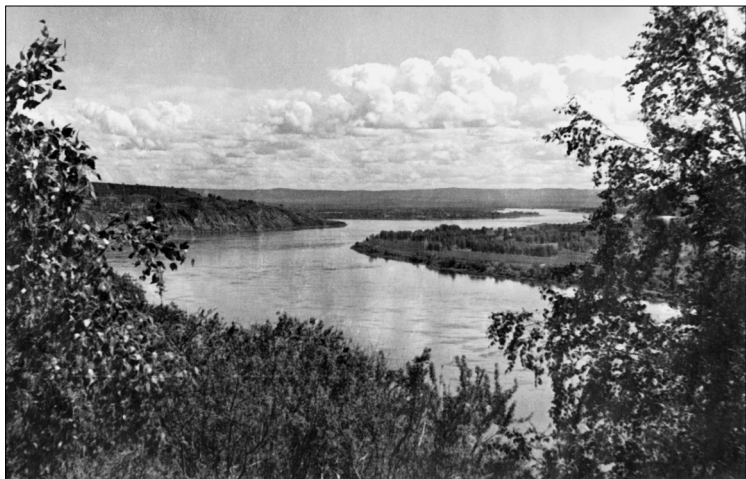
маленького возраста. Для старших буйками отгородили часть берега. В Енисее очень сильное течение и довольно холодная вода. Против течения плыть было практически невозможно. Несмотря на все это, нас из воды приходилось выгонять буквально насильно. А взрослые, например, наша Лена, даже переплывали Енисей. Сейчас она об этом вспоминает с ужасом. Из-за сильного течения желающим переплыть Енисей приходилось заходить вверх по течению несколько километров, тогда их течение выносило на противоположный берег примерно напротив лагеря. Для

Моя сестра Елена во время военной игры. Китель и пилотку вожакам выдавали, а погоны они делали сами. На обороте Лена написала: «Чин и сама не знаю какой». 20 июля 1948 г.

возвращения нужно было проделать ту же процедуру. В последующие годы Енисей неоднократно переплывал старший брат Борис, когда бывал в «Таежном». Я на такой шаг не решался.

Жизнь в пионерском лагере была довольно насыщенной: постоянно устраивались спортивные соревнования, военные игры, концерты. В «Таежном» произошел интересный случай. В Норильске с Леной познакомился парень по фамилии Раевский. Летом он был в Красноярске и узнал, что Лена находится в лагере, но денег на катер, чтобы добраться до места, у него не было. Тогда он соорудил из плавника плот и на нем сплавился от Красноярска до «Таежного», это более ста километров. Лагерь мне запомнился и тем, что помощник вожатого Володя Макаров, по вечерам читал нам «Двенадцать стульев» и «Золотого теленка». Мы возвращались в Норильск посвежевшими, загоревшими, изъеденными мошкой, которой в «Таежном» было несметное количество. Родителям привозили кедровые орехи, шишки, овощи — у кого были деньги.

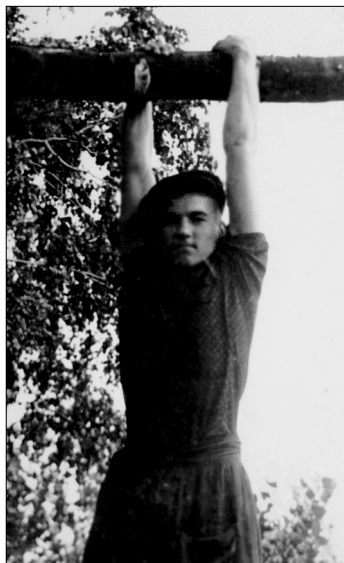
Такой Енисей в районе села Атаманово

На Енисее часто встречались длиннющие плоты, которые плыли по течению. На них жили плотогоны, видны были лодки, сохнувшее белье...

По этой дороге за лагерем мы убегали на берег Енисея, где у нас было укромное место, где мы вели долгие беседы «о жизни», кое-кто курил папироски

Я в подвешенном состоянии на дереве

*На березе сидят слева направо: Олег Попов, Володя Веревкин
и Юра Левин. Юра уже тогда курил*

Когда наша школа переехала в новое здание, в котором дети учатся и сейчас, то добираться до нее нам с Борисом (и маме) стало гораздо ближе. А когда мы въехали в новую квартиру на улице Севастопольской, д. 2, то школу стало видно из окна нашего дома.

Норильская школа № 1

С обратной стороны наша школа выглядела тоже неплохо. На эту сторону выходили окна спортзала (первый этаж), актового зала (второй и третий этаж) и зимнего сада (четвертый этаж).

Первый этаж справа — квартира директора школы, тогда там жил Б.Д. Сухомлинов

Улица Севастопольская начиналась от дома с аркой, через которую мы проходили в свою школу, через арку она просматривается. А жили мы в левом угловом доме, он тоже немного просматривается

На переменке. Слева я, в середине Вася Валув, а справа Володя Добровольский. К сожалению, до 10-го класса в нашей школе они не дошли

Я учился в ней с 4-го по 10-й классы. Состав учеников в нашем классе постоянно менялся. До выпуска я проучился только с Каратаевым Геней, Усевич Мирой, Тимофеевым Юрой, Скалигеровой Люсей и Зверевой Галиной. В разные годы в нашем классе появлялось немало ребят. Коля Амелин, племянник педагога А.Д. Илюшиной, приехал к ней из Ростова. Очень подвижный, общительный пацан. Он нам

рассказывал, что немцы Ростов брали дважды, и что они вдоль главной улицы укладывали рядами наши переломанные пополам автоматы ППШ. Юре Егорову почему-то дали кличку Енька, а Севастьянову — князинька. Мзия Бабуадзе почти не знала русского языка, за что мы ее очень жалели. Слава Гирбасов хорошо пел, особенно песню «Заветный камень»... Классными руководителями у нас были поочередно Лидия Васильевна Бузунова (литератор) и Августа Александровна Федотова (фи-

Нина Цурган из параллельного класса

Наш 8а класс. Верхний ряд слева: Элла Першина, Эмма Каплянц, Мира Усевич, Лиля Высотина, Гена Каратаев, Галя Зверева, Юра Левин, Вова Веревкин, Люба Близнякова, Алла Бузакова, Магда Туманишвили, Борис Подольский, Миша Савельев. Средний ряд слева: Тамара Фаюткина, Феликс Матяев, Костя Касаткин, Августа Александровна, Севастьянов, Неля Тимофеева, Володя Добряков. Нижний ряд слева: Егоров, Мисс Х, Алла Савченко, Люся Скалигерова. Другой вариант классной фотографии того же времени, но с Б.Д. Сухомлиновым и Д.В. Бузуновой приведен в статье Г. Каратаева в книге девятой издания «О времени, о Норильске, о себе...»

зик). Химию преподавали сначала Доня Александровна Волох, а потом Борис Данилович Сухомлинов. Он сумел нас заинтересовать химией. У меня было множество рецептов смесей, которые могли гореть любым цветом, и я на школьных вечерах иногда демонстрировал это. Делал самодельные петарды из бертолетовой соли. Рецепты я списал из старинной книжки по пиротехнике, которую давал мне почитать отец Нелли Брейтман. Однажды я сильно отравился хлором, и только квалифицированные действия преподавателя спасли меня.

До 9-го класса я был по росту ниже всех в классе, даже ниже девчонок. Они мне говорили, что когда они встретят меня лет через десять, то увидят низенького, толстенького и лысенького человечка. Прошло два года, и только некоторые одноклассники типа Юры Левина или Гены Каратаева остались выше меня.

Наш 9-й класс. Верхний ряд слева направо: Магда Туманишвили, Володя Вережкин, Юра Левин, Игорь Голубев, Феликс Матяев, Костя Касаткин, Олег Попов, Володя Добряков, Тамара Фаюткина, Лиля Высотина. Нижний ряд слева: Мира Усевич, Галя Зверева, Алла Савченко, Борис Данилович Сухомлинов, Августа Александровна Федотова, Эмма Капелян, Алла Бузакова, Люба Близнякова, Неля Брейтман

В 30-е годы за хорошую учительскую работу маму премировали патефоном «Виктролой» фирмы «Виктор» с изображением собаки, слушающей патефон. Когда нас в 1937 году выселяли из Владивостока, мама помимо необходимого домашнего скарба забрала с собой в Михайловку «Виктролу» с пластинками и библиотеку, в которой самой ценной была энциклопедия Брокгауза, а также толстенный том А.С. Пушкина. Они на нас, детей, оказали большое влияние. Вспоминаю маму — она вполголоса напевает романс на стихи Пушкина «Буря мглою небо кроет» и у нее наворачиваются на глаза слезы... Мы любили слушать пластинки с записями Лемешева, Батурина, Козловского и др. Я часто рассматривал цветные иллюстрации о неведомых землях и зверях. Так я знакомился с огромным миром...

Мои сестры научили меня читать довольно рано, почти в четыре года. Правда, уметь читать и понимать прочитанное — это разные вещи. Например, «Жизнь Клим Самгина» я читал трижды: первый раз в классе седьмом-восьмом, второй — будучи студентом-старшекурсником, а третий — во время долгого плавания в Антарктике. И каждый раз я обращал внимание на то, чего ранее не замечал... В «Таежном» я многому научился у художника лагеря. Каждый выпуск классной газеты я превращал в произведение своего искусства. Например, ко дню Конституции я выпус-

Мира Усевич и Галина Зверева. Парадоксы Норильска. Я, сын «врага народа», проучился все годы в Норильске с дочерьми двух очень крупных норильских начальников. Кроме меня еще семеро одноклассников имели репрессированных родителей, но между нами не было антагонизма. И те, и другие понимали ненормальность ситуации в стране

*Мои рукотворные марки. Нарисованы они были почти
на оберточной бумаге*

тил газету в обрамлении гербов всех 16 республик (тогда еще была Карело-Финская ССР), причем все гербы нарисовал в цвете и очень детально. Для этого я купил в книжном магазине специальный альбом «Гербы СССР». Рисовал эту газету я много дольше, чем она висела. Потом у меня появилась страсть копировать почтовые марки.

Папа, увидев мое увлечение, принес мне небольшой самодельный альбом, его изготовил кто-то из бывших зэков из листов ватмана, а обложка была из чертежной бумаги. На обложке были нарисованы акварелью и тушью цветы, а на первом листе каллиграфическим почерком было написано: «Да будут все страницы этой тетради прекрасны — жизнь твоя светла и радостна».

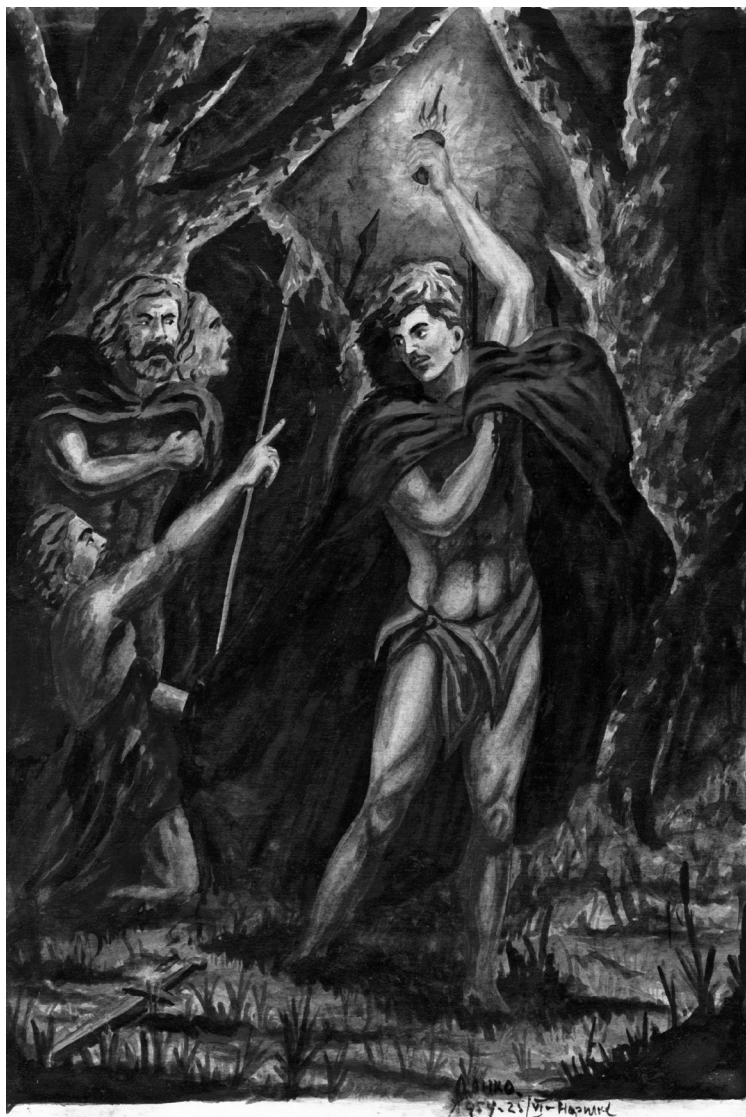
Моему интеллектуальному развитию способствовала норильская культурная среда. Школьные учителя были высококвалифицированными педагогами, до Норильска работавшими в крупных городах. Их мужья были репрессированы, отбыли сроки в лагерях и оставлены на вечное поселение. Только некоторые преподаватели были из «чистых». Учителя истории Клавдию Захаровну Иваницкую, маленькую изящную женщину в пенсне вспоминаю с благодарнос-

Моя акварель «Зимний вечер». Примерно 1950 г.

Закат на озере. Акварель. Примерно 1951 г.

Сердце Данко.

Эту акварель я нарисовал в 1952 году с черно-белой репродукции с картины Тондзе из книги о М. Горьком

тью. Мне нравилось рассматривать иллюстрации к «Божественной комедии» Данте, Клавдия Захаровна поясняла мне содержание иллюстраций.

В 5-м классе я подружился с Костей Касаткиным. Его отец был репрессирован — так попал в Норильск. Он был геологом, мама фармацевтом. Какое-то время они жили в Узбекистане, много рассказывали об азиатских обычаях, о природе и растительной среде. Я часами мог рассматривать иллюстрации в книге Алпатова «Всеобщая история искусств». Насыщенной была и культурная жизнь нашей школы, здесь проходили утренники, концерты, тематические вечера. Ходили мы во Дворец профсоюзов (Золото-профсоюз) — он был оформлен в стиле древнерусского терема. Запомнился мне концерт заезжих певцов Михаила Александрова, Георгия Виноградова. Артисты местного театра бывали у нас в школе. Например, выступали Лукьянов, исполнявший роль Ленина, отец Татьяны Русиновой. Я два года посещал школу балльных танцев и с удовольствием в школьном зале под духовой оркестр танцевал. Моей партнершей в танцах обычно была Алла Савченко.

Наша учитель танцев добивалась от нас не только правильных движений танца, но и хорошей осанки, грации и изящества, что бы мы ни танцевали — паде-грас, мазурку, краковяк, польку, танго, фокстрот или вальс. Аккомпанировал нам на рояле отец ученицы из параллельного класса Лены Дягилевой. Сергей Валентинович отбывал срок в Норильске и здесь его оставили на поселении. Лет десять спустя, в Ленинграде, вечером я побывал в саду отдыха у Аничкова дворца. На сценической площадке играл симфонический оркестр, и в дирижере я узнал Сергея Валентиновича. В антракте я прошел за кулисы и подошел к нему. Он почти сразу назвал меня по имени и фамилии. Мы с ним хорошо поговорили о жизни, прошлой и настоящей.

В школе довольно хорошо была поставлена и спортивная работа. Способствовал этому прекрас-

*Сергей Валентинович Дягилев дирижирует симфоническим оркестром
в саду возле Аничкова дворца*

ный спортзал. Помню физруков: в младших классах работал Сапунов, З.Ф. Тихомирова, в старших — М.Н. Вешняков. Часто проводили спортивные соревнования, а когда построили возле стадиона городской дворец спорта, начались междушкольные соревнования. Весной 1954 года наша школа заняла первое место, набрав 2640 очков, а второе место досталось школе № 4 (1748 очков).

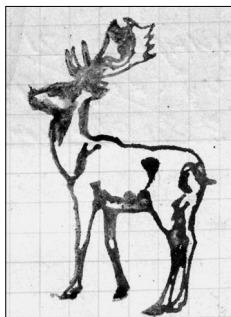
Зимой по вечерам центром молодежной жизни Норильска становился городской каток. Сюда мы ходили как в клуб — в любую погоду. Коньки брали в основном напрокат. У более состоятельных ребят были свои. Морозы были достаточно крепкими, и потому значительную часть времени мы проводили в раздевалке. Лучшие места всегда занимали старшеклассники. Они галантно помогали девочкам завязывать шнурки на ботинках, парами катались по кругу. Играла музыка, ярко горели фонари. От раздевалки к основному полю катка вела ледяная горка, съехать по которой и не упасть было нелегко. Лед был покрыт пылью от заводов и ТЭЦ, поэтому коньки приходилось точить чуть ли не каждый день. На лыжах мы

катались меньше: зимний день был очень коротким. Далеко из-за темноты, сильного ветра и морозов уезжать не получалось. Да и снежный покров (наст) был настолько твердым, что классической лыжни на снегу не получалось.

Мой брат Борис с несколькими одноклассниками как-то пошел на лыжах к Зуб-горе. Был уже поздний вечер, почти ночь, а Бориса все не было. Родители не на шутку заволновались, ведь были случаи, когда люди в тундре замерзали. Наш Борис явился домой почти к ночи, еле зашел домой и сел на пол. Родители сразу подумали, что он пьян. Но, оказалось, он настолько устал, что увидев нас, расслабился: силы покинули его. В классе восьмом, родители достали мне путевку на зимние каникулы в профилакторий Валек. Я не очень хотел туда ехать, но когда побывал там, он мне очень понравился. Группа школьников была из разных классов. Воспитательницей к нам приставили англичанку Нину Ивановну Голубцову, к которой мы относились довольно критически. Но как воспитательница она нам понравилась — вместе с нами каталась на санках, на лыжах, играла в снежки. После профилактория отношение к ней у ребят стало лучше.

Среди отдохнувших была старшекласница Лена Куликова. Я ей нарисовал какую-то картинку, а она мне подарила несколько печатей с изображением зверей. Одну из этих печатей я выбрал себе в качестве эмблемы, которую я ставил на свои книги и фотографии. Это я делал многие годы, и эта печать не раз помогала мне вернуть свои книги или установить авторство своих фотографий. Правда, насчет фотографий могу сказать, что за всю свою жизнь я сделал многие тысячи фотографий, и потому свою могу узнать из тысячи других.

Первый свой фотоаппарат «Комсомолец» я заработал, читая маме «Сагу о Форсайтах». С ее помощью

Стадо северных оленей. Фотография В.Н. Егорова

я овладел и проявкой пленки. Первая попытка оказалась провальной. О моей неудаче мама рассказала в школе, и на мое счастье откликнулась Александра Дмитриевна Илюшина. Она сказала, что ее муж Владимир Николаевич Егоров давно занимается фотографией, и мне поможет. Благодаря ему я постиг

*Птенцы в гнезде.
Фотография В.Н. Егорова*

фотографическую науку на всю жизнь. Со временем мои фотографии публиковались практически во всех центральных и местных газетах и журналах. Я был призером фотоконкурса «Фотомарина» в Одессе, журнала «Вокруг света», был участником ВДНХ СССР, неоднократным призером местных фотовыставок, имел несколько персональных выставок. Но

вернусь к Егорову. Он часто приглашал меня домой, где я ночью на кухне печатал свои опусы. Владимир Николаевич давал мне свой фотоувеличитель, реактивы и подсказывал мне, как лучше скадрировать снимок, как правильно определить экспозицию при печати, как скомпенсировать неравномерное освещение в кадре, и еще много чего он мне подсказал. С удовольствием повторяю, что В.Н. Егоров был моим первым главным учителем в области фотографии. Один из самых удачных наставников в моей жизни.

По профессии Владимир Николаевич был геологом, участвовал во многих экспедициях. В тундре

*Оленевод. Фотография
В.Н. Егорова*

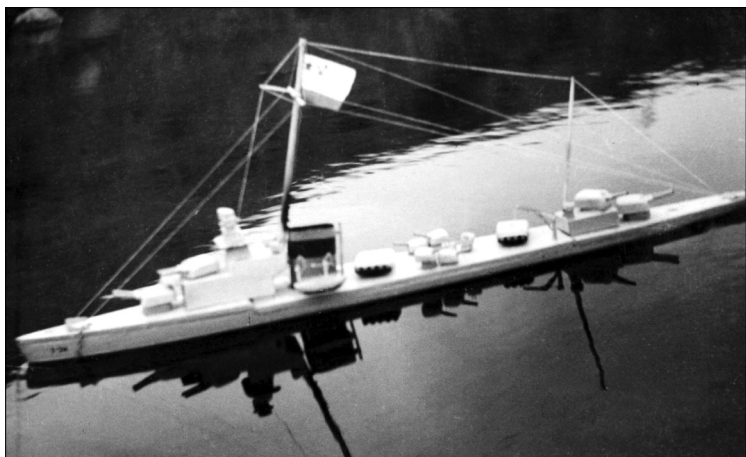
*На велосипедах едут Гарри
Ланкинен (справа) и Феликс
Матяев*

*Я в одном из старых карьеров за
школой, где была испытательная
лужа, со своей моделью эсминца*

Егоров отморозил пальцы ног, что отражалось на его походке. Роста он был высокого, наверное, поэтому немного горбился. Он был удостоен Ленинской премии. У меня до сих пор хранятся его фотографии тундры, оленей и даже есть снимок куропатки в гнезде, сделанный с очень близкого расстояния. Многие наши школьные фотографии, особенно во время праздника последнего звонка, выполнены им.

Я в школе увлекался и судомоделизмом. Сначала сделал парусник, но он затерялся на Долгом озере. Потом эсминец с резиновым мотором. Конечно, мои модели были намного примитивнее, чем у старших на класс Владимира Ройтера или Геры Дмитриева.

Моя модель эсминца на воде

И хотя у меня почти не было хороших инструментов, на какой-то городской выставке за модель эсминца я получил приз в виде отреза на рубашку. И очень этим гордился.

КОМСОМОЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ: «ТАЕЖНЫЙ»

Только одно лето я пропустил отдых в пионерском лагере. Мы бродили по тундре, катались на велосипедах. Как-то мы бродили по тундре и подошли

к медному заводу — почти к Щучьму озеру. Вдруг я услышал хлопок далекого выстрела, и над головой просвистела пуля. Потом был еще один выстрел... фыркающий звук. Как мы позже поняли, кто-то стрелял в нашу сторону. В Горстрое было много строительных площадок, на которых работали заключенные. Территория была обнесена колючей проволокой, по углам стояли вышки со стрелками. Наверно, один из них заметил далеко в тундре какое-то шевеление и на всякий случай пальнул пару раз. Если бы он в нас попал, ему бы ничего не было. Он проявил бдительность, там могли быть беглые зэки. Я это запомнил навсегда. Тогда мы сразу спрятались за холмами и ретировались в более безопасное место. Много лет спустя, когда во Владивостоке рвались боеприпасы на складах на Второй Речке, а мы жили совсем недалеко от арсенала и слышали звуки летящих «подарков», я вспомнил Норильск. После того случая мы бродили там, где не было зон, огороженных колючей проволокой со сторожевыми вышками. В основном это была территория у Долгого озера, район Щучьего озера и вдоль дороги на Валек. Один раз мы со старшим братом Борисом и маленьким Алешей, которого посадили в самодельную детскую коляску, обошли все Долгое озеро в поисках моей модели парусника, которую я пустил в озеро накануне, а парусник (трехмачтовый!) понесло ветром через все озеро по направлению к насосной станции.

Парусник мы не нашли, зато видели в тундре военные учения солдат. Они стреляли из стрелкового оружия, ползали по-пластунски, по сигналу ракеты бежали вперед и бросали петарды, имитирующие разрывы гранат. Я даже успел рассмотреть одну петарду: это тряпочный продолговатый, как лимон, предмет с торчащим хвостиком. Солдат, когда это было нужно, поджигал этот хвостик (кусок бикфордова шнура) и бросал вперед от себя подальше, где эта штука взрывалась с громким звуком. Тогда солдаты кричали «Ура!» и бежали вперед побеждать условного противника.

Окрестности вокруг Норильска, особенно в распадах, были скорее похожи на лесотундру, чем на классическую тундру. Летом на земле, покрытой толстым слоем мха, мы находили и ели морошку, клюкву и бруснику. Еще была ягода с оригинальным названием «засцыха», так как после употребления ее действительно хотелось оправдать ее название. Попадались и цветы, но они на севере не пахли. Мой старший брат Борис одно лето отдыхал с группой школьников на озере Лама, куда их доставили на гидросамолете. Так он рассказывал, что возле Ламы очень много грибов и — ни одного червивого.

В то время не быть молодому человеку комсомольцем было чем-то из ряда вон выходящим. Но для определенного круга ребят вступление в комсомол было проблематичным. Мои родители были коммунистами не номенклатурными, а убежденными и правильными. Не буду сейчас разводить дискуссию об этом. Если отбросить формалистику, которой было в комсомоле предостаточно, то положительного в этой организации было, по-моему, больше. Для молодежи

Окрестности Норильска. Вдоль речек и у озер было очень красиво

обязательны свои организации — сначала пионерская (пусть под другим названием), затем для ребят постарше. И пионерская, и комсомольская организации нас ничему плохому не учили, и тогда молодежь была под присмотром. Сейчас нет хороших молодежных организаций, поэтому имеем повальную наркоманию, алкоголизм и пофигизм.

Когда мне исполнилось 14 лет, и я, как все, подал заявление о вступлении в комсомол, родители очень переживали: примут меня или нет. В школе все прошло гладко, далее нужно было идти в политотдел комбината. Там меня люди в погонах спросили об учебе, о родителях и утвердили. Когда я пришел домой, все рассказал родителям и показал комсомольский билет, они с облегчением вздохнули. Накрыли праздничный стол с тортом, а в то время в Норильске достать торт, причем только песочный, было не так-то легко. Бисквитный торт с кремом я впервые попробовал позже в Ленинграде.

В комсомольский лагерь «Таежный» ездили практически все старшеклассники. В Дудинку из Но-

Такой состав нас увозил в Дудинку к теплоходу

рильска мы отъезжали от нового железнодорожного вокзала на поезде уже по широкой колее. В лагере нас размещали уже не в многоместных палатках, а в двух корпусах дома отдыха. Питались мы в столовой со взрослыми отдыхающими. Вместо вожатых у нас были воспитатели из наших же школьных преподавателей или со стороны. Одного из сторонних почему-то прозвали «гиперболой». Один год начальником комсомольского лагеря поехал директор нашей школы Бордан — Борис Данилович Сухомлинов. Культмассовую работу среди нас вел артист норильского драматического театра Семен Григорьевич Берлин — очень колоритная фигура во всех отношениях, нам он в шутку говорил, что его коронная роль — баба Яга в детских сказках. Он показывал, как он умеет преобразаться в зависимости от роли в убогого старика и молодцеватого спортивного человека.

Наш школьный учитель Михаил Вешняков (отчество забыл) был опытным и умелым физруком.

Снимок на память. В «Таежном» Б.Д. Сухомлинов (слева в верхнем ряду второй) и физрук М. Вешняков (сидит слева третий в нижнем ряду)

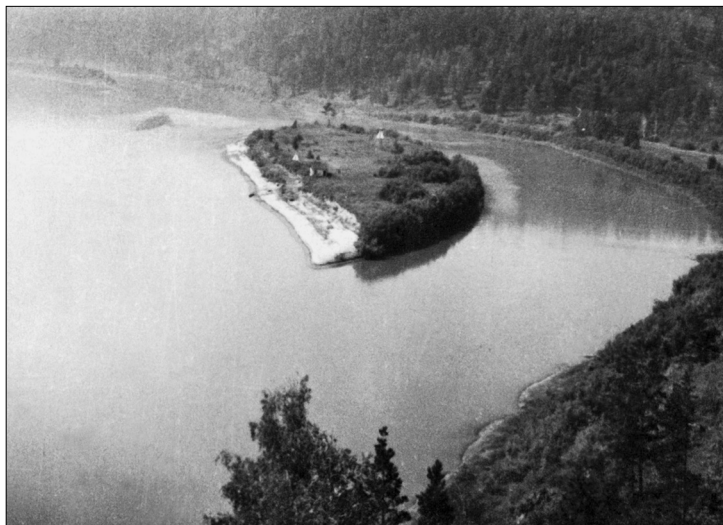
Вспоминаю такой случай. Мы прыгали через козла. Володя Гольдбрейх неудачно перевернулся в воздухе и буквально воткнулся головой в опилки. Он упал и не поднимался, глаза закрыл и неестественно склонил на бок голову, даже как-то захрипел. Возможно, у него сместились шейные позвонки. Вешняков подбежал к Володе, быстро схватил руками его голову и, придерживая туловище, умелым движением «вытянул» голову Володи, голова встала на свое место, и он буквально ожил. Своевременные и умелые действия учителя физкультуры помогли избежать неприятных последствий.

В комсомольском лагере. В двух таких корпусах мы жили в комнатах по три-четыре человека

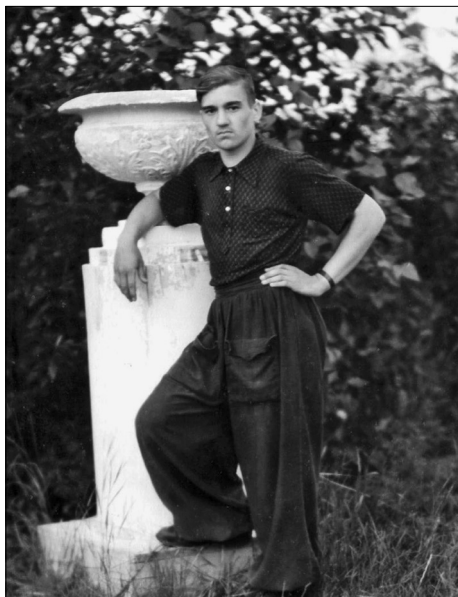
В футбол играл иногда даже я...

Купались мы в основном возле дома отдыха, но иногда ходили на остров, находящийся выше по течению села Атаманово. Причем нужно было переходить через очень крутую гору, буквально обрывающуюся в Енисей. Там нам было очень интересно, протока была мелкая и прогревалась хорошо

Вид на Енисей открывался из окон наших корпусов

Так я, В. Веревкин, выглядел в «Таежном». Тогда считалось модным иметь шаровары как можно большей ширины (как у запорожцев)

В 1953 году, как обычно летом, мы отдыхали в комсомольском лагере «Таежный». До нас доходили слухи о волнениях заключенных. Мама в лагерь прибыла позже нас. Она плыла на теплоходе, переполненном амнистированными уголовниками. Она пережила настоящий ужас от такого соседства. Об освобождении политических тогда еще речи не было.

ПРОЩАНИЕ СО ШКОЛОЙ

В 10-м классе мы уже всерьез задумались о своем будущем. В стране было неспокойно: умер Сталин, расстреляли Берию, в окружавших нас лагерях еще полностью не завершились волнения... В воздухе повеяло чем-то новым... В школе нам помогали в выборе профессии. На вечера приглашали специалистов с производства, из различных учреждений. Мне особенно запомнилась встреча с хирургом Владимиром

Евстафьевичем Родионовым. Это был высокий мужественного вида человек, он уже тогда делал операции на живом сердце. Мы его слушали, затаив дыхание. Его сын Виктор учился в классе на год старше нас. Нас водили на экскурсии на обогатительную фабрику (БОФ), на ТЭЦ, в то время одну из крупнейших в стране и в Европе. На ТЭЦ нас удивило, что уголь в топки превращали вначале в порошок и только потом вдвали в топку.

Из всех производственных экскурсий мне больше всего понравилась экскурсия на медеплавильный завод, тоже один из крупнейших в СССР. Нас познакомили с полным циклом получения чистой меди из руды. Я побывал с помощью двоюродной сестры Паши Бабиной (Унру) на экскурсии на хлебозаводе, а с папой посетил рудник «Медвежий Ручей». Так что в 10-м классе я имел некоторое представление о профессиях, но для себя решил: стану кораблестроителем. Я мечтал о море, делал модели, читал соответствующие книги. У Кости Касаткина я взял книгу З. Перля «Боевые корабли», и изучил ее вдоль и поперек. Выпускник нашей школы Герман Дмитриев поступил в ленинградскую корабелку, так что и я себя видел там студентом.

Коллектив нашего 10-го класса был хороший. Новый год мы как-то всем классом встречали на квартире у Каратаевых. После уроков ходили в новый дом пионеров, там был неплохой кинозал. Особенно запомнились фильмы «Школа мужества» по А. Гайдару и «Свадьба с приданым». Особенно нам нравились трофейные фильмы, всех покорила Тарзан. Мы в «Таежном» прыгали по кустам и горланили как он... Школьная знаменитость Леня Коган не терялся перед любой аудиторией: мог выступить убедительно и красноречиво. На наши аплодисменты он не реагировал, а о себе говорил: «Есть один Коган — знаменитый скрипач и второй Коган — знаменитый трепач».

Даже школьная жизнь в те годы не была свободна от идеологических «зажимов». Помню, когда боролись с космополитизмом, кто-то из продвину-

Это наш десятый класс в зимнем саду школы.

Верхний ряд (слева направо): Феликс Матяев, Юра Тимофеев (в руках он держит муляж головы обезьяны), Борис Подольский, Олег Попов, Костя Касаткин. Стоят: Мира Усевич, Тамара Фаяуткина, Лера Дрычкова, Нина Ивановна Голубцова, Гена Каратаев, Лиля Высотина, Эмма Капланян, Люба Близнякова, Неля Брейтман, Алла Бузакова (выше), Магда Туманишвили (ниже). Сидят: Алла Савченко, физрук М. Вешняков, Лидия Васильевна Бузунова, Евдокия Ивановна Мухина, Ольга Максимовна Луговая, Эля Першина. Нижний ряд (слева направо) Володя Вережкин, Володя Гольдбрейх, Юра Левин, Юра Коровин. Почему-то нет Августы Александровны Федотовой

тех школьников (кажется, Гена Каратаев) сказал что-то шутливое про одного из советских композиторов. Это дошло до кого-то, кто следил за этим, и в классе состоялось комсомольское собрание. На нем присутствовала классный руководитель Августа Александровна Федотова. Обсуждение-осуждение было достаточно вялым, нам посоветовали меньше общаться с заключенными, на что Юра Левин возразил: «А заключенные разве не люди?». В классе у многих учеников были репрессированы отцы, и мы понимали, что далеко не каждый заключенный — преступник. Собрание закончилось рекомендацией

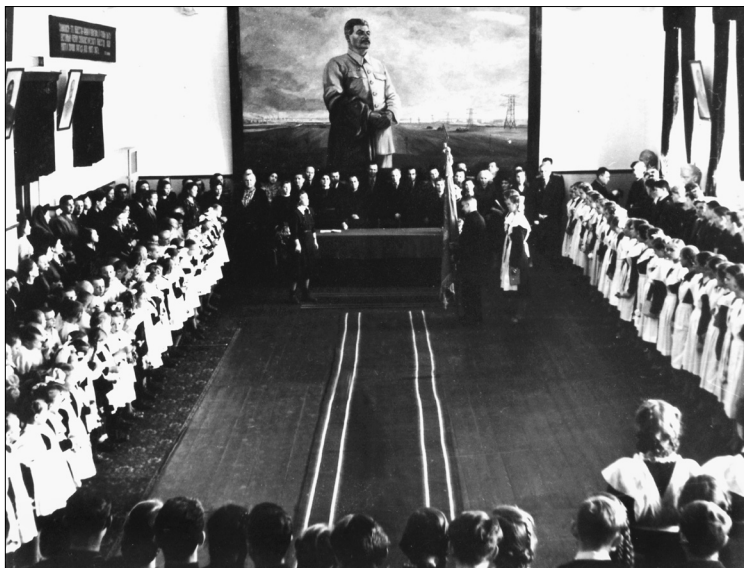
повысить бдительность и т.п. Особых оргвыводов не было. В школе были дети и «чистых», и «врагов народа». В нашем классе учились Галя Зверева, дочь самого главного в Норильске человека, и Мира Усевич, дочь заместителя главного инженера комбината. С ними у всех были очень хорошие отношения. У Гали я даже дома был как-то раз, а у Миры дома бывал неоднократно. Конечно, различия были кое в чем, например, в материале для формы. У одних девочек форма была из сатина, а у других из крепдешина. Но антагонистических противоречий не было, тем более, что Галя и Мира действительно учились хорошо.

Новый год в школе отмечали бал-маскарадом. В костюмах приходило мало ребят, но я еще в классе восьмом придумал наряд мушкетера. Шляпу склеил из папье-маше и выкрасил черной тушью. Шикарный плюмаж для шляпы я долго делал, вырезая тоненькие полоски из папиросной бумаги. Не помню уже, откуда у меня взялась рапира, а ножны для нее я спаял февкой из пластин чистой меди, позаимствованной во время экскурсии на медный завод. Методу дутья через трубочку пользуются ювелиры и стеклодувы, этому меня научил, кажется, Гера Дмитриев. Вид у меня был импозантный, ребят особенно интересовала моя рапира. Когда я танцевал, рапира и ее ножны, бывало, царапали девочкам чулки. Надевал я маскарадный костюм на школьной квартире Бориса Даниловича Сухомлинова. Натанцевавшись, я приходил туда переодеваться. За свой костюм я премий не получал, так как он не имел социальной нагрузки. Премию получали костюмы «голубь мира», «снегурочка», национальные костюмы. Зато фехтование надолго стало моим любимым видом спорта. Даже на китобойной базе, где я работал, занимался этим видом спорта.

Учебный год заканчивался. И вот настал праздник последнего звонка. В актовом зале в торжественной обстановке знамя школы передавали от десятых классов девятым. В прошлом году мне было доверено принять его у десятиклассников, а в 1954 году я пере-

Поединок на вертолетной палубе китобазы «Советская Россия» по пути из Антарктики домой. Я (слева) фехтую с мастером спорта Юрием Дерезенко. 1964 год — через десять лет после окончания школы Прекратил занятия фехтованием я только в 1986 году

Праздник последнего звонка

Я стою со знаменем

Все десятиклассники первой школы, учителя и некоторые родители в актовом зале школы сфотографировались после праздника последнего звонка. Я примостился в первом ряду слева четвертый, сидя между Юрой Тимофеевым и Олегом Поповым. Над нашими спинами сидят Б.Д. Сухомлинов, Н.И. Голубцова и И.В. Усевич, у него лауреатский значок на лацкане пиджака

дал знамя представителям девярых классов. Потом прозвенел последний звонок, первоклассники прикрепили нам белые цветочки. На память об этом дне у меня остались фотографии.

*Наш десятый класс во время праздника последнего звонка
с классной руководительницей Л.В. Бузуновой*

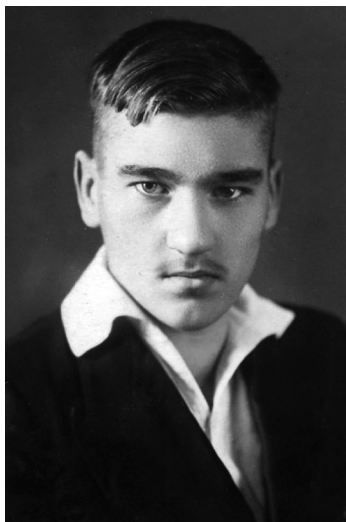
*Первая страница из памятного альбома, который был выдан каждому
выпускнику школы в 1954 году*

На выпускных экзаменах я получил только одну четверку, и потому я оказался среди девяти выпускников, претендовавших на медали. Через некоторое время из Красноярска сообщили, что за письменную работу по геометрии мне поставили только четверку, в результате мне вручили обычный аттестат зрелости.

Выпускной банкет проходил в зимнем саду. Выпускники сидели за длинным столом с одной стороны длинной клумбы, а наши родители и учителя — с другой. В левом нижнем углу видна радостная физиономия Сергея Брилева из параллельного класса, его сосед Женья Беляков открывает бутылку шампанского.

Я считаю, что в Норильске учился в самой лучшей школе. Здесь работал замечательный учительский коллектив, ученики были заинтересованы в учебе, способствовали этому прекрасные школьные помещения, высокая интеллектуальная среда в городе-лагере, образовавшаяся, правда, ненормальным путем. Я с благодарностью вспоминаю Ефима Николаевича Почекутова, привившего мне какое-то собачье чутье к правилам русского языка. Он нам рассказывал о войне, говорил, во что обходится каждый выстрел из орудия — почти равный стоимости хромовых сапог... Лидия Васильевна Бузунова литературе учила нас очень вдохновенно. Она любила читать отрывки из произведений. Нам не просто преподавали предметы,

*Вот таким я закончил
10-й класс Норильской средней
школы № 1 в 1954 году*

а старались привить потребность к учебе, к серьезным размышлениям. В памятном альбоме, врученном мне на выпускном вечере, была учительская фотография, которую я храню до сих пор.

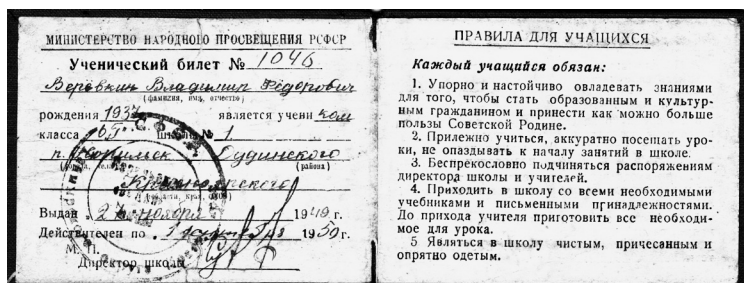
В Норильске мы, школьники, прошли даже более важный, чем школьный — жизненный университет. Хотя мы были детьми, но мы видели ужасы сталинско-бериевского режима. Я никогда не забуду серые колонны заключенных с нашитыми номерами, которые шли плотным строем, окруженные стрелками с автоматами и с собаками. Иногда по громкой команде или по выстрелу в воздух они вдруг строем падали в грязь, пока не следовала команда идти дальше.

*Коллектив учителей школы № 1. мамы среди них нет,
так как она в то время тяжело болела*

Слева направо верхний ряд: военрук В.В. Тихонов, математик С.М. Гнетулло (он, между прочим, с моим старшим братом в «Таежном» переплывал Енисей), литератор О.Я. Шадрина, физик А.П. Луценко, бывший директор школы Б.Д. Сухомлинов, преподаватель черчения О.А. Элиадзе. Нижний ряд: историк Суворова, директор школы на момент нашего выпуска О.М. Луговая, историк (?) Е.И. Мухина, наша классная руководительница физик А.А. Федотова, завуч А.А. Фаяюткина

Мой ученический билет. Такие билеты были у всех учеников норильских школ, и они в течение учебы в школе являлись нашим основным документом

Как-то я увидел лошадь с телегой, едва прикрытой брезентом, из-под которого свисали ноги и руки. Это везли покойников под гору Шмидтиху.

Мы, конечно, слышали и частично видели (пока летом нас не отправили на отдых в «Таежный»), волнения в норильских лагерях, черные флаги на строительных кранах... Нам тогда объяснили, что это бунтуют бандеровцы и бывшие полицаи. «Норильский университет» не только детей репрессированных родителей, но и детей вольнонаемных работников раньше делал более серьезными, чем наших сверстников на материке. С багажом школьных и житейских знаний мы покинули Норильск, чтобы поступить учиться в учебные заведения страны. Я с младших классов мечтал о море. К 10-му классу решил, что буду поступать в кораблестроительный институт.

Почему-то мы все очень торопились покинуть Норильск. Буквально на второй день после выпускного вечера многие из нас засобирались в дорогу. Мы с Юрой Левиным решили, что полетим вместе в Ленинград: я в кораблестроительный институт, а Юра — в политехнический. В аэропорту с многообещающим названием «Надежда» мы узнали о нелетной погоде, и вернулись домой. Вечером Юра по телефону сообщил, что самолеты вроде бы начали летать. Я послушно прибыл в аэропорт, но Юры там не оказалось. Народу в аэропорту скопилось много (даже сидеть было негде), и глубокой ночью я, устав до крайности, прямо на полу постелил газету и лег спать. А Юра приехал в аэропорт только утром. Оказывается, родителям он сказал, что возвращается со мной в аэропорт, а сам пошел прощаться еще раз со своей подругой. Так что я оказался прикрытием в его любовном приключении.

Мы летели в Красноярск на стареньком Ли-2. Сидели на металлических лавках вдоль бортов, когда самолет разгонялся при взлете, нас вдоль лавок сносило в хвост самолета, если крепко не держаться за края лавки. Никаких привязных ремней не было. Промежуточная посадка в Подкаменной Тунгуске запомнилась обилием комаров.

Шестьсот	Шестьдесят
Пятьсот	Пятьдесят
Четыреста	Сорок
Триста	Тридцать
Двести	Двадцать
Сто	Десять

тысячи	сотни	десятки	рубли
--------	-------	---------	-------

ПОЛУЧЕНО НАЛИЧНЫМИ РУБЛЕЙ:
ПРИ ВЫДАЧЕ ВСПЛАТНОГО БИЛЕТА ИЛИ В КРЕДИТ ПО ТРЕБОВАНИЮ, СЕТКА ОТРЕЗАЕТСЯ ПОЛНОСТЬЮ.

Бесплатно или в кредит по требованию №.....

Страховой сбор 2 руб. 50 коп. получен

АЭРОФЛОТ СССР

БИЛЕТ № 174604 Ж

ОТ АЭРОПОРТА.....*Киев*.....
 ДО АЭРОПОРТА.....*Москва*.....
 АЭРОПОРТЫ ПЕРЕСАДКИ.....

ФАМИЛИЯ.....*Возвлин*.....
 ЦЕНА.....*660* РУБ.
 (правильность взысканной суммы проверяется по линии отреза сетки)

РЕЙС №.....САМОЛЕТ №.....МЕСТО №.....
 ДАТА И ВРЕМЯ ВЫЛЕТА.....*21/VI*.....
 ДАТА ВЫДАЧИ.....*21/VI 1957* г.
 ВЕС РУЧНОЙ КЛАДИ.....КГ.
 М. П. *Кассир* (подпись разборчиво)

Так выглядели тогда авиабилеты. Мой стоил 660 рублей

В Красноярске достать билеты до Москвы было очень трудно, поэтому мы заручились рекомендательным письмом от И.В. Усевича к начальнику красноярского авиаотряда генералу Дзусову. Письмо сработало, и мы с Юрой до Москвы летели на комфортабельном Ил-14 с мягкими сидениями. Из Москвы поездом отправились в Ленинград.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

В Ленинграде училась в мединституте сестра Юры Левина Алла. Она вместе Таней Величко снимала небольшую комнатку в коммунальной квартире. Мы с Юрой у них устроились на полу. У обеих девушек уже тогда были кавалеры — курсанты Ленинградского высшего военно-морского училища имени Ф.Э. Дзержинского. Первой познакомилась с курсантом Таня при очень оригинальных обстоятельствах. Тогда курсанты в увольнение ходили с палашами. Как-то Таня торопилась сесть в трамвай, спешил заскочить в него и курсант. Его палаш попал своим

*Алла Левина (слева) и Татьяна Величко в студенческие годы
в Ленинграде*

концом в Танин бот — они вместе упали на дорогу, а трамвай уехал. Так они познакомились. У курсанта оказался друг, а у Тани была подруга Алла. Они стали дружить парами, а вскоре поженились. Фамилии девушек стали Прикладова и Ефимова.

На следующий день мы отправились по своим вузам: Юра в политехнический, а я в кораблестроительный. В первый же день я получил, говоря боксерским языком, «удар в челюсть»: оказывается, сюда принимают только с отличным зрением, а у меня в то время была близорукость примерно минус три. Что делать дальше? Я выбрал самую модную специальность — «Автоматика и телемеханика» и подал заявление в приемную комиссию. Мы получили место в общежитии на период сдачи вступительных экзаменов в институт.

В политехническом институте на экзаменах я набрал 28 баллов из 30. Проходной балл на мою специальность был 27, кроме того мы предъявили справку о том, что по постановлению правительства дети работников Норильского комбината, положительно сдавшие вступительные экзамены, принимаются вне конкурса и обязательно обеспечиваются общежитием. Так я

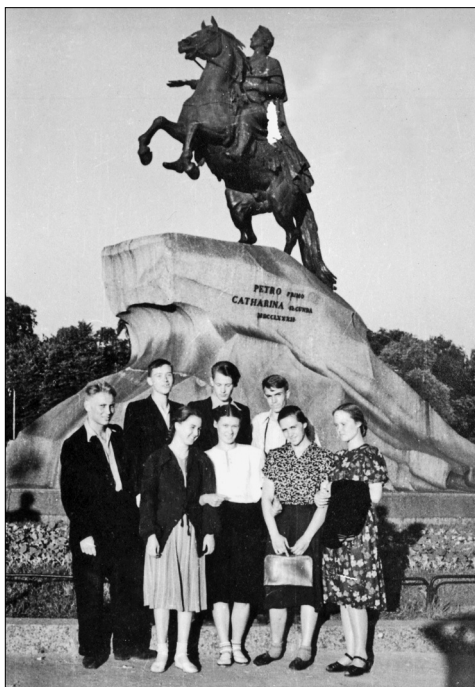
стал студентом электромеханического факультета Ленинградского политехнического института имени М.И. Калинина. Описывать студенческую жизнь не буду, она была очень интересной, но не входит в задачи моего нынешнего повествования. Скажу только, что еще не поступив в институт, я сразу же в «Гостином дворе» купил зеркальный узкоплечный фотоаппарат «Зенит», а к нему нужен был фотоувеличитель, красный фонарь, бачек для проявления фотопленок, и т.д. и т.п. Таким образом, мои денежные запасы быстро растаяли... Но мне повезло: меня нашел старший брат Борис. В Новосибирске он учился в сельскохозяйственном институте, но узнав от родителей, что я поступил в политехнический институт, он добился перевода в Ленинградский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Первое, что он спросил: «У тебя деньги есть?». С его помощью мы кое-как дожили до моей стипендии, благо арбузы покупали тогда по 5 копеек за килограмм и ели их с хлебом.

Город на Неве только недавно пережил все ужасы войны, поэтому встречались еще пустоты в кварталах от убранных разрушенных бомбами зданий, фасады многих домов еще не были приведены в нормальный вид, на стенах некоторых домов виднелись надписи, предупреждающие о том, что эта сторона улицы опасна при артобстрелах. Кварталы норильского Горстроя порой не уступали по облику ленинградским кварталам. Когда мы говорили об этом ленинградцам, они относились к нашим рассказам скептически. В Ленинграде собралась немалая группа норильчан. Студентами разных вузов стали Т. Румянцева, Г. Сафронев, В. Родионов, Г. Дмитриев и немало наших одноклассников. Мы часто встречались, делились норильскими новостями, бродили по городу, фотографировались у памятников, а фотографии посылали домой.

Когда мы рассказывали товарищам о Норильске, они слушали нас недоверчиво. Мы гордились горо-

*Бывшие норильчане, а ныне ленинградские студенты (слева направо):
Г. Гершунов, Ю. Захаров, В. Родионов*

*Слева направо: Ю. Товкун, Г. Каратаев, Ф. Матяев, Е. Беляков.
Имен девушек не помню, знаю, что крайняя справа Н. Цурган*

Слева направо: Ю. Левин, Б. Вережкин, Г. Дмитриев

*Норильчане студенты-политехники (слева направо):
Ю. Тимофеев, Зуев, Ю. Левин, Г. Алтухов*

дом, построенным за Полярным кругом по сути дела каторжным трудом, но в то же время являющемся огромным достижением человеческого ума и труда. Норильск стоит буквально на костях многих тысяч заключенных... Изменение в умах не только ленинградцев стало происходить только после первых публикаций в центральных газетах и журналах. Статьи Е. Рябчикова, В. Орловой и других читали многие. Красноречивы были и их названия: «Норильск — город в тундре», «Самый северный», «В краю полуночи», «На краю Сибири», «Огни в тундре»... Почему произошел такой информационный прорыв? В стране после смерти Сталина стали происходить важнейшие политические изменения, стало невозможно умалчивать о Норильске, Магадане, Воркуте и других местах массового заключения советских людей. О труде заключенных тогда еще вслух говорить было не принято, поэтому Норильск называли комсомольской стройкой, и для привлечения туда молодежи организовали широкую рекламно-информационную кампанию. Публикации «Норильск готовится к встрече молодых патриотов», «Триста минут и Вы в Норильске» приглашали в Заполярье молодежь. Я собирал первые

Грета Сафронек читает одну из первых открытых публикаций о Норильске

публикации о Норильске и в одном из своих альбомов сделал из них своеобразные коллажи.

Хождения по музеям и театрам, фотография занимали много моего времени. Мама писала мне: «Смотри, Вова, чтобы фото тебя не отвлекало от учебы. Пиши, где Магда, с кем ты имеешь переписку. Лапинский полгода не учился, а обманывал родителей. Причиной была любовь». Мама мне писала часто, мягко учила меня уму-разуму (мне вечно не хватало денег), сообщала последние норильские новости. Она беспокоилась, что я все не покупаю себе зимнее пальто. Его я так себе и не купил.

Магда Туманишвили. Она приезжала из Свердловска в Ленинград на зимних каникулах

ВЗРОСЛЫЕ ЗАБОТЫ О СЕМЬЕ И СЕБЕ

На зимних каникулах (начался 1955 год) мы со старшим братом Борисом поехали в Москву, чтобы продолжить хлопоты по папиной реабилитации.

В первый же день мы нашли Генеральную военную прокуратуру, из которой был ответ. Я записался на прием к прокурору. Майор в черной форме меня внимательно выслушал, задал несколько вопросов. Я краем глаза заметил, что против слова «майор», когда я назвал

Я в Москве гостях у Лоры Дрычковой

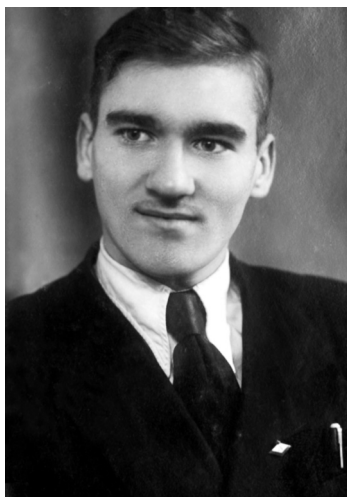
Неля Брейтман

папин чин до ареста, он в скобках поставил вопросительный знак и пообещал, что дело папы будет рассмотрено при ближайшей возможности.

Сделав важное для нашей семьи дело, мы с Борисом, несмотря на сильные морозы, стали ходить по музеям. Посетили Третьяковку, музей имени А.С. Пушкина, музей имени Дарвина, посетили знакомых норильчан и норильчанок, адреса которых нам были известны. После продуктивной экскурсии

в столицу вернулись в Ленинград.

Папе тем временем выдали чистый паспорт, но реабилитации еще не было. Случилась неприятность — у него в магазине из кармана этот паспорт вытащили, пришлось оформлять его заново. После его получения родители решили сразу уезжать из

Братцы-ленинградцы Веревкины

Норильска. После долгих споров решили поехать в Приморский край в Михайловку, где мама родилась и где жила ее сестра Ольга. Мне рекомендовали ехать поездом в Красноярск, остановиться там в гостинице «Север» и ждать прибытия парохода с родителями и Алешей. Вскоре все вместе поездом мы отправились в Приморье. Я провел лето в Михайловке, побывал во Владивостоке у Зои (она к тому времени с мужем жила там), а осенью вместе с папой поехал в Москву. Ему в Норильске дали путевку в подмосковный санаторий (но без права надолго останавливаться в Москве). Он посетил прокуратуру, где ему сказали, что вопрос о его реабилитации будет решен в ближайшее время. Папа вернулся домой, и в октябре 1955 года я получил одну из самых важных телеграмм в моей жизни: **«Реабилитирован 15 октября. Папа»**.

Норильский комбинат при отъезде выделил путевку и маме на курорт в Кисловодск. Поскольку это было зимой, отдохнув, мама заехала в Ленинград к нам с Борисом. Мы водили ее по достопримечательностям, в первую очередь по музеям. На втором курсе у меня созрела мысль перебраться во Владивосток.

Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ: 10 ч. м. ПЕРЕДАЧА: 10 ч. м.

Бланк № 67 № связи: Перешла:

Адрес: ЛЕНИНГРАД 21

ПРИЫТКОВСКАЯ 14 КВ

РК 47 НИХАЙЛОВКИ ПРИМОРСКОГО

204 12 22 0510

РЕАБИЛИТИРОВАН 15 ОКТЯБРЯ ПАПА -

Тип. 8 УКЛ, зак. 782

Сгит

Ленинград

Я, Веревкин Владимир, мама Веревкина Харитина Яковлевна и старший брат Веревкин Борис зимой 1955 года в Ленинграде

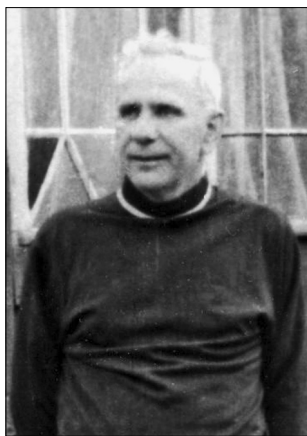
Папе обещали дать квартиру взамен отобранной при аресте. И меня все еще тянуло к морской профессии. Толчком к окончательному решению послужила экскурсия, организованная моим сокурсником Валентином Шахтариным на Канонерский завод. Мы ходили по заводу, рассматривали суда, многие из которых нам были знакомы по газетным статьям и кинохронике. В этот день из далекой Антарктики вернулся дизель-электроход «Лена», и мы случайно оказались свидетелями встречи этого судна ленинградцами. Цветы, оркестр, загорелые лица участников экспедиции, известные фамилии полярников — все это произвело на нас большое впечатление. Затем был открыт доступ на судно, мы его осмотрели, в том числе машинное отделение, особенно электрическое оборудование.

Я решил, что моя работа будет обязательно связана с морем. В справочнике для поступающих в вузы нашел информацию о Дальневосточном политехническом институте, а в нем электротехнический факультет, а на факультете, на котором есть специальность

«Электрооборудование судов». Написал письмо директору института, от которого пришел уклончивый ответ... Тогда я обратился напрямую в Министерство высшего образования СССР в отдел политехнических вузов. В своем письме я упирал на то, что родители выехали из Норильска в Приморье на постоянное место жительства, они уже пенсионеры... Мою просьбу удовлетворили. Папа считал, что ленинградское образование престижнее, а мама согласилась со мной, как и брат Борис, правда, не сразу. Ему оставалось учиться только год, а потом куда его пошлют работать, неизвестно. Однокурсники сожалели, что я покидаю их. С некоторыми из них я по-настоящему сдружился и до сих пор поддерживаю дружеские отношения.

С благодарностью вспоминаю и гостеприимство семьи Усевичей, которым я, по-моему, часто злоупотреблял. В гости в Мире ходил часто, наверное скучал по домашнему общению. Ее мама Анна Антоновна, всегда встречала меня приветливо, обязательно угощала вкусным обедом, и, хотя я иногда засиживался у них допоздна, ни разу как хозяйка не давала мне понять, что пора бы и честь знать. Игнат Васильевич Усевич после отъезда из Норильска работал в Горном институте, кажется, деканом. Он был лауреатом Сталинской премии. Мои родители переписывались иногда с Усевичами и после нашего отъезда из Норильска. Они очень уважали Игната Васильевича.

Два года учебы в Ленинграде существенно расширили мой культурный кругозор, я обрел много друзей, возмужал физически. Но никогда я не пожалел о том, что тогда сделал выбор в пользу Владивостока. Годы учебы здесь тоже были довольно интересными.

*Игнат Васильевич Усевич
на своей даче*

Я, навьюченный всяким походным снаряжением, путешествую по краю

Я и учился неплохо, и занимался всем, что меня интересовало: фотографией, в том числе цветной и подводной. Любил ходить с друзьями (которых у меня и здесь нашлось немало) в туристические походы. Еще студентом, я вступил в Географическое общество СССР, и в настоящее время являюсь старейшим Действительным членом Русского географического общества, но не по возрасту,

а по стажу. Я продолжил заниматься фехтованием, которое полюбил еще в Ленинграде, любил ездить на велосипеде, кататься на коньках и на лыжах. По сей день занимаюсь подводным плаванием и подводной

С подводными трофеями в гидрокостюме, так как был ноябрь, и на камнях даже видна наледь

охотой. Все это позволяет мне оставаться в нормальной физической форме.

Нашу группу на преддипломную практику направили в Ленинград. Ехали мы поездом весело, но долго. В Свердловске к нашему поезду пришла Магда Туманишвили: поговорили о нашей нынешней жизни, вспомнили норильчан-одноклассников. Она рассказала, что Гена Каратаев обосновался в Свердловске. В Ленинграде я встретился с Костей Касаткиным, который перешел с механико-машиностроительного факультета на экономический. Я часто бывал в его семье и в последующие годы. Петр Иванович, его отец, был репрессирован, в Норильске работал геологом, у него были больные ноги, и он вскоре умер. Костя в школьные годы был одним из моих лучших друзей, и эти отношения мы сохранили на долгие годы. Антонина Потаповна долго переписывалась с моей мамой.

По окончании института только я один из всей нашей группы выбрал работу на море: пошел электриком на вновь строящуюся в городе Николаеве на Украине Антарктическую китобойную флотилию «Советская Россия».

В январе 1957 года папе через военкомат дали во Владивостоке двухкомнатную квартиру, и родители с Алешей перебрались из Михайловки во Владивосток. Я в эту квартиру въехал раньше всех из студенческого общежития. В Михайловку папе пришли долгожданные документы о его полной реабилитации. Его восстановили в воинском звании майора с последующим увольнением в отставку, выплатили какую-то сумму, из которой папа мне сразу выделил на велосипед за мои настойчивые действия по его реабилитации.

За годы работы в Норильске папа заработал гражданскую пенсию и уже получал ее. Реабилитация позволила ему получать военную пенсию. Хотя папа в армии прослужил всего двадцать лет, но за период революции и Гражданской войны каждый год засчи-

г.к. Веревкин, ф.п.
Промышленник, с. елисейевск, ул. Демкина 61.

Форма № 30

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

СПРАВКА

13 декабря 1955 г.
№ 4н-012606/55
Москва, ул. Ворозского, д. 13.

Дело по обвинении ВЕРЕВКИНА Федора Павловича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 октября 1955 года.

Приговор Военной Коллегии от 27 августа 1938 года в отношении ВЕРЕВКИНА Ф.П. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ

А.Чепцов
/А.ЧЕПЦОВ/

ар

Справка о реабилитации отца

тывался в общий стаж как два года, а за службу на Дальнем Востоке — год за полтора. Военная пенсия получалась больше гражданской, и папа перешел на военную пенсию. Это давало еще ряд льгот: лечение в военных госпиталях, льготные путевки для санаторно-курортного лечения.

Кроме назначения военной пенсии, папа получил очень важную бумагу, ценность которой мы тогда не оценили. Папе выделялось безвозмездно на все времена 30 соток земли в пригороде Владивостока. Когда на семейном совете решалось, что делать с той землей, то я первый стал возражать против того, чтобы землю взять. Папа и мама тогда работать на земле в полную силу уже не могли. Зоя с мужем (Володину воинскую часть перевели в Хабаровск) были не в счет, Борис был в Ленинграде, Лена после сельхозинститута уехала по распределению в Бурятию. Оставался один работник — я. А у меня тогда никакой тяги к земле не было. В свободное от учебы время я увлекался многими вещами, но только не сельхозработами. Время показало, что я был сто раз неправ. Цены на землю

★
**ПРИМОРСКИЙ
КРАЕВОЙ ВОЕННЫЙ
КОМИССАРИАТ**

17 июля 1966 г.

№ 82-14084
г. Владивосток, Прим. края

МИХАЙЛОВСКОМУ РАЙВОЕНКОМУ

село Михайловка, Приморского края.

КОПИЯ: гр-ну ВЕРЕВКИНУ Федору
Павловичу

Село Михайловка, Приморского края,
улица Ленинская дом 61.

Для выплаты пенсии майору запаса ВЕРЕВКИНУ Ф.П. за период с 22 мая по 31 июля 1966 года, срочно вышлите справку из Михайловского районного отдела социального обеспечения с какого времени ему прекращена выплата пенсии и в какой сумме.

Гр-ну Веревкину Ф.П. сообщаем, что с получением справки из Михайловского райсобеса о прекращении выплаты пенсии по линии социального обеспечения, Вам будет выплачена разница в пенсии за период с 22 мая по 31 июля 1966 года.

Пенсия Вам назначена с 22 мая 1966 года в размере 1800 рублей в месяц и пенсионные листы на выплату пенсии с 1 августа 1966 года высланы 14 июля 1966 года в Михайловское отделение госбанка.

Кроме этого, Вам назначено два оклада единовременного пособия в сумме 4500 руб., которые будут Вам переведены почтой не позднее 20 июля с/года.

ВРНО. ПРИМОРСКОГО КРАЙВОЕНКОМА
ПОЛКОВНИК -

(ГОРЯЧЕВ).

НАЧАЛЬНИК Ф.О. КВК
ПОДПОЛКОВНИК и/с -

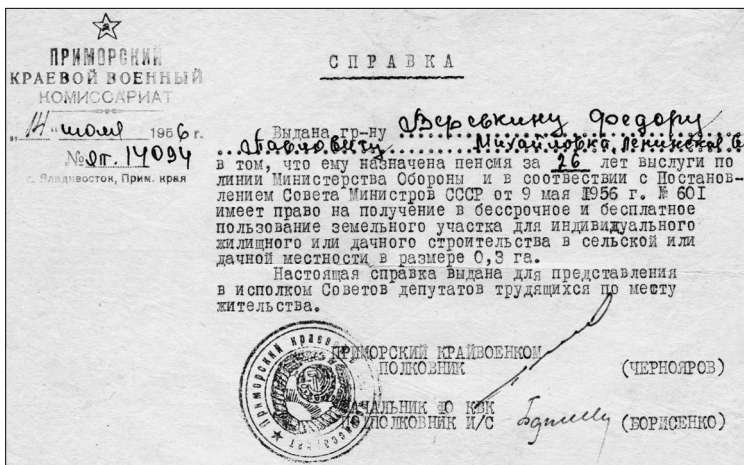
Борисенко).

исп. Перевекин
17.07.66г.
вз.

*Документ, который позволил Ф.П. Веревкину перейти
на военную пенсию*

в пригородах Владивостока возросли многократно. Теперь мой участок, условно называемый дачей, так как на нем нет пока приличного домика, находится в 50 км от городской квартиры. А мог бы быть почти рядом...

Сравнительно большую военную пенсию папа получал недолго, вскоре вышло постановление, урезающее размер военных пенсий, так что вместо

Вот эта тогда бесценная справка, а сейчас историческая реликвия, которую я так неосмотрительно не оценил

1800 рублей в месяц, папа стал получать 1485 рублей, все равно это было больше 1200 рублей гражданской пенсии. Пенсия у мамы после выезда из Норильска составляла 930 рублей. После полной реабилитации папа стал хлопотать о восстановлении его в рядах партии. Он написал письмо в ЦКК, оттуда ему ответили, что дело его передано в Дальневосточный военный округ. Вскоре папу вызвали в Хабаровск, где был штаб Дальневосточного военного округа, и там на окружной парткомиссии его восстановили в рядах партии без перерыва в стаже (с 1919 года). Отец признавался позже, что когда ему сказали, что он ни в чем не виновен, он заплакал и сказал только: «За что это все?..».

Мама с папой не сидели на пенсии без дела. Учительскую работу мама оставила, но со школой связи не теряла. Помимо всех неперенных домашних дел, активным наблюдением за Алешиной учебой в школе, они принимали участие в общественной работе. Папа по линии военкомата был нештатным представителем народного контроля и его побаивались домуправы. Мама по партийной линии была прикреплена к близ-

Мои родители Харитина Яковлевна Веревкина и Федор Павлович Веревкин в родном маминном селе Михайловке после выезда из Норильска. 1956 год

лежащей школе, в которой учился Алеша, и ее постоянно привлекали к общественным делам. Об этом я читал в ее дневниковых записях.

27 января 1962 года: «Сегодня была в 5-г классе, где провела беседу о 20 съезде партии. Класс самый отстающий. Встретили шумом. В классе грязно, дети вели себя свободно, не обращая внимания на присутствие пожилого человека. Но уже через пять минут были поглощены беседой. Я дала им возможность задать вопросы. Первый был о церкви, второй — о пьянке и третий о Сталине. На первые два вопроса ответила обстоятельно. Ответом удовлетворены. Третий увлек их до предела: не заметили, что кончились урок и перемена... Я пообещала еще придти к ним».

23 февраля 1962 года: «Провела в 4-х классах урок на тему «Тундра». Рассказывала о Заполярье два часа. Один ученик заявил, что когда вырастет и выучится, поедет работать в тундру. А ведь я излагала материал не только в радужных тонах».

16 ноября 1963 года: «Вчера вечером была на родительском собрании в школе. Завуч говорила не столько об учебном процессе, сколько о форме учащихся, о том, что девочки носят не черные банты, а белые, что мальчики ходят в школу в свитерах. Нельзя по этому поводу поднимать шум «на весь мир». Ученики ведь не солдаты...».

9 октября 1967 года: «Сделала доклад на родительской конференции на тему «Родительский авторитет». Слушали внимательно, даже аплодировали...».

Когда появились внуки, сначала у Бориса, потом у меня, а затем у Алеши, времени для посещений школы у мамы оставалось все меньше. И все же со школой она не теряла связи до последних своих дней.

Где-то в 1958 году мы купили телевизор, и мама с папой регулярно смотрели телепередачи. Мама много читала и периодику, и книг.

2 января 1966 года: «Продолжаю читать про Блюхера. До глубины души возмущаюсь беспорядком, царившим в годы культа личности. Нет слов, чтобы выразить презрение к подлинным врагам народа типа Берия. Как могло это быть у нас?.. Трудно понять все это, но надо...».

14 февраля 1968 года: «Провела беседу в двух классах о Блюхере. Слушали очень внимательно. Я лично видела Блюхера три раза. Поделилась с учениками своими впечатлениями. Мужу при аресте приписывали участие в военно-фашистском (?) заговоре под руководством В.К. Блюхера. Цель — отторжение Приморья к Японии (!). Когда папу арестовали, Блюхер еще год оставался на свободе».

У семейной фотографии В.К. Блюхера интересная история. Во Владивостоке был талантливый фотокорреспондент ТАСС А.Н. Назаров. Это был мой второй после В.Н. Егорова наставник по фотографии. Назаров этот снимок раньше не выставлял по понятным мотивам. Когда я на одной из местных выставок увидел, что на этом фото стоит дата 6 октября 1937 года, то попросил Алексея Николаевича подарить мне ее, ведь я родился на два дня раньше. На оборотной стороне снимка есть дарственная надпись А.Н. Назарова. Он мне подарил и другую фотографию того же времени: изображенный крупным планом Блюхер сидит в президиуме какого-то совещания. Выражение его лица задумчивое. Мало кто знает, что настоящая фамилия В.К. Блюхера — Медведев. А «Блюхер» — это прозви-

ще его деда за то, что он почитал немецкого маршала Блюхера, участвовавшего в окончательном разгроме Наполеона при Ватерлоо.

В маминых дневниках можно прочитать о настроениях минувших времен. Она писала: *«Я помню время с 1922 по 1937 год. Жили мы с мужем в Нерчинском полку, и за это время я не видела ни одного военного пьяным. А ведь страна в то время переживала большие трудности, но утешение искали не в*

В.К. Блюхер

водке. А сейчас пьют и комсомольцы, и коммунисты, и дети, и взрослые... Это хуже, чем война, которая рано или поздно заканчивается...». Мама вела обширнейшую переписку. 40–50 открыток и писем по праздникам было обычным явлением. Примерно четверть из этой корреспонденции была от норильчан. Приходили норильские новости от учителей, бывших учеников, от родственников, оставшихся работать в Норильске. Особенно много писем было от В.П. Бахтиной, О.Я. Шадринной, З.И. Волковой, Е.Г. Фишман, А.Н. Кашеваровой, А.П. Касаткиной. Писал иногда Б.Д. Сухомлинов. Он сообщал о встречах с бывшими учениками и учителями и подписывался «Ваш Сухомлиныч». Много писем мама с папой получали от В.А. и Н.С. Кублицких. Первым не стало папы, а вскоре и Владимира Амвросиевича. Надежда Степановна делилась с мамой своими новостями и мыслями. Мне запомнились такие ее слова: *«Порой думаю, какое у нас было тогда в Норильске тяжелое положение, а теперь кажется, что была счастливая жизнь!».* Н.С. Кублицкой не стало в 1971 году.

Во Владивостоке папе почти ежегодно выделяли путевки в военный санаторий или дом отдыха. Льготную путевку, как член семьи офицера в отставке, могла получить туда и мама, и родители почти всегда отдыхали вместе.

Когда Зоин муж Сорока Владимир Данилович бывал в командировках во Владивостоке, папа любил играть с ним в шахматы

ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...

После своего первого плавания, длившегося девять месяцев и двадцать дней и ставшего кругосветным, я, получив отпуск и приличные для меня деньги, решил посетить Норильск. Это было осенью 1962 года. В Норильске жили наши родственники по папиной линии, и они мне пообещали «стол и кров». Я очень хотел проплыть еще раз по Енисею на одном из новых теплоходов, но в сентябре билета я не смог достать. Полетел на самолете.

Норильск я и узнавал, и не узнавал. Появилось много домов, новые улицы шли в сторону медного завода. Жилые дома стали возводить панельными. Порадовали современные гостиница, бассейн, новые

Строительство нового профилактория на Вальке

школы. Я съездил на Валек, побродил и поснимал осеннюю тундру. Особенно меня поразили озера с чистой, но темноватой водой.

Жил я у двоюродной сестры Паши Унру (Бабиной), встретился со всеми двоюродными родственниками по папиной линии. В Норильске тогда жили Паша с мужем Андреем Унру, Виктор Бабин с женой Катериной, Надя с мужем Дмитрием Гончаровым, Зоя Шафранова (Бабина) с сыном Валерием, Геннадий Веревкин с женой. Все они с детьми «попали в кадр».

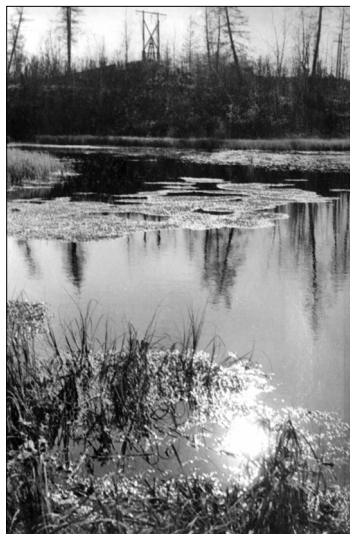

Родственники по папиной линии, у которых я жил в Норильске

Старшие доработали в Заполярье до пенсии, сейчас в Норильске живут и работают их дети и внуки.

С особым волнением побывал в родной школе, даже побывал на вечере. Школа была та же, а вот ученики и порядки в ней уже были «не наши». Да и танцевали школьники уже другие танцы. Вместо духового оркестра гремела через мощные усилители радиола.

Озера в окрестности Норильска

Прежних учителей я встретил мало: Л.В. Бузунову, З.И. Волкову, О.А. Элиадзе. Отдельная встреча была с Б.Д. Сухомлиновым. Из одноклассников увидел только с Юрой Левиным и Любой Близняковой. Она осталась такой же общительной. А Юра встретил меня как-то очень спокойно, хвалил свою работу, семью, а своего сынишку просто боготворил...

В Норильске поучаствовал в передаче местного телевидения. Я взял с собой фотографии о плавании вокруг света и об Антарктике. У меня сохранилась копия сценария моего выступления на семи машинописных листах. Передача называлась «По морям и океанам...». Я рассказал о первом промысловом рейсе

*Борис Данилович
Сухомлинов*

*Лидия Васильевна Бузунова (слева) и Зинаида Ивановна Волкова.
Норильск, сентябрь 1962 года*

Антарктической китобойной флотилии «Советская Россия». Плавание длилось почти триста дней, мы прошли через три океана и 15 морей, совершив кругосветное плавание...

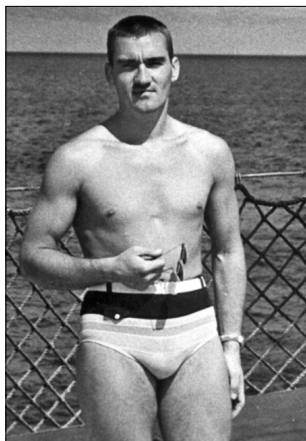
Меня представили как выпускника Норильской средней школы № 1, Действительного члена Географического общества СССР. На другой день мне позвонил Женя Беляков из параллельного класса...

Поездка моя в Норильск удалась, дома с нетерпением ожидали моих рассказов. Я подробно описал свой вояж,

Я в Сингапуре. На голове у меня пробковый шлем, чтобы не было теплового удара (один раз такой случай у меня был)

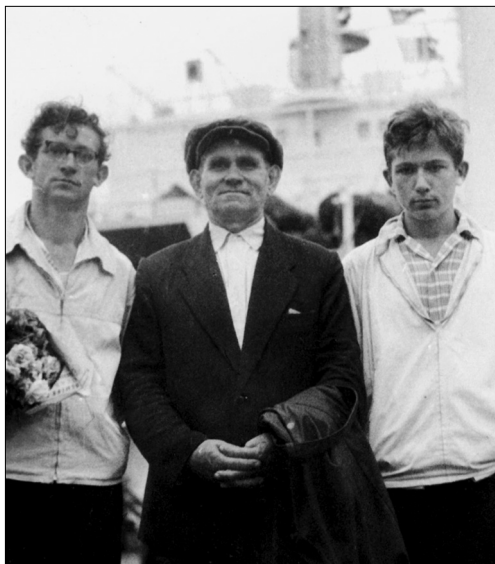
показал сделанные в Норильске фотографии. Вскоре я отправился в следующий длительный рейс в Антарктику. Всего я совершил на китобойной флотилии четыре рейса в Антарктику, несколько раз побывал в Сингапуре, Уругвае, Японии. Заработав нужный плавательный ценз, получил рабочий диплом судового электромеханика и со временем стал вторым электромехаником самой крупной в стране китобазы. Я обрел неоценимый опыт практической работы, увидел чуть ли не весь мир и, проработав на флотилии пять лет, перешел на работу в Дальневосточное высшее инженерное морское училище имени адмирала Г.И. Невельского, в котором работаю до настоящего времени.

*На экваторе принимаю
солнечные ванны после почти
шестимесячного пребывания
в Антарктике*

ВСЮДУ БЫЛА ЖИЗНЬ...

В сентябре 1964 года в санатории во время игры в городки папа почувствовал недомогание и обратился к врачу. Диагноз был жестокий: рак поджелудочной железы, жить ему оставалось несколько месяцев. Мне первому сказал об этом хирург военного госпиталя. Чтобы не показывать папе, что дела его безнадежные, мама решила, что мне нужно идти в рейс. Второго апреля 1965 года вдали от дома я получил от мамы страшную телеграмму о его смерти. Так завершилась папина жизнь. Двадцать лет своей жизни он отдал армии. Восемнадцать лет у него отняла жестокая сталинская система. Менее десяти лет всего он прожил по-человечески после реабилитации. Через несколько месяцев под колесами грузовика погиб шестилетний Юра, младший сын Зои. В больнице он

Борис, папа и Алеша ждут меня на причале из рейса. Папа меня встречал последний раз

умер на моих руках. Две смерти не могли не отразиться на здоровье мамы и Зои. В марте 1969 года скоропостижно скончался Зоин муж Владимир Данилович Сорока, капитан второго ранга. Его отец, председатель колхоза Д. Сорока, был расстрелян в 1937 году, что сильно отразилось на продвижении Владимира по службе, и что, в конечном счете, способствовало его раннему уходу из жизни (в 44 года).

В 1969 году я женился на Людмиле Васильевне Кулеш, которая закончила с отличием Московский педагогический институт имени Ленина и по распределению поехала в Приморье, где мы с ней и встретились. Дед Людмилы по отцовской линии П. Кулеш был крестьянином на Украине, репрессирован в 1937 году и погиб на Белом море: баржа с заключенными затонула (или была затоплена). В 2009 году мы с Людмилой Васильевной отметили рубиновую свадьбу (40 лет). Она преподает биологию во Владивостокском медицинском

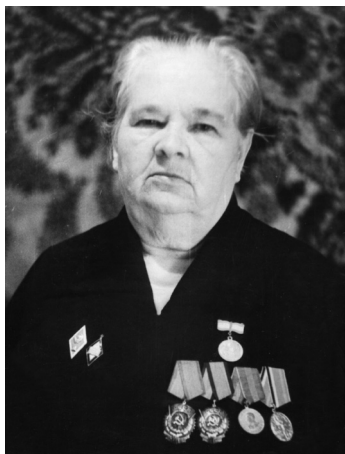
Людмила Васильевна Веревкина (Кулеш) и Владимир Федорович Веревкин

университете. Кандидат биологических наук, доцент. У нас двое детей: дочь Ольга окончила с отличием медицинский институт, сейчас с мужем и сыном живет и работает врачом в Киеве. Когда Ольга уезжала к мужу на Украину, еще никто не думал, что она станет заграницей. Сын Олег после окончания школы поступил в Морскую академию на специальность «Управление морским транспортом». Закончил с отличием морской университет и работает во Владивостокском порту. Сейчас ему 26 лет.

Мама нас покинула в 1980 году. По завещанию похоронили ее рядом с папой. В жестокое время мама сумела сохранить семью: воспитала и выучила пятерых детей, при этом сама трудилась с полной отдачей сил. Ког-

Семья Веревкиных

*Наша мама Верекина
Харитина Яковлевна в последние
годы жизни*

да диплом об окончании вуза получил самый младший сын Алеша, она с удовлетворением отметила в своих записках, что наконец-то выучила всех детей. Разница в возрасте между старшей дочерью Зоей и младшим сыном Алексеем составляла 22 года. Так что родителям пришлось нас учить практически всю жизнь.

Разбирая мамины бумаги, мы обнаружили письмо Зинаиде Ивановне Волковой, которое она не успела отправить. Мама старалась помочь ей пре-

одолеть депрессию от потери близких родственников. Она писала о своих дорогих потерях, убеждала, что живые должны ценить каждый прожитый день и вспоминала Норильск и тех, кто трудился рядом.

«Борис Данилович Сухомлинов умел заставлять работать до изнеможения, но умел и ценить людей. Я на него не в обиде. Когда в 1954 году меня представили к награде, Дудинка документы задробила из-за мужа и вернула их обратно в школу. Мне осталось только смириться с этим. Б.Д. с этими документами весной 1954 года поехал в Красноярск на краевое совещание, на котором присутствовала зам. министра просвещения Дубровина. Он добился аудиенции, рассказал обо мне и представил документы. Дубровина сказала: «Обойдемся без Дудинки». Взяла документы, увезла их в Москву, а в сентябре в Учительской газете был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении учителей орденами и медалями. В числе награжденных орденом Трудового Красного знамени к великому моему удивлению была и я. Сухомлинов ничего не сказал об истории моего награждения,

через год я узнала об этом от директора вечерней школы Добролюбова. Черняховского я помню хорошо по работе в 5-й школе в качестве преподавателя физики. Красивый мужчина, энергичный, деятельный. После моего отъезда он был зав. районо.

У В.П. Бахтиной умер старший сын Анатолий — большой начальник и специалист по строительству мостов. Страдал алкоголизмом. У О.Я. Шадринной два года назад умер муж. Сейчас она в Москве одна. Сын еще в Норильске, а дочь в Калининграде. А.Д. Илюшина в Москве, живет хорошо, молодожаво выглядит. Шадрину иногда навещает Доня Александровна... Жива ли Царева? О ней у меня никаких сведений».

Мама утешала Зинаиду Ивановну и возвращала ее в прошлое, когда они были молоды и полны благих порывов... «Время к старости бежит, а не идет... Но страха нет, а жить — хочется!» И она пишет о том, что ее интересует из книг, музыки, искусства...

Мы отправили письмо Зинаиде Ивановне Волковой с просьбой после прочтения вернуть нам его как память о маме. Она выполнила нашу просьбу, приложив свое письмо. Вот отрывок из него:

«Я встречала в юности настоящих большевиков, а из младшего поколения — это Харитина Яковлевна. Она была настоящим коммунистом, что на моем веку встречалось не часто (больше для формы, карьеры, выгоды). Перед такими людьми, как она, надо преклоняться...

И последнее. Володя! В жизни мои взгляды менялись и отшлифовывались на разных ее этапах. И вот последнее мое убеждение: какая бы ни была женщина красавица, умная, ученая, в итоге она будет гордиться только своими детьми. И поэтому итог Харитины Яковлевны: она воспитала чудесных пятерых детей и, конечно, была горда вами всеми. Это получилось, потому что был рядом хороший яркий пример ее самой. Счастливы дети, имея такую маму! Желаю успехов в науке, счастья. Привет всем!

З.И. Волкова. 20 июля 1980 г.».

На глобусе нет ни одной значительной линии, которую я бы неоднократно не пересекал: экватор пересек 14 раз, причем два раза я пересек экватор в день своего рождения, на что последовала шутка, что 50 лет для меня — только экватор жизни. Очень хотелось бы, чтобы так было. Я побывал во всех океанах и многих морях. Посетил тридцать стран, не считая республик СНГ. Да, мне в жизни повезло, потому что я этого очень хотел. И для этого много трудился. Повезло мне и с родителями, и со своей семьей. Наверно, мое везение перешло ко мне от родителей, которым такой удачи не досталось: их жизнь невозможно назвать благополучной. Но они приложили все силы, чтобы мы, пятеро детей, получили высшее образование и состоялись в жизни как личности.

Так получилось, что наша семья (папа, мама и все пятеро детей) ни разу при жизни обоих родителей не собралась вместе. То папа был в заключении, то

Впервые вся семья, но уже без папы собралась на мамино 70-летие 5 октября 1976 года. Мама в центре, слева от нее Зоя, справа Лена. Стоят (слева направо): братья Владимир, Борис, Алексей Веревкины

Второе в истории семьи полное собрание детей Веревкиных в 2000 году по случаю двадцатилетия маминой кончины. Через пять лет мы встретились в третий раз

когда в Норильске родился Алеша, не было Зои (училась). Когда Зоя дважды приезжала в Норильск, я в это время был в «Таежном». Потом я надолго уплывал в Антарктику, а потом умер папа.... Вот так ни разу все и не собрались.

С переездом дочери Ольги в Киев у нас установились регулярные встречи с Августой Александровной Федотовой, которая в нашем десятом была классной руководительницей, а также с одноклассницей Аллой Бузаковой (теперь Лукиной). Это именно Алла заочно свела меня с Галиной Ивановной Касабовой, которая меня подвигла к написанию этих строк. Августа Александровна говорит, что когда мы встречаемся, она молодеет лет на пять. Она очень хорошо помнит моих родителей, таких людей остается все меньше...

Как-то я решил в связи с 50-летием окончания школы написать письмо в свою родную школу. Мне

Встреча в Киеве бывших норильчан. Слева Алла Бузакова (Лукина), в центре Вережкин Владимир, справа Августа Александровна Федотова

пришел ответ от директора школы № 1 Галины Гавриловны Дрюцкой. Она поблагодарила за письмо и попросила присылать для школьного музея какие-нибудь материалы, что я и делал несколько раз, пересылая их Жанне Валерьевне Переяславец.

Вережкин Владимир Федорович, бывший норильский школьник

Я очень благодарен своей Норильской школе № 1: коллективу прекрасных учителей, своим одноклассникам. Я считаю, что я учился в самой лучшей школе. Многим, что достигнуто мной в жизни, я обязан родителям и школе.

Есть у художника Ярошенко картина

«Всюду жизнь». На ней изображена арестантская семья сквозь зарешеченное окно вагона. Она наблюдает за голубями, вольными птицами. В Норильск мы попали не по своей воле. Мы, дети, видели и понимали, что там происходило. Все ужасы лагерной жизни в Норильске описали те, кто через это прошел. И в лагерях и «на воле» продолжалась жизнь со всеми ее радостями и противоречиями. Всюду была жизнь... Но какая?

УТОЧНЕНИЯ

В книге одиннадцатой издания «О времени, о Норильске, о себе...» опубликованы воспоминания Аллы Бузаковой-Лукиной (стр. 490–543), в которых есть неточность, касающаяся Александра Ивановича Душина, с которым Алла Михайловна Лукина проработала на одной кафедре Мордовского университета в г. Саранске. Талантливый биолог был осужден по политической 58-й статье, реабилитирован, о нем в **книге девятой** нашего издания вспоминает медик Зигурд Людвиг, тоже прошедший норильские лагеря. Александр Иванович Душин прожил 77 лет и умер в 1983 году в Саранске, где в 2007 году факультет университета отметил его 100-летие со дня рождения.

Кроме даты смерти А.И. Душина в этом же материале есть еще одна неточность, бытовая, о доме, в котором жил А.В. Белокопытский — начальник рудника 7/9. Этот дом на Октябрьской площади, в котором и ныне располагается библиотека технической литературы, известен всем норильчанам. К нему примыкало общежитие ИТР, а в другом крыле дома в двухкомнатной квартире жил А.В. Белокопытский. Это важно напомнить норильчанам, которых такие детали побуждают к самым разным воспоминаниям о далеких годах, о молодости...

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авдеев П.	521
Аграновский А.	334
Акантьев А.И.	555
Акулов Г.Г.	149
Акулова К.В.	155
Александров Г.	469
Александрова А.	516–517, 522
Алешин А.	470, 480–481
Алтухов Г.	618
Амелин А.	469
Амелин Н.	584
Ангельский С.	488
Аникин А.Ф.	150
Аношко М.	187
Анциферова Р.	19
Ассанов И.	464
Афанасьев П.М.	159
Ахметчина Л.	523

Б

Бабаянц В.	<i>517–518</i>
Бабуадзе М.	<i>585</i>
Баев А.А.	<i>17</i>
Баканова Г.	<i>513</i>
Балякин Б.	<i>467, 470</i>
Банашкевич Слава	<i>579</i>
Бахтина В.П.	<i>19, 633, 643</i>
Башук Н.И.	<i>478</i>
Беднов В.	<i>19</i>
Белиходзе Л.Ш.	<i>158</i>
Белоглазова С.С.	<i>162</i>
Белявский Л.	<i>501–502, 505, 507, 518, 524</i>
Березина Л.	<i>512</i>
Берлин С.Г.	<i>600</i>
Близнякова Л.	<i>586, 605, 637</i>
Блинов Ю.	<i>455</i>
Богданов П.	<i>145, 148, 152</i>
Богданова Н.П.	<i>172</i>
Богославцев А.	<i>481</i>
Бойцов	<i>469</i>
Бондаровская С.Б.	<i>157</i>

Борисов Г.А.	159
Бороденко Г.	489, 491
Брейтман Н.	586, 605, 622
Брилева А.А.	10
Брилёв С.	610
Бударгин О.М.	523
Бузакова А.	586, 605, 645–646
Бузунова Л.В.	585, 605, 611, 637–638
Буре В.	148, 336

В

Валенская Н.	507–508, 516, 524
Валентинов В.	491
Валуев В.	584
Васильев В.	19
Величко Т.	19, 615
Вешняков М.Н.	592, 600–601, 605
Веревкин В.Ф.	7
Веревкина З.Ф.	7
Веревкина Х.Я.	19
Виробян Р.А.	156
Волкова В.И.	633, 638, 643
Волох Д.А.	19, 586
Волочкова Н.	79

Волошин Д.К.	159–160
Вунгис	490
Высотина Л.	586, 605

Г

Галеркин С.	491
Ганин Д.	521
Гвиашвили В.	481
Гельфанд Е.	499, 501
Гергард С.	512
Гершунов Г.	617
Гирбасов В.	585
Гитгарц А.Л.	164
Герасин Е.Н.	222
Гирбасов	107
Глушков А.	522
Головин В.Д.	497
Голубев И.	586
Голубцова Н.И.	593, 605
Гольдбрейх В.	601, 605
Гольман Б.	498, 505
Гончаренко А.	455
Горбань Н.	19

Гордиенко Г.	155
Горин Е.	497
Гребень Ю.	502, 505
Губерман Ю.Д.	10
Гурфинкель В.	518

Д

Данилов Л.И.	164
Делюков	489
Демкина Н.Н.	153, 156
Денисов Н.	481
Дзуцев Т.З.	159
Дзюба Л.	19
Дмитриев Г.	596, 606, 616, 618
Добровольский В.	584
Добряков В.	586
Долгих В.И.	4, 85, 540
Дорофеев В.	481
Дрычкова Л.	605, 621
Дрюцкая Г.Г.	645
Дугман С.	19
Дягилев С.В.	591
Дягилева Е.	591

Е

Евзеров М.И.	5
Евстратова Е.	499–500
Егоров В.Н.	594–596
Егоров Ю.	585
Елизарова М.	149
Ерисович А.	19

Ж

Жаренов Б.	19
Жженов Г.С.	462–463, 465–466, 496–498
Жильницкая	341
Жмурко П.	153
Журавлева О.М.	555

З

Завенягин А.П.	333, 336
Зайкаускас Л.	515, 518
Зайцев И.	153
Захаров Ю.	617

Захарова Т.Н.	25
Захряпина Н.	150
Зверев В.С.	452, 559
Зверева Г.	584, 586–587, 606
Зеленская	190
Знаменский С.В.	17
Зобнина В.А.	555
Зорин А.Д.	153
Зубцова Д.С.	17
Зыков А.	505–506, 508–514, 520
Зырянов В.	476–477

И

Иваницкая К.З.	588
Иванов М.С.	145
Иванова Л.	148
Иванова-Забрамная Л.А.	172
Игольников С.	518, 521
Иевский	574
Изместьев А.Г.	555
Илюшина А.Д.	584, 594, 643
Илюшина А.Я.	19
Индриков А.	481

Ионц И.А.	156
Иоселиани	157

К

Каверин Н.	521
Каграманов	519, 522
Казазанцева Н.	149
Кайгородова Н.	149
Калачинский	341
Калмыков А.А.	169
Капланян Э.	586, 605
Караваев В.	503
Карасева А.	149
Каратаев Г.	584, 586, 605, 627
Касаткин К.	586, 591, 605, 627
Касаткина А.П.	633
Качурина И.М.	5
Кашеварова А.Н.	633
Кириянов В.	479
Кисилев С.	479
Клавдиев Ю.М.	497
Клюжина В.И.	555
Кобыленко В.	455, 477

Коган Л.	604
Козловский В.И.	339
Козырева Т.	149
Колесников А.В.	469
Кольба Г.В.	172
Комаров А.	19
Коркин П.	491
Коркунова Д.	19
Коровин Ю.	605
Король В.	455
Кошелев А.	505, 512, 514–515, 521
Красницкий Е.К.	159
Кривобокова Н.	19
Кропивко Н.	188
Ксенюк А.	521
Кублицкий В.А.	569–571, 633
Кулагов Э.	172
Кузнецов А.П.	546
Кузнецов В.А.	17
Куликова Е.	593
Кутасина	468
Кузьменко Е.	521

Л

Латышев В.	504
Левашов В.	505, 514
Левин Ю.	582, 586, 605, 613, 618, 637
Левин Э.А.	572–573
Левина А.	19, 614
Лесина С.А.	553
Ликверман	19
Лозовой К.И.	157
Локтионова В.	187
Лосев В.	152
Лукина А.М.	10
Лукьянов В.К.	461, 468, 499–500, 591
Луценко Л.	19
Львов А.Л.	9, 16–17, 28

М

Макаров В.	580
Макарова А.Б.	181, 189
Макарьева Т.	149, 152

Макухина Ф.И.	338
Малицкий О.Н.	162, 170
Мартова И.И.	526–541
Мартьянов С.Д.	569–570
Маслаков В.	455
Матяев Ф.	586, 605
Мейер Р.	19
Меньшиков А.А.	555
Механик В.П.	10
Мещанинова А.	149
Милешкин А.	477
Мильман Э.А.	25
Митина В.Ф.	172
Мишина В.	469
Мокиенко	469
Мокров М.	507, 511
Мороз Г.	187
Мосина Н.	149, 152
Мсоева З.К.	
Муравенко Л.И.	172
Мухина Е.И.	19, 605
Мылко В.	19
Мюнценмайер Г.	470

Н

Надеждина Н.	469
Неволина Е.	491
Неделин Г.Н.	546
Некрасова Н.	149
Ненарокомов Ю.Ф.	162
Непарадо Т.	150
Нижегородов П.С.	145
Никифорова Н.А.	172
Никишин	158–159
Никулина А.	149
Новак М.Е.	573
Нови С.	19
Новикова Ю.	519

О

Олющак В.	481
Омаров А.С.	164
Ометов С.М.	159
Оника В.	516, 522
Осипов И.Д.	480
Оскирко В. и Н.	577–578

П

Павлов В.В.	543–555
Павлов Б.С.	158
Павлова Г.И.	555
Панюков А.А.	339, 341, 343–344, 346, 489
Перекрестюк А.	149
Перепечина В.В.	172
Першина Э.	585, 605
Пестрякова В.	19
Петрошук	190
Пихлак А.А.	14–16
Пластун Л.	147
Подольский Б.	585, 605
Поликарпов	341
Полищук В.И.	10, 537, 543
Полищук Н.К.	555
Попов О.	582, 586, 605
Попова Л.	148
Пословин В.	19
Потехина Л.	513
Почекутов Е.Н.	610
Пронникова Л.Д.	523

Прохоров А.	331
Пчелкин Г.А.	158

Р

Рабинкова Т.С.	162
Работина С.Н.	145
Рассадин В.О.	17
Ребрий С.	506, 510–511, 513, 519–522
Реутов Н.	511
Решетников В.	506–509, 511
Родионов В.	616–617
Родионов В.Е.	17, 336, 338, 604
Ройтер В.	596
Романенко Е.А.	555
Романенко М.	149
Романов Н.И.	145
Романова Л.А.	26
Ростовцева Л.	149
Ростовых В.	479
Рохимов С.П.	553
Румянцева Т.	616
Русинова Т.	591
Рытьков Н.Н.	497

С

Савченко А.	586, 591, 605
Сагайдак Д.	331
Сарина П.	149
Сафранович И.	189
Сафронец Г.	616, 619
Свистунова А.	469
Семиошко В.М.	164
Сергеев С.С.	555
Сергеева А.	149
Серов	341
Сигоченко Е.	172
Силаева А.И.	164
Скалигера Л.	584
Слепов М.	469
Смирнов С.М.	338, 341
Смоктунувский И.М.	463, 494–495
Соболев Н.	168
Солдатова М.	149
Солдатова Н.	149
Соловьев С.Д.	13

Сорокин Л.	<i>506, 509–510, 512, 514</i>
Сорокин М.П.	<i>158</i>
Сотников А.А.	<i>17</i>
Стариков Л.	<i>19</i>
Стеблянко С.А.	<i>172</i>
Султангареева Н.	<i>149</i>
Сухомлинов Б.Д.	<i>19, 583, 586, 600, 633, 637, 642</i>
Сухоруков	<i>336</i>

Т

Тагаев Г.	<i>491</i>
Терскова З.	<i>469</i>
Тимофеев Ю.	<i>584, 605, 618</i>
Титова А.	<i>509, 511, 522–523</i>
Тихомирова З.Ф.	<i>592</i>
Толоконников М.	<i>479</i>
Томашевич Н.	<i>19</i>
Трушкин Ю.А.	<i>526–541</i>
Туманишвили З.И.	<i>9, 621, 627</i>
Туманишвили М.К.	<i>10, 586, 605</i>
Туровцева С.Ф.	<i>172</i>
Тягичев В.	<i>370</i>

У

Урванцев Н.Н.	10, 17, 127, 130, 288
Урусова Э.Ю.	497
Усевич И.В.	586, 605, 614
Усевич М.	584, 587, 606, 625

Ф

Фалалеев В.	153
Фалин	341
Фаюткина Ф.	586, 605
Федоров В.	19
Федоров О.	522, 524
Федоровский Н.М.	11, 150
Федотова А.А.	585–586, 645–646
Филатов А.В.	549
Филатова Н.М.	555
Филипов А.	458
Фишман Е.Г.	633

Х

Ходес В.	455, 477
Холина Т.	19

Ц

Царева Н.И.	19
Цитцер В.	473–474
Цукрман Д.	19
Цыбульская Н.	149
Цыкоев К.	147

Ч

Чалкин С.	153
Чанчиков В.А.	10
Чашин К.И.	156
Черепанов В.	455
Черкашин А.	523
Чернышев А.	504
Черняховский Г.В.	454
Чижова Т.	149
Чунтонова В.А.	555

Ш

Шабуров В.	164
Шавский	334

Шадрина О.Я.	19, 633, 643
Шаройко А.Е.	162
Шелагин М.	491, 495, 499, 500
Шендерович Л.	19
Шереметев Ю.	479
Шестаковская С.В.	172
Шишкин И.З.	168
Шмаков С.	523
Шмитд К.П.	158
Шмитд Ф.Г.	156
Шрамов В.М.	553

Щ

Щеглов С.Л.	10–11
Щеголев А.	469
Щербаков Б.	455

Э

Элиадзе О.А.	637
Эллерберг	479
Эпштейн И.	333

Ю

Юдаев	<i>462–463</i>
Юровская Е.	<i>491, 495–496, 500</i>
Юрьева Т.	<i>19</i>

Я

Ямских К.	<i>153</i>
Янковский К.	<i>477</i>
Ярутин П.Я.	<i>159</i>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i>	3
<u>Трофим Гармаш:</u>	
«Норильская история».....	21
«Шесть июней XX века»	76
«Мороз в... валенках».....	88
«Из семейного архива»	90
<u>О Трофиме Яковлевиче Гармаше</u>	
<u>рассказывают норильчане:</u>	
Анатолий Львов: «Трофим Гармаш, историк и солдат»	94
Ирина Перфильева: «Человек, решивший поспорить с судьбой»	116
Павел Волчков: «На телеэкране — две норильские знаменитости»	127
Лидия Смирнова: «Считаю себя и членов моей семьи жертвами политических репрессий...»	132
Дора Зубцова-Бляхман: «Моя мама, удивительная, умная и замечательная женщина, смогла выдержать все невзгоды и ужасы лагерей и — победила!»	176
<u>Малоизвестное о жизни легендарных северян А. Сотникова и Н. Урванцева:</u>	
Нина Предтеченская: «В 1919 году в Томске вышла брошюра Александра Сотникова...»	206
Николай Урванцев: «У истоков Норильска».....	222
Александр Шекшеев: «Трагедия Сотникова — атамана и полярника»	240
Трофим Гармаш: «По следам рудного камня».....	286

Алексей Александрович Баев: «Это только документальные свидетельства о жизни моего отца Александра Александровича Баева»	292
Сергей Щеглов-Норильский: «Позже, изучая биографию Федоровского, встречаясь с его родными и друзьями, я понял, что он — сильная личность огромного масштаба»	380
Владимир Рассадин: «Норильск для меня стал тем фундаментом, на котором я смог построить свою жизнь»	428
Валентина Вачаева: «Уверена, что Норильский Заполярный театр сыграл не последнюю роль в судьбе его зрителей...»	486
Из семейных архивов норильчан	525
Владимир Полищук: «Вспоминая Василия Васильевича Павлова...»	542
Владимир Вережкин: «Норильская сага о моей семье»	556
Уточнения	648
Именной указатель	649

Литературно-художественное издание

О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

Редактор-составитель
Г.И. Касабова

Корректоры
А.Д. Чайка
П.М. Смирнов

Компьютерная верстка
О.Г. Егин
Н.А. Свиридова
П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «ПолиМЕдиа»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 18, стр. 1
Наш электронный адрес:
e-mail: polymedia@list.ru

Подписано в печать 05.05.2012. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 21,0 печ. л.
Заказ № .
Тираж 600 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Для заметок